

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
Минский государственный лингвистический университет

УНИВЕРСАЛЬНОЕ И НАЦИОНАЛЬНОЕ В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Сборник научных статей по итогам
IV Международной научной конференции

Минск, 24–26 октября 2019 г.

В двух томах

Том 2

Минск
МГЛУ
2023

УДК 81
ББК 81.0
У59

Рекомендован Редакционным советом Минского государственного лингвистического университета. Протокол № 5/66 от 12.12.2022 г.

Редакционная коллегия: Р. Ф. Сахарова (*ответственный редактор*), Н. Е. Лаптева, Н. В. Фурашова

У59 **Универсальное и национальное в языковой картине мира** : сб. науч. ст. по итогам IV Междунар. науч. конф., Минск, 24–26 окт. 2019 г. : в 2 т. Т. 2 / редкол.: Р. Ф. Сахарова (отв. ред.) [и др.]. – Минск : МГЛУ, 2023. – 257 с.

ISBN 978-985-28-0211-6 (Т. 2)
ISBN 978-985-28-0047-1

В сборнике освещаются вопросы универсального и культурно обусловленного компонента в картинах мира, зафиксированных языками в художественных произведениях, в разных типах дискурса, в лексиконе и грамматике; рассматривается роль сходств и различий языковых картин мира в межкультурной коммуникации и переводческой деятельности.

Предназначено для специалистов в области лингвистики, преподавателей иностранных языков, а также аспирантов гуманитарных специальностей.

УДК 81
ББК 81.0

ISBN 978-985-28-0211-6 (Т. 2)
ISBN 978-985-28-0047-1

© УО «Минский государственный
лингвистический университет», 2023

ПРЕДИСЛОВИЕ

В рамках IV Международной конференции «Универсальное и национальное в языковой картине мира», 24–26 октября 2019 г., исследователи в очередной раз обратились к проблеме соотношения универсальных аспектов, лежащих в основе языков и национально / культурно обусловленных, предопределяющих их специфику. Статьи, представленные в сборнике, отражают результаты исследований универсального и культурно обусловленного компонента в картинах мира, зафиксированных языками в художественных произведениях, в различных типах дискурса, на разных языковых уровнях. Внимание уделяется и прикладному аспекту перечисленных теоретических проблем – роли сходств и различий языковых картин мира в межкультурной коммуникации и переводческой деятельности. Объектом изучения исследований, представленных в статьях, был целый ряд языков: английский, белорусский, китайский, немецкий, польский, русский, словацкий, турецкий, украинский, французский, причем особый лингвистический интерес представляет сопоставительный аспект их исследования.

Сборник содержит материалы выступлений 38 участников конференции из четырех стран (Беларуси, России, Словакии, Украины), как авторитетных ученых, получивших признание в лингвистическом сообществе, так и исследователей, находящихся в начале научного пути и поиске методов и способов решения поставленных задач в изучении разных сфер языка.

В материалах представлены новые, актуальные трактовки разных феноменов языка, а также новые методы лингвистических исследований. Это послужило причиной активного интереса к представленным на конференции докладам со стороны не только участников конференции, но и просто слушателей – преподавателей, аспирантов, магистрантов и студентов. Полагаем, что материалы, представленные в сборнике, не только дадут читателям возможность получить информацию об актуальных лингвистических исследованиях, расширят их научный кругозор, но и станут основой для рождения новых взглядов, идей и направлений исследований.

Редколлегия

И. И. Абдулганеева
Казань, Татарстан

МЕЖЪЯЗЫКОВАЯ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ЛАКУНАРНОСТЬ (на материале русского и немецкого языков)

В статье рассматривается явление межъязыковой словообразовательной лакунарности при сопоставлении коннотативных формантов русского и немецкого языков; полевая модель позволила сопоставить коннотативные форманты русского и немецкого языков и наглядно продемонстрировала их лакунарный характер в деривационной системе немецкого языка, обусловленный национально-специфическими и ментальными особенностями репрезентации языковой картины мира носителями немецкого языка.

Ключевые слова: межъязыковая лакунарность; словообразовательная лакунарность; словообразовательный формант; коннотативная морфема; лакунарная единица; полевая модель.

I. I. Abdulganeeva
Kazan, Tatarstan

INTER-LANGUAGE WORD-FORMING LACUNARITY (Russian and German)

The article deals with the phenomenon of inter-language word-forming lacunarity when comparing connotative formants of Russian and German; Field model made it possible to compare connotative formants of Russian and German languages and clearly demonstrated their lacunar character in the derivation system of German language, due to national-specific and mental peculiarities of representation of the language picture of the world by speakers of German language.

Key words: inter-language lacunarity; word-building lacunarity; word-forming formant; connotative morpheme; lacunar unit; field model.

В свете современной лингвистической парадигмы обращение к исследованию явления лакунарности в языковой системе и языковой картине мира осуществляется с позиции различных научных подходов и концепций, являясь одним из самых приоритетных направлений как в отечественной, так и в зарубежной лингвистике [1; 2; 3; 4; 5; 6].

Специфика и универсальность категории лакунарности определяется тем, что она может носить внутриязыковой и межъязыковой характер. Межъязыковая лакунарность обнаруживается при сопоставлении различных культур, языков и служит для означивания различного рода проявлений межкультурного различия или межкультурного расхождения.

Астрид Эртельт-Виет [7] и Павел Донец [8], рассматривая явление лакунарности, разделяют лакуны и символы и соответственно лакуны и уникалии. В отличие от символов (знаков), лакуна означает некий пробел в тексте или коммуникативной ситуации, это то, что отсутствует, или то, что отличается и обусловлено экстралингвистическими факторами или внешней перспективой. Внешняя перспектива в этом контексте означает, что лакуны

всегда возникают между культурами или субкультурами [9, S. 27]. Отечественные исследователи З. Д. Попова и И. А. Стернин рассматривают данное явление с позиции значения эквивалентности перевода и указывают на то, что в результате неполной эквивалентности денотативных семем разных языков создается такое явление, как лакуна – отсутствие в одном из языков, сопоставляемых между собой, наименования того или иного понятия, имеющегося в другом языке [10, с. 209].

В нашем исследовании специфика явления лакунарности определяется сквозь призму сопоставительного изучения словообразовательных систем разноструктурных языков, а именно русского и немецкого языков.

Словообразовательная концептосфера каждого языка – это уникальный когнитивный феномен, обладающий определенным инструментарием, который отражает эксплицитно и / или имплицитно тончайшие процессы и механизмы национально-специфической репрезентации языковой картины мира того или иного народа, нации. Словообразовательные возможности репрезентации различного рода коннотаций указывают на различия и сходства в словообразовательных системах разноструктурных языков, обуславливая тем самым практическую значимость и актуальность в вопросах переводоведения. Обращение к способам перевода или нахождения эквивалентных соответствий лакунарных единиц обретает в этой связи особую значимость.

В русле нашего исследования на сегодня остается комплексной проблема элиминирования лакунарных единиц, образованных посредством словообразовательных формантов интенсификации, или коннотативных морфем. Следует пояснить, что под словообразовательными формантами интенсификации (СФИ) или коннотативными морфемами в настоящем исследовании понимаются форманты, выражающие широкий спектр эмоционально-оценочных коннотаций (ирония, пренебрежение, одобрение, снисходительность, фамильярность и т. д.) и служащие реализации экспрессивно-интенсифицирующей функции языка. Существующие трудности при стремлении достичь эквивалентности в процессе элиминирования разнообразных типов лакун, по нашему мнению, имеют в своей основе прямую взаимосвязь с необходимостью определения возможностей языковой трансляции всех имеющихся и поддающихся анализу коннотативных оттенков лакун, которые в содержательном плане позволяют отразить национально обусловленные и ментально-специфические звенья культурно-языкового сознания конкретных носителей определенного языка.

Итак, материалом исследования послужили субстантивные дериваты русского языка, образованные посредством СФИ и их аналоги в переводах на немецкий язык. В ходе исследования применен метод сплошной выборки материала из произведений классиков отечественной (русской) художественной литературы, отдельных представителей современной российской прозы нового времени, а также их текстов в немецком переводе. Кроме того, рассматривались корпусные данные Национального русского языка. Всего

проанализировано свыше 2 500 единиц. Следует уточнить, что верифицируемость выдвинутых выводов и положений возрастет при большем охвате материала.

К несомненным культурно-семиотическим маркерам наименований лиц современного русского языка необходимо отнести разнообразие структурно-морфологических способов выражения самых различно маркированных обращений. Существуют формы обращений к лицам, которые состоят в родственных отношениях, выступают родителями или родственниками, в том числе и не узувального характера, отражающие многочисленные оттенки отношений, от одобрительного до уничижительно-пренебрежительного. В разговорной, художественной речи широко используются обращения, спектр коннотаций которых эксплицирован зачастую суффиксальными морфемами.

В немецком языке, применительно к рассматриваемому языковому явлению, наиболее употребительными и, соответственно, распространенными выступают обращения, которые носят нейтральное значение. При этом эмоционально-экспрессивный характер пейоративного или мелиоративного значения, в зависимости от имеющегося контекста, производному слову могут придать суффиксы существительных среднего рода *-chen* и *-i*, самым употребительным суффиксом в немецких аналогах выступает *-chen*. Например: – *Бедность не порок, дружнице, ну да уж что!* [11] / *Armut ist keine Schande, **Freundchen**, was fängt man aber mit dir an!* [12].

В нижеприведенном примере продемонстрировано лакунарное явление. В немецком переводе элиминирование национально-коннотативного компонента деривата со СФИ *батянька* отсутствует. В лексикографических источниках русского языка зафиксировано слово *батенька* с суффиксом *-еньк* с пометами *разг.*, *простореч.*, *фам.*, форма *батянька* также является стилистически маркированной и употребляется в разговорной речи. Немецкое соответствие *der Vater* ‘отец’ имеет нейтральное значение: – *Батянька прислал, чтоб скорей шли к косе* [13, с. 102] / *Vater lässt sagen, ihr sollt rasch zur Landzunge kommen* [14, S. 98]. Данный пример является одним из случаев лакунарности в немецком языке, когда коннотативное значение русского СФИ не компенсируется не только средствами словообразовательного, но и других уровней немецкого языка.

В немецком переводе деривату *головашка* соответствует лексическое сочетание *mein tapferer Soldat* ‘мой храбрый солдат’, элиминирование на словообразовательном уровне отсутствует: *Свет ты мой, Иван Кузмич, удалая солдатская головушка!* [15] / *O, du Licht meiner Augen, Iwan Kusjmitsch, mein tapferer Soldat!* [16].

Трудности элиминирования субстантивных дериватов с СФИ при переводе с русского на немецкий язык возникают по причине того, что денотат в узусе переводного языка присутствует сам по себе (в случае если речь не идет об абсолютных лакунах, национально-специфических реалиях и т. д.). Однако отсутствуют эквиваленты, выражающие дополнительное коннотативное значение, передаваемое СФИ русского языка. Следовательно, явление лакунарности в словообразовательном инструментарии немецкого языка обуславливает наличие лакун по отношению к производным единицам рус-

ского языка, образованным при помощи словообразовательных формантов и отмеченным эмоционально-оценочной и функционально-стилистической маркировкой. Вслед за Д. М. Макаровым мы расцениваем подобную лакуну как «эмотивную», как «любое эмоционально маркированное несовпадение, выявленное при сопоставлении процесса интерлингвокультурной коммуникации» [17, л. 26].

Важно подчеркнуть, что приемы элиминирования русских дериватов с СФИ направлены в первую очередь на безусловное обеспечение художественно-смысловой равноценности переводного текста на немецкий язык соответствующему оригинальному тексту. Полученный итоговый инвариант перевода текста художественного произведения, который содержит дериваты с СФИ, должен апеллировать к сознанию реципиента языка перевода, учитывая сложившиеся реалии окружающей его действительности, культурно-историческое пространство, особенности языковой картины мира. Однако существующее многообразие переводческих приемов никак не соотносится с фактическим отсутствием однозначного словообразовательного соответствия в языке перевода. В результате этого в практической деятельности с целью нахождения аналога нередко прибегают к процессу элиминирования, который рассматривается как один из наиболее эффективных способов реализации существующих механизмов разрешения межъязыковых противоречий и достижения искомой эквивалентности при переводе лакунарных единиц.

В ходе проведенного исследования практического материала выявлены способы элиминирования русских дериватов со СФИ при переводе на немецкий язык: лексический, синтаксический и элиминирование с помощью фразеологических единиц, а также сочетание разноуровневых средств элиминирования дериватов с СФИ. Например, немецкими аналогами русских дериватов с СФИ могут выступать единицы словообразовательного, лексического, фразеологического уровней: *-ин* – сложное слово (*дурачина* – *ein Dummkopf* ‘глупец, болван’), *-ин* – словосочетание (*кобелина* – *der liederliche Mensch* ‘распутный человек’), *-еха* – фразеологическая единица (*дуреха* – *du dumme Gans* ‘дура, дуреха’). При этом, например, суффикс *-онк*, выражая отрицательную коннотацию, может иметь разноуровневые соответствия: сложное слово (*душонка* – *Du Dreckseele* ‘черная душа’); синтаксическая трансформация (*Du Nichts* ‘ничтожество’).

Для систематизации русских СФИ и их немецких аналогов нами было разработано поле интенсификации русского и немецкого языков. Функционально-семантическая природа словообразовательных формантов интенсификации позволяет организовать и систематизировать их в полевую структуру с выделением ядерной и периферийных (ближней, средней и дальней) зон. При сравнении поля интенсификации русского и немецкого языков наглядно указывается на тот факт, что русский язык обладает количественным преимуществом словообразовательных формантов, которые выражают в тексте дополнительные коннотации и которые по своим функционально-семантическим характеристикам зачастую не имеют аналогов в словообразовательной системе немецкого языка.

Все участки поля интенсификации русского языка заполнены суффиксальными формантами, тогда как в поле интенсификации немецкого языка мы можем наблюдать, что их аналогами могут выступать единицы различных уровней. В свою очередь в немецком языке соответствиями русских коннотативных морфем являются в большинстве случаев единицы лексического уровня – 38,08 %; словообразовательные средства – 27,8 %; сочетание разноуровневых средств – 21,84 %, единицы синтаксического уровня – 3,92 %, единицы фразеологического уровня – 3,56 %, лакуны (отсутствие элиминирования единицами какого-либо уровня) – 4,8 %. Полевая модель, приведенная нами в исследовании, способствовала выявлению и наглядной иллюстрации наличия межъязыковых словообразовательных лакун, а также позволила выделить существование такого явления как межъязыковая словообразовательная лакунарность. Таким образом, межъязыковая словообразовательная лакунарность представляет собой отсутствие в переводном языке при поиске межъязыкового соответствия словообразовательного средства, эквивалентного по функционально-семантическому потенциалу словообразовательному форманту исходного языка [18, с. 8].

Анализ теоретического и практического материала по сопоставлению словообразовательных систем русского и немецкого языков, а именно сопоставление коннотационных морфем позволил нам ввести понятие *словообразовательная лакунарность*. Словообразовательная лакунарность обусловлена различиями наличия и функционирования коннотационных морфем в словообразовательных системах сопоставляемых языков: русский язык богат дериватами, образованными при помощи СФИ, которые зачастую не имеют равноценных семантических аналогов в деривационной системе немецкого языка.

Применение полевого моделирования дало возможность систематизировать коннотативные морфемы русского языка и их аналоги в немецком языке в зависимости от степени актуализации различных коннотаций, расположив их в поле относительно ядерной и периферийной зон. Выявленные в настоящем исследовании немецкие соответствия отражают специфику языковой картины мира немецких носителей языка, которые воплощаются в неоднозначной словообразовательной и в большей степени лакунарной природе выражения русских коннотативных морфем разноуровневыми и межуровневыми средствами.

Таким образом, межъязыковая словообразовательная лакунарность проявляется как наличие межъязыковых лакун, кроющихся в отношениях между единицами словообразовательного и других уровней. Межъязыковая словообразовательная лакунарность указывает на расхождения в категоризации языковой картины мира носителями русского и немецкого языков, высвечивая национально-ментальные аспекты в системе языке, с одной стороны, и обладает универсальностью (наблюдается на всех уровнях языка, носит внутрисистемный и межъязыковой характер), с другой стороны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сорокин, Ю. А. Теория лакун и оптимизация межкультурного общения / Ю. А. Сорокин // Семантика и прагматика текста. – Барнаул, 1998. – С. 32–37.

2. *Марковина, И. Ю.* Культура и текст. Введение в лакунологию / И. Ю. Морковина, Ю. А. Сорокин. – М. : ГЭОТАРМедиа, 2010. – 144 с.
3. *Быкова, Г. В.* Лакунарность как категория лексической системологии / Г. В. Быкова. – М. : Изд-во БГПУ, 2003. – 276 с.
4. *Байрамова, Л. К.* Лингвистические лакунарные единицы и лакуны / Л. К. Байрамова // Вестн. Челяб. гос. ун-та. Филология. Искусствоведение. – 2011. – № 25. – С. 22–27.
5. *Муравьев, В. Л.* Лексические лакуны (на материале лексики французского и русского языков) / В. Л. Муравьев. – Владимир : Владимир. пед. ин-т, 1975. – 95 с.
6. *Hale, K. L.* Gaps in grammar and culture [Электронный ресурс] / K. L. Hale // Linguistics and antropology in honor of C. F. Volgelin-Jisse. – Режим доступа: lingphil.mit.edu/papers/hale/papers/hale019.pdf. – Дата доступа: 23.09.2019.
7. *Ertelt-Vieth, A.* Empirische Untersuchung interkultureller Begegnungen – Integration der beiden Analysekatgeorien Lakunen und Symbole (an Materialbeispielen) // Jahrbuch Deutsch als Fremdsprache. Interkultural German Studies. Band 26. – München : iudicium Verlag, 2000. – S. 463–497.
8. *Донец, П. Н.* Основы общей теории межкультурной коммуникации: научный статус, понятийный аппарат, языковой и неязыковой аспекты, вопросы этики и дидактики / П. Н. Донец. – Харьков : Штрих, 2001. – 384 с.
9. *Panasiuk, I.* Kulturelle Aspekte der Übersetzung. Anwendung des ethnopsycholinguistischen Lakunen-Modells auf die Analyse und Übersetzung literarischer Texte / I. Panasiuk. – Münster : LiT Verlag, 2005. – 305 S.
10. *Стернин, И. А.* Лакуны и концепты / И. А. Стернин, З. Д. Попова, М. А. Стернина // Лакуны в языке и речи : сб. науч. тр. ИЯ РАН, БГПУ / под ред. проф. Ю. А. Сорокина, проф. Г. В. Быковой. – Благовещенск : БГПУ, 2003. – С. 205–224.
11. *Достоевский, Ф. М.* Преступление и наказание [Электронный ресурс] / Ф. М. Достоевский. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru>. – Дата доступа: 22.07.2019.
12. *Dostojewski, F. M.* Verbrechen und Strafe [Электронный ресурс] / F. M. Dostojewski. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru>. – Дата доступа: 22.07.2019.
13. *Шолохов, М.* Собрание сочинений : в 8 т. / М. Шолохов. – М. : Правда, 1962. – Т. 2. – 407 с.
14. *Scholochow, M.* Der stille Don. Erstes Buch / M. Scholochow. – Berlin : Kultur und Fortschritt, 1968. – 427 s.
15. *Пушкин, А. С.* Капитанская дочка [Электронный ресурс] / А. С. Пушкин. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru>. – Дата доступа: 10.09.2019.
16. *Puschkin, A. S.* Die Hauptmannstochter [Электронный ресурс] / A. S. Puschkin. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru>. – Дата доступа: 10.09.2019.
17. *Макаров, Д. М.* Эмотивная лакунарность и способы ее элиминирования в художественном переводе (на материале романа «Тихий Дон» и его перевода на английский язык) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Д. М. Макаров. – Пятигорск, 2010. – 195 л.
18. *Абдулганеева, И. И.* Словообразовательная лакунарность при переводе русских дериватов с суффиксами-интенсификаторами на немецкий язык / И. И. Абдулганеева // Филология и культура. – № 32. – Казань, 2013. – С. 7–9.

Ирина Игоревна Абдулганеева

кандидат филологических наук, старший преподаватель
кафедры теории и практики перевода
Казанского (Приволжского) федерального университета

Irina I. Abdulganeeva

PhD, Associate Professor of the Theory and Practice
of the Translation at Kazan' (Volga Region) Federal University

O. M. Aleksieva
Kyiv, Ukraine

PECULIARITIES OF MODERN ENGLISH REALIA TRANSLATION (a Study Based on TV Series “Sherlock” by BBC)

This article deals with the research of English realia on the basis of the structural and contrastive analysis of the original film texts and their Ukrainian and Russian target texts. Realia are words and expressions for culture-specific material forming a peculiar linguistic category that cause certain problems during performing a translation. The difficulties appear when a translator needs to decide what is more important to convey the form or to focus on the content.

Key words: *contrastive analysis; realia; target text; source text; translation transformation.*

Realia are words and expressions for culture-specific material that form a separate linguistic category that causes certain problems during performing a translation. The difficulties appear when a translator needs to decide what is more important to convey the form or to focus on the content.

Representatives of different linguistic schools have contributed considerably to the study of realia: L. Barkhudarov, V. Vynohradov, S. Vlakhov, R. Zorivchak, P. Newmark, Ya. Retsker, H. Tomakhin, S. Floryn, A. Shvejtser.

The question of nature, types of realia, their classification, as well as means used for the translation remains uncertain and requires a further study. Therefore, researchers interpret this term in different ways: some equate it with the notion of “nonequivalent vocabulary”, others classify realia as “barbarisms”, “lacunae” etc.

Therefore, the research is aimed at analyzing and studying the realia within the multimedia translation. The contrastive analysis of Ukrainian and Russian translations can identify the features of these linguistic categories and define the possible ways of its translation. The adequacy of the realia translations of the thirteen episodes of TV series “Sherlock” and the expediency of translation transformations can be investigated.

The object of the article is English realia selected from the thirteen episodes of TV series “Sherlock” filmed by the BBC One television company. The subject of the research is peculiarities of translation of realia into Ukrainian and Russian. The article is aimed at conducting a contrastive comparison of realia traced in English and Ukrainian target texts.

The scientific novelty of this article includes the fact that for the first time 300 English realia from TV series “Sherlock” have been singled out and classified; the typology of English realia has been presented; the variants of their translation into the Ukrainian and the Russian languages were analyzed. It should also be considered that translation of realia usually indicates a complicated problem, which can be studied in the translation process through contrastive analysis of untranslatable lexemes in non-related languages.

Methods

In the course of the investigation with the help of sampling method we selected 300 realia from four British episodes of “Sherlock” with total duration over 18 hours and their Ukrainian and Russian equivalents from professionally dubbed

Ukrainian and Russian translations. Also *a critical analysis* of literature was conducted; *typological method* was used to establish the peculiarities of English realia; *comparable method* was applied to compare variants of translation of English realia into Ukrainian and Russian with further identification of the more adequate variant of translation; *quantitative analysis* was applied for rendering separate realia types.

Discussion and results

Theoretically, the study is based on the principles of classification of realia by R. P. Zorivchak and by S. Vlachov and S. Florin. S. Vlachov and S. Florin determine realia as a particular category of the expressive vocabulary, including words and word-combinations naming the objects of life, culture, history of a nation which are unfamiliar to another one. The scholars note that the process of realia translation requires a particular approach, because they do not have a corresponding equivalent in other languages, as they are bearers of national and historical connotation [1, p. 47].

R. Zorivchak suggests that realia are monolexemic or polylexemic units the lexical meaning of which includes traditionally established complex of ethnocultural information which is alien to the objective reality of the target language and which is realized only within the limits of a binary opposition [2]. While studying we distinguished and classified 300 English realia, the majority of realia (91 units) are demonstrated in first season, while the least number of realia (57 units) are presented in fourth season of TV series “Sherlock”.

The structural analysis enables us to conclude that the great number of realia in episodes from TV series “Sherlock” consists mostly of **realia-monolexeme and realia-polylexeme with nominative value**. The minority are realia-phraseological units, e.g.: *if you want to hide a tree then a forest is the best place to do it; brown as a nut; inch by inch; quite the busy little bee; let the cat out of the bag; in a nutshell*.

Following R. Zorivchak we have classified such types of realia on a subject basis: **onomastic realia** (101): *Waterloo, Cardiff, Brixton, Houston, Daily Mail, Greater London, Central London, Gas Board, Egon Ronay, London A-Z, Piccadilly station, Cemetery, MI6*; **ethnographic realia** (97): *cab, cabbie, dozen, landlady, housekeeper, Christmas, hall, cuppa, forties, six months, the car*; **social-political realia** (61): *British Secret Service, Junior Minister For Transport, Barts, Roland-Kerr further education college, sir, Uni, Detective*; **military realia** (13): *army doctor, foot soldier, sergeants, British Army Browning*; **associative realia** (24): *round and round garden like teddy bear, makeover show, good night, Vienna, if you want to hide a tree then a forest is the best place to do it*; **geographical realia** (4): *Loch Ness monster, moore, hollow*.

The analysis of translation transformation of multimedia texts was based on the approach of R. Zorivchak. Ukrainian scholar distinguishes the following ways of translating realia: transcription and transliteration, hyperonymic renomination, descriptive paraphrase, combined renomination, loan translation (calque), transposition on the connotative level, situational correspondence, contextual explanation of realia, synonymous substitution [2].

One of the most used ways of conveying the meaning of realia is loan translation (calque). Calque is actually a word or phrase borrowed from another language by literal, word-for-word translation. The term calque is borrowed from French and it derives from the verb *calquer* which means *to copy, to trace*. Loan translation was used for translation the following realia in “Sherlock”:

– **Names of government structures:** *MoD* – *Міноборони* – *Министерство Обороны*; *British Secret Service* – *Таємна Британська Служба* – *Секретная Служба*.

– **Appeals:** *Your Highness* – *Ваша Високосте* – *Ваше Величество*; *Your Honour* – *Ваша Честь* – *Ваша Честь*.

– **Military realia:** *Corporal* – *Капрал* – *Капрал*; *Fifth Northumberland Fusiliers* – *П'ятий Нортумберленський* – *Пятый Нортумберленский*; *Soldier* – *Солдат* – *Солдат*.

– **Monetary units** and their minorities are also translated with a help of loan translation (calque) as well: *quid* – *фунт* – *фунт*; *sterling* – *фунт* – *фунт*.

In order to translate Sherlock Holmes' profession *a consulting detective*, Ukrainian translators use loan blends (or partial calques) – *детектив-радник*; while Russian translators apply loan translation – *консультующий детектив*. The realia *National Antiquities Museum* both in Ukrainian and Russian translations is translated with the help of loan translation (calque) – *Національний музей старожитностей* [3] – *Национальный музей древностей* [4].

Food and drinks are translated with the help of loan translation (calque) as well: *punch* – *пунш* – *пунш*; *cuppa* – *чай* – *чаек*; *ginger nuts* – *імбирне печиво* – *имбирное печенье*.

In order to render the meaning of the famous allusion *without the pies* (from musical *Sweeney Todd*) is translated with the help of loan translation (calque) in both Ukrainian and Russian target texts: *without the pies* – *без пирогів* – *только без пирожков*.

Greater London is translated into Ukrainian as well as into Russian translations with a help of loan translation (calque): *Greater London* – *Великий Лондон* – *Большой Лондон*. Greater London is an area in southeastern England that includes the city of London and 32 London boroughs [5].

Synonymous substitution. The next transformation used for translating English realia is synonymous substitution. This transformation is mainly applied for translating realia that denote measures of weight, capacity or distance.

The realia *pound* that indicates measure of weight and is 453,6 g [3] in majority contexts was mostly translated with a help of synonymous substitution. In the existing context, the realia *three pounds* were translated as follows:

– (Eng.) *three pounds*; (Ukr.) *кіло триста*; (Rus.) *полтора килограмма*;

– *Two and a half (pounds)* Ukrainian variant is *кілограм* while Russian one is *полкило*; in the context *seven pounds* – *два кіло* – *три кіло*, in Ukrainian and Russian accordingly; *four pounds* – *німтора*; Russian variant is *два* (kilograms).

English realia *cab* has certain connotation as it creates in native speakers' mentality a certain image. Cab is the type of London taxi, a compact car and as a rule of black color. A synonymous substitution was applied for translation of this

realia as well: *cab* – *таксі* – *такси*. A driver of London taxi is called *cabbie*. The Ukrainian equivalent is *таксист*, while Russian one is *шофер*. Russian translation *шофер* lost the inner national content of the realia ‘cabbie’.

The realia *walk-in cupboard* was translated into Ukrainian and Russian by using the mentioned above transformation as well: *walk-in cupboard* – *буфет* – *стенной шкаф*. Cambridge dictionary gives the following definition: *walk-in cupboard* used to refer to a space used for storing things that is large enough for a person to enter and walk around it [5]. It is worth mentioning that neither Ukrainian nor Russian variants can be considered as adequate translation, because none of them conveyed a denotative meaning of realia such as big cupboard size or the ability of person to get inside of it. That detail actually is very important for the plot of the TV series, because Sherlock Holmes considers that the criminal is hiding in the same cupboard.

Transcription and transliteration. A transformation of transcription and transliteration is mainly used for translating toponym realia and onomastic realia. Another transformation that is used for translating mentioned above realia except transcription and transliteration is loan translation (calque).

Therefore, toponym realia from TV series are translated by using transliteration: *Brixton* – *Брікстон* – *Брикстон*; *Cardiff* – *Кардіф* – *Кардифф*; *Devon* – *Девен* – *Дэвэн*; *Doncaster* – *Донкастер* – *Донкастер*.

In the meantime transliteration is used by both Ukrainian and Russian translators in order to translate English realia *Scotland Yard suit* – *Скотленд Ярл* – *Скотленд Ярл*. It is worth noting that realia *Скотленд Ярл* has connotation of influence, as it is a main directorate of London police.

The antroponym realia *Houston* is translated by using transcription: (eng.) *Houston, we have a mistake!*; (ukr.) *Х'юстон, у нас проблема!*; (rus.) *Хьюстон, он уже ошибся!*.

Ukrainian variant of translation converts a source phrase meaning, as Sherlock does not mean that there is a problem during the investigation, he considers that the criminal is performing a mistake. Hence the translation of the phrase mentioned above like: *Х'юстон, він схибив* can be considered as more appropriate one.

Transposition on the connotative level. A transformation of transposition is used by translators only in some individual cases. As a rule, it is used in order to convey the meaning of connotations used only by native speakers in the source language. The variants of translation realia into Ukrainian and Russian are presented in the table 1.

Table 1

English realia	Ukrainian equivalent	Russian equivalent
<i>liquorice</i>	<i>шоколадка</i>	<i>леденец</i>
<i>oh, it`s Christmas</i>	<i>просто свято</i>	<i>подарок</i>
<i>late forties</i>	<i>далеко за тридцять</i>	<i>за тридцать</i>
<i>like the back end of Routemasters</i>	<i>схожі на розмальованих корів</i>	<i>с кормой точно у броненосца</i>

<i>for fish and chips</i>	<i>на пиво</i>	<i>в Макдональдс</i>
<i>brown as a nut</i>	<i>чорні від засмаги</i>	<i>бронзовый от загара</i>
<i>ten a penny</i>	<i>не підходить</i>	<i>чепуха</i>

The contrastive analysis of English realia and ways of its translation into Ukrainian and Russian using transposition on the connotative level.

According to the summary data presented in the table, variants of translation were different (table 2).

A transposition on the connotative level is mainly applied for translating realia that had additional connotations or demanded additional background information.

Table 2

English realia	Ukrainian translation	Transformation	Russian translation	Transformation
<i>just twenty minutes</i>	<i>хоч півгодинки</i>	transposition	<i>раз в двадцать минут</i>	loan translation (calque)
<i>Billy Kincaid, the Camden Garrotter</i>	<i>дружба – важлива річ, це почуття, без якого не обходиться будь-яка людина...</i>	transposition	<i>Билли Кинкейд, Камденский Палач</i>	transliteration and loan translation (calque)
<i>Mystic Meg</i>	<i>провидець</i>	transposition	<i>Мистик Мэг</i>	transcription
<i>Good night, Vienna</i>	<i>Добраніч, маюки</i>	transposition	<i>Прощай, Вена</i>	addition and transliteration
<i>Home Office</i>	<i>МВС</i>	synonymous substitution	<i>сверху</i>	transposition
<i>Fish shop</i>	<i>забігайлівка</i>	transposition	<i>кафе</i>	modulation
<i>A thousand miles away</i>	<i>за тисячі миль звідси</i>	loan translation (calque)	<i>другой конец света</i>	transposition
<i>“Round and round garden like teddy bear”</i>	<i>“...бігали по саду як курчата”</i>	transposition	<i>“...круглая карусель, как детская машинка”</i>	transposition
<i>by the pricking of my thumbs</i>	<i>клацни пальцем тільки раз</i>	loan translation (calque)	<i>просто у меня какое-то предчувствие</i>	transposition

The contrastive analysis of translation transformations for translation of English realia into Ukrainian and Russian.

A transposition on the connotative level is applied for translation the phrase *just twenty minutes* into Ukrainian *хоч півгодинки*; in Russian variant of translation loan translation is applied – *раз в двадцать минут*.

The realia *fish shops* are translated into Ukrainian using transposition on the connotative level – *забігайлівка*; while Russian translators apply modulation – *кафе*.

However, the realia *miles* are translated into Ukrainian by applying transcription and loan translation. A method of transposition on the connotative level is used to translate the same realia into Russian: (eng.) *A thousand miles away*; (ukr.) *За тисячі миль звідси*; (rus.) *Другой конец света*.

The realia *Billy Kincaid, the Camden Garrotter* were translated with the help of modulation. Russian translators applied mentioned above method while Ukrainian one used transposition on the connotative level: (eng.) *Billy Kincaid, the Camden Garrotter*; (ukr.) *Дружба важлива річ, це почуття, без якого не обходиться будь-яка людина*; (rus.) *Билли Кинкейд, Кэмденский палач*.

It is worth noting that exactly this realia is nothing else but a humorous answer to John Watson's question about friendship (*best man*). Sherlock literally began to tell about the best on his opinion man *Біллі Кінкейд*. Ukrainian translation still has lost a play of words however in their verbal framing of realia. Although Russian translators managed to convey its verbal framing, the translation itself cannot be considered as adequate one. The play of words lost its actual sense because of application of word for word translation but, actually, it was the most important thing in the conversation between serial characters. Moreover, it is hard for movie viewers to understand why Sherlock was talking about a fictitious character, a murder from animated TV series "Spawn" when Watson just asked him about friendship.

Contextual explanation of realia means using transliteration and transcription as well as a descriptive translation while translating realia. Although multimedia translation is time limited, this transformation was used in both Ukrainian and Russian translations. The comparative analysis of transformations used for translating English realia is presented in a table 3.

Table 3

English realia	Ukrainian / Russian Translations	Transformations
<i>Penny for the Guy</i>	<i>дайте монетку на Гая Фокса, на опудало</i>	contextual explanation of realia
	<i>пенни для Гая, завтра ночь костров, Гай Фокс</i>	contextual explanation of realia
<i>"Remember, remember... Gunpowder, treason and plot"</i>	<i>п'яте листопада, порохова змова, як чотириста років тому</i>	contextual explanation of realia
	<i>помни-помни, порох, измена и заговор</i>	loan translation
<i>Derren Brown</i>	<i>Гіпноізер</i>	descriptive circumlocution
	<i>Деррен Браун, да, гипнотизёр</i>	Contextual explanation of realia

The comparative analysis of translation transformations in both Ukrainian and Russian translations.

Therefore, presented in the table data has shown that **contextual explanation of realia** was used in both Ukrainian and Russian translations. In some cases, different translation transformations were applied.

A phrase *Penny for the Guy* consists of two realia: first one is *penny* – *пенні* (about individual coins), and second one is *Guy* that refers to a traditional festival in Britain called *Guy Fawkes Day* or *Bonfire Night* celebrated on the night of November fifth. It remembers the failure of The Gunpowder Plot when a group of Catholics led by Guy Fawkes tried to blow up the Houses of Parliament in London. During the celebration, people traditionally burn Guy Fawkes in effigy and fireworks. These realia were translated as follows: (eng.) ***Penny for the Guy***; (ukr.) *Дайте монетку, на Гая Фокса, на опудало*; (rus.) *Пенни для Гая, завтра ночь костров, Гай Фокс*.

Descriptive paraphrase and hyperonymic renomination. The analysis of translation transformations has proved that a method of descriptive circumlocution is not common for the multimedia translation. It was only used twice. Thus the realia *Egon Ronay* were translated into Ukrainian and Russian like *ресторанний критик* – *ресторанный критик*; *mantle* – *камінна полиця* – *доска для камина* accordingly.

A method of hyperonym renaming was applied for translating such realia as: *army surgeon* – *військовий лікар* – *военный врач*; *WKD* – *горілка* – *водка*; *Jubilee line* – *метро* – *метро*; *МІБ* – *розвідка* – *разведка*.

The realia denoting mentality of the nation were translated as follows: *six months old* – *півроку* – *полгода*; *18 month ago* – *півтора року*, while in Russian translation the realia became lacunae.

Situational correspondence. A method of **situational correspondence** was also used during performing realia translation.

Hence, modulation was applied for translating the same realia into both Ukrainian and Russian languages. The variants of translation were sometimes similar.

The **situational correspondence** and loan translation were used to translate the realia *MoD official* – *клієнт з Міністерства оборони* – *чиновник из Минобороны*, *bowl of nibbles* – *дещо на закуску* – *закуска*; *gents* – *хлопці* – *господа*; *landlord* – *хазяїн* – *владелец дома*; *housekeeper* – *служниця* – *домработница*.

The realia *usher* became lacunae in Ukrainian translation while Russian translators applied a method of modulation to translate the realia – *помощник*.

Although the realia *quid*, a common name of the pound sterling, became lacunae in Ukrainian translation, in Russian it was translated as *блеф*.

The contrasive analysis of translation transformations

The contrastive analysis of translated variants of realia into Ukrainian and Russian languages demonstrated a translators' tendency to convey the source

meaning of realia using the same transformations. It can be explained by the grammatical and structural similarities in both languages as they belong to the East Slavic subdivision of the Slavic languages. However, the contrastive analysis has shown such English realia could be translated differently into Ukrainian and Russian (according to analysis of realia equivalents).

Therefore, a great number of English realia were translated into Ukrainian and Russian by applying different translation transformations (table 4).

Ukrainian translators used descriptive translation for rendering the realia *elite guard* – *охорона Королеви*, while Russian ones applied a method of loan translation *elite guard* – *элитная гвардия*.

A method of hyperonym renaming was used by Ukrainian translators for translating the realia *tea trolley* – *чай з одного столика*, while Russian translators applied loan translation during performing a translation: *tea trolley* – *чай со столика на колесиках*.

Table 4

The name of translation transformation	The number of used transformations in Ukr / Rus	Percentage from the general number of used transformations, %
Loan translation (calque)	75 / 92	27 / 33
Synonymous substitution	36 / 33	13 / 12
Transcription and transliteration	113 / 103	40 / 34
Hyperonymic renomination	17 / 11	6 / 4
Transposition on the connotative level	13 / 11	4 / 4
Situational correspondence	14 / 21	5 / 8
Contextual explanation of realia	2 / 1	1 / 1
Descriptive paraphrase	11 / 9	4 / 3
Total	281	100

The list of transformations used for translating English realia into Ukrainian and Russian.

The analysis of ways of conveying the meaning of the English realia allows us to distinguish 8 translation transformations which were applied for the translation of realia both, in the Ukrainian and Russian official translations.

For translating English realia into Ukrainian such translation transformations were applied as loan translation – 27 %, word-for-word translation – 13 %, transcription and transliteration – 40 %, hyperonymic renomination (generalization) – 6 %, transposition on the connotative level – 4 %, situational correspondence – 5 %, contextual explanation – 1 %, a descriptive paraphrase – 4 %.

Quantitative analysis of the translation transformations has demonstrated that the most applied methods of the translation of realia in Ukrainian are transcription and transliteration. It can be explained by a great number of onomastic realia presented in TV series.

For translating English realia into Russian such translation transformations were applied as loan translation – 32 %, word-for-word translation – 12 %, transcription and transliteration – 35 %, hyperonymic renomination (generalization) – 5 %, transposition on the connotative level – 4 %, situational correspondence – 8 %, contextual explanation – 1 %, a descriptive paraphrase – 4 %.

Quantitative analysis of the translation transformations has demonstrated that the most applied methods of the translation of realia in Russian are transcription and transliteration as well as loan translation.

To sum up the realia is very interesting and unusual part of language, which reflects the national spirit and colors of literary works. During the research we have found that the same translation transformations were applied during performing both Ukrainian and Russian translations. Besides, the translation of realia fully coincided. Although in most cases during performing Ukrainian and Russian translations the same transformations were applied, the demonstrated variants of translated realia were different. The realia that have connotations or demand people to have background information as well as associative realia etc. were translated in different ways.

The Ukrainian translation has demonstrated a tendency to neglect the content of realia for conveying the play of words or its emotional coloring.

The Russian translation is characterized by focusing on the informational correspondence to the content of realia sometimes neglecting the play of words, ironic coloring as well as some connotations.

REFERENCES

1. *Vlakhov, S.* Neperevodimoe v perevode [Intranslatable in Translation] / S. Vlakhov, S. Florin. – M. : Mezhdunarodnye otnosheniya, 1980. – 344 p.
2. *Zorivchak, R. P.* Realija i pereklad (na materialih anhlomovnykh perekladiv ukrajins'koyi prozy) [Reality and translation (based on English translations of Ukrainian prose)] / R. P. Zorivchak. – Lviv, Ukraine : Vydavnytstvo pry L'vivs'komu derzhavnomu universyteti, 1989. – 216 p.
3. *Balla, M. I.* Anhlo-ukrajins'kyj slovnyk [English-Ukrainian dictionary] / M. I. Balla. – Kyiv, Ukraine : Osvita, (1-2), 1996. – Vol. 1. – A – M. – 752 p.
4. *Müller, V. K.* Anglo-russkiy slovar' / V. K. Müller. – Moscow : AST, 2015. – 960 p.
5. Cambridge English Dictionary : Meanings & Definitions [Electronic resource]. – Mode of access: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/>. – Date of access: 14.01.2019.

Olga Aleksiieva

PhD, Associate Professor of the Department
of Applied Language Studies,
Comparative Linguistics and Translation
at National Pedagogical Dragomanov University

Е. А. Балабан
Киев, Украина

УНИВЕРСАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ ИЗМЕНЕНИЙ В ЛЕКСИЧЕСКОМ ЗНАЧЕНИИ СЛОВ

В статье предлагается описание универсальных процессов изменений в лексическом значении слов на материале трех исследуемых языков: английского, русского и украинского. Рассмотрены основные семантические процессы генерализации, специализации и переноса или трансферации значения и их второстепенные направления, такие как мелиорация, деградация (пейорация), терминологизация, символизация, мифологизация, гибридизация и др., происходящие в структуре лексического значения слова родственных языков, которые мы считаем универсальными для исследуемых нами языков.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *лексическое значение; трансформации; генерализация; специализация; трансферация.*

O. A. Balaban
Kyiv, Ukraine

UNIVERSAL PROSCESS OF TRANSFORMATIONS IN THE LEXICAL MEANINGS OF WORDS

The article presents the description of the universal processes of transformations in the lexical meaning of words on the material of three languages studied: English, Russian and Ukrainian. The considered the main semantic processes of generalization, specialization and transference and their secondary tendencies such as: melioration, degradation, terminologization, symbolization, mythologization, hybridization, etc., occurring in the structure of the lexical meaning of words in related languages, which we consider universal for the languages we study.

Key words: *lexical meaning; transformations; generalization; specialization; transference.*

Погружение в заявленную тему неизбежно предполагает и погружение в одну из самых сложных проблем языкознания, а именно в язык и мышление. Язык как инструмент мышления своими гибкими формами (в лексике и грамматике) всегда оперативно «отзывался» на запросы мышления и открывал слову в системе речи практически неограниченные возможности для смыслового обогащения.

Изучение сущности смысла можно осуществить и в его соотношениях с семантическими, когнитивными, коммуникативными и другими категориями языка, что также не исчерпывает содержания этого самого сложного явления мышления. Поэтому не случайно существует значительное количество исследований и определений, иногда взаимоисключающих друг друга, касательно природы содержания категорий значения и смысла как в лингвистике (Ф. де Соссюр, Г. Фреге, А. А. Потебня, В. А. Звегинцев, А. В. Бондарко и др.), так и в логике и философии в целом (античные стоики, Дж. Локк, Ф. Бекон, Т. Гоббс, Р. Декарт, Г. Гегель, А. Ф. Лосев и др.).

Известно, что лексическое значение слов по объему отражения обозначаемых им предметов и явлений внеязыковой действительности всегда уже их смыслового содержания, смысловой интенции, это открывает простор для широкого осмысления мира вещей и явлений в их взаимодействии и взаимообусловленности, что обосновывает актуальность нашего исследования.

Цель исследования – проанализировать процессы изменений в лексическом значении исследуемых языков, чтобы выявить их универсальные характеристики, что предусматривает решение следующих задач: 1) ознакомление с существующими процессами в изменении лексического значения слова; 2) выделение логико-семантических моделей в формировании лексического значения слова.

С возникновением структурализма и знаковой теории языка в начале XX в., которая связана в лингвистике прежде всего с именем Ф. де Соссюра, изменилось понимание значения слова: отношение слова (знака) к понятию, к представлению, к предмету (денотату, референту), к социальной культуре, к типовым контекстам ситуации, к другим знакам и т. д.

Появление когнитивной парадигмы позволило кардинально переосмыслить восприятие значения в общенаучном смысле и лингвистике в частности. Когнитологи объясняют или сводят его понимание преимущественно к отражению и конструированию определенных ментальных моделей, а также вводят понятие *концепт* как основную единицу ментального лексикона. Здесь следует упомянуть сетевую модель Р. Лэнкера [1], двухуровневую интерпретационную модель М. Бирвиша [2], ментальную модель Ф. Джонсона-Лерда [3] и т. д.

Таким образом, следует говорить о двух основных позициях, которые положены в базис понятия *значение*, – функциональное направление и (противоположное первому) ментальное направление, которое рассматривает значение как интеллектуальную сущность, как факт сознания. Основные различия между этими взглядами сводятся к тому, что одни исследователи сосредоточивают свое внимание главным образом на отношении слова как лексем к понятию (к ним относятся представление и эмоции), а другие – на отношении слова к фактам или фрагментам действительности (денотатам), третьи (структуралисты) – на отношения слов (знаков) друг к другу.

Бесспорно, что актуальным для нашего исследования является вопрос разграничения значения и смысла. В логической семантике смысл последовательно противопоставляется значению: термин *смысл* обозначает некоторое мысленное содержание речевого выражения, а термин *значение* – отношение этого содержания к истинности. Г. Фреге один из первых выдвинул идею о дифференциации в структуре обозначаемого языкового знака, смысла и значения. Смысл определяется как «то, что отражает способ представления обозначаемого данным знаком» [4, с. 354]. «Реальностью бытия, – пишет Л. О. Чернейко, – наделен только смысл, тогда как в значении заложены модели (познание). С этой точки зрения смысл является воплощением значения» [5, с. 174].

Что касается лексического значения как такового, то причины семантических изменений могут быть разными, поскольку их основой выступают отличительные закономерности. Существует несколько классификаций семантических изменений, но наиболее полная была предложена Г. Паулем еще в XIX веке. Согласно логической схеме Г. Пауля, изменения могут происходить по нескольким базовым направлениям: 1) расширение (генерализация) значения; 2) сужение (специализация); 3) смещение (перенос), или трансферация значений [6].

При расширении значения видовое понятие, присущее денотату, развивается в родовое, иначе говоря, происходит генерализация. Сужение значения, наоборот, предполагает, что исходное значение выступает как родовое, а производное – как одно из составляющих его видовых, другими словами, происходит специализация (по М. Бреалю). Изменения третьего типа, смещения (переноса), в отличие от двух предыдущих типов не происходят постепенно. Как правило, подобный перенос адресат совершает намеренно. Закрепление результата в языке происходит при условии, что основание для переноса признается языковым большинством, т. е. формируются стойкие коллективные ассоциации.

Расширение лексического значения, или генерализация наиболее распространенный тип изменений лексического значения и особенностей в истории развития слов. В большинстве случаев расширение значения слова сопровождается более высокой степенью абстракции в его новом значении по сравнению с предыдущим. Большинство слов появляются в языке как определенные имена для конкретных понятий. Чаще новое понятие шире оригинала, а новое значение расширенно и обобщенно.

Достаточно хрестоматийными примерами в этом смысле стало такое слово, как (англ.) *manuscript*, которое упоминается в Online Etymology Dictionary с XVI ст. в значении ‘document or book written by hand’, сейчас относят к любой авторской копии, написанной от руки или напечатанной «an original copy written by hand or printed» [7].

Практически аналогичную тенденцию наблюдаем и с довольно распространенным английским существительным *friend* прогерманского происхождения, которое до XVII в. имело значение ‘lover’, потом с появлением в Англии христианского религиозного движения и общества «Quakers» значение было расширено до ‘a member of a Society of Friends’, в XX в. генерализовано до ‘a person who you know well and you like a lot, but who is usually isn’t a member of your family’, а в начале XXI века, с появлением компьютерных социальных сетей, Facebook в частности, с 2005 года – ‘to be subscribed to your account in Facebook’ [7]. Кстати превратившись в глагол в английском языке *to friend* со значением ‘to join in friendship, to befriend’, мгновенно нашло свое транслитерирование в русском (зафрендиться) и украинском языках (зафрендитися), возникли и реверсивные заимствования английского глагола *to unfriend (to defriend)* ‘to delete, to eliminate someone’s account from your account list’, в русском – *разфрендить*, в украинском – *розфрендити*.

Сужение (ограничение или специализация) значения – это обратный процесс расширения лексического значения. Он является постепенным процессом, когда слово переходит из общей сферы в некую специфическую сферу, т. е. наоборот – от абстрактного к конкретному.

Сейчас часто употребляемое английское слово *cash* демонстрирует также случай специализации. Его оригинальное значение с XXVI ст. – ‘money box’ – шкатулка, где хранились деньги, позже произошло сужение до ‘money in hand, coin’ – монета руке [7].

Семантические изменения (сдвиги, смещения) относительно лексического значения могут происходить и по некоторым второстепенным направлениям, таким как улучшение (мелиорация), деградация (ухудшение или пейорация), терминологизация, символизация, мифологизация, гибридизация и т. д. Но все эти процессы так или иначе специфицируют лексическое значение слова.

Процесс **улучшения, или мелиорации** лексического значения основан на том, что в отличие от первоначального негативного значения слово приобретает положительный смысл с течением времени. К более ярким примерам в этом случае следует отнести английские существительные *knight* и *marshal*.

Knight в древнеанглийский период обозначало ‘boy, youth, servant, attendant’, с XII ст. – ‘military follower of a king or other superior’ значение активизировалось во время Столетней войны и постепенно поднялось до ‘a rank in the nobility’ с XVI ст. [Там же].

Аналогичное произошло и со словом *marshal*, которое сначала имело значение ‘stable officer, horse tender, groom’, а потом позитивизация определилась в понятии «military commander, general in the army» [Там же].

Противоположный процесс улучшению лексического значения имеет название **деградация, или пейорация**. Это процесс понижения значения в социальной сфере его использования, что сопровождается появлением унижительного и пренебрежительного эмоционального тона в значении того или иного слова. На наш взгляд, наиболее пейоративным примером можно считать трансформации с лексическим значением английского существительного *queen*, протогерманского происхождения со значением ‘woman, wife’, затем оно стало обозначать ‘a wife of a king; male ruler of a state’, с середины XV в. – ‘a chess piece; one of the most powerful piece on the board’, до фигуративного понятия «a single large female that produces eggs» с XVII в. В XX в. *queen* приобретает значение ‘male homosexual’ с соответствующей, аллитерацией на *quean* ‘young, robust woman; female serf, hussy, prostitute’ [Там же].

Относительно такого процесса, как **терминологизация** заметим, что слова приобретают новое значение с развитием научно-технического прогресса и обозначают специальный термин в определенной области. Следует отметить, что термины уже переосмыслены, т. е. метафоризированы, поскольку происходит перенос по сходству.

Не лишено готского корня и английское существительное *shoe* в своем первичном значении ‘covering for the foot and lower leg’, а позже с конца XV в. – ‘metal plate to protect a horse’s hoof’, на сегодня зафиксировано техническое значение ‘chock, slipper, skid, trig’ [7].

Практически все слова проходят путь от обозначения вещи через **символизацию**. В философии символ – это предельное обобщение вещи или явления, слияние форм внутреннего и внешнего, при котором означаемое неразрывно связано с означаемым, но не отождествляется с ним [8]. Символы существуют для того, чтобы «расширить наше знание о нас самих, то есть о культуре, о собственной психике, о собственном поведении...», констатирует также Ю. Лосев [8, с. 101].

Когнитивисты утверждают, что существуют «опорные концепты» (по терминологии М. Мамардашвили) [9], «ключевые слова» (по терминологии А. Вежбицкой [10]), наиболее значимые для культуры, которая отображается и символизируется в конкретном языке. Вместе с этим многие концепты являются культурными универсалиями. В этом случае речь идет о феноменах, не ограничивающихся ареалом одной культуры. Однако, как утверждают исследователи, любая отдельно взятая культура не гетерогенная – это всегда пересечение разнообразных традиций. Соответственно, интерпретация символа, которая закодирована в слове, может не совпадать у носителей языка в пределах одного ареала, может отличаться от культуры к культуре и очень часто закреплена в идиомах.

Примером национально-специфических символов можно считать лексические значения следующих существительных.

В английском языке слово *rose*, которое имеет латинское происхождение ‘an erect or climbing thorny shrub that produces large, often fragrant, flowers which may be red, yellow, pink, orange or white, followed by bright-coloured fleshy fruits known as hips’ приобрело символическое значение ‘a national emblem of England’ [11], которое возникло в XV ст., когда в период Гражданской войны белая роза была символом династии Йорков, а красная – Ланкастеров.

В русском языке *береза* символизируется как наиболее распространенная порода дерева на территории России, исходное значение ‘лиственное дерево с белой корой и сердцевидными листьями’ [12]. Для славянского культурного ареала **береза** имеет действительно символический смысл с давних времен, так, например, название месяца *березень* в украинском языке происходит от того, что в этот период собирали березовую кору для лечебных целей и березовый сок, который также является очень целебным.

Хотя символом Украины является все-таки *калина* как ‘кущова рослина родини жимолостевих, що має білі квіти й червоні гіркі ягоди’ [13]. Распространенность калины как растения на территории Украины действительно значительна, а ее символизация скрыта еще в языческих временах, когда красный, огненный цвет ассоциировался с рождением Вселенной и огненной тройки: Солнца, Луны и Звезд [Там же]. Общеизвестно, что калина

используется во время обрядов (свадьба, похороны, осенний обряд «похід на калину» и т. д.) и выступает доминантом фольклорного и художественного образа молодой незамужней девушки.

Следующий процесс формирования лексического значения **мифологизация** – является «результатом определенных процессов мышления, результатом деятельности сознания в поисках смысла» [8, с. 110], производное от понятия *миф*.

Вопросам мифологического мышления посвящены труды таких известных философов, как К. Г. Юнг [14], Э. Касиррер [15], Р. Барт [16] и др. Позиции К. Г. Юнга и Э. Касиррера практически не противоречат друг другу. То, что у Э. Касиррера называется мифом, или мифологическим мышлением, у К. Г. Юнга именуется архетипом, или коллективным бессознательным. Мифологическое мышление и сегодня присуще человеку где-то глубоко внутри и имеет такое проявление, что его воздействие не осознается. Набор мифов, сложившихся в каждой конкретной культуре, принципиально не меняется.

Так, самыми репрезентативными примерами слов-архетипов являются *вода, огонь, земля и воздух*, представляющие четыре основные стихии Вселенной.

В английском языке *fire* символизирует ‘our passions, compulsion, zeal, creativity, and motivation (as in, “put a fire under it”!)’. В толковании «the element of Fire has great power for forging will and determination. It is our inner light as well as a living symbol of the Divine fire that burns in every soul» [17] отмечается, что стихия огня обладает огромной силой для формирования воли и решимости. Это наш внутренний свет, а также живой символ Божественного огня, который горит в каждой душе.

Символ *огонь* проявляет себя в обрядах и верованиях, которые уходят корнями во времена язычества, и зафиксирован еще в мифологии древних славян. Скажем, например, народный праздник Ивана Купала своей мифологической, ритуальной основой связан с цветком папоротника, что является воплощением двух стихий: огня (солнца, колеса) и воды. В свадебных обрядах украинцев огонь используется для очищения от всего злого, недоброго.

Процесс смешения в сознании носителей языка семантических компонентов специальных и обыденных понятий называется **гибридизацией**, а его результат – гибридное понятие [18]. Этот процесс происходит, когда функционирование специальной речи выходит за рамки ее социальной базы, т. е. специальным языком по той или иной причине начинают пользоваться широкие слои населения.

Это ярко можно увидеть на примере английского слова *marriage*, бытовое понятие, значение которого зафиксировано как «a man and a woman living together; relationship between a man and a woman as they live together» [11], а его юридическое определение – «a legally accepted relationship between two people in which they live together» [Там же].

В русском эквиваленте происходит аналогичный процесс, в обыденном понятии *брак* – «семейные супружеские отношения между мужчиной и женщиной» [12]. Его терминологическое юридическое трактование – «зарегистрированный, добровольный, равноправный союз женщины и мужчины, заключаемый для создания семьи и порождающий взаимные права и обязанности супругов» [19].

Украинский аналог *шлюб* также демонстрирует тождественное смешение понятийных сем как в повседневном значении ‘родинний союз, співжиття чоловіка й жінки за взаємною згодою’ [13], так и в специально-юридическом ‘добровільний, зареєстрований, рівноправний, укладений в порядку, встановленому законом, союз жінки і чоловіка, спрямований на створення сім’ї’.

Таким образом, проанализировав семантические процессы расширения (генерализации) значения; сужения (специализации) значения и смещения (переноса), или трансферации значения и их второстепенные направления, такие как улучшение (мелиорация), деградация (ухудшение или пейорация), терминологизация, символизация, мифологизация, гибридизация и др., происходящие в структуре лексического значения слова родственных языков, считаем их универсальными для исследуемых нами языков. Как примеры когнитивно-семантических универсалий семантического уровня при формировании лексического значения слова в английском, украинском и русском языках они реализуются в следующих логико-семантических моделях: для значения определенного X (понятия) характерна генерализация (специализация, мелиорация, деградация, терминологизация, символизация, мифологизация, гибридизация значений в определенных А, Р, У языках (где А – английский, Р – русский, У – украинский)).

ЛИТЕРАТУРА

1. Langacker, R. W. Concept, Image and Symbol: The Cognitive Basis of Grammar / R. W. Langacker. – Berlin, New York : Mouton de Gruyter, 1991. – 395 p.
2. Бирвиш, М. Насколько линейно упорядоченной является языковая обработка? / М. Бирвиш // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. XXIII : Когнитивные аспекты языка / сост. и вступ. ст. В. В. Петрова и В. И. Герасимова. – М. : Прогресс, 1988. – С. 93–153.
3. Johnson-Laird, P. Mental Models / P. Johnson-Laird. – Harvard : University Press, 1993. – 513 p.
4. Фреге, Г. Смысл и денотат / Г. Фреге // Семиотика и информатика. – Вып. 35. – М., 1997. – С. 352–379.
5. Чернейко, Л. О. Внутренняя форма слова и ее типология / Л. О. Чернейко / Исследования по семантике : межвуз. науч. сб. – Вып. 25. – Уфа : РИЦ БашГУ, 2013. – С. 174–189.
6. Пауль, Г. Принципы истории языка / Г. Пауль. – М. : Изд-во иностр. лит., 1960. – 500 с.
7. Online Etymology Dictionary [Электронный ресурс]. – Mode of access: <https://www.etymonline.com>. – Date of access: 13. 12. 2019.
8. Мамардашвили, М. Символ и сознание: Метафизические рассуждения о сознании, символическом и языке / М. Мамардашвили, А. М. Пятигорский. – М. : Прогресс-Традиция Фонд Мераба Мамардашвили, 2009. – 287 с.
9. Лосев, А. Ф. Проблема символа и реалистическое искусство / А. Ф. Лосев. – М. : Искусство, 1995. – 320 с.

10. Вежбицкая, А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики / А. Вежбицкая. – М. : Языки слав. культуры, 2001. – 272 с.
11. Cambridge Advanced Learner's Dictionary [Электронный ресурс]. – Mode of access: www.cambridge.es/en/catalogue/dictionaries/.../cald. – Date of access: 13. 12. 2019.
12. Толковый словарь русского языка С. И. Ожегова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://slovarozhegova.ru/>. – Дата доступа: 13. 12. 2019.
13. Академічний тлумачний словник української мови [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sum.in.ua/s/tlumachnyj>. – Дата доступа: 13. 12. 2019.
14. Юнг, К. Г. Психология бессознательного / К. Г. Юнг. – М. : АСТ, 2001. – 397 с.
15. Кассирер, Э. Техника современных политических мифов / Э. Кассирер // Вестн. МГУ. Сер. 7, Философия. – 1990. – № 2. – С. 60–72.
16. Барт, Р. Мифологии / Р. Барт. – М. : Академ. проект, 2008. – 384 с.
17. Dictionary of Symbolism [Электронный ресурс]. – Mode of access: <https://www.amazon.com › Dictionary-Symbolis...> – Date of access: 13. 12. 2019.
18. Ерофеева, Е. В. Гибридизация специальных и обыденных понятий (на примере понимания юридических терминов) / Е. В. Ерофеева, Т. С. Низгунов // Вопр. психолінгвістики. – 2016. – № 4(30). – С. 63–79.
19. Большой юридический словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.info-library.com.ua › books-book-104. – Дата доступа: 13. 12. 2019.
20. Словник юридичних термінів [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.ebk.net.ua › Book › Glava15 › Terminu. – Дата доступа: 13. 12. 2019.

Елена Александровна Балабан

кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры
общего языкознания и германистики
Национального педагогического университета
имени М. П. Драгоманова

Olena A. Balaban

PhD, Associate Professor, Associate Professor
of the General Linguistics and Germanic Studies Chair
at National Pedagogical Dragomanov University

Д. Е. Барашева

Севастополь, Россия

ОБЩИЕ И СПЕЦИАЛЬНЫЕ ПРИНЦИПЫ КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНОЙ РЕГУЛЯЦИИ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ НАУЧНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Актуальность темы обусловлена социокультурным фактором сближения национальных наук, увеличением числа междисциплинарных исследований, открытостью обозначенной проблемы в науке, эвристической перспективой когнитивной лингвистики. Методом теоретического анализа выделены три общих принципа когнитивно-дискурсивной регуляции языковой коммуникации: когнитивно-дискурсивные взаимодействие, адаптация, доминанта. Межкультурная коммуникация подчиняется тем же принципам, но ее специфика определена отношениями когнитивно-дискурсивных доминант. Выведены общие и частные доминанты.

Ключевые слова: *общие принципы когнитивно-дискурсивной регуляции языковой коммуникации; когнитивно-дискурсивное взаимодействие; когнитивно-дискурсивная адаптация; когнитивно-дискурсивная доминанта; частные принципы когнитивно-дискурсивной регуляции межкультурной научной коммуникации.*

D. E. Barasheva
Sevastopol, Russia

GENERAL AND SPECIAL PRINCIPLES OF COGNITIVE-DISCURSIVE REGULATION IN INTERCULTURAL SCIENTIFIC COMMUNICATION

The topicality of the theme lies in the social-cultural factor of national sciences convergence, interdisciplinary researches growth, the openness of the problematic field for scientific studies, and cognitive linguistic heuristic perspective of its investigation. Three general principles of cognitive-discursive regulation of language communication are distinguished by the method of theoretical analysis: cognitive-discursive interaction, adaptation, and dominant. Intercultural communication in science submits the same principles, though its specific is determined by the relations between corresponding cognitive-discursive dominants. General and particular dominants are inferred.

Key words: general principles of cognitive-discursive regulation of language communication; cognitive-discursive interaction; cognitive-discursive adaptation; cognitive-discursive dominant; particular principles of cognitive-discursive regulation of science intercultural communication.

Проблема регуляции межкультурной научной коммуникации имеет особое значение в современных условиях конвергенции наук. К изучению данной проблемы обращаются многие ученые [1]. Между тем, ее когнитивно-дискурсивный аспект открыт для разработок. Цель работы – выделить общие принципы когнитивно-дискурсивной регуляции языковой коммуникации и определить специфику принципов когнитивно-дискурсивной регуляции межкультурной научной коммуникации.

1. Принцип когнитивно-дискурсивного взаимодействия. Буквально человеческая коммуникация не является ни передачей (однаправленность), ни обменом («механистичность» субъекта) информацией. Понятие *взаимодействие* позволяет иначе подойти к проблеме. В психологии – «смысловой аспект социального взаимодействия» [2]. В психолингвистике – «способ внесения <...> коррекции в образ мира собеседника» [3]. В теории коммуникации – «взаимодействие внутренних реальностей (личностей) посредством сознания – речи – языка в социальных условиях внешней реальности» [4]. В когнитивной лингвистике – концептуальное взаимодействие: «взаимная активация соответствующих структур знания между коммуникантами» [5, с. 11]. Н. Н. Болдырев и В. С. Григорьева указывают: «любое речевое общение всегда основано на концептуальном взаимодействии» [6, с. 15]. Однако верно и обратное: концептуальное взаимодействие, в свою очередь, основано на речевом общении. Речь опосредует язык в действии, мыслительном и вербальном, и «обслуживает» концептуальное взаимодействие.

Поскольку любая коммуникация осуществляется конкретными людьми в конкретных социокультурных условиях, такое взаимодействие обусловлено взаимосвязью факторов когнитивного и экстралингвистического контекстов. Первый, по определению Н. Н. Болдырева, представлен «структурами знаний,

лежащих в основе формирования и интерпретации языковых значений» [7, с. 119]. Он отражает как индивидуальный опыт познания мира человеком, так и социокультурный коллективный: «выступает в качестве тех коллективных и индивидуальных схем, с помощью которых человек воспринимает и интерпретирует мир» и обеспечивает, в целостной совокупности своей, «вторичное осмысление отдельных его единиц» [Там же]. Экстралингвистический контекст, указывает Г. В. Колшанский, представляет собой определенные «паралингвистические условия», имеющие «вспомогательный и второстепенный характер» [8, с. 32–33]. Его факторы непосредственно не имеют отношения к образованию текста, но косвенно «участвуют в языковой коммуникации», т. к. она «осуществляется людьми, аккумулирующими» социокультурный опыт [Там же, с. 38]. Экстралингвистический контекст нельзя не брать в расчет, учитывая принцип «воплощения знания, когниции и опыта»; человек есть во взаимодействии биологической и феноменологической сторон, одновременно «внешних» и «внутренних», между которыми он «циркулирует» [9]. Взаимосвязь факторов влияет на содержательную и структурную специфику форматов репрезентации знаний субъектами в определенных социокультурных ситуациях языковой коммуникации, обуславливает их дискурс.

Исследователь Т. С. Галич определяет дискурс как формат знаний, представляющий собой «особый способ их организации» [10, с. 113–116]. Несмотря на то, что в исследовании тщательно изучаются когнитивные и языковые механизмы интерпретации и репрезентации знаний, вербальный аспект дискурса остается, некоторым образом, «за скобками». Между тем, дискурс как формат знания не может существовать без своего конкретного воплощения в форме высказывания / текста одним субъектом и его восприятия другим субъектом. Е. С. Кубрякова: дискурс как когнитивное «по самой своей сути» явление имеет дело «с передачей знаний, с оперированием знаниями особого рода и, главное, с созданием новых знаний» [11, с. 12]; т. е. «передача» знаний является неременной составляющей дискурса. Возможность «передачи» обусловлена высказыванием / текстом. В. А. Андреева пишет: текст выступает неким «знаковым телом дискурса» [12, с. 13] и обладает «когнитивно-коммуникативным потенциалом»: «Как артефакт он может быть воспроизведен и интерпретирован» [Там же, с. 12]; в нем действуют «общие закономерности, заложенные в языке как хранилище сверхличного опыта» и осуществляется «творческое преломление коллективного опыта в индивидуальной практике языковых личностей в процессе порождения и восприятия высказывания / текста» [Там же]. Потому дискурс следует относить к формату знаний и способу языковой и вербальной репрезентации их интерпретации – тогда учитывается его когнитивно-коммуникативная природа (О. В. Магировская: «дискурс также когнитивен, как и коммуникативен» [13, с. 151]).

Следовательно, языковая коммуникация не может осуществляться вне когнитивно-дискурсивного взаимодействия. Взаимодействие концептуальных систем, систем знаний и способов языковой интерпретации субъектов

опосредовано фактором дискурса как формата знаний и способа его языковой (система когнитивных структур и языковых категорий в их взаимосвязи и взаимодействии) и вербальной (высказывание – текст) репрезентации.

2. Принцип когнитивно-дискурсивной адаптации. Условием любой человеческой коммуникации выступает понимание ('duty to understand' [14]). Основой понимания служат общие разделяемые участниками знания (напр., [15, с. 174–175]) и их согласование (напр., [16]), «настройка» (напр., [6, с. 16]), адаптация (см. подробнее в [17]). Однако в этом процессе человек не просто согласовывает свои знания и настраивает собственную концептуальную систему. Он именно адаптирует их к условиям, преобразовывая всю свою когнитивную систему, при особом значении языка и общения, и влияя на состояние системы другого, без чего невозможно адекватное когнитивное развитие человека и его адекватное взаимодействие с другими [18, с. 11–13, 171–182]. Следовательно, для адекватной коммуникации необходима когнитивно-дискурсивная адаптация.

Следующий вопрос: что выступает механизмом когнитивно-дискурсивной адаптации и приводит весь процесс в действие? В качестве такого механизма предлагаем рассматривать когнитивно-дискурсивную доминанту.

3. Принцип когнитивно-дискурсивной доминанты. В направлении теории концептуальной семантики Н. Н. Болдырев представляет когнитивные доминанты как обусловленные когнитивным контекстом коллективные и индивидуальные когнитивные схемы [19, с. 44], или «приоритеты», подчиняющие систему знаний человека и взаимодействий с миром и другими людьми (совместно с В. С. Григорьевой) [6, с. 15]. Когнитивные доминанты выступают принципом нормальной организации работы «любой когнитивной системы и ее адаптации в мире» [19, с. 44], поскольку для этого необходимо, с одной стороны, чтобы когнитивная система сама была определенным образом структурирована, с другой стороны, чтобы поступающая извне информация структурировалась так, чтобы стать частью структуры сознания [Там же, с. 45–46]. Такая работа предопределена интерпретирующим характером самих когнитивных схем и интерпретирующей функцией языка и обусловлена наличием коллективных знаний и спецификой их индивидуальной репрезентации в сознании человека [Там же, с. 46]. В качестве когнитивных доминант могут выступать различные когнитивные модели, структура концептуально-тематических областей и языковых категорий, «классификационные и метаязыковые концепты, сложные пропозиции, индивидуально-авторские метафоры и образные сравнения» [Там же, с. 51]. То есть когнитивные доминанты регулируют процесс познания и интерпретации взаимодействий человека с миром, что необходимо «для адаптации и нормальной работы когнитивной системы в окружающей среде» [Там же, с. 51].

Специфика данной работы обусловлена своей исследовательской доминантой, а именно когнитивной областью определения принципов когнитивно-дискурсивной регуляции языковой коммуникации. Поэтому в качестве рабочего понятия логично выделить когнитивно-дискурсивную доминанту.

Приняв за теоретическую основу положения о когнитивной доминанте Н. Н. Болдырева, обратимся также к учению о доминанте в контексте психофизиологии А. А. Ухтомского, который первым ввел термин *доминанта* в качестве научного понятия.

В психофизиологической теории А. А. Ухтомского доминанта, или доминантная установка представляет собой более-менее устойчивый очаг повышенной возбудимости центров, который детерминирует своеобразные «приливы» и «отливы» энергии к различным центрам. Доминанта «отвлекает» на себя возбуждение некоторой энергии их общего «энергетического фонда», определяя векторы его активности. «Концом доминанты» становится «разрешающий акт», а ее завершение становится предпосылкой для появления новой доминанты. Однажды вызванная, она поддерживается нервными центрами, подкрепляется другими раздражениями и может быть вызвана ими [20]. Важной перспективой исследований ученый считал изучение влияния на нервную систему «социологизмов», поскольку каждый человек «самым материальным образом есть лишь элемент и участник сообщества» [20, с. 186].

Эвристическую ценность в контексте данной работы имеет положение А. А. Ухтомского о «разрешающем акте» как «конце доминанты» и предпосылке для появления новой. Таким «разрешающим актом» доминанты в условиях языковой коммуникации выступает речевое высказывание, завершающееся текстом. Это же становится предпосылкой для появления новой доминанты. С одной стороны, в отношении автора высказывания, завершение доминанты текстом обуславливает уход концептуального содержания текста в область фона, уступая место другой доминанте. С другой стороны, текст, воспринятый другим субъектом, детерминирует актуализацию определенных когнитивных доминант субъекта восприятия и до определенной степени направляет его интерпретацию. Такое рассмотрение доминанты предполагает, следовательно, учет когнитивно-дискурсивного аспекта. Доминантные форматы знания «притягивают» к себе соответствующие концептуальные области определений и влияют на способы языковой интерпретации объекта и вербальной репрезентации смысла в форме текста, с одной стороны. Восприятие текста воздействует на сознание субъекта восприятия и детерминирует актуализацию его определенных доминант, с другой стороны. Специфика условий восприятия – психологическое состояние, степень заинтересованности, отвлекающие обстоятельства и т. д. – определяет конкуренцию доминант, что обуславливает качество интерпретации и степень понимания воспринимаемого текста. Учитывая вышесказанное, считаем целесообразным использовать в исследовании понятие *когнитивно-дискурсивная доминанта*.

4. Специфика когнитивно-дискурсивной регуляции межкультурной научной коммуникации. Межкультурная научная коммуникация, разумеется, основана на тех же принципах, что и любая другая языковая коммуникация; ее специфика определяется спецификой, прежде всего, научных

и социокультурных знаний субъектов (напр., [21], [22]). Ее регуляция, следовательно, обуславливается отношениями соответствующих когнитивно-дискурсивных доминант. Такие доминанты должны логично определяться через контексты научного знания, субъекта (индивидуального и коллективного), регламента, языковой личности ученого и могут быть сгруппированы как общие и частные.

К **общим** когнитивно-дискурсивным доминантам логично отнести следующие области знания, служащие основой когнитивно-дискурсивного взаимодействия в межкультурной научной коммуникации и детерминирующие ее специфику:

Общие научные знания: общие, разделяемые всеми членами научного сообщества знания, такие как научный метод, научный категориально-понятийный аппарат и общие научные термины. Например, в аннотациях, как правило, указываются методы исследования: *Methods of theoretical simulation...* ‘Методы теоретического моделирования...’; *В статье демонстрируется применение метода теоретического моделирования...* Общими научными терминами служат, например, *method* ‘метод’, *category* ‘категория’, *structure* ‘структура’, *system* ‘система’ и др.

Общие знания регламента научной языковой коммуникации: общие, социально обусловленные знания правил научной языковой коммуникации. Например, структура статьи включает такие типичные компоненты, как название, имя автора, *abstract* ‘аннотация’, *key words* ‘ключевые слова’, *introduction* ‘введение’, *purpose* ‘цель’, *findings* ‘результаты’, *discussion* ‘обсуждение’, *conclusion* ‘заключение’, *references* ‘список литературы’.

Субъект языковой научной коммуникации: индивидуальный или коллективный автор. Спецификой выступает редкость автореференции индивидуального субъекта. Например: *So, I should begin with...* ‘Таким образом, мне следует начать с...’; *Я думаю, можно утверждать, что...* Чаше, напротив, наблюдается тенденция уклонения от автореференции различными способами. Например, посредством метонимического переноса: *This analysis indicated...* ‘Данный анализ показал...’; *Исследование в целом показывает...* Подробнее см. в [23].

Частные доминанты, с одной стороны, выступают основой когнитивно-дискурсивного взаимодействия в определенном научном сообществе, с другой стороны, требуют когнитивно-дискурсивной адаптации в условиях междисциплинарной межкультурной коммуникации, а также в условиях межкультурной монодисциплинарной коммуникации, в рамках которой выделяются разные методы.

Знание конкретной науки: обусловлено контекстом конкретной науки, оптимизирует когнитивно-дискурсивное взаимодействие включенных в нее субъектов, но может затруднять его в междисциплинарном контексте. В частности, использование междисциплинарных терминов может приводить к определенной понятийной семантической диффузии. Например, ср. *synaesthesia* ‘синестезия’ в психологии и стилистике.

Знание конкретного научного метода: обусловлено контекстом конкретного научного метода. Специфика языковой научной коммуникации в данном случае заключается в том, что представители одного научного направления, придерживающиеся разных методов, могут до определенной степени сложнее адаптироваться в коммуникации, чем представители различных научных направлений, придерживающиеся одного метода. Например, ср. когнитивизм в психологии и лингвистике (общие концепты: *knowledge* ‘знание’, *concept* ‘концепт’ и т. д.); структурализм (напр., *speech act* ‘речевой акт’) и когнитивизм (напр., *conceptual interaction* ‘концептуальное взаимодействие’) в лингвистике.

Знание социальных национально-культурных традиция языковой коммуникации: знания традиций языковой научной коммуникации, сложившихся в условиях национальной культуры. Например, западные ученые, как правило, начинают доклад или статью с формулировки главных рабочих тезисов, а после переходят к аргументации, тогда как в отечественной науке это не обязательно.

Новые знания конкретной языковой личности ученого: индивидуальное новое научное знание – новый метод, новая концепция, новое понятие, новая методика. Например: *psychoanalysis* ‘психоанализ’ (З. Фрейд), *personal constructs theory* ‘теория личностных конструктов’ (Дж. Келли), *cognitive grammar* ‘когнитивная грамматика’ (Р. Лэнкер), *философия поступка* ‘the philosophy of deed’ (М. М. Бахтин), *социокультурная теория* ‘social-cultural theory’ (Л. С. Выготский), *концепция внутренней формы слова* ‘the conception of the inner form of word’ (А. А. Потебня) и многие другие.

Межкультурная научная коммуникация обусловлена теми же принципами, что и любая другая. В ее основе лежит когнитивно-дискурсивное взаимодействие – активация в сознании производящего текст субъекта и воспринимающего текст субъекта когнитивных схем и способов языковой интерпретации, обусловленных факторами когнитивного и экстралингвистического контекстов. Условием адекватности и эффективности языковой коммуникации выступает когнитивно-дискурсивная адаптация – приведение производящим и воспринимающим текст субъектами их когнитивных схем и способов языковой интерпретации в определенное соответствие условиям коммуникации (взаимосвязь когнитивного и экстралингвистического контекстов). Механизмом регуляции языковой коммуникации служит когнитивно-дискурсивная доминанта – когнитивный контекст, который актуализируется в процессе производства / восприятия высказывания / текста под влиянием взаимосвязи общего когнитивного контекста и определенного социокультурными условиями языковой коммуникации экстралингвистического контекста и обуславливает активизацию соответствующих когнитивных схем и способов языковой интерпретации в сознании производящего / воспринимающего субъекта.

Специфика межкультурной языковой коммуникации продиктована спецификой научных знаний и когнитивно-дискурсивных способов их интер-

претации и репрезентации. Ее регуляция детерминирована отношениями общих и частных когнитивно-дискурсивных доминант. Общими доминантами являются: общие научные знания, общие знания регламента научной языковой коммуникации, знания специфики репрезентации субъекта языковой научной коммуникации. Они выступают доминантами, переключающими сознание субъекта с области обыденной коммуникации на область научной коммуникации. При этом в научной коммуникации они служат основой когнитивно-дискурсивного взаимодействия. Частными когнитивно-дискурсивными доминантами выступают: знание конкретной науки, знание конкретного научного метода, знание социальных национально-культурных традиций языковой коммуникации, новые знания конкретной языковой личности ученого. Они обуславливают необходимость особой когнитивно-дискурсивной адаптации, «перевода» систем знаний на разные научные языки и различные способы интерпретации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барашева, Д. Е. Социально-гуманитарное знание в инфосреде межкультурных научных коммуникаций / Д. Е. Барашева // Гуманит.-пед. образование. – 2019. – Т. 5. – № 1. – С. 81–89.
2. Петровский, А. В. Психологический словарь / А. В. Петровский, М. Г. Ярошевский. – Политиздат, 1990. – С. 168.
3. Леонтьев, А. А. Основы психолингвистики / А. А. Леонтьев. – М. : Смысл ; Издат. центр «Академия», 2005. – С. 272.
4. Тюпа, В. И. Очерк второй. Онтология коммуникации / В. И. Тюпа / Дискурсивные формации. Очерки по компаративной риторике. – М. : Языки слав. культуры, 2010. – С. 49–74.
5. Болдырев, Н. Н. Интерпретирующая функция языка / Н. Н. Болдырев // Вестн. Челяб. гос. ун-та, 2011. – № 33 (248). – Вып. 60. – С. 11–16.
6. Болдырев, Н. Н. Когнитивные доминанты речевого взаимодействия / Н. Н. Болдырев, В. С. Григорьева // Вопр. когнитивной лингвистики. – 2018. – № 4. – С. 15–24.
7. Болдырев, Н. Н. Роль когнитивного контекста в интерпретации мира и знаний о мире / Н. Н. Болдырев // Вестн. Челяб. гос. ун-та, 2014. – № 6 (335). – Вып. 88. – С. 118–122.
8. Колшанский, Г. В. Контекстная семантика / Г. В. Колшанский. – М. : Наука, 1980. – С. 32–38.
9. Varela, F. J. The Embodied Mind: Cognitive Science and Human Experience / F. J. Varela, E. Thompson, E. Rosch. – MIT Press, 1993. – P. XV–XVI.
10. Галич, Т. С. Дискурс как формат представления знаний / Т. С. Галич // Когнитивные исследования языка. – 2015. – № 22. – С. 113–116.
11. Кубрякова, Е. С. О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике (Обзор). Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональные и структурные аспекты / Е. С. Кубрякова // Сб. обзоров. Сер. Теория и история языкознания. – М. : ИНИОН РАН, 2000. – С. 5–13.
12. Андреева, В. А. Позиции дискурса в современной лингвистике / В. А. Андреева // Вестн. Балт. фед. ун-та им. И. Канта, 2015. – Вып. 2. – С. 7–14.
13. Магировская, О. В. Перспективы когнитивных исследований дискурса / О. В. Магировская // Вестн. Челяб. гос. ун-та, 2014. – № 6 (335). – Вып. 88. – С. 151–154.
14. Dascal, M. Interpretation and understanding / M. Dascal. – Amsterdam / Philadelphia, John Benjamins Publishing Co., 2003. – 736 p.

15. *Цурикова, Л. В.* Анализ межкультурной коммуникации: когнитивно-прагматический подход / Л. В. Цурикова // Вестн. ВГУ. Сер. Гуманит. науки, 2003. – № 2. – С. 162–182.
16. *Филлмор, Г.* Основные проблемы лексической семантики / Г. Филлмор // Новое в зарубежной лингвистике. – М. : Радуга, 1983. – Вып. 12. – С. 74–122.
17. *Barasheva, D. E.* Conceptual Adaptation in The Aspect of Intercultural Scientific Communication / D. E. Barasheva // Актуальные проблемы современной лингвистики и гуманитарных наук : сб. ст. XI Всерос. науч.-метод. конф. с междунар. участием. – М. : РУДН, 2019. – С. 82–96.
18. *Пиаже, Ж.* Психология интеллекта / Ж. Пиаже. – СПб. : Питер, 2004. – 192 с.
19. *Болдырев, Н. Н.* Когнитивные доминанты языковой интерпретации / Н. Н. Болдырев // Когнитивные исследования языка. – 2019. – № 36. – С. 43–53.
20. *Ухтомский, А. А.* Доминанта. Статьи разных лет. 1887–1939 / А. А. Ухтомский. – СПб. : Питер, 2002. – 448 с.
21. *Кудрина, Н. А.* Особые формы метарепрезентации в научном тексте / Н. А. Кудрина // Взаимодействие мыслительных и языковых структур // Собр. науч. школы : материалы Всерос. науч. конф. 28 мая 2010. – Тамбов : Издат. дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2010. – С. 63–67.
22. *Хомутова, Т. Н.* Научная коммуникация: межкультурный аспект / Т. Н. Хомутова // Вестн. Челяб. гос. ун-та, 2008. – № 23. – С. 143–150.
23. *Барашева, Д. Е.* Концептуальные основы саморепрезентации индивидуального и коллективного субъектов научного познания в коммуникативной функции адресанта / Д. Е. Барашева // Вестн. Пятигор. гос. ун-та. – 2017. – № 4 (октябрь-декабрь). – С. 160–170.

Дарья Евгеньевна Барашева

кандидат психологических наук, доцент,
доцент кафедры лингводидактики и зарубежной филологии
Севастопольского государственного университета

Daria E. Barasheva

PhD, Associate Professor, Associate Professor
of "Linguodidactics and Foreign Literature" at Federal State
Autonomous Educational Institution of Higher Education
"Sevastopol State University"

А. Е. Бижкенова

Нур-Султан, Казахстан

ЖИЗНЬ И КУЛЬТУРА НАРОДА ВЕЛИКОЙ СТЕПИ В КНИГЕ МАКСА КУЧИНСКОГО «СТЕПЬ И ЧЕЛОВЕК»

Настоящая статья посвящена актуальным вопросам освещения культуры степного кочевого народа в путевом романе, изданном в Лейпциге в Германии немецким врачом и путешественником Максом Кучинским в 1925 году и не известном до сегодняшнего дня в Казахстане. В этом произведении повествуется об истории казахского народа. Была предпринята попытка проанализировать немецкое произведение, пока еще не переведенное на русский и казахский языки. В статье отмечаются наряду с анализом содержания особенности авторского отношения к описываемым событиям через его язык.

К л ю ч е в ы е с л о в а : *народ Великой степи; степная культура; казахи; степь и человек; уважение и толерантность.*

LIFE AND CULTURE OF THE PEOPLE OF THE GREAT STEP IN THE BOOK OF MAX KUCHINSKY “STEPPE AND MAN”

This article is devoted to actual issues of the culture of the steppe nomadic people in a travel novel published by the German doctor and traveler Max Kuchinsky in Germany in 1925 and not known until now in Kazakhstan, the history of the people this work tells the story about. An attempt was made to analyze a German work that has not been translated into Russian and Kazakh yet. In the article, along with the analysis of the content, the features of the author's attitude to the described events through his language are noted.

К е у w o r d s: *people of the Great Steppe; steppe culture; the Kazakhs; steppe and man; respect and tolerance.*

«Традиции и культура – это генетический код нации.
Нам следует оберегать нашу национальную культуру
и традиции во всем их многообразии и величии,
собирать по крупицам наше культурное достояние»
Н. А. Назарбаев [1]

«Эта особенная степная культура, – писал Л. Н. Гумилев, – имела древние традиции и глубокие корни, но известна нам в значительно меньшей степени, чем культура оседлых стран» [2, Введение]. Для того чтобы изучение культуры продвигалось глубже, необходим поиск новой литературы как отечественных, так и иностранных исследователей. Именно поэтому в основу нашего научного поиска положена книга малоизвестного исследователя казахских степей, немецкого ученого, доктора медицины, физиолога, антрополога, этнолога Макса Х. Кучинского «Степь и человек», вышедшая в свет в 1925 году в издательстве г. Лейпциг в Германии [3].

Макс Х. Кучинский не является писателем и стиль его письма очень специфичен. В своих путевых заметках он нарисовал неповторимую картину жизни, быта, здоровья и культуры степного народа, насколько он смог это увидеть и прочувствовать.

В Советскую Россию М. Х. Кучинский впервые попал в середине 1923 года как участник Международного конгресса эпидемиологов в Ленинграде. Он близко познакомился с коллегами по интересам. Немецким языком прекрасно владели А. А. Дудукалов из Москвы и Е. С. Сорокин из Омска. Последний пригласил Макса Кучинского в гости. Так, в июне 1924 года немецкий профессор оказался в Сибирском ветеринарно-зоотехническом институте. Евгений Сорокин, уроженец Павлодара, брат писателя Антона Сорокина, посоветовал осмотреть самые отдаленные районы степи. Для этого надо было отправиться в путешествие по степи в город Каркаралы. В начале июля Макс Х. Кучинский с небольшим сопровождением отбыл в Семей, где встретился с несколькими членами местного Географического общества, расспрашивал об особенностях жизни степняков в горном Зайсан-

ском уезде, около Балхаша и Каркаралинской степи. Вел дневник, где, например, записал: «Мы провели у врача Кропанина послеобеденное время, оставившее приятные воспоминания. С каркаралинским коллегой вели интересную беседу об этой земле и ее людях» [4].

В основе сюжета книги – жизнь степного народа. Мы знаем из книг по истории, что казахов на заре советской эпохи называли киргизами, поэтому автор везде так именует народ. Однако мы понимаем под этим определением казахский народ. Все, о чем повествует Кучинский, касается истории казахского народа. Прибывший в степные просторы немецкий врач с восторгом и невероятным интересом начал вести заметки обо всем, что видел и слышал во время путешествия по малоизученной земле.

Данная книга ценна тем, что относится к ряду немногих оригинальных записок о степном народе, о жизни в условиях суровой степи, о традициях и быте людей, одежде, еде и других особенностях этнического порядка, которые не встретишь ни в каком другом месте, кроме как в степи. Удивительным фактом в этой книге является, конечно же, исконно европейское происхождение самого автора, которому все наблюдаемое было априори чуждым, однако небезынтересным. Макс Х. Кучинский общался с врачами и учеными, простыми людьми. В свою очередь, ученые, жившие в то время в округе городов Омска и Семей, с удовольствием и огромным воодушевлением общались и обменивались опытом с новоприбывшим медицинским работником из Германии, подробно рассказывали ему о тех вещах, которые его интересовали. Многие аспекты Макс Х. Кучинский посчитал весьма необычными и экзотичными для своего европейского нрава.

Особенность данной книги в том, что она помогает пролить свет на культуру степного народа и восполнить знания об истории казахов. Также эта книга станет прекрасным дополнением к коллекции книг по исследованию Великой степи и невероятно свободной жизни народа, проживающего в ней.

Читая книгу, невольно обращаешь внимание на то, с каким чувством уважения немецкий путешественник характеризует казаха, которого называет сыном степи, она оказала и продолжает оказывать на последнего первостепенное влияние. Жизнь в степи нелегкая. Степь предстает разной. Здесь достаточно лишь перечислить языковые выражения для ее характеристики: казахская степь демонстрирует явный, даже самый суровый климат, т. е. климат с наибольшими не только сезонными, но и однодневными колебаниями.

Читателю предоставляется возможность почувствовать себя ученым-исследователем и заглянуть в страницы книги, которая по первым ощущениям напоминает личный дневник путешественника. Язык изложения в целом достаточно лаконичен, но встречаются и сложные для восприятия моменты с вкраплениями из греческого, латинского и других языков.

Нетрудно заметить трепетное отношение автора к изучаемой им культуре. Дальнейшие примеры способствуют формированию ясного представ-

ления о впечатлениях иностранного исследователя. Обратим внимание на подбор прилагательных: *Wir haben zwar auch hier riesige gezackte Bergrücken und furchtbare, wildromantische Schluchten. Aber zwischen ihnen liegen weite öde Steppen, üppige, aber eintönige Grasplätze, die das Eldorado der viehzüchtenden Nomaden bilden* [3, S. 28] ‘У нас тоже здесь имеются огромные остроконечные горные хребты и ужасающие, дико романтические ущелья. Но между ними пролегают обширные пустынные степи, пышные, но однообразные поля трав, которые образуют Эльдorado для пасущих скот кочевников’.

Die Steppe ist mit ihren Bewohnern ein lebender Organismus, der nicht weniger beharrlich in seiner Struktur und seinen Äußerungen ist als irgend ein anderer. Der Mensch fügt sich ganz harmonisch in diesen Rahmen ein [Там же, S. 52–53] ‘Степь с ее населением живой организм, который по своей структуре и признакам не менее силен, чем какой-либо другой. Человек гармонично вписывается в данные рамки’.

Рассмотрим также другие примеры из текста книги, где представляется степь, показана гармония жизни. Само восприятие автором понятия *steppe* восхищает читателя глубиной жизненной философии. Внутренние ощущения при этом вербализуются не одними только прилагательными.

In der Steppe ist die Lösung seit altersher erreicht, und es kann niemand bei näherem Nachdenken wundern, daß daher das Bild dieser harmonischen Einführung in die Natur durch die Jahrhunderte gleich geblieben ist, wo die Möglichkeit dieses Lebens ungehemmt bestand [3, S. 53] ‘В степи решение принято уже давно, и поэтому никто не может при близком рассмотрении удивляться, что через столетия эта картина гармоничного внедрения в природу остается прежней, где сохранилась возможность непринужденной жизни’.

Четкое распределение семантической отражательной функции отдельных лексем приводит к образованию необычных ассоциаций. Так, к примеру, степь приравнивается к человеку, который может принимать решение. Речь идет о гармонии природы и всей жизни в условиях этой природы. Человек и степь находятся между собой в гармонии. Организм человека – это целостная система, в которой каждая часть связана с другими. Средневековый врач Парацельс утверждал, что большинство человеческих болезней возникает из-за негативных эмоций. Другими словами, для того, чтобы быть счастливым и здоровым, нужно отыскать баланс между внешним и внутренним миром. Этот баланс называется гармонией. Жизнь степи многогранна.

Культуру Великой степи, несомненно, обогащает присутствие женщины. Каждый народ ценит роль женщины индивидуально, она имеет свое незыблемое место в обществе. В понимании казахов женщина, как издавна повелось, это, в первую очередь, верная жена и хранительница очага. Как пишет Г. Ж. Нурышева, «выбор спутника жизни, создание семейного союза являются особой сферой человеческих отношений, и казахский народ придавал важное значение этому событию <...>. В казахской семье строго

распределены обязанности жены и мужа. Мужчина – глава семейства, а женщина – его мудрая помощница, поддерживающая своими советами в сложных жизненных перипетиях. Женщина с хорошим характером, “мінезді әйел”, именно такая жена, которая понимает свое место в семье и обществе. Она – воспитанный, культурный, мудрый человек и старается лишний раз не вступать в мужские дела» [5]. Полностью разделяем такое мнение и считаем, что женщину можно считать центром народной культуры, именно поэтому в художественных произведениях немало места уделяется представлению образа женщины. Так и в книге Макса Х. Кучинского находим много сцен с участием женщин, причем это не простые женщины, а спутницы мужчин в их суровых условиях кочевой жизни.

*Ihre Frauen sind die **keuschesten** und **ehrbarsten** in der Welt und lieben und ehren ihre Männer gar sehr. Treulosigkeit in der Ehe wird von ihnen als ein **ehrloses, niederträchtiges** Laster betrachtet. Und auf der anderen Seite ist es bewunderungswürdig, der Männer Freundschaft im Umgang mit ihren Weibern zu sehen, unter denen, wenn ihrer auch zehn oder zwanzig sind, **unübertreffliche** Ruhe und Einigkeit herrscht* [3, S. 49] ‘Их женщины самые целомудренные и достойные во всем мире, они очень сильно любят и уважают своих мужчин. Измена в браке рассматривается ими как позорный, низкий порок. Однако удивительно видеть дружелюбие мужчин в отношениях с их женщинами, среди которых, даже если их насчитывается и десять, и двадцать, царит непревзойденная тишина и единодушие’.

*Nie hört man **beleidigende** Sprache unter ihnen, und ihre Aufmerksamkeit ist ganz vom Handel und ihren **verschiedenen häuslichen** Geschäften sowie von der Besorgung des Lebensbedarfes der Familie, der Aufsicht über die Diener und der Sorge für die Kinder, um welche sie sich **gemeinschaftlich** kümmern, in Anspruch genommen. Um so **preiswürdiger** sind die Tugenden der Bescheidenheit und Keuschheit bei den Frauen, als es den Männern gestattet ist, so viel Frauen zu nehmen, wie sie wollen* [Там же, S. 50] ‘Никто никогда не слышит в общении между ними обидных слов, а их внимание полностью направлено на торговлю и разнообразные домашние дела, а также обеспечение жизненных потребностей семьи, присмотр за прислугой и заботу о детях, которых они все вместе воспитывают. Тем самым еще ценнее становятся скромность и целомудренность женщин, если мужчинам позволено брать в жены столько женщин, сколько они захотят’.

В приведенном примере видим набор особой лексики, содержание которой направлено на передачу особенностей семейного уклада и роли женщины в семье. Семья кочевника – это единая сплоченная ячейка, тесно взаимодействующая и ведущая общее натуральное хозяйство, в которой женщина находится на центральной позиции. Таким образом, женщина в обществе кочевого народа степи представляет собой тихого, скромного и уютного человека, обязанного в условиях многоженства строго соблюдать свои обязанности, жить в мире и согласии с окружающими и успевать при этом воспитывать детей и быть хранительницей очага. Автор книги Макс

Кучинский представил реалии быта казахской женщины с особым пониманием всех деталей и с большим уважением к ее скромности и природной застенчивости, о чем он неоднократно упоминает в своих записках. Подбор эпитетов и стилистических средств при этом является четким и целенаправленным, что абсолютно соответствует истинности описываемых фактов.

Кочевую культуру невозможно представить без процесса самого кочевания и установления временного жилья. Для кочевого народа основным жильем являлась юрта. В книге Макса Кучинского регулярно встречаются отрывки, посвященные очень детальному описанию передвижений аулов по степи, возведения кочевого жилища и создания внутреннего убранства юрт. Это непревзойденное мастерство и подлинное искусство. «Говоря о казахской юрте, можно с уверенностью сказать, что как жилище она была точно продумана с учетом потребностей быта кочевников, ее убранство отличалось орнаментальным изяществом декора, сам принцип построения был отражением их взглядов на окружающий мир. Большого внимания заслуживает символика казахской юрты, раскрывающая духовно-культурные и научно-философские смыслы юрты. Символизм кочевой культуры представлял собой философское отношение к миру и был нормой жизни. Не было разделения на философию мира и быта, они были взаимосвязаны», – пишет М. К. Егизбаева [6]. С этим нельзя не согласиться. Представим несколько примеров.

Das ganze Aul wandert, fast immer nachts, je nach der nächsten wohl bekannten günstigen Stelle 10-15 Werst weiter. Dann kommt die ganze Kette der Aule in Bewegung und der Reiter trifft nachts auf einmal die gespensterhaften Züge der wandernden Dörfer auf seinem sonst so einsamen Ritt. Am Orte der Wahl wird in wenigen Minuten die Jurte neu aufgerichtet, zuerst der Holzbau aus kunstvoll gebogenen und gitterscheren-artig gefügten Stangen, auf die sich nach oben zu die kuppelförmig zusammenstrebenden Stäbe der Zeltwölbung setzen [3, S. 73] ‘Весь аул почти всегда ночью переезжает на близкие, уже знакомые благоприятные места расстоянием в 10–15 верст. Тогда в движение приводится вся цепь аулов, а одинокого всадника в ночи сопровождают странствующие поселения, похожие на призрачные видения. В выбранном месте за несколько минут будет вновь установлена юрта, сначала искусно изогнутые, прикрепляемые в виде решеток деревянные жерди, на которые сажаются жерди, сходящиеся воедино к верхнему куполу юрты’.

Über das Gestell werden Filzdecken, bei reicheren Kirgisen hellgrau, fast weiß, gezogen, die innen mit schön gestickten Bändern am Fachwerk des Zeltes festgebunden werden. Die Jurten reicher Besitzer sind schon weithin durch ihre helle Farbe erkennbar und dem hungrigen müden Reisenden ein willkommenes Ziel. Hier steht die weit ausladende Bettstelle in türkischer Art, oft mit beinernen Ornamenten schön verziert, darauf 10-20 Decken und viele prächtige seidenbezogene Kissen für den Wirt und die stets vorhandenen Gäste. An die Stelle dieser schönen und sehr bequemen Holzbetten treten leider jetzt häufig europäische metallene Gestelle [Там же, S. 73] ‘На каркас натягивается вой-

лочное покрытие, у более богатых киргизов оно светло-серого, почти белого цвета, внутри крепко затягивается красиво вышитыми лентами к основе юрты. Юрты богатых хозяев узнаются уже издали по светлому цвету и являются желанной целью для голодного уставшего путешественника. Здесь стоит широко раскладывающаяся кровать в турецком стиле, ножки которой часто украшены орнаментами, на ней 10–20 одеял и много великолепных шелковых подушек для хозяина и гостей, которые всегда имеются. Вместо этих красивых и очень удобных деревянных кроватей, к сожалению, сейчас часто встречаются европейские металлические конструкции’.

Das Leben der Steppe ist schön und glücklich. Das Leben der Steppe ist auch reizvoll, aber nur für uns Fremdlinge, die wir darin flüchtig untertauchen. Der Kirgise aber lebt darin wie der Karpfen im Teich. Ruhig, behaglich und glücklich [3, S. 180] ‘Жизнь степи прекрасна и счастлива. Она притягательна, но только для нас, чужаков, которые лишь мимолетно погружаются в нее. Киргизы же живут, словно карпы в пруду. Спокойно, удобно и счастливо’.

Понятие культуры очень многогранно. Мы предприняли попытку лишь немного приоткрыть завесу культуры национально-этнического порядка, рассмотрев отдельные языковые факты конкретного произведения, которые помогают передать множество оттенков этого глубокого и очень важного для человека фактора жизни.

Книга Макса Кучинского «Степь и человек» написана на немецком языке, до сих пор она не переведена на другие языки, поэтому является малоизвестным произведением, в котором имеются очень интересные авторские наблюдения за жизнью в степи. Путешествие немецкого ученого-врача, изучавшего болезни степного народа сквозь призму его жизненных традиций, охватило всю центральную часть территории современного Казахстана – от Омска до Каркаралинска (современная Карагандинская область). В книге представлен казахский народ. Казахи имели уникальную степную культуру и неповторимый степной быт.

Тема культуры Великой степи неисчерпаема, тем более если исследовать ее, используя первоисточники. Материал книги Макса Кучинского, положенный в основу нашего исследования, может по праву считаться оригинальным первоисточником, который еще предстоит изучать.

ЛИТЕРАТУРА

1. Назарбаев, Н. Семь граней Великой степи [Электронный ресурс] / Н. Назарбаев // Семь граней Великой степи. – Режим доступа: http://www.akorda.kz/ru/events/akorda_news/press_conferences/statya-glavy-gosudarstva-sem-granei-velikoi-stepi. – Дата доступа: 21.12.2019.
2. Гумилев, Л. Н. Древние тюрки. Введение [Электронный ресурс] / Л. Н. Гумилев // Древние тюрки. Введение. – Режим доступа: <http://gumilevica.kulichki.net/OT/ot00.html>. – Дата доступа: 21.12.2019.
3. Kuszynski, Max H. Steppe und Mensch / Max H. Kuszynski. – Leipzig : Verlag von S. Hirzel, 1925. – 192 S.

4. *Попов, Ю.* Макс Кучински: из Берлина в Каркаралы [Электронный ресурс] / Ю. Попов // Макс Кучински: из Берлина в Каркаралы. – Режим доступа: <http://daz.asia/ru/maks-kuchinskij-iz-berlina-v-karkaraly/>. – Дата доступа: 21.12.2019.
5. *Нурышева, Г. Ж.* Женские образы в творчестве казахских поэтов и жырау [Электронный ресурс] / Г. Ж. Нурышева // Женские образы в творчестве казахских поэтов и жырау. – Режим доступа: http://www.rusnauka.com/10_DN_2012/Philosophia/4_105999.doc.htm. – Дата доступа: 21.12.2019.
6. *Егизбаева, М. К.* Юрта и особенности мировосприятия казахов / М. К. Егизбаева // Юрта и особенности мировосприятия казахов. – Режим доступа: <http://edu.e-history.kz/ru/publications/view/379>. – Дата доступа: 21.12.2019.

Айгуль Ермаковна Бижкенова

доктор филологических наук, профессор,
зав. кафедрой иностранной филологии Евразийского
национального университета им. Л. Н. Гумилева

Aigul Ye. Bizhkenova

Doctor of Philology, Professor, Head of the Department
of Foreign Philology of Eurasian National University named after
L.N. Gumilyova in Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan

А. А. Биюмена

Минск, Беларусь

ИСКУССТВО КАК СФЕРА-ИСТОЧНИК ПРЕЦЕДЕНТНОГО ЗНАНИЯ В МАССОВОЙ КУЛЬТУРЕ

В статье рассматривается функционирование прецедентных феноменов, имеющих ментальную сферу-источник «Искусство» (литература, живопись, кино и т. д.), в современной массовой культуре на материале мультсериалов, газетных заголовков и рекламных сообщений. Результаты исследования показывают, что прецедентные феномены выполняют важную роль в создании семантики текстов массовой культуры – они подчеркивают основные идеи, повышают экспрессивность текста, создают комический эффект, служат фактором солидаризации адресата и адресанта.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *массовая культура; прецедентный феномен; рекламный дискурс; креолизированный текст; газетный заголовок; мультфильм.*

A. A. Biyumena

Minsk, Republic of Belarus

ART AS A SOURCE SPHERE OF PRECEDENT PHENOMENA IN MASS CULTURE

The article deals with the precedent phenomena from the source sphere “Art” (literature, painting, cinematography, etc.) in the modern mass culture – animated series, newspaper headlines, advertising. The results of the research reveal types of precedent phenomena and their functions in mass culture texts – emphasizing main ideas, enhancing text expressivity, creating comic effect, solidifying the addressee and the addresser.

Key words: *mass culture; precedent phenomenon; advertising discourse; creolized advertisement; newspaper headline; cartoon.*

Культура хранит и транслирует исторически накапливаемый социальный опыт, а также генерирует новые программы деятельности, которые порождают реальные изменения в жизни общества [1, с. 341]. Она рассматривается как социокод, передающий социальный опыт от одного поколения другому поколению.

В свою очередь, массовая культура – вид культуры, характеризующийся производством культурных ценностей, рассчитанных на массовое потребление и на усредненный массовый вкус, стандартизованных по форме и содержанию, предполагающих коммерческий успех и распространяемых средствами массовой коммуникации [2, с. 152–153].

Массовая культура в современном мире проникает во все сферы человеческой жизни: она пронизывает социальную и политическую деятельность, досуг и межличностные отношения, собственно культурные явления как таковые. Ее можно рассматривать в качестве специфического способа организации и взаимосвязи всех видов деятельности человека и социализации личности. Американский социолог Д. Белл считает, что в постиндустриальном обществе существуют серьезные трения между культурой, направленной на антиинституциональность, и социальной структурой, управляющей способами экономизации и технологизации [3, с. 58].

Выделяют следующие характеристики массовой культуры как особого социокультурного явления [4; 5; 6]: ориентированность на гомогенную аудиторию; опора на эмоциональное, иррациональное, коллективное, бессознательное; эскейпизм; быстродоступность и быстрозабываемость; традиционность и консерватизм; оперирование средней языковой семиотической нормой; занимательность; более активная роль зрителя; репрезентация социальных стереотипов; отрыв формы от содержания и фокусировка на форме; избыточность; фрагментарность и мозаичность; перемещение в игровую сферу; интертекстуальность, т. е. использование в тексте других текстов или их фрагментов. Как писал Р. Барт, каждый текст представляет собой интертекст: он состоит из «анонимных, неуловимых и вместе с тем уже читанных цитат – из цитат без кавычек» [7, с. 418].

В произведениях современной массовой культуры интертекстуальность реализуется преимущественно при помощи прецедентных текстов, т. е. произведений, которые значимы для человека в познавательном и эмоциональном отношении, хорошо известны представителям всего лингвокультурного сообщества и к которым происходит регулярное обращение в дискурсе данной языковой личности [8, с. 216]. Г. Г. Слышкин определяет прецедентные тексты как характеризующуюся цельностью и связностью последовательность знаковых единиц, обладающую ценностной значимостью для определенной культурной группы [9, с. 29]. Он подчеркивает, что апелляция к концептам прецедентных текстов предполагает осознанность адресантом факта совершаемой им реминисценции на определенный текст, знакомство адресата с исходным текстом и его способность распознать отсылку к этому тексту, а также наличие у адресанта прагматической пресуппозиции знания

адресатом данного текста. Это значит, что, «прибегая к концепту прецедентного текста, отправитель речи осознает это сам и рассчитывает на то, что это будет понято получателем речи, что и происходит в действительности» [9, с. 34].

При создании прецедентных текстов может быть использовано обращение к самым разным областям человеческой жизни, которые рассматриваются как ментальные сферы-источники прецедентного знания. И. П. Зырянова, исследовавшая прецедентные феномены (ПФ) в заголовках российской и британской прессы, выделила следующие значимые для них сферы-источники: искусство, фольклор, политика, религия, общество, средства массовой коммуникации, наука, природные явления, космос [10].

Мы проанализировали ПФ в заголовках белорусских районных газет, креолизованных рекламных текстах и в российских мультипликационных фильмах («Маша и медведь», «Три кота», «Буба») и выявили, что интертекстуальные вкрапления из сферы искусства частотны в каждом из этих типов текстов. В таблице представлены области искусства, которые выступают в качестве ментальных сфер-источников прецедентного знания в материале исследования.

Области искусства-источники прецедентных феноменов

Области искусства-источники ПФ	Газетные заголовки	Рекламные тексты	Мультфильмы
Литература	+	+	+
Музыка	+	+	+
Живопись	—	+	+
Киноискусство	+	+	+
Скульптура / архитектура	—	+	—

В проанализированных заголовках белорусской районной прессы чаще всего наблюдается обращение к литературным произведениям. Данные прецедентные феномены обычно представляют собой:

а) цитаты из классических произведений: *Великий и могучий бюджет* (Вечерний Бобруйск, 19.02.2018); *А судьи кто?* (Шахтер, 18.09.2015); *Рождённые летать* (Вечерний Бобруйск, 28.10.2016); *Есть такие женщины в Речицком районе* (Дняпровец, 14.08.2017); *Ночь. Улица. А где фонарь?* (Новый день, 25.11.2019); *Ночь, улица, фонарь... забор* (Іўеўскі край, 14.10.2019); *Красотою жлобинчанки мир спасать уже готовы* (Новый день, 29.11.2019);

б) имена литературных героев: *Крест Семаки: цветы к могиле слонимского «Робин Гуда»* (Слоні́мскі Веснік, 12.08.2017);

в) названия литературных произведений: *12 стульев* (Шахтер, 09.07.2014); *Горе от вина* (Шахтер, 20.05.2016).

Прецедентные феномены из области музыкального искусства обычно представляют собой фрагменты песен:

а) народных: *Ой, на Івана, на Купалу* (Калінкавіцкія навіны, 11.06.2017);

б) советских и российских эстрадных: *Кто ищет, тот найдёт: В Костюковичском районе на рынке труда около 140 вакантных мест* (Голос Костюковщины, 25.11.2019); *Прайду на Браслаўскай, звярну я на Млынову... Как раньше назывались улицы города Поставы?* (Пастаўскі край, 14.03.2019); *Не думай о «Газелях» свысока»* (Шахтер, 22.04.2018); *Надежда – наш компас...* (Вечерний Бобруйск, 22.11.2016); *Нелетная погода в доме* (Вечерний Бобруйск, 12.02.2016); *«Живи, родник, живи»...* (Сельское жыццё, 19.11.2019);

в) детских: *Вот оно какое, наше лето!* (Крычаўскае жыццё, 14.07.2018).

Третьей областью искусства, к которой обращаются для создания ПФ в газетах, является кинематограф. В роли прецедентных феноменов журналисты белорусских районных изданий используют:

а) названия фильмов: *Приключения итальянцев в глубинке* (Шахтер, 02.05.2016); *Богатые тоже плачут* (Вечерний Бобруйск, 16.06.2017); *Три апельсина для варенья, или Почему на прилавках магазинов некачественные фрукты по высокой цене?* (Патрыёт, 23.10.2019);

б) цитаты из фильмов: *За державу не обидно?* (Вечерний Бобруйск, 18.04.2017); *Чтобы костюмчик сидел, а покупатель возвращался. 37 лет работает в ушачском универмаге Наталья Конух* (Патрыёт, 26.11.2019).

В мультипликационном дискурсе искусство также является самой популярной ментальной сферой-источником прецедентного знания [11]. Как и в районных газетах, цитируемые произведения искусства относятся преимущественно к областям музыки, литературы и кино, однако встречаются единичные случаи обращения к области живописи.

Литературные источники ПФ в мультсериалах представляют собой названия произведений мировой классики и детской литературы и цитаты из них: *Мороз и солнце, день чудесный; Следы невиданных зверей* (А. С. Пушкин); *Давненько не брала я в руки шашки* (Н. В. Гоголь); *Сон в лунную ночь* (У. Шекспир); *Усатый-полосатый* (В. Сутеев).

Прецедентные феномены, отсылающие зрителя к произведениям музыкального искусства, представлены в мультфильмах как вербально, так и невербально. Чаще всего их источниками являются:

а) детские песни: *Палка, палка, огуречик; Мы едем, едем, едем; Маленькой елочке холодно зимой;*

б) популярные советские песни: *Земля в иллюминаторе; Эй, вратарь, готовься к бою!;*

в) русские романсы: *В лунном сиянии;*

г) классические произведения: хабанера *У любви, как у пташки, крылья* из оперы Ж. Бизе «Кармен»; ария *Смейся, паяц!* из оперы Р. Леонкавалло «Паяцы»; *Лунная соната* Л. ван Бетховена;

д) популярные зарубежные песни: *Happy Birthday to You; Besame mucho.*

Прецедентные феномены из области кинематографа в мультипликационных сериалах представлены следующими разновидностями:

а) названия советских, российских и зарубежных кинофильмов: *Подкидыш; Неуловимые мстители; День кино; Один дома; Сладкая жизнь;*

б) цитаты из советских и российских кинофильмов: *А что это вы тут лепите?;*

в) невербальные отсылки к зарубежным фильмам: *Титаник; Аватар; Белоснежка и семь гномов.* Например, в серии «Героями не рождаются» сериала «Маша и медведь» главная героиня представляет себя Суперменом, демонстрируя соответствующий костюм и поведение.

В серии «Шерлок Кот» мультсериала «Три кота» наблюдается мультипрецедентность как одновременная отсылка к двум фильмам о Шерлоке Холмсе: фраза *Элементарно!* намекает на советскую постановку с В. Ливановым в главной роли, а музыкальное сопровождение представляет собой фрагмент саундтрека к современному британскому фильму «Шерлок», в котором роль Ш. Холмса исполняет Б. Камбербэтч.

В мультипликационных сериалах встречаются также прецедентные феномены, относящиеся к области живописи. Обычно они выражаются невербально. Так, в серии «Картина маслом» героиня «Маши и медведя» в образе художника нарисовала себе усы Сальвадора Дали (рис. 1), а в серии «Картина» мультсериала «Буба» представлена часть картины Пабло Пикассо «Девочка на шаре» (рис. 2).

Рис. 1. Героиня мультипликационного сериала «Маша и медведь»

Рис. 2. Фрагмент из серии сериала «Буба». Часть картины Пабло Пикассо «Девочка на шаре»

Также были проанализированы прецедентные феномены из области искусства, содержащиеся в **креолизованных рекламных текстах**, фактура которых состоит из двух разнородных частей: вербальной и невербальной. В таких текстах вербальный и визуальный компоненты неразрывно связаны друг с другом, а ПФ могут быть выражены вербально или невербально. Как показывают результаты исследования, чаще всего они выражаются невербально, при помощи иллюстративно-визуального ряда.

В данном типе дискурса также самыми распространенными оказались ПФ, заимствованные из литературных источников:

а) трансформированные или нетрансформированные названия литературных произведений: реклама пластыря от мозолей «Салипод» *Принцесса на натоптышах;* «Война и мир» ок. 466 000 слов. *Бонус от Velcom* ок. 500 000 слов. *Подключись на «ВСЕ ГОВОРЯТ», получи бонус 3 000 минут.*

б) цитаты из литературных произведений. Например, слоган *И мне понятно, где мебель покупать*, сопровождающий изображения ежа с различными предметами мебели в лапах на рекламном плакате мебельного центра «Домашний очаг», намекает на фразу *И ежу понятно*, которая уже стала прецедентной и отсылает к стихотворению В. В. Маяковского «Сказка о Пете, толстом ребенке»: *Ясно даже и ежу – этот Петя был буржуй*. В сочетании вербального и невербального компонентов адресат раскрывается смысл сообщения: очевидно, что мебель следует покупать в рекламируемом мебельном центре.

В проанализированных рекламных текстах присутствуют прецедентные феномены из области живописи, чаще всего известные картины знаменитых художников, ставшие частью массовой культуры. Например, присутствие в рекламе жилого района «Новая Боровая» рисунка Леонардо да Винчи «Витрувианский человек», который, как известно считается образцом гармонии и совершенных пропорций (рис. 3), наводит адресанта на мысль о том, что рекламируемый район будет «идеальным» для жизни.

Рис. 3. Реклама жилого района «Новая Боровая».
Рисунок Леонардо да Винчи «Витрувианский человек»

В семиотически осложненных рекламных текстах присутствуют также ПФ из сферы киноискусства. Например, в рекламе услуг сотовой связи МТС «4G LTE» изображен известный певец и телеведущий Алексей Кортнев в образе Супермена из одноименного фильма, что позволяет убедить реципиента в том, что мобильный Интернет МТС 4G LTE обладает такой же высокой скоростью, как и супермен.

В проанализированных креолизованных рекламных сообщениях также выявлены прецедентные феномены, заимствованные из области музыки. К ним относятся отсылки к популярным музыкальным произведениям, например, реклама оператора сотовой связи Билайн *Шоу маст гоу он*, где прецедентный текст выражен вербально, т. е. в качестве рекламного слогана использовано название песни группы «Queen». В качестве ПФ могут выступать и обложки широко известных музыкальных альбомов. Так, в материале исследования была обнаружена реклама радио «Легенды FM»,

представляющая собой трансформированную обложку знаменитого альбома «Abbey Road» группы «The Beatles», на которой вместо музыкантов группы дорогу переходят ведущие радиостанции.

В отличие от газетных заголовков и мультсериалов, в креолизованных рекламных сообщениях присутствуют также прецедентные феномены, заимствованные из ментальных сфер-источников «Скульптура» и «Архитектура». Например, в серии плакатов «Откройте глаза на перемены» оператора сотовой связи Tele2 демонстрируются известные петербургские скульптуры, которые открыли рты и широко распахнули глаза, якобы удивляясь новым тарифам оператора.

Как показывают результаты исследования, в креолизованных рекламных текстах в большинстве случаев смыслообразующим компонентом сообщения является невербальный маркер прецедентности, а ПФ, выраженные вербально, встречаются в рекламной коммуникации значительно реже.

Таким образом, искусство является популярным источником прецедентного знания в проанализированных текстах массовой культуры, при этом чаще всего в них присутствуют отсылки к литературным и музыкальным произведениям, а также к кинофильмам. Прецедентные феномены, отсылающие адресата к различным областям искусства, выполняют в текстах массовой культуры ряд важных функций. Они используются для того, чтобы привлечь внимание адресата, вызвать у него интерес к сообщению, навязать ему оценку того или иного явления. Кроме этого, ПФ часто выполняют игровую функцию, пробуждают в людях азарт, помогают разжечь любопытство, вовлекая их в игру по припоминанию цитируемого текста [12].

Еще одной значимой функцией прецедентных феноменов является функция объединения аудитории на основе общего опыта и фоновых знаний, с одной стороны, и солидаризации аудитории с авторами текстов, с другой. При выборе произведений для создания ПФ авторы текстов всегда ориентируются на свою аудиторию. Например, большинство прецедентных феноменов в белорусских районных газетах относится к периоду СССР (песни, литературные произведения, фильмы), в рекламных текстах присутствуют также отсылки к современным источникам (например, комиксам и фильмам о супергероях), в мультфильмах встречаются ПФ, относящиеся к детским песням и сказкам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Культура // Новая философская энциклопедия : в 4 т. / Ин-т философии РАН, Нац. обществ.-науч. фонд ; науч.-ред. совет : В. С. Степин (пред.) [и др.]. – М. : Мысль, 2001. – Т. 2. – С. 341–347.
2. Культура массовая // Социологический энциклопедический словарь / Ин-т соц.-полит. исслед. РАН, Ин-т социологии РАН ; ред.-координатор Г. В. Осипов ; ред.-сост. : Т. Т. Голенкова [и др.]. – М. : ИНФРА М – Норма, 1998. – С. 152–153.
3. Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Д. Белл. – М. : Academia, 1999. – 956 с.

4. *Аблеев, С. Р.* Экзистенциальные характеристики массовой культуры постиндустриального общества / С. Р. Аблеев, С. И. Кузьминская // Вестн. Моск. ун-та МВД России. – 2016. – № 6. – С. 218–221.
5. *Сошников, А. Е.* Массовая культура и ее характеристики / А. Е. Сошников // Электрон. науч.-практ. журн. «Современные научные исследования и инновации». – 2016. – № 2 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://web.snauka.ru/issues/2016/02/64421>. – Дата доступа: 25.11.2019.
6. *Кара-Мурза, С. Г.* Манипуляция сознанием / С. Г. Кара-Мурза. – М. : Изд-во «Эксмо», 2006. – 832 с.
7. *Барт, Р.* Избранные работы: Семиотика. Поэтика / Р. Барт ; пер. с франц. ; сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. – М. : Прогресс, 1989. – 616 с.
8. *Караулов, Ю. Н.* Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – 2-е изд., стереотип. – М. : Едиториал УРСС, 2002. – 264 с.
9. *Слышкин, Г. Г.* Лингвокультурные концепты прецедентных текстов / Г. Г. Слышкин. – М. : Academia, 2000. – 140 с.
10. *Зырянова, И. П.* Прецедентные феномены в заголовках российской и британской прессы: 2005–2009 гг. : автореферат дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / И. П. Зырянова. – Екатеринбург, 2010. – 22 с.
11. *Биюмена, А. А.* Прецедентные феномены в современном мультипликационном дискурсе / А. А. Биюмена // Вестн. МГЛУ. Сер. 1, Филология. – 2016. – № 2(81). – С. 7–14.
12. *Зырянова, Н. С.* Рекламный текст в современной культуре: феноменологические и гносеологические особенности : автореф. дис. ... канд. философ. наук : 09.01.01 / Н. С. Зырянова. – Челябинск, 2012. – 25 с.

Анна Александровна Биюмена
кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры иноязычного речевого общения
Минского государственного лингвистического университета

Anna A. Biyumena
PhD, Associate Professor,
Associate Professor of the Foreign Language Communication
Department at Minsk State Linguistic University

Л. М. Бузинова
Москва, Россия

ОСОБЕННОСТИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: РУССКОСТЬ И НЕМЕЦКОСТЬ

Менталитет и коммуникативное поведение имеют специфические для каждой культуры точки соприкосновения. В практическом сознании носителя языка формируется «ментальная картина» идентичности, свойственной каждой культуре. Вместе с тем каждый индивид имеет собственную ментальную картину мира, которая интегрирована в общеязыковую картину мира. В статье рассматриваются некоторые аспекты национальной идентичности русских и немцев и соответствующей концептуальной картины мира с учетом этнокультурных факторов.

К л ю ч е в ы е с л о в а : *менталитет; лингвокультура; картина мира; коммуникативное поведение.*

PECULIARITIES OF NATIONAL IDENTITY: RUSSIAN AND GERMAN

Mentality and communicative behavior have specific points of contact for each culture. In the practical consciousness of the native speaker, the “mental picture” of the identity peculiar to each culture is formed. However, each individual has his own mental picture of the world, which is integrated into the common language picture of the world. The article deals with some aspects of the national identity of Russians and Germans and the corresponding conceptual picture of the world taking into account ethno-cultural factors.

Key words: the mentality; linguistic culture; world view; communicative behavior.

Появление термина *идентичность* традиционно связывают с именем Эрика Эриксона, который определяет ее как социально-психологический и культурный компонент, как некое ощущение принадлежности, связи человека с общностью, культурой, традициями, идеологией и т. д. [1].

Идентичность – это многосторонний термин. Он может рассматриваться с различных позиций. Традиционно предполагаются два подхода к трактовке идентичности. Первый уровень, индивидуальный (Я-идентичность), предусматривает восприятие себя в отождествлении своего существования во времени и пространстве. Второй уровень, социальный, включает восприятие того, как другие принимают и отождествляют меня. Это понимание идентичности как результата, который раскрывается через мировоззрение; систему ценностей; эмоциональную сферу; коммуникативное поведение.

Коммуникативное поведение, неотъемлемой частью которого является языковая активность, включает в себя различные дискурсы и функционирует на базе национальной идентичности и менталитета. Важным фактором выступает функциональный аспект, определяющий коммуникативную компетентность индивида, при этом ментальный фактор является связующим звеном между коммуникативной потребностью и коммуникативной ситуацией. Проблема состоит в том, каким образом выявить специфические этнокультурные признаки коммуникативного поведения, в частности представителей русской и немецкой лингвокультур.

Остановимся на некоторых аспектах национальной идентичности русских и немцев и соответствующей концептуальной картине мира с учетом этнокультурных факторов. Наша задача – выявить и описать языковые манифестации русских и немцев с точки зрения выявления закономерностей формирования национально-культурных признаков коммуникации с целью моделирования доминирующих форматов менталитета в русле употребления соответствующего языкового материала. Эти аспекты мы вкладываем в понятия *русскость* и *немецкость*. У каждого исторически сложившегося этноса свой менталитет, который раскрывается через мировоззрение; систему ценностей; эмоциональную сферу; в типичном поведении людей; через систему основных этнических характеристик; через язык. Так, в русской картине

мира судьба predetermined, предначертана человеку: *от своей судьбы не уйдешь, покориться судьбе, по иронии судьбы, судьба играет человеком, на произвол судьбы, судьба выпала, досталась.*

Русская личность характеризуется прежде всего общительностью, нелюбовью к формальному этикетному общению, диалогичностью, несдержанностью в проявлении эмоций, категоричностью, доминантностью, бескомпромиссностью в споре, допустимостью обсуждения личных вопросов и проблем, смещением межличностных отношений и служебных ситуаций, оценочностью, тематическим разнообразием. В плане субординации, русские нелегко, в отличие от иностранцев отказываются от статусных ролей и не стремятся сократить дистанцию, перейдя на «ты», на обращение по имени.

В социуме большое внимание уделяется общественному мнению, при этом допускается вмешательство в личную жизнь посторонних людей. Отношение к труду для русского народа является неоднозначным. Наличие антонимичных пословиц это подчеркивает: *без труда не вытащишь рыбку из пруда*, но в то же время *работа не волк, в лес не убежит*. Русские отличаются исключительной надеждой на «авось», что, например, приводит студентов к регулярным пересдачам экзаменов.

В эмоциональном поведении российское общество отличается «господством различных чувств». Эмоциональность русских подтверждается наличием в языке большого количества лексики, часто непереводимой, обозначающей эмоции: *хандрить, ныть, выть, ликовать* и др.; уменьшительно-ласкательных форм: *брат, братик, братишка, брательник, братан*; экспрессивной деривации имен: *Маша-Манечка-Мануня-Маняша* и т. п.

Зачастую иностранцы воспринимают россиян «гуляками», «бандитами», однако в России отмечаются крепость семейных уз и уважение к возрасту. В этом отношении основополагающей чертой русского менталитета является чувство единения, сюда же можно отнести и другие качества: искренность, открытость, выносливость, терпимость.

Загадка феномена русского национального характера может быть разгадана в процессе исследования способов репрезентации концептов «душа», «истина», «родная земля», «вера», «любовь», «тоска», «судьба», «воля» и т. д. Эти и подобные концепты в значительной мере определяют «портрет» и ценностные особенности русского народа. В задачи нашего исследования не входит полное описание ключевых общенациональных концептов русской и немецкой лингвокультур, оно было осуществлено рядом отечественных и зарубежных исследователей. Мы считаем, что базовые элементы общенациональной концептосферы каждого этноса выступают ментальным центром генерации иных концептов (сопутствующих), обслуживающих любую человеческую деятельность. Эти сопутствующие, или аффилированные концепты несут на себе отпечаток ключевых концептов этноса, которые являются когнитивным фундаментом национального менталитета и коммуникации.

Менталитет русского человека непосредственно заключен в человеческой душе. Ценностные и культурные ориентации нации, ее религиозные

установки, ментальные и поведенческие стереотипы характеризуют множество эпитетов, связанных с душой. Например, *Пейзаж русской души соответствует пейзажу русской земли, та же безграничность, бесформенность, устремленность в бесконечность, широта* [2, с. 8]. Поэтому не случайно в менталитете русского народа категории «широта», «открытость», «величие», «загадочность» души имеют совершенно особый статус. В таком тандеме душа видится живым существом с позитивными и негативными чертами характера. Она может быть счастливой, великой, благородной, блистательной, большой, высокой, гордой, дивной, доброй, изумительной, красивой, милосердной, прекрасной, светлой, счастливой, удивительной, хорошей. В то же время душа может предстать как несчастная, безжалостная, обидная, печальная, превратная, роковая, страшная, суровая, трагическая, тревожная, трудная, тяжелая, тяжкая, ужасная, унылая.

С точки зрения анализа идиоматических, пословичных и фразеологических выражений концепт «душа» реализуется в различных лексических сочетаниях для обозначения:

а) переживаний, чувств, эмоций человека: *душа надывается (болит), душа горит, пылает, душа уходит (ушла) в пятки, запасть в душу, обнажать (раскрывать, распахивать) душу, надывать душу, болеть душой; разрывать (раздирать) душу (на части), крик души* и др. [3, с. 146]. Это значение наиболее ярко выражено в поэзии русских поэтов:

Я вас любил: любовь еще, быть может, В душе моей угасла не совсем (Пушкин «Я вас любил»)

Душа, увя, не выстрадает счастья,

Но может выстрадать себя...

Душа, душа, которая всецело

Одной заветной отдалась любви

И ей одной дышала и болела...

(Тютчев «Когда на то нет божьего согласия...»)

б) поведения человека с положительным и отрицательным коннотативным оттенком: *с душой, от (всей) души, всей душой, за милую душу; кривить душой, плевать в душу* [3];

в) тайнства внутреннего мира человека: *чужая душа – потемки, в чужую душу не влезешь, чужая душа – темный лес* [4, с. 223].

В русской языковой картине мира душа участвует в материальной сфере (*ни копейки за душой*); в сфере межличностных отношений (*жить душа в душу*); в религиозном мире (*отдать Богу душу; взять грех на душу; отпустить душу на покаяние*); определяет физические особенности человека (*еле-еле душа в теле; в чем душа держится*); обладает воспитательной функцией (*душа обязана трудиться, не оскверни свою душу, сынок*) и т. д.

Немцам свойственна «бытовая» улыбчивость и приветливость: во время посещения магазинов, аптек, кафе и ресторанов вас постоянно будут сопровождать *Hallo!* ‘привет!’ и *Tschüß!* ‘пока!’. Но это лишь внешнее проявление эмоциональности. В отношении особой вежливости немцев сложился стереотип, внутренне они сдержаны в общении [5].

Самостоятельность и индивидуальная ответственность за принятие решения, умение полагаться на себя и не обращаться за помощью без крайней необходимости во всех сферах жизни воспитываются с детства. Например, система высшего образования построена на полной самостоятельности и ответственности самих студентов. Отсутствие постоянных учебных групп, стабильного расписания, отрицательное отношение немецких студентов к списыванию вводит русских студентов в замешательство. Для Германии является специфической академическая университетская традиция стучать по столу после прослушанной лекции или доклада, в России стук по дереву в ряде случаев означает «бестолковый».

Для немцев типично ограждение «своего» пространства, они всеми средствами стремятся защитить персональную территорию, это отражается на их коммуникативном поведении. В общении они любят дискутировать, допуская конфликтную тематику, ведут себя честно и прямо, склонны к резкости и открытому выражению своего несогласия, а не к любезностям или дипломатии, предпочитают обращение к себе только по фамилии, не отличаются юмором, не охотно вступают в контакт с незнакомыми людьми в общественных местах, не смешивают личное и профессиональное. Разрешенными темами в немецкой культуре являются: *Wohnort* ‘место жительства’, *Familienstand und Kinder* ‘семейное положение и дети’, *Haustiere und Tiere* ‘животные и домашние животные’, *allgemein, Beruf* ‘профессия’, *Tätigkeit* ‘деятельность’, *Studium* ‘учеба’, *Ausbildung* ‘образование’, *Hobbys* ‘хобби’, *Freizeitbeschäftigung* ‘свободное время’, *Sport* ‘спорт’, *Urlaub* ‘отпуск’, *Reisen* ‘путешествие’. Неподходящими для первой беседы или даже табуированными темами считаются: *Politik* ‘политика’, *Religion* ‘религия’, *Krankheiten* ‘болезни’, *Kritik am Essen oder den Gastgebern* ‘критика еды и хозяев’, *Ehe- oder Partnerschaftsprobleme* ‘проблемы в браке’, *Geld* ‘деньги’.

Немцы дисциплинированы, не опаздывают и требуют от окружающих того же самого. На конференциях, конгрессах следят за соблюдением иерархии при рассаживании и за очередностью выступлений. Они хорошо информированы о том, что касается дела, и ждут от других того же, приводят логические, зачастую тяжеловесные аргументы для доказательства своей правоты. Они любят возвращаться к деталям.

В социальном плане немцы очень законопослушны, «*Ordnung*» ‘порядок’ является одним из основных концептов национальной концептосферы. Им в голову не придет нарушать правила дорожного движения, давать взятки, не платить налоги и т. п. Жизнь идет по четкому расписанию. Они планируют не только отдельные встречи, но и все в жизни: когда получить диплом, выйти замуж, родить ребенка. Выражение *Ordnung muss sein* ‘порядок должен быть’ является олицетворением немецкой нации в целом. Ни одна другая фраза не имеет такого большого значения для немца. В лексикографических источниках слово *Ordnung* определяется следующим образом [6; 7]:

I. 1. durch Ordnen hergestellter Zustand, das Geordnetsein, ordentlicher, übersichtlicher Zustand ‘определенное состояние, упорядоченное состояние’;

2. (selten) das Ordnen ‘редко порядок’;

3. a) geordnete Lebensweise ‘упорядоченный образ жизни’;

b) Einhaltung der Disziplin, bestimmter Regeln im Rahmen einer Gemeinschaft ‘соблюдение дисциплины, определенные правила в обществе’;

c) auf bestimmten Normen beruhende und durch den Staat mittels Verordnungen, Gesetzgebung o. Ä. durchgesetzte und kontrollierte Regelung des öffentlichen Lebens ‘внедренное и контролируемое государством согласно законодательству правило общественной жизни’;

4. a) Gesellschaftsordnung ‘общественный порядок’;

b) Gesetz ‘закон’;

5. a) Art und Weise, wie etwas geordnet, geregelt ist ‘образ действия, когда все определено, урегулировано’.

II. das Ordnen, das Geordnetsein, ordentlicher Zustand; Regel, Vorschrift ‘устав, определенное состояние, правило, предписание’ [8, S. 760].

III. 1. der Zustand, in dem alle Dinge an ihrem Platz sind ‘состояние, когда все вещи на своем месте’; 2. der Zustand, in dem j-d gesund ist, etw. funktioniert od. alles so ist, wie es sein soll ‘состояние, когда кто-то здоров или все функционирует так, как должно быть’ [9, S. 799].

Рассматриваемый концепт репрезентируется в большом количестве устойчивых выражений, что говорит о его богатой составляющей: *Ordnung machen, schaffen* ‘наводить порядок’; *etwas in Ordnung bringen* ‘приводить в порядок’; *in Ordnung halten* ‘держат в порядке’; *Ordnung ist das halbe Leben* ‘порядок – это половина жизни’; *jemanden zur Ordnung rufen* ‘призывать кого-либо к порядку’; *das kommt alles wieder in Ordnung* ‘все снова в порядке’; *geht (schon) in Ordnung* ‘все в порядке’; *er ist an Ordnung gewöhnt* ‘он привык к порядку’ [10, S. 467].

Анализ словарных дефиниций, фразеологизмов, синонимического ряда показывает, что немецкий концепт *Ordnung*:

1) репрезентирован в немецком языке более, чем восьмью семемами, на базе которых описывается данный концепт;

2) имеет устойчивый семантический компонент «упорядоченность»;

3) обладает базовым признаком «структурность».

Т. С. Медведева, определяет концепт «*Ordnung*» как упорядоченное состояние либо процесс упорядочивания, «подразумевающее наличие системы и структуры и имеющее целью достижение гармонии и благополучия» [11, с. 42]. Структурность и упорядоченность наблюдается во всем: немцы четко знают, где и когда проведут отпуск, когда купят дом, что будут делать через несколько лет.

Таким образом, рассмотренный языковой материал обладает ярко выраженными этнокультурными признаками. Данный феномен обусловлен комплексом общенациональных менталитетных доминант и носит динамический

характер в русле реализации предпочтительных моделей поведения. Выбор ориентирующих признаков речевого узуса соотносится с риторическим идеалом нации, который отражает менталитетные представления носителей общенационального языка о способах успешной коммуникации.

Перспективы дальнейшего изучения коммуникативного поведения видятся в расширении эпистемологических горизонтов исследования, в частности в рамках кросс-культурного подхода представляется возможным выявить дополнительные параметры менталитета и норм коммуникации коллективной языковой личности носителей разноструктурных языков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Эриксон, Э. Идентичность: юность и кризис / Э. Эриксон. – М. : Флинта, 2006 (Сер. Библиотека зарубежной психологии). – 342 с.
2. Бердяев, Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма / Н. А. Бердяев. – М. : Наука, 1990. – 224 с.
3. Фразеологический словарь русского языка / сост. Л. А. Войнова [и др.] ; / под ред. и с послесл. А. И. Молоткова. – 7-е изд., испр. – М. : АСТ : Астрель, 2006. – 524 с.
4. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 12 т. – М. : Мир книги, 2003. – Т. 3. – Гор–Зак. – 368 с.
5. Бузинова, Л. М. Особенности немецкой академической коммуникации / Л. М. Бузинова // Вестн. Брян. гос. ун-та. – № 4 (34). – 2017. – Исторические науки и археология / литературоведение / языкознание / педагогические науки. – Брянск : РИО БГУ, 2017. – С. 212–216.
6. Duden-online [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.duden.de>. – Дата доступа: 24.10.2019.
7. Online-Wortschatz-Informationssystem Deutsch [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.owid.de/index.jsp>. – Дата доступа: 24.04.2019
8. Wahrig. Großwörterbuch Deutsch als Fremdsprache / Wahrig. – Berlin, 2008. – 1215 S.
9. Langenscheidt. Großwörterbuch Deutsch als Fremdsprache. – Berlin; München, 2008. – 1343 S.
10. Wörter und Wendungen: Wörterbuch zum Sprachgebrauch / hrsg. v. Erhard Agricola unter Mitw. v. Herbert Görner und Ruth Küfner. – 13. unveränd. Aufl. – Leipzig : Bibliographisches Institut, 1988. – 818 S.
11. Медведева, Т. С. Ключевые концепты немецкой лингвокультуры / Т. С. Медведева, М. В. Опарин, Д. И. Медведева ; под ред. Т. И. Зелениной. – Ижевск : Удмурт. ун-т, 2011. – 160 с.

Людмила Михайловна Бузинова

кандидат филологических наук, доцент,
зав. кафедрой иностранных языков

Московского международного университета

Lydmila M. Buzinova

PhD, Associate Professor,
Head of the Department of Foreign Languages
at Moscow International University

М. Я. Бурдыка
Барысаў, Беларусь

СПЕЦЫФІКА ПЕРАКЛАДУ СТАТУТНЫХ ДАКУМЕНТАЎ

У артыкуле разглядаюцца асаблівасці перакладу дакументаў юрыдычных асоб, асаблівая ўвага нададзена статутным дакументам. Дадзеныя дакументы з'яўляюцца важнымі элементамі функцыянавання любой юрыдычнай асобы, таму іх пераклад на іншую мову павінен быць выкананы вельмі асцярожна, адэкватна і адпаведна заканадаўству.

К л ю ч а в ы я с л о в ы: *юрыдычны пераклад; юрыдычная асоба; статут; адэкватнасць; бізнэс.*

M. Y. Burdyka
Barysaw, Belarus

SPECIFICS OF THE TRANSLATION OF CHARTER DOCUMENTS

The article considers the distinctive features of the translation of documents of legal entities, especially statutes. These documents are important elements of the functioning of any legal person, therefore their translation into another language must be done very carefully, adequately and in accordance with legislation.

Key words: *legal translation; legal person; statute; adequacy; business.*

Кожная краіна ўваходзіць у тую ці іншую прававую сістэму. Асноўныя прынцыпы прававой сістэмы любой краіны кардынальна адрозніваюцца ад такіх прынцыпаў іншай краіны. Акрамя таго, кожная краіна валодае ўласным, унікальным і самабытным заканадаўствам. Трэба адзначыць наступнае: кожная юрыдычная асоба ў любой краіне свету павінна мець шэраг дакументаў, якія пацвярджаюць, што яна зарэгістравана ў адпаведнасці з прававымі нормамі канкрэтнай дзяржавы і што персанал, які працуе на дадзеную юрыдычную асобу, функцыянуе легальна і мае права займацца бізнэсам. Вельмі часта гэтыя дакументы называюцца статутнымі (ўстаноўчымі), іх арыгіналы падобныя да пашпартаў фізічных асоб. У Рэспубліцы Беларусь статутнымі дакументамі з'яўляюцца: статут арганізацыі; пасведчанні, выдадзеныя падатковым органам; пастанова, якая падпісаная ўдзельнікамі арганізацыі, аб стварэнні юрыдычнай асобы і загад аб прызначэнні кіраўніцтва.

Статутныя дакументы юрыдычнай асобы арганізацыйна-прававой формы – афіцыйныя дакументы, дзе знаходзіцца асноўная (і другасная) інфармацыя пра дзейнасць кампаніі. Перакладчык, які працуе з дадзенымі дакументамі, абавязаны ўлавіць сэнс кожнай літары, звярнуць увагу на кожную коску, наяўнасць ці адсутнасць якой у перакладзе можа аказаць велізарны ўплыў на сутнасць статутнага дакумента (мэты стварэння, прынцыпы функцыянавання і спецыфіка дзейнасці кампаніі, кадры, кампетэнцыя і тэрмін паўнамоцтваў кіруючых органаў).

У сферы юрыдычнага перакладу праца са статутнымі дакументамі з'яўляецца адной з самых запатрабаваных і папулярных. Гэта даволі лёгка патлумачыць наступным фактам: інтэграцыя з замежным бізнэсам прыводзіць да неабходнасці заключэння пагадненняў, такіх як зліццё, паглыннанне, стварэнне кампаній з пэўным замежным працэнтам у статутным капітале. Уладальнікамі кампаній вельмі часта з'яўляюцца грамадзяне розных краін; тое ж тычыцца грамадзянстваў інвестараў.

Без дакументаў, перакладзеных належным чынам, нармальнае функцыянаванне бізнэсу, асноўнай мэтай якога з'яўляецца атрыманне прыбытку, яго павелічэнне і рацыянальнае размеркаванне актываў па розных краінах, здаецца проста немагчымым.

Такім чынам, калі кіраўніцтвам кампаніі была прынята пастанова аб стварэнні бізнесу за мяжой (ад адкрыцця прадстаўніцтва да новага банкаўскага рахунку), першае патрабаванне, якое яно абавязана выканаць, – падаць дзяржаўным органам іншай краіны пакет статутных дакументаў, перакладзеных і легалізаваных ва ўсталяваным парадку. Часта афіцыйныя органы абмяжоўваюцца толькі адным з дакументаў. Спіс вар'іруецца ў залежнасці ад краіны і той аперацыі, правядзенне якой плануе дадзеная кампанія.

Пераклад статутных дакументаў – адзін з тыпаў юрыдычнага перакладу. Ён павінен ажыццяўляцца спецыялістамі, якія валодаюць не толькі замежнымі мовамі, але маюць рацыю ў галіне закона і права. Заканадаўствы розных дзяржаў кардынальна адрозніваюцца адзін ад аднаго, і перакладчык, які працуе з тэкстамі, абавязаны быць у курсе ўсіх істотных асаблівасцей адносна іх перакладу і афармлення.

Галоўнае патрабаванне да спецыяліста-перакладчыка ў дадзенай сферы – захаванне канфідэнцыяльнасці. Статутныя дакументы з'яўляюцца ўласнасцю юрыдычнай асобы, таму праца з такімі дакументамі павінна мець двухбаковы характар: юрыдычная асоба перадае іх перакладчыку для працы, перакладчык ажыццяўляе пераклад і дасылае гатовыя дакументы (пры неабходнасці легалізаваныя альбо засведчаныя консулам) юрыдычнай асобе. Па гэтай прычыне *агульны доступ да перакладаў статутных дакументаў застаецца абмежаваным*. Прыклады і асаблівасці перакладу, якія будуць прыведзены і апісаны ў артыкуле, грунтуюцца на ўласным вопыце, яны з'яўляюцца прыватнымі выпадкамі, на якія варта звяртаць увагу пры перакладзе статутных дакументаў.

Спецыяліст-перакладчык абавязаны звяртаць увагу на наступныя дэталі пададзеных дакументаў:

- 1) рэквізіты статутных дакументаў (нумар, дата выдачы, подпісы і ініцыялы асоб, якія падпісалі дакументы);
- 2) рэквізіты органа, які выдаў статутныя дакументы;
- 3) рэквізіты юрыдычнай асобы (гаворка ідзе пра пасведчанні ідэнтыфікацыйнага нумару падаткаплацельшчыка і асноўнага дзяржаўнага рэгістрацыйнага нумару, якія замацоўваюць за кампаніямі ўнікальныя ідэнтыфікацыйныя нумары);

- 4) тэрміналогія (залежыць ад сферы дзейнасці кампаніі);
- 5) адрасы (з указаннем індэксаў і нумароў дамоў і кватэр).

Практыка сведчыць аб тым, што гэта асноўныя моманты, дзе перакладчыкі дапускаюць памылкі.

Пры перакладзе статутных дакументаў неабходна прытрымлівацца стратэгіі камунікатыўна-раўназначнага перакладу. Дадзеная стратэгія прадугледжвае рэалізацыю камунікатыўнай інтэнцыі аўтара арыгінала ў форме стварэння тэксту на мове перакладу, які здольны аказаць камунікатыўны ўплыў на атрымальніка ў адпаведнасці з чаканнямі аўтара арыгінала і, адпаведна, садзейнічае ўзаемадзеянню рознамоўных камунікантаў ва ўмовах супольнай прадметнай дзейнасці [1, с. 119].

У статуте юрыдычнай асобы змяшчаецца інфармацыя аб форме кіравання кампаніяй, рэгістрацыйным нумары, месцазнаходжанні і месцы рэгістрацыі, сферы дзейнасці кампаніі, капітале, аўдзітарах і інш. Для ажыццяўлення адэкватнага і якаснага перакладу спецыяліст-перакладчык павінен разумець структуру статута і сэнс кожнай яго часткі. У наступнай табліцы прадстаўлена структура статута на мовах, з якімі даводзіцца працаваць аўтару артыкула.

Структура статута на мовах перакладу

Беларуская мова	Шведская мова	Англійская мова
<i>статут</i>	<i>bolagsordning</i>	<i>statute, charter, article of association, by-laws</i>
<i>назва фірмы / кампаніі</i>	<i>firma</i>	<i>company name</i>
<i>месцазнаходжанне рады дырэктараў</i>	<i>styrelsens säte</i>	<i>place of business</i>
<i>рэгістрацыйны нумар</i>	<i>organisationsnummer</i>	<i>enterprise / organisation number</i>
<i>прадмет дзейнасці</i>	<i>verksamhet</i>	<i>subject and mission of a company</i>
<i>колькасць акцый</i>	<i>antal aktier</i>	<i>number of shares</i>
<i>статутны капітал</i>	<i>aktier kapital</i>	<i>authorized capital</i>
<i>рада дырэктараў</i>	<i>styrelsen</i>	<i>governing bodies of a company</i>
<i>аўдзітары</i>	<i>revisorer</i>	<i>independent accountant auditors</i>
<i>скліканне на агульны сход</i>	<i>meddelande</i>	<i>calling of a shareholders meeting</i>
<i>справаздачны год</i>	<i>räkenskapsår</i>	<i>fiscal / financial / budget year</i>
<i>агульны сход</i>	<i>bolagsstämma</i>	<i>general shareholders meeting</i>
<i>права пераважнага набыцця</i>	<i>hembud</i>	<i>pre-emption right</i>

Можна выявіць наступныя асаблівасці пры перакладзе структуры статута:

1) слова *статут* пры перакладзе на англійскую мову мае некалькі варыянтаў. Дадзеная асаблівасць грунтуецца на наяўнасці брытанскага і амерыканскага варыянтаў англійскай мовы. Кампаніі, размешчаныя ў еўрапейскай частцы свету, выкарыстоўваюць у сваіх статутных дакументах варыянт *article of association*, варыянты *charter* альбо *statute* характэрныя для амерыканскіх кампаній;

2) месцазнаходжанне юрыдычнай асобы не заўсёды супадае з месцам рэгістрацыі. Пры перакладзе трэба выкарыстоўваць інфармацыю аб месцы вядзення бізнэсу, каб юрыдычная асоба была ў стане своечасова адрэагаваць на запыты альбо быць на сувязі з іншымі кампаніямі і дзяржаўнымі органамі;

3) рэгістрацыйны нумар юрыдычнай асобы для дадзенай моўнай трыяды з’яўляецца праблемным месцам. У нашай краіне і шэрагу замежных краін дадзены нумар не адпавядае нумару падаткаплацельшчыка ў адрозненні ад Швецыі, дзе ідэнтыфікацыйны нумар юрыдычнай асобы з’яўляецца адзіным нумарам для ўсіх сервісаў і структур;

4) паняцце статутнага капіталу з’яўляецца істотнай праблемай для няўважлівых спецыялістаў-перакладчыкаў. Дадзены від капіталу вельмі часта блытаецца з акцыянерным капіталам з прычыны таго, што гаворка ідзе пра акцыі кампаніі. Акцыянерны (часам яго называюць намінальны) капітал – капітал, які атрымлівае кампанія альбо юрыдычная асоба пры выпуску акцый. Пад статутным капіталам маецца на ўвазе максімальная сума, на якую кампанія альбо юрыдычная асоба мае права выпусціць акцыі ў адпаведнасці са статутам. Дадзеная дробязь можа вельмі сумна пажартаваць з перакладчыкам.

Астатнія пункты статуту маюць аднолькавае значэнне на мовах перакладу.

Вельмі часта няўважлівы падыход лінгвістаў да падобных дробязей перакладу прыводзіць да ўзнікнення цяжкасцей на бюракратычным узроўні і нават непрыняцця дакументаў у неабходнай краіне.

ЛІТАРАТУРА

1. Сдобников, В. В. Коммуникативная ситуация как фактор определения стратегии перевода / В. В. Сдобников // Вестн. НГЛУ им. Н. А. Добролюбова. – Н. Новгород : ГОУ ВПО НГЛУ, 2011. – Вып. 14. – С. 114–124.

Мікіта Яўгеневіч Бурдыка
магістр педагагічных навук,
настаўнік англійскай гімназіі № 3 г. Барысава

Mikita Y. Burdyka
Master of Education,
Teacher of English at Barysaw Gymnasia № 3

О. И. Быкова
Воронеж, Россия

ИДИОЭТНИЧНОСТЬ МНОГОЗНАЧНЫХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ОНИМОВ

Художественные онимы (ХО) как разряд ономастической лексики обладают особым статусом: в силу динамического характера семантики они могут претерпевать вторичную семиотизацию, транслировать имплицитные культурные смыслы. Семантическая деривация немецких ХО рассматривается нами как наиболее релевантный способ вербализации концептов. Полисемичные немецкоязычные этноконнотированные ХО в зависимости от фокусировки признака, транспонируемого в интегрированную концептуальную структуру, могут репрезентировать структуры одного концептуального поля или нескольких концептуальных полей.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *идиоэтничность; художественный оним; вторичная семиотизация; семантическая деривация; концепт.*

O. I. Bykova
Voronezh, Russia

IDIOETHNICITY OF POLYSEMANTIC ARTISTIC NAMES

Abstract: Artistic names (AN) as a category of onomastic lexis possess specific status: due to the dynamic nature of their semantics they can undergo secondary semiotisation and convey implicit cultural meanings. We consider semantic derivation of German AN to be the most relevant way of concept verbalisation. Polysemantic German ethnoconnotative AN can represent structures of one or several conceptual fields depending on the attribute which is focused and transposed into the integrated conceptual structure.

К e y w o r d s: *idioethnicity; artistic name; secondary semiotisation; semantic derivation; concept.*

Этнометодологическая направленность исследований речевой деятельности опирается на ключевое определение языка как выражения этнической и социальной определенности народа, говорящего на данном языке, его истории и культуры.

Интегративная функция мышления и интегрирующий характер языка способствуют формированию картины мира представителей лингвокультурной общности. Язык формирует, фиксирует и транслирует новые смыслы. Мы солидарны с мнением В. А. Пищальниковой о том, что «способы отражения действительности (модели познания) национально специфичны (идиоэтничны) и закрепляются в статичной стороне языка» [1, с. 15]. Динамичность и континуальность системы смыслов являются главными свойствами концептуальной системы как непрерывно конституируемой системы информации (мнений и знаний) человека о мире.

Изучение роли ономастических единиц как культурно специфического кода в означивании мира – актуальная проблема современного языкознания. Основной функцией онимов в речи является функция выделения и идентификации (индивидуализации) конкретных предметов. Актуальным в связи

с этим представляется изучение роли ономастических единиц как культурно специфического кода в означивании мира. Художественные онимы (ХО) – особый разряд ономастической лексики, имена собственные (ИС), функционирующие в произведениях различных форм художественного творчества (литературы, телевизионных и радиосериалов и передач, кино- и мультипликационных фильмов, комиксов, музыкальных произведений, рекламы, произведений театрального и изобразительного искусства, компьютерных игр). Деонимизации, полного перехода этих знаков культуры в имя нарицательное, как правило, не происходит. Они занимают промежуточное положение между полюсами «апеллятивности» и «проприальности».

К сущностным признакам ХО относятся:

- денотативная соотнесенность не с реальными героями и объектами реального мира, а с образами художественных произведений, созданными автором;

- накопление ХО признаков и значений в процессе развития сюжета и усложнения личности персонажа;

- детерминированность языком и ономастическим пространством, вторичность по отношению к реальной онимии, формирование на основе существующих ономастических моделей и действующих норм языкового употребления;

- выполнение, помимо номинативной, характеризующей и стилистической функции;

- номинально-культурная специфика [2, с. 9].

Основной функцией онимов в речи является функция выделения и идентификации (индивидуализации) конкретных предметов.

Художественные онимы являются особым классом ономастических единиц, важнейшим компонентом лексической системы языка, обладающим особым статусом. Они способны хранить историческую и культурную память. Этим объясняется постоянный интерес ученых к сущности ХО, взаимосвязи имени и человека, к их функционированию в языке и культуре. Особый интерес представляет коннотативный потенциал ХО, их способность актуализировать новые значения. Исследование процессов вторичной номинации имен собственных помогает рассмотреть процессы появления этнокультурных коннотаций [3].

В результате познавательной деятельности в языковом сознании народа вторичными ХО как особыми знаками культуры аккумулируются связанные с ними представления о внеязыковой реальности. Обладая особым статусом, в силу динамического характера своей семантики, они могут претерпевать вторичную семиотизацию, обогащаться этнокультурными коннотациями и транслировать имплицитные культурные смыслы, хранить культурную память представителей лингвокультурной общности.

Целью данного этапа исследования является описание коннотативного потенциала полисемичных немецкоязычных ХО, функционирующих в тек-

стах малой эпической формы: народных и авторских сказках, легендах мифах с позиции лингвокультурологической направленности когнитивной лингвистики.

Реализации коннотативного потенциала ХО как способа репрезентации когнитивных структур в национальном языковом сознании представляет предмет исследования. Объектом исследования являются многозначные ХО, функционирующие в немецкоязычном культурном пространстве. В ходе исследования были выявлены новые значения ХО, обусловленные контекстом, и их новые сферы употребления.

Проведенный нами анализ деривационных процессов при вторичной номинации этноконнотированных ХО показал, что семантическая деривация обнаруживает большую степень продуктивности при объективации культурных концептов. Семантическая деривация немецких ХО рассматривается как наиболее релевантный способ вербализации культурно специфических концептов. Основным когнитивным механизмом семантической деривации исследуемых номинант является фокусирование признака. Поскольку в сознании коммуникантов возможно фокусирование неограниченного количества признаков, вектор ассоциативного переосмысления в различных культурных пространствах может не совпадать. Язык формирует, фиксирует и транслирует новые смыслы. В основе вторичной номинации лежит ассоциативный характер мышления по сходству (при метафоризации) или по смежности (при метонимизации) между свойствами элементов внеязыкового ряда и свойствами нового обозначаемого.

При этом мы опираемся на представление о хранении знаний в памяти человека в виде ассоциативной организации связи, разработанное в когнитивной психологии, и понятие *семантическая сеть* (С.С.), введенное М. Куильяном для описания лексического значения. «В своей простейшей форме семантическая сеть представляет собой ассоциативную организацию связей, точки пересечения которой называются узлами. Каждый узел мыслится как представляющий или репрезентирующий определенный **концепт**, поэтому С.С. именуется нередко концептуальными сетями, или сетями концептуальных зависимостей. Любой узел может быть связан с любым количеством других узлов (в зависимости от сложности фиксируемого им понятия)» [4, с. 169]. Узлы С.С. могут, по мнению немецкого ученого И. Дитце, воспринимать разные слоты: обязательные (*obligate Slots*), слоты-классификаторы (*klassifikatorische Slots*). Он предлагает типологию слотов-классификаторов: ассоциативные, реляционные и ролевые слоты. Обязательные слоты содержат необходимые определения объектов или классов объектов. Слоты-классификаторы описывают возможные свойства класса объектов. Нетерминальные слоты можно классифицировать по их отмеченности признаками: 1) ассоциативные слоты – для класса объектов, 2) реляционные слоты – для описания отнесенности (к определенному классу объектов), 3) ролевые слоты – для представления структуры отнесенностей как субфрейма [5, S. 71].

Мы полагаем, что данная И. Дитце классификация слотов может быть конструктивной для исследования когнитивно-языковых механизмов актуализации смысла ХО. Она обусловлена различными типами слотов-классификаторов. В признаках, входящих в ядро культурных концептов, фокусируются ассоциативные слоты, образующие пучки ассоциатов, которые выдвигаются в сознании носителей культуры на первый план в процессе номинации денотата культуры. На внешнем, референционном, уровне они эксплицируются: а) либо признаком /уникат культуры/, содержащимся в семах, квалифицирующих уникальный денотат культуры; б) либо дополнительными квалифицирующими, экспрессивно-образными семами. Как правило, образная составляющая этноконнотированных ХО содержит характерологические признаки историко-культурного плана.

Полисемичные этноконнотированные ХО в зависимости от фокусировки какого-либо признака, транспонируемого в интегрированную концептуальную структуру, могут репрезентировать структуры одного концептуального поля или нескольких концептуальных полей. Высокая степень коннотативной многозначности, проявляющаяся в рамках одного поля, свидетельствует о необходимости детализации того или иного участка концептосферы. Это также является показателем способности данного ХО как знака культуры порождать множество ассоциаций в связи с емкостью содержания художественного образа, его ценностью для носителей языка и культуры. В случае объективации вторичным онимом нескольких концептуальных полей реализуется возможность многовекторного ассоциативного переосмысления рассматриваемых ХО. Анализ семантической деривации немецких ХО показал, что 80,9 % (95 исследуемых единиц из 112) этноконнотированных номинант от всего корпуса исследования, многозначны.

Нами обнаружено, что в немецкоязычном этнокультурном пространстве по параметру номинативной плотности доминирует макрополе «Человек», репрезентированное вторичными номинациями следующих 5 микрополей:

1. Микрополе «Внешность человека» (всего 32 номинанты), например, *das Schneewittchen* 'Белоснежка', персонаж сказки Я. Гримма «Sneewittchen» (1812 г.). В рукописи сказки Я. Гримм сделал помету: *das Schneewittchen* (plattdeutscher Name), *Unglückskind* 'несчастное дитя, из-за красоты преследуемое и отравленное мачехой'; во вторичной номинации: *nettes Mädchen* 'прелестная девушка' на основании характерологических признаков-спецификаторов реляционного слота, *lieblich* 'милая', *anmutig* 'привлекательная', *arglos* 'незлобивая', *reinen Herzens* 'с чистым сердцем'.

2. Микрополе «Черты характера» (30 номинант): *der Rübezahl*, «в германской мифологии *горный дух, воплощение горной непогоды и облаков, являлся людям в образе серого монаха, хорошим помогал, плохих сбивал с пути, заманивал в пропасть*» [6, с. 473]; во вторичной номинации *der Rübezahl* 3. «*ein alter Mann bald schadenfroh, bald wohltätig*» в легендах 2-ой

половины XVII в., зафиксированных в письменном виде малоизвестным автором К. Брустфлеком (Kilian Brustfleck), Рюбецаль мог быть то злорадным (schadenfroh), то благодетельным (wohlthätig) [7, S. 200].

3. Микрополе «Интеллектуальные способности» (22 номинанты): *rückständige Frau* ‘женщина с отсталыми, несовременными взглядами, живущая в своем сказочном мире или легко поддающаяся обману коварных женщин’: «Entweder lebt sie in einer Märchenwelt oder läßt sich von raffinierten Frauen leicht übertölpeln» [8, S. 733].

4. Микрополе «Род занятий, профессия» (14 номинант): например, в социолекте молодежи *das Schneewittchen und die dreißig Zwerge, Lehrerin von dreißig Schülern* [Там же, S. 733] означает ‘учительница 30 учеников (в сказке героиню сопровождают 7 гномов)’.

5. Микрополе «Социальное положение»: например, *der Wilde Jäger* «Angehöriger der Kampfgruppe» [9, S. 785] ‘член группы войск’.

Вторым по параметру номинативной плотности макрополей, репрезентированных ХО, является макрополе «Предмет». Для иллюстрации рассмотрим примеры:

Allerleirauh – героиня сказки братьев Гримм, которая, чтобы избежать свадьбы с отцом, попросила у него в подарок три платья: как солнце, луна и звезды – и мантию из тысячи разных шкурок и мехов; отец выполнил ее просьбу, поэтому ей пришлось бежать куда глаза глядят. Во вторичной номинации означает *buntes*: 1) *buntes Gemisch* ‘беспорядок, неразбериха’; 2) *kunterbuntes Durcheinander; Mischung, Kunterbunt* ‘смесь, разное’ [10, S. 145].

Der Nussknacker – центральный персонаж сказки Э. Т. А. Гофмана «Щелкунчик и Мышиный Король» (1816), во вторичной номинации – «a) «*zangenähnliches Gerät zum Aufknacken von Nüssen*» [10, S. 1089], ‘припособление в виде щипцов для щелканья орехов’; b) «*bunt bemaltes hölzernes Männchen, das mit eingearbeiteter Mechanik in seinem Mund Nüsse knackt*» [10, S. 1089] ‘пестро окрашенный деревянный игрушечный человечек, который с помощью встроенного в его рот механизма щелкает орехи’.

Ассоциативные слоты концептов обнаруживают различные векторы признаков-классификаторов. Так, репрезентантой культурного концепта со структурой высказывания в немецкой концептосфере является возглас *Rübezahl!*, что означает реакцию на давно известную шутку на основании признака «неодобрительно» по ассоциации с длинной бородой Рюбецалья: «*einen langen Bart (in übertragener Bedeutung) hat auch der alte Witz*» [8, S. 676].

В основе вторичной номинации лежит ассоциативный характер мышления по сходству (при метафоризации) или по смежности (при метонимизации) между свойствами элементов внеязыкового ряда и свойствами нового обозначаемого.

Полисемичность ХО свидетельствует об их богатом коннотативном потенциале, о многообразии возможностей, которые номинативные единицы предоставляют для переноса наименований и образования производных значений. Анализ немецких ХО показал, что 2/3 этноконнотированных номи-

нант от всего корпуса исследования, многозначны. Наиболее многозначными в немецкоязычной языковой картине являются ХО, репрезентированные соответственно следующим количеством вторичных номинант: 5 номинант: *das Aschenputtel* ‘Золушка (Замарашка)’; 4 номинанты: *König Hirsch* ‘Король Олень’; *der Nussknacker* ‘Щелкунчик или Мышиный король’; *Allerleirauh* ‘Пестрая шкурка (Девушка-Дикарка)’; *der gescheite Hans* ‘Ганс-Разум’; *die Gänsemagd* ‘Гусятница’; *der Zwerg Nase* ‘Карлик Нос’; 3 номинанты: *der Blaubart* ‘Синяя Борода’; *der Rübezahl* ‘дух Исполиновых гор’.

Полученные результаты позволяют сделать вывод о богатом коннотативном потенциале немецкоязычных ХО и его динамичности, их идиоэтничности. Это указывает на постоянное движение и развитие семантического пространства языка, обусловленного спецификой национального менталитета и имеющейся системой ценностных установок.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пищальникова, В. А. Картина мира как междисциплинарное понятие и приемы ее моделирования / В. А. Пищальникова // Вестн. ВГУ. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2019. – № 1. – С. 13–19.
2. Сухарева, О. В. Коннотативность художественных онимов английского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04, 20.10. 2014 / О. В. Сухарева. – Воронеж, 2014. – 25 с.
3. Быкова, О. И. Этноконнотация как вид культурной коннотации (на материале номинативных единиц немецкого языка) / О. И. Быкова. – Воронеж : Воронеж. гос. ун-т, 2005. – 277 с.
4. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова [и др.] / под общ. ред. Е. С. Кубряковой. – М. : МГУ, 1997. – 245 с.
5. Dietze, J. Texterschliessung: Lexikalische Semantik und Wissensrepräsentation / J. Dietze. – München : K.G. Saur, London, Paris : New Providence, 1994. – 91 S.
6. Мифологический словарь / гл. ред. Е. М. Мелетинский. – М. : Сов. энцикл., 1991. – 736 с.
7. Der Sagenschatz. Eine Sammlung deutscher Sagen. – Berlin : Kinderbuchverlag, 1962. – 296 S.
8. Küpper, H. Pons-Wörterbuch der deutschen Umgangssprache / H. Küpper. – 1. Aufl., 5. Nachdr. – Stuttgart; Dresden : Klett, Verlag für Wissen und Bildung, 1993. – 959 S.
9. Duden. Deutsches Universalwörterbuch A–Z / hrsg. und bearb. vom Wissenschaftlichen Rat und den Mitarbeitern der Dudenredaktion. – 3., völlig neu bearb. und erweit. Aufl. – Mannheim ; Leipzig ; Wien ; Zürich : Dudenverlag, 1996. – 1816 S.
10. Duden. Das große Wörterbuch der deutschen Sprache / hrsg. Von Dr. G. Drosdowski. – Mannheim, Wien ; Zürich, 1993. – 4000 S.

Ольга Ильинична Быкова

доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры немецкой филологии
Воронежского государственного университета

Olga I. Bykova

Doctor of philology, Associated professor,
Professor of German Philology Chair,
Voronezh State University

И. П. Вайнорене
Киев, Украина

КАУЗАЛЬНАЯ ДОМИНАНТА «ЕФЕКТ» В УКРАИНСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

В статье представлены результаты предварительной обработки данных для исследования, посвященного каузальной доминанте «эффект» как составляющей каузального комплекса. На основе коллокаций с лексемой *ефект* было установлено 19 типов эффекта, которые отображаются в украинской языковой картине мира: принадлежность к специальной области; указание на сферу человеческой деятельности; обобщенность; направленность; результативность; принадлежность; источник; разновидность влияния; действия; локации; степень влияния; определенности; задействованности; восприятия; необходимости; продолжительность; размер; тип оценки; противоположность ожиданию.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *каузальная доминанта; каузальный комплекс; языковая картина мира; коллокация.*

I. P. Vainorenje
Kyiv, Ukraine

CAUSAL DOMINANT «ЕФЕКТ» IN UKRAINIAN LANGUAGE WORLDVIEW

The paper presents the results of preliminary data processing for the research, dealing with the study of the causal dominant «эффект» as a constituent of causal complex. The collocations set established for the lexeme *ефект* enabled identification of 19 types of effect reflected in Ukrainian language worldview, namely: belonging to a special area, pointing to the kind of human activity, generalization, direction, potency, possession, source, type of influence, action, location, degree of influence, certainty, involvement, perception, necessity, duration, size, assessment type, opposite to expectations.

K e y w o r d s: *causal dominant; causal complex; language worldview; collocation.*

Категория каузальности (причинности в самом широком понимании этого понятия) находится в центре внимания исследователей разных областей науки уже более 2 тыс. лет. Еще в IV веке до н. э. Аристотель выделял 4 типа высших причин (движущую, формальную, материальную, целевую). Однако и сегодня, в XXI веке, каузальность продолжает изучаться представителями разных сфер, поскольку обеспечивает выход к особенностям каузально-кондиционального мышления носителей разных языков, в частности к фрагментам национальных картин мира, а это, в свою очередь, дает возможность управлять огромным количеством разных ситуаций с позиций политики, экономики, юриспруденции и т. д. Что касается лингвистики, то актуальной на этапе ее современного развития выступает интерпретация каузальности в виде каузального комплекса (А. М. Аматов, А. П. Комаров, Н. Е. Лемиш, З. Ф. Михайлова, С. Ж. Тажибаева, О.-Е. Хааг и др.).

В рамках нашего исследования *каузальный комплекс* интерпретируется как «онтолого-гносеологическая категория, которая в онтологическом плане

представляет каузальную ситуацию» – «фрагмент реальной / воображаемой действительности, где объекты в определённый момент времени и в определённом месте связаны друг с другом отношением каузации» [1, с. 4]. В гносеологическом плане – это ментально-логический конструкт, который включает 10 каузальных доминант, а именно: *причину, основание, условие, уступку, цель, эффект, вывод, результат, следствие, средство*, которые объективируются в языке посредством синтаксического концепта «каузальность» (СКК). Каждая из 10 каузальных доминант в этом случае является конституентом такого комплекса, представляя фрагмент каузальной ситуации в сознании человека в зависимости от фокусировки его внимания на ее определенных составляющих, выявляя таким образом общечеловеческое и идиознеческое в картировании объективной действительности конкретного фрагмента через употребление целого ряда лексических единиц, объективирующих СКК.

Целью данного исследования является определение типов эффекта в украинском языковом сознании, что детерминирует отражение каузальной доминанты «эффект» в украинской языковой картине мира через заполнение фрагмента каузальности как онтолого-гносеологической категории.

Определение реестра лексем для обозначения каузальной доминанты «эффект» реализуется при помощи анализа словарных дефиниций на материале толковых словарей и словаря синонимов украинского языка, а установление типов изучаемой доминанты – посредством использования корпусного подхода, что дает возможность объективно представить результаты, абстрагируясь от личности исследователя (антропокосмический принцип, по А. Беляцкой [2, с. 99], Н. Лемиш [3, с. 207] и др.). Анализ языковых данных на базе корпусов реальных текстов позволяет эффективно решить нужную задачу и одновременно обеспечивает достоверность данных, полученных на основе количественных показателей.

Что касается понятия *каузальная доминанта*, то оно сравнительно недавно вошло в научный обиход и с 2015 г. стало использоваться для обозначения составляющих каузального комплекса, как уже было замечено ранее. Каузальная доминанта «эффект» является одной из наименее изученных, поскольку, как правило, отождествляется с «результатом» и «следствием». Термин же *языковая картина мира* имеет давнюю историю и целый ряд определений, являясь часто употребляемым в современной лингвистике.

Так, российский исследователь-культуролог О. А. Корнилов в зависимости от видов познания выделяет 5 типов картины мира: научную, национально-научную, языковую, национально-языковую и индивидуально-национальную языковую. При этом языковая картина мира формируется языковым познанием конкретного языкового сообщества, национально-языковая – конкретного языкового общества конкретного этноса, а индивидуально-национальная языковая – отдельного человека. В своей монографии ученый «представляет лексику национального языка в качестве результата отражения мира обыденным сознанием, в качестве основного “строительного мате-

риала” “дома бытования” духа народа, что предполагает выход за рамки семиотического и инструментального подходов к языку» [4, с. 112–113]. Мы поддерживаем такую точку зрения, равно как и мнение автора относительно «зависимости результатов лексикализованных интерпретаций внешнего мира от среды бытования конкретного этноса и от структуры человеческого сознания», а также и целесообразность толкования лексики национального языка как «языковой картины мира» в широком понимании.

Аналогичный подход можно найти и у украинской исследовательницы Иванны Мечиславовны Заремской, которая подчеркивает, «что языковая картина мира не принадлежит к числу частичнонаучных или специальных картин мира, поскольку она предшествует многим другим картинам мира и в определённой мере формирует их» [5, с. 400]. Это объясняется способностью человека воспринимать мир, в том числе себя, посредством языка через «призму» общечеловеческого и национального опыта. Таким образом, языковая картина мира выступает подсистемой концептуальной картины мира, с чем нельзя не согласиться, включая те её части, которые коррелируют с языковыми знаками.

Достоин внимания также подход к интерпретации языковой картины мира еще одной украинской исследовательницы Наталии Ивановны Фрасинюк, которая делает акцент на формировании языковой картины мира в недрах целостной картины систематизированных знаний. При этом картина мира представляет собой «субъективный образ объективной реальности, который лежит в основе индивидуального и общественного познания, охватывая ментальную сферу...» [6, с. 300]. Следом за В. В. Жайворонком, Н. И. Фрасинюк называет языковую картину мира «мозаикоподобной полевой системой взаимосвязанных языковых единиц, которые через сложную систему фонетических явлений, лексико-семантических и грамматических значений, а также стилистических характеристик отображают относительно объективное положение вещей окружающей среды и внутреннего мира человека, то есть в целом картину мира» [7, с. 26; 6, с. 300].

Поскольку «эффект» в украинских толковых словарях имеет, как правило, 4 значения: «1. Сильное впечатление, вызванное кем-, чем-либо. 2. Результат, следствие каких-либо причин, сил, действий, мероприятий. 3. Преимущественно мн. Средства, приёмы, приспособления, при помощи которых создаётся впечатление, иллюзия чего-либо. 4. Физическое явление» [8, с. 268; 9, с. 492], а Словарь синонимов украинского языка Льва Михайловича Полюги приводит синонимический ряд из 7 лексических единиц: впечатление, влияние / действие кого; корысть, выгода, следствие, результат; мн. Средства [10], то отображение каузальной доминанты «эффект» в украинской языковой картине мира было изучено нами посредством исследования атрибутивных коллокаций [11] с такими лексемами, как *ефект*, *результат*, *наслідок*, которые наиболее полно отражают наполнение фрагмента каузальности.

В рамках данной статьи представлена специфика разных типов коллокаций с каузальной доминантой «ефект» как наименее изученной, которые как раз и репрезентируют особенности каузального фрагмента украинской языковой картины мира. Материал для анализа отобран из Корпуса украинского языка и двух словарей по психологии.

Портал Мова [12], на котором размещен Корпус украинского языка, на сегодня не содержит текстов по психологии в чистом виде, предлагая такие разделы, как публицистика и научные тексты, без их дальнейшего распределения по сферам. Анализ корпуса научных текстов, представленного на лингвистическом портале, дал возможность идентифицировать такие коллокации для лексемы *ефект* (типы сочетаний рассматриваются только со знаменательными частями речи и приводятся вместе с оригинальными знаками препинания):

с левосторонней сочетаемостью:

имя прилагательное: *звуконаслідувальний, конотаційний, комічно-сатиричний, притаманний, спільний, <...> досягнутий, терапевтичний, <...> психологічний, негативний, <...> прямий, розвиваючий, стимулюючий, <...>;*

глагол: *досягається, дає, спричиняє, пояснює, <...> подолати, нейтралізувати, підтверджують;*

имя существительное: *зворотів, винаходу, експерименту, мімози, тварин, людини, <...>;*

местоимение: *такий, цей, них, чого, якою, усім, інших, той;*

имя числительное: *один.*

Что касается **правосторонних** коллокаций, то здесь внимания заслуживают сочетания с:

именем существительным: *новизни, скороговки, впливу, вечірки, промови, <...> переваги, запам'ятовування, розміру, <...>;*

именем прилагательным: *фонетичної, однозвучних, невиправданих, передбаченої, <...> гравітаційної, своєрідної, відсутній, неідентифікованих, інституційної, неминучий, сумірний, людської, <...>;*

глаголом: *може, можуть, мають, має, полягає, зростатиме, зберігається, спостерігається, <...>;*

местоимением: *такої, що, яких, який, якої, його, сам, цього;*

именем числительным: *трьох.*

Используя результаты поиска всего двух страниц из Корпуса [12], нам удалось установить 13 типов эффекта в украинской языковой картине мира:

1) разновидность влияния: *синергетичний, парниковий;*

2) указание на определенность / принадлежность: *цей, той, який, такий, такий же, той самий, інший, так званий, <...> характерний;*

3) указание на обобщенность: *сумарний, кумулятивний, загальний;*

4) тип оценки: положительной – *позитивний, найкращий, чарівний, мобілізуючий, оздоровчий, терапевтичний;* отрицательной – *негативний, руйнівний, негативного впливу;* нейтральной – *нульовий;*

5) степень восприятия: *реальний, відчутний, певний*; <...> *незначний* (глибина 2: *був*);

6) указание на определенную сферу человеческой деятельности / область: *економічний, антикорупційний, фінансовий*;

7) продолжительность: *короткостроковий, довготривалий, відкладений*;

8) размер: *величезний, максимальний, повний, більший, частковий*;

9) противоположность ожиданию: *протилежний* (глибина 3: *може бути*; глибина 2: *виявився*), *зворотний* (глибина 3: *може бути*);

10) разновидность действия: *ефект пружини, бомби, вибуху (інформаційної бомби), консолідації, доміно, поїзда, глобального потепління, <...> плацебо, календарних днів* (4);

11) степень задействованности: *присутності* (3), *аутсайдера, соцмереж*;

12) указание на источник: *від самоорганізації, від відкриття ринку*;

13) указание на направленность: *для економіки, для бюджету*.

Данные словарей по психологии дают очень ограниченное количество иллюстраций, это, с одной стороны, позволяет выделить конкретные типы эффекта для узкоспециализированной сферы, а, с другой, не формирует объективную картину, что, как правило, должно подтверждаться частотностью анализируемых единиц. Для Психологического словаря [13] установлено 6 типов эффекта:

1) степень определенности: *певний ефект*;

2) степень влияния: *вражаючий, сліпер-ефект*;

3) степень восприятия: *витлумачений*;

4) степень необходимости: *потрібний*;

5) принадлежность к определенной сфере / области: *психологічний, соціальний*;

6) разновидность действия: **ефект** впливу, накопичення, відчуження, бумеранга, ореола, упередженості, навіювання.

Для Словаря по психологии и педагогике одаренности и таланта личности [14] определено 9 типов эффекта:

1) степень определенности: *деякі ефекти*;

2) указание на определенную сферу человеческой деятельности / область: *творчий, навчально-виховний, педагогічний, аутопсихотерапевтичний*;

3) тип оценки: *позитивний*;

4) размер: *максимальний, високий*;

5) разновидность локации: *вершинний*;

6) степень восприятия: *помітний, отриманий*;

7) разновидность действия: *ПІД-ефект, Кирліан-ефект, Кирліана; психофізіологічні та психофізичні ефекти* (в том числе воздействия на человека);

8) указание на результативность: **ефект** звикання, адаптованості, сімейної успішності у праці, переходу обдарованості дітей у талант дорослих, материнського посилення чутливості;

9) указание на источник: *інтуїції, уяви, певної системи дій*.

Таким образом, используя корпусный подход, нам удалось установить 19 типов эффекта, которые отображаются в украинской языковой картине мира при помощи коллокаций с лексемой «эффект». К ним относятся: принадлежность в определенной специальной сфере / области; указание на определенную сферу человеческой деятельности / область; указание на обобщенность; указание на направленность; указание на результативность; разновидность влияния; степень влияния; указание на определенность / принадлежность; степень определенности; разновидность действия (в том числе на человека); степень задействованности; продолжительность; степень восприятия; указание на источник; размер; разновидность локации; степень необходимости; тип оценки (позитивная / негативная / нейтральная); противоположность ожиданию.

Разумеется, полученные данные, учитывая ограниченность анализируемого фактического материала, не исчерпывают всего разнообразия типов эффекта. Такое положение дел открывает *перспективы* для проведения расширенного анализа иллюстративной базы разных типов дискурса, с последующей идентификацией когнитивно-семантической экспликации доминанты для отображения каузального фрагмента картины мира украинцев.

ЛИТЕРАТУРА

1. Леміш, Н. Є. Комунікативно-прагматичні та структурно-семантичні характеристики каузального комплексу в сучасних германських, романських та слов'янських мовах: зіставно-типологічний аспект : автореф. дис. ... д-ра філол. наук : 10.02.17 / Н. Є. Леміш. – Київ, 2015. – 36 с.
2. Беляцкая, А. А. Лингвокультура и ноосфера: новые перспективы человеческой эволюции (Лингвоантропогенез в XXI веке) / А. А. Беляцкая // Ученые зап. Таврич. Нац. ун-та им. В. И. Вернадского. Филология. Культурология. Политология. Социология. – 2013. – Т. 26 (65). – № 5. – С. 98 – 105.
3. Леміш, Н. Є. Англо-український паралельний корпус текстів для студентів спеціальності «Переклад» / Н. Є. Леміш // Актуальні проблеми романо-германської філології та прикладної лінгвістики. – 2018. – № 1 (15). – С. 207–210.
4. Корнилов, О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов / О. А. Корнилов. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : ЧеРо, 2003. – 349 с.
5. Заремська, І. М. Мовна картина світу як об'єкт лінгвістичних досліджень / І. М. Заремська // Науковий часопис Національного педагогічного університету імені М. П. Драгоманова. Серія 10 : Проблеми граматики і лексикології української мови. – К. : НПУ, 2011. – Вип. 7. – С. 396–402.
6. Фрасинюк, Н. І. Картина світу як об'єкт сучасної когнітивістики / Н. І. Фрасинюк // Наукові праці Кам'янець-Подільського національного університету імені Івана Огієнка. Філологічні науки. – Кам'янець-Подільський : КПНУ, 2013. – Вип. 34. – С. 298–300.
7. Жайворонок, В. В. Етнолінгвістика в колі суміжних наук / В. В. Жайворонок // Мовознавство. – 2004. – № 5–6. – С. 23–35.
8. Бусел, В. Т. Великий тлумачний словник сучасної української мови / В. Т. Бусел (ред.). – К. : Ірпінь, Перун, 2001. – 1440 с.
9. Білодід, І. К. Словник української мови : в 11 т. / І. К. Білодід (ред.). – Т. 2 : Г – Ж. – К. – Наукова думка, 1971. – 550 с.
10. Полюга, Л. М. Словник синонімів української мови / Л. М. Полюга. – К. : Довіра, 2007. – 77 с.
11. Вайноренє, І. П. Колокації з каузальною домінантою «ефект» в англійській та українській мовах / І. П. Вайноренє // Наук. часопис Нац. педагогічного ун-ту ім. М. П. Драгоманова. Сер. 9, Сучасні тенденції розвитку мов. – К. : НПУ, 2017. – Вип. 16. – С. 52–61.

12. Лінгвістичний портал Mova.info [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://www.mova.info/corpus.aspx?l1=209>. – Дата доступу : 27. 08. 2019.
13. *Синявський, В. В.* Психологічний словник / В. В. Синявський, О. П. Сергієнко. – Міністерство освіти і науки України, 2007. – 336 с.
14. *Рибалка, В. В.* Словник із психології та педагогіки обдарованості і таланту особистості : термінологічний словник / В. В. Рибалка. – Житомир : Вид-во Житомирського державного університету імені І. Франка, 2016. – 424 с.

Ирина Петровна Вайнорене

аспирант,
старший преподаватель кафедры прикладной лингвистики,
сравнительного языкознания и перевода
Национального педагогического университета
имени М. П. Драгоманова

Irina P. Vainorenne

Postgraduate Student,
Senior Lecturer of Department of Applied Language Studies,
Comparative Linguistics and Translation at National Pedagogical
Dragomanov University

Е. А. Гапанович

Минск, Беларусь

РЕФЕРЕНЦИАЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ НОМИНАЦИЙ КОЛЛЕКТИВНОГО СУБЪЕКТА В БЕЛОРУССКОМ И ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКАХ

Сопоставительному анализу подвергнут таксономический минимум, применяемый для выделения разряда имен коллективного субъекта (ИКС) в белорусском и французском языках. Установлено, что номинации людского множества, реализующие референцию к упорядоченному множеству лиц, гетерогенны по своей внутренней структуре. Исследован референциальный статус ИКС при выполнении ими вторичных синтаксических функций. Рассмотрена возможность устранения референтной диффузности ИКС в позиции таксономического предиката. Уточнен национально-культурный компонент семантики этнонимов.

К л ю ч е в ы е с л о в а : коллективный субъект; референциальная диффузность; сноминативная таксономия; совокупный референт; этноним.

Ya. A. Hapanych

Minsk, Republic of Belarus

REFERENTIAL POSSIBILITIES OF COLLECTIVE NOUNS USED FOR GROUPS OF PEOPLE IN THE BELARUSIAN AND FRENCH LANGUAGES

A comparative analysis of taxonomic criteria required to identify a class of collective nouns used for groups of people (CNP) in the Belarusian and French languages was made. It is established that generic names denoting a group of people are characterized by referential indefiniteness.

The author examines the referential status of CNP performing secondary syntactic functions. In addition, he also analyses national-cultural semantic components of Belarussian and French ethnonyms.

Key words: collective subject; referential indefiniteness; nominal taxonomy; cumulative reference; ethnonym.

Степень многообразия окружающего мира, представляемого в процессах мышления и коммуникации, определяется не только варьируемыми формами и характеристиками онтологии. От того, насколько языковые средства приспособлены и чувствительны к отображению различий между единичными, множественными и объединенными сущностями окружающего мира, зависит полнота представления внутренней структуры объекта познания. Вместе с тем в настоящее время в проблемное поле ряда гуманитарных наук включен и активно обсуждается вопрос о понятийном содержании такой социальной реалии, как коллективный субъект. В расширенной интерпретации она понимается как «всякая совокупность людей, проявляющая себя через любые формы поведения, отношения, деятельности, общения, взаимодействия и т. п.» [1, с. 19]. Отсюда научный интерес к семасиологическому анализу лексических единиц, обозначающих совместно действующую или ведущую себя подобным образом группу людей, что, в конечном итоге, позволяет раскрыть сложность внутренней организации совокупных референтов. Имена совокупности, отсылающие к соответствующим сущностям и используемые для номинативного членения мира, могут представить не только естественные группы объектов, но и преломленные в национальной языковой картине объединенные сущности или множественные единства. Сравним: (бел.) *сям'я грыбоў* / *сям'я будаўнікоў* / *сям'я славянскіх моў*; (франц.) *famille de mots* 'гнездо слов' / группа (людей), *famille littéraire* 'литературная школа, литературное направление', *famille politique* 'люди общих политических взглядов'. Выбор для сравнения ЛЕ таких языков, как белорусский и французский, т. е. языков с сильными синтетическими, в первом случае, или аналитическими тенденциями, во втором, обусловлен, на наш взгляд, возможностью установить лингвоспецифичность не только самих наименований группы лиц, но и их сочетательных способностей. Так, например, белорусские имена совокупностей не сочетаются с предлогом *паміж*, называющим пространственные или объектные отношения между членами группы лиц. Например, *паміж старых прыяцеляў*, но не **паміж сям'і*. И, наоборот, имена существительные, обозначающие коллектив, при употреблении с предлогом *у* актуализируют признак абстрактной локации — 'окружающие люди, общество', например, *жыць у вялікай сям'і*; *ішлі размовы ў народзе*; *пераадоленне супярэчнасцей у нашым грамадстве* [2, с. 135]. Во французском языке для выражения объектных отношений в группе лиц могут употребляться предлоги *auprès de* 'при' и *au sein de* 'внутри'.

Таким образом, к числу актуальных вопросов сопоставительных исследований относится выявление лингвоспецифичности имен коллективного

субъекта (ИКС) типа (бел.) *народ* / (франц.) *peuple*, (бел.) *сям'я* / (франц.) *famille*, обусловленной семантической структурой и референциальными особенностями.

Основанием для данного компаративного анализа является также выделение универсального для европейских языков лексико-семантического разряда имен собирательных [3, с. 146–147], для которых имена совокупностей лиц (коллективного субъекта) наряду с родовыми именами являются лексико-грамматическими подразрядами. Примечательно, что ядерные белорусские и французские наименования коллективного субъекта, такие как *калектыў* «група людзей, аб'яднаных агульнымі інтарэсамі, агульнай дзейнасцю // група людзей, звязаных сумеснай работай у адной арганізацыі» [4, с. 585], *калектыўны* «збіральны» и *collectif* (сущ., прилаг.) «коллективный; групповой; коллектив» «qui comprend ou concerne un ensemble de personnes; groupe de personnes réunies pour délibérer et prendre des décisions» этимологически восходят к одной и той же латинской лексеме *collectivus*.

Традиционный таксономический минимум для выделения в белорусском языке разряда имен совокупности лиц из класса собирательных имен существительных включает сведения об их морфосинтаксическом поведении. Так, именно чередование флексии родительного падежа (-у / -а) служит критерием разграничения у лексической единицы *народ* ЛСВ₁ «населенітва якой-н. краіны, дзяржавы: *і сэрцы, і воля, і думы народа злучыліся ў плыні адной*» [5, с. 300] и ЛСВ₂ «пра групу людзей, якія маюць нейкія агульныя, аднолькавыя рысы» [5, с. 300]: *тоўпілася многа святочнага народу*, т. е. ЛСВ₁ трактуется как конкретно-предметное значение, а ЛСВ₂ как совокупное значение. За рамками правильного и нормативного употребления языковых единиц (чередование флексий -а-у) остается не только индивидуально-личностное, но и коллективно-субъективное видение мира, которое позволяет представлять фрагменты окружающей действительности в больших масштабах и обуславливает актуализацию различных категориальных признаков: гетерогенности или единства. Как справедливо заметил П. Я. Махлин, «когда мы слышим слово “собрание”, понимаем, что перед нами объединение людей, каждый из которых – отдельная и неповторимая личность. И совсем другое дело – коллектив – некая совершенно одинаковая, единая и безликая масса» [6, с. 87]. Понимание того факта, что данные номинации гетерогенны по своей внутренней структуре и организации, отражено и в предлагаемых лингвистами терминах, а именно *aggregate nouns* «множественные, групповые имена», *group nouns* «групповые имена», *furniture-nouns* «имена сборного типа (по типу мебели)», *collective nouns* «собирательные имена», эксплицирующих в целом реализацию множественной референции. Однако не следует считать разнородность соединяемых элементов единственным и достаточным основанием для выделения имен совокупностей.

Во французском языке наблюдается несколько большее разнообразие средств для представления множественных объектов, функционирующих как единство. Как и в белорусском языке, применяется морфосинтаксический

показатель (значимое отсутствие флексии -s). Например, с помощью последнего может быть эксплицитно оформлено значение институционального союза в именной синтагме *Nom de nombre* ‘числительное’ + *Europe*. Действительно, *Europe* получает новое значение, а именно упорядоченной и организованной общности государств, народов, проживающих на определенной территории. Отсюда допустимо и обратное заявление о делении европейского континента *Europe* на три разные народности:

Il y a trois Europe: latine et méditerranéenne, septentrionale, slave (Express, 12.01.2019) ‘Есть у Европы три части: латинская и средиземноморская, северная, славянская’.

Как видим, *Europe* со значимым отсутствием флексии -s в именной синтагме *trois Europe* обозначает союз разноязычных сообществ, а не территорий. Таким образом, топоним *Europe* метонимически называет совокупность носителей языков, актуализируя их единство. Сравним: *l’Europe c’est vous, c’est nous* ‘Европа – это вы, это мы’ (Huffingtonpost, 09.05.2014). Аналогично белорусское имя существительное *Еўропа*, допуская вариативность морфологического множества во фразеологизме *галопаў па Еўропах*, восстанавливает форму единственного числа: *галопаў па Еўропе*.

В отношении неодушевленных пространственных имен нами также была выявлена возможность их активного метонимического употребления со значением совокупности лиц в позиции подлежащего: (бел.) *Увесь сельсавет сабраўся. Клас сустрэў Святлану Мікалаеўну напружанай цішынёй*; (франц.) *La France a rendu hommage* ‘Франция отдала дань уважения’.

Вместе с тем специфичным для французских имен совокупностей следует считать активное использование такого графического показателя, как заглавная буква, который позволяет при добавлении к внутренней форме наименования признака одушевленности соотносить ИКС с группой лиц. Например: *l’Université* – «corps des maitres de l’enseignement public des divers degrés» ‘корпус преподавателей в системе государственного образования различных уровней, преподавательский корпус’. Отсюда: *entrer dans l’Université* ‘стать преподавателем’ → *grand maître de l’Université* ‘министр народного просвещения (во Франции)’. Лексема *(une) université*, оформленная графически с помощью строчной буквы, будет называть единичный неодушевленный объект: высшее учебное заведение (во Франции, государственное учреждение), состоящее из комплекса учебно-исследовательских подразделений, институтов, центров и исследовательских лабораторий.

Мы установили, что имена коллективного субъекта активно употребляются в качестве идентифицирующих языковых знаков, после чего был исследован референциальный статус при выполнении белорусскими и французскими именами совокупностей вторичных функций, а именно предиката. В белорусском языке вполне корректны и частотны биноминативные высказывания ИКС, эксплицирующие их включение во множество: *Бацькі – нецярплівы народ!*, где *народ* используется как ЛСВ₂ (см. выше).

Вместе с тем высказывание *Un Français, c'est la France* 'Француз / французы (учитывая, что они могут жить по всему свету) – это уже сама Франция (не территория, а население)' не может быть описано только на семантическом уровне: его интерпретация опирается на импликатуру, связанную с обобщающим значением именной синтагмы *un Français* 'француз'. Таким образом, возможно представление коллективного субъекта с фокусировкой признака единства. В этом случае реализуется кореференция ЛСВ₂ *Français* и ЛСВ₂ *France* к совокупности лиц «*la France-nation*». Поэтому набор инференций (умозаключений участников коммуникации в процессе интерпретации получаемых сообщений) при толковании названия книги *Un peuple de statues: La célébration sculptée des grands hommes (France, 1801–2018)* *букв. 'народ статуй / множество статуй: скульптурное торжество великих людей' будет также неоднозначен: речь идет о множестве статуй или о том, что память о великих людях была увековечена в скульптурах?

Устранение референтной диффузности в высказывании, в котором ИКС выполняют роль таксономического предиката, возможно через вмешательство коммуникантов, устанавливающих референцию говорящего. Отсюда подобные высказывания понимаются не как таксономическая идентификация, а как объективация аргументативного речевого действия. Поэтому высказывание *Un Français, c'est la France* необходимо понимать следующим образом: даже если перед нами всего один француз (*un Français*), он все равно заслуживает уважения, как и страна, представителем которой он является.

В контексте категориальной соотнесенности *Les Français sont un peuple courageux* 'Французы – смелый народ' предикативной группой реализуется родовая референция, а референциальный признак внешней множественности может быть приписан ИКС *peuple* уже в составе квантитативного сочетания *un peuple de* 'множество; толпа, стая, лес (о сооружениях)' или в составе именной синтагмы с частичным артиклем *peuple*: *Il y a du peuple, du monde. Quel peuple, aujourd'hui* 'Сегодня очень много людей'. Аналогично для белорусского языка употребление ИКС в значении квантификатора *грамадой* 'усе разам, гуртам'.

Выявленное варьирование референциальных признаков ИКС предопределяет особенности семантического развития средств выражения совокупности в белорусском языке. Как отмечалось выше, во внутренней форме конкретных наименований развивается новое категориальное значение, что приводит к появлению полисемантических и полифункциональных собирательных номинаций лиц. Например, *драбяза* → *невялікія прадметы*; *дробныя рэчы* → *дробныя жывыя істоты* → *малыя дзеці* [4, с. 313] или: *старызна* → *старыя, зношаныя рэчы, прадметы* → *тое, што аджыло, устарэла* (номинативная единица) → *пра старога чалавека* (в обращении в качестве коммуникативной единицы) [7, с. 313].

Развитие нового категориального значения у французских имен совокупностей лиц (*le peuple chrétien* 'христиане' → *un peuple d'oiseaux* 'стая птиц', т. е. 'коллективный субъект' → 'количество') может привести

к некоторому логическому абсурду и референциальной несурразности (диффузности) наименования, например, *le peuple de statues des cathédrales* букв. 'народ (каменных) церковных статуй'. В действительности ЛЕ *peuple* 'народ' настолько десемантизируется, что, приобретая новое категориальное значение 'количество', она не только полностью утрачивает признак совокупности как упорядоченной организации составных элементов, но и признак одушевленности. Отсюда допустимо сказать: *l'immense peuple des tuiles (d'un toit)* 'множество черепичных дощечек'. Деперсонализация не свойственна белорусским ИКС: они сохраняют грамматический признак одушевленности. Отсюда однозначное толкование топонима как пространственного наименования при отсутствии признака одушевленности. Например, *Львоў сустрэў дэлегатаў яркім сонечным днём*.

Вышеустановленная референциальная диффузность, а именно одновременная отсылка наименования и к одушевленному объекту, и к коллективу как к множеству, обуславливает кореференцию к объекту познания имени совокупности лиц и пространственного имени. Например: «**Paris, ville de pierre, peuple de monuments, peuple de mémoires, peuple d'anciennes actions. Paris, capitale du monde...**» 'Париж, каменный город / его население?, народ? / множество памятников, народ? / множество воспоминаний, народ? / множество прошедших событий. Париж, столица мира...'. В результате топоним *Paris* реализует значение коллективного субъекта.

Учитывая, что лингвоспецифичность имен совокупностей обусловлена двойственностью их содержательной сущности, поскольку внутренняя форма соотносится с формальными обозначениями социальных общностей, автором была предпринята попытка определить значимость и вклад социального знания в семантическую структуру имен совокупностей.

В белорусской лингвокультуре совокупный референт ввиду своей численности и массовости, как правило, воспринимается доброжелательно. Сравним, например, популярный лозунг народной акции «Мы – разам!». Поэтому и ИКС *народ* имеет положительную коннотацию: «**асноўная, працоўная маса насельніцтва. / Працоўны народ. / Ідзе народ сярпа, касы, станка і молата. Таўлай. // У гістарычным матэрыялізме – сацыяльная супольнасць, якая ўключае ў сябе тыя слаі і класы, якія здольны ўдзельнічаць у вырашэнні задач прагрэсіўнага развіцця грамадства**» [5, с. 300].

Во французском языке при раскрытии значимости социального знания в содержании внутренней формы французских ИКС мы исходим из его социально ориентированных признаков, озвученных в дефиниции *peuple* 'народ': *ensemble d'humains vivant en société, habitant un territoire défini ayant en commun un certain nombre de coutumes, d'institutions, et parfois, une communauté d'origine* 'совокупность людей, ведущая социальный образ жизни, проживающая на определенной территории, имеющая ряд общих обычаев, институтов, а иногда и общность происхождения'. Отсюда и ее интерпретация, опирающаяся на социальные признаки «le plus grand nombre, **opposé** aux classes supérieures, dirigeantes (sur le plan social) ou aux éléments **les**

plus favorisés, matériellement ou culturellement, de la société» ‘Максимальное количество (граждан, членов общества), **противопоставленное привилегированному** классу (в социальном, материальном или культурном плане) или наиболее обеспеченным членам сообщества’. Ряд устойчивых выражений, таких как: *écrire pour le peuple (grand public)* ‘писать для народа (чтобы было понятно) / адресовать массам (большому количеству)’; *mettre à la portée du peuple (Populariser, vulgariser)* ‘популяризовать, делать доступным’, *que demande le peuple?* ‘что еще надо?’; *se moquer du peuple* ‘смеяться, насмехаться’ закрепляют культурно и социально маркированные признаки: примитивность простых людей, снисходительное и граничащее с презрением и неуважением отношение верхов к низам, социальная дистанция. Вместе с тем изначально в ЛЕ *peuple*, произошедшей от лат. *populus* ‘совокупность граждан’ (*universi cives*), имеющих право голосовать’, было указание на социально значимую характеристику референта.

Как известно, нацию характеризует не только общность языка и территории, но и культуры. Устанавливая национально-культурный компонент семантики французских этнонимов *la Chrétienté* ‘христианство, христианские народы, христианский мир’ и *l’Islam* ‘мусульманский мир’, мы можем отметить, что названия религии и верующих используются метонимически в качестве имен народностей, противопоставляемых друг другу.

В целом, для внутренней формы французских ИКС, например, *la France* релевантен демический признак, который актуализируется в том случае, если государство и занимаемая им территория определяют смысл и самобытность группы, нации [8, р. 43]. Специфика внутренней формы белорусских ИКС, например, *Беларусь*, определяется этническим признаком, актуализируемым, когда народ очерчивает границы страны и строит государственную идентичность’ [Там же, р. 43]. Отсюда и попытки переименовать страну и народ соответственно в *Крывію* и *Крывічы*: *У пачатку 20 стагоддзя, калі актыўна ішоў працэс нацутварэння, інтэлектуалы прапаноўвалі змяніць назву “беларусы” на крывічы, Беларусі – на Крывію* [9, с. 364–378; 10].

Таким образом, в белорусском и во французском языках именам коллективного субъекта релевантны определенные референциальные особенности, которые позволяют выделить их в отдельный подразряд имен собирательных. Базовые для называния народностей номинации *народ / people* указывают на упорядоченное гетерогенное множество лиц. Референциальный статус при выполнении ими вторичных синтаксических функций (в позиции таксономического предиката) требует обращения к знаниям говорящего для устранения референтной диффузности ИКС. Несмотря на типологические расхождения средств представления внутренней множественности, ИКЛ в белорусском и французском языках характеризуются общностью тенденций семантического развития и функциональной специфики. Вместе с тем типология социальных совокупных референтов, характерная для отдельно взятого языкового сообщества, является категориальным основанием для выявления национально-культурного компонента семантики имен совокупностей.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кимберг, А. Н.* Концепты индивидуального и коллективного субъектов / А. Н. Кимберг, А. С. Налетова // Человек. Сообщество. Управление. – 2006. – № 3. – С. 17–24.
2. *Шуба, П. П.* Тлумачальны слоўнік беларускіх прыназоўнікаў / П. П. Шуба. – Мінск : Нар. асвета, 1993. – 165, [2] с.
3. *Гируцкий, А. А.* Введение в языкознание : учеб. пособие / А. А. Гируцкий. – Минск : Выш. шк., 2016. – 238 с.
4. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : в 5 т. / АН БССР, Ін-т мовазнаўства імя Я. Коласа ; пад агул. рэд. К. К. Атраховіча (К. Крапівы). – Т. 2 : Г–К. – Мінск : Беларус. Сав. Энцыкл., 1978. – 768 с.
5. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : в 5 т. / АН БССР, Ін-т мовазнаўства імя Я. Коласа ; пад агул. рэд. К. К. Атраховіча (К. Крапівы). – Т. 3 : Л–П. – Мінск : Беларус. Сав. Энцыкл., 1979. – 672 с.
6. *Махлин, П. Я.* Как сказать по-русски: Занимательная этимология / П. Я. Махлин. – Киев : Феникс, 2013. – 294 с.
7. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : в 5 т. / АН БССР, Ін-т мовазнаўства імя Я. Коласа ; пад агул. рэд. К. К. Атраховіча (К. Крапівы). – Т. 5, кн. 1 : С–У. – Мінск : Беларус. Сав. Энцыкл., 1982. – 663 с.
8. *Cislaru, G.* Nom de pays, nom de peuple : quels usages, quelles identités ? / G. Cislaru // Cahiers de sociolinguistique. – № 11. – Presses universitaires de Rennes, 2006. – P. 41–62.
9. *Ластоўскі, В.* Выбраныя творы / В. Ластоўскі. – Мінск : Бел. кнігазбор, 1997. – 514 с. : іл.
10. *Скворчевский, Д.* Являются ли кривичи главным протобелорусским племенем? Онлайн-конференция с магистром исторических наук, главным специалистом Белпресс-центра Дмитрием Скворчевским / Д. Скворчевский. – Режим доступа: <https://www.tvr.by/events/onlayn-konferentsiya-s-magistrom-istoricheskikh-nauk-glavnym-spetsialistom-belpresstsentra-dmitriem-skvorchevskim/vopros-ot-06-07-2016-15-41-46/>. – Дата доступа: 08.01.2019.

Евгения Александровна Гапанович

кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры
лексикологии французского языка

Минского государственного лингвистического университета

Yauheniya A. Hapanovich

PhD, Associate Professor, Associate Professor of the Lexicology
of the French Language at Minsk State Linguistic University

Е. И. Григорьев
Москва, Россия

ПРОСОДИЯ И КОНЦЕПТ РЕЧЕВОГО АКТА

Лексический, грамматический и фонетический уровни языка обеспечивают коммуникативный процесс между партнерами по общению, что достигается посредством формирования и передачи смысловых образов, т. е. концептов разных свойств. Среди языковых компонентов выделяется речевая просодия. Она позволяет дифференцировать различные виды речевых актов, то, является ли, например, некоторое обращение совершить событие *р* просьбой, приказанием либо требованием с угрозой и т. д. Ответ в той же мере может быть убедительным заверением о готовности совершить актуальное *р* либо неубеди-

тельным обещанием, он также может формулироваться и как заявление со смыслом, противоположным пропозициональному содержанию (ирония, сарказм). Корреляции просодических компонентов создают концепт соответствующего иллокутивного акта.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *просодия; коммуникация; иллокутивный акт; концепт.*

E. I. Grigorev
Moscow, Russia

PROSODY AND CONCEPT OF THE SPEECH ACT

The lexical, grammatical and phonetic levels of the language provide a communicative process between communication partners, which is achieved through the formation and transmission of semantic images, i.e. concepts of different properties. Among language components, speech for example, some appeal to commit an event *p* is a request, an order, or a demand with a threat, etc. The answer to the same extent can be a convincing assurance of readiness to fulfill the actual *p*, or an unconvincing promise, it can also be formulated as a statement with a meaning opposite to the propositional content (irony, sarcasm). Correlations of prosodic components create the concept of the corresponding illocutionary act.

K e y w o r d s: *prosody; communication; illocutionary act; concept.*

Появление и развитие теории речевых актов позволило значительно расширить знания о функциональной стороне факторов языка, его прагматической значимости. Среди языковых компонентов, формирующих чувственное восприятие смыслов, выделяется речевая просодия, которую с полным правом следует причислить к ключевым идентификациям намерений говорящего. Она позволяет дифференцировать различные виды речевых актов, то, является ли, например, некоторое обращение совершить событие *p* просьбой, приказанием или требованием с угрозой и т. д. В той же мере ответ может быть убедительным заверением о готовности совершить актуальное *p* либо неубедительным обещанием, он также может формулироваться как заявление со смыслом, противоположным пропозициональному содержанию (ирония, сарказм).

Успешность достижения цели зависит от трех ключевых конвенциональных факторов: а) знания просодического языкового знака; б) вызываемого им эффекта воздействия на слушающего; в) речевой ситуации его появления. Каждое научное направление ищет свои критерии и аргументы в пользу целесообразности установления некоторого рабочего перечня иллокутивных актов, только так возможно наиболее полное описание свойств конкретного языка. Выявление категорий речевого акта дает основание типологизировать их с учетом установленных характеристик. Дифференциальными признаками служат тональные, динамические и темпоральные признаки, а более конкретно – их количественные показатели. В ходе исследований были установлены пять тональных и пять динамических уровней при различении иллокутивов, которые по-разному коррелируют в сопоставляемых иллокутивных актах. Для сравнения просодических характеристик было определено семь зон замеров в соответствии с принятой фонетической сегментацией высказываний [1, с. 80].

Помимо основных параметров мелодики, интенсивности и времени к релевантным факторам следует отнести также качественные характеристики тона, выражающие соответствующую модальность и дающие основание типологизировать иллокутивы по классам. Таким образом, в системе просодии иллокутивных актов выделяются четыре основных типа тональной манифестации, противопоставленных по характеру мелодических изменений, интервалам скорости, крутизне подъемов и падений тона, а также тембральной аранжировки: *волитивный*, *аффирмативный*, *квиетивный* и *инверсивный* [1, с. 54]. Волитивный тонотип маркирует речевые акты авторитарного свойства, накладывающие определенные обязанности: приказания, угрозы, негативные оценки и т. д. Аффирмативный тонотип представляет речевые акты позитивной модальности: положительная оценка факта, дружеский совет, добрые пожелания. Квиетивный тонотип маркирует иллокутивы нейтрального свойства: представления события / факта, вопросы и др. Инверсивный тонотип представляет речевые акты очевидного неистинного характера: юмор, сатира, шутка. На первый взгляд тип тональной манифестации является отражением эмоционального состояния говорящего, что в определенной степени ставит под вопрос лингвистическую сущность данного понятия. Но, как показывают наблюдения, в эмоциональности интонационного средства можно выделить два уровня обозначения: коммуникативно-необходимый и избыточный. Если первый связан с выражением типа иллокутивного акта (ср.: дружеская просьба / угрожающее принуждение совершить некое действие *p*), то избыточность эмоционального выражения сообщает о психическом состоянии говорящего и в этом случае факт может быть с полным правом вынесен за пределы лингвистического описания как относящийся к компетенции психологии. В исследовательских работах по теории интонации имеются точки зрения, связанные с адекватностью понятий эмотивной и модальной функций, выражаемых интонационными средствами, и это уже подтверждает статус интонации как лингвистической категории. Обозначенные аспекты получили достаточно полное освещение в работах Т. Королевой [2] и Э. Нушикян [3].

Перечисленные тонотипы относятся к активным маркерам РА и объединяют несколько иллокутивов.

Восприятие разных комбинаций параметров ЧОТ (частоты основного тона), интенсивности и длительности в процессе речевого общения на фоне одного из четырех тонов вызывает в сознании слушающего ментальные образы конкретных речевых действий, т. е. их концепты: концепт сообщения, порицания, одобрения, побуждения к действию или его прекращению, концепт сострадания и т. д. Есть основания полагать, что формирование некоторых идентичных концептов просодическими средствами в разных языках носит национально-специфический характер. Процесс концептуализации объектов окружающего нас мира является одним из ключевых направлений исследований когнитивной лингвистики. В период развития указанного направления возникло достаточно большое количество определений понятия

концепт. Специфика всех дефиниций заключается в том, что все они в той или иной мере отражают сущность содержания термина, а их многообразие может объясняться сферой научных интересов авторов. В понимании Р. Джекендоффа, концепт – это ментальная репрезентация, которая может служить значением языкового выражения [4, с. 26]. По определению других авторов, концепт представляется как «оперативная единица памяти, ментального лексикона» [5, р. 17] и «фрагмент жизненного опыта человека» [6].

Как видно из процитированных определений данного термина, при исследовании концептов языковед исходит из характера поставленных задач. Основопологающим фактором в разработке лингвистических идей концептуализации окружающего нас мира является постановка вопроса о связи языка и мышления. На разных этапах развития учения о языке эти вопросы более или менее успешно освещались с позиций исследовательских задач.

Базовые положения современного развития науки о языке и мышлении были разработаны В. Гумбольдтом. Говоря об их связи, он утверждает первичность языка, который, в его понимании, «есть орган, образующий мысль», т. е. является обязательным условием человеческого мышления [7]. Эту же мысль высказывает в своих трудах Э. Бенвениста. Одно из свойств языка, по его мнению, заключается в том, что «мыслительные операции, независимо от того, носят ли они абстрактный или конкретный характер, всегда получают выражение в языке» [8, с. 104].

Дальнейшее развитие теории о соотношении языка и мышления породило, однако, возникновение иной точки зрения уже об их различиях [9; 10; 11; 12; 13; 14].

Актуальная проблема получила новый импульс развития в связи с появлением когнитивной лингвистики.

Как совершенно очевидно, в процессе познания окружающего мира, овладения языком и осуществления коммуникативного взаимодействия концепты проявляют самые разные свойства. Не углубляясь в полемику относительно достоинств того или иного их определения, следует остановиться на одном из них, чтобы обосновать базу настоящего исследования.

Под термином *концепт* понимается «дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету» [15, с. 24]. Концептуализация объектов касается, прежде всего, лексического уровня языка: в языкознании разработана достаточно подробная типология концептов окружающего нас мира. Однако на уровне межличностной коммуникации функционируют когнитивные процессы, объединяющие отдельные лексически формируемые концепты в более сложные структуры. Поэтому в сферу концептуального анализа сегодня вовлекаются единицы более высокого порядка, чем слово, это словосочетания и предложения [14; 16; 17; 18]. В устном высказывании в процессе концептуализации участвует также просодия речи. Задача лингвиста-когни-

толога сводится также к тому, чтобы проанализировать и описать процессы концептуализации в устном дискурсе, т. е. в процессе коммуникации. Концепт кодируется в сознании индивидуальным чувственным образом, выступающим как чувственный компонент его содержания, и является базовой единицей универсального предметного кода человека. Формирование концепта идет от образного, чувственного к более абстрактному. Для эффективного и полного образования концепта в сознании только одного языка мало – необходимы обязательное привлечение чувственного опыта, необходима наглядность и предметная деятельность с той или иной вещью. Только в таком сочетании разных видов восприятия в сознании формируется полноценный концепт.

М. Бирвиш рассматривает концептуальный уровень как процесс интерпретации значения языковой единицы [19]. По словам Р. М. Фрумкиной, процедура концептуализации представляет собой «поиск смысла» [20, с. 63]. Апресян полагает, что концептуализация объекта – это «способ восприятия и организации мира, который находит отражение в языке» [21, с. 39].

Таким образом, в многочисленности нескольких отличающихся толкований содержится одна мысль: концептуализация – это процесс познания человеком окружающего мира, обеспечивающий его понимание, а также коммуникативное взаимодействие между индивидуумами как одно из базовых условий существования субъекта в этом мире. Концепты же, будучи единицами когнитивных структур, понимаются как оперативные содержательные единицы памяти, которые обеспечивают умение ориентироваться в постоянно изменяющемся мире путем подведения информации под определенные категории и классы, выработанные обществом [22, с. 17]. Но языковая система представляет собой комплексное образование. Языковые выражения могут быть выделены в самой разной форме. Учитывая многоуровневый характер языковой системы, Н. Н. Болдырев пишет о существовании различных типов концептов. Он делит их на три группы. Первую объединяют концепты, представляющие знания о реальном мире. Сюда автор относит лексически репрезентируемые концепты. Во вторую группу входят морфологически репрезентируемые концепты, которые представляют знания о языке. В третьей группе объединены синтаксически репрезентируемые концепты, соединяющие знания об окружающем мире и языке [23].

Однако процесс концептуализации едва ли можно объяснить только с позиции релевантности лексических и грамматических элементов высказывания. В данной типологии не отражены концепты, формируемые просодическими структурами и выражающие конкретные речевые действия (речевые акты). Первой ступенью концептуализации речевого континуума является слуховое восприятие языковой конструкции.

Однозначно можно утверждать, что сознание человека без затруднений способно различать вежливую просьбу и императивное требование совершить событие *p*. Возникновение и развитие когнитивной лингвистики дают надежду на эффективный анализ процессов переработки и понимания звуковой информации с применением новых знаний, а именно таких, которые связаны с познавательной деятельностью человека. Данное обстоятельство

вполне правомерно позволяет утверждать, что восприятие и переработка фонетической формы высказывания в части ее просодической организации, несомненно, должны являться также объектом когнитивной лингвистики. Особенно настоящее утверждение актуально для прагмафонетики. Несмотря на очевидность связи высказывания с его прагматическим содержанием и формированием концептов действий (всякое семантическое содержание одновременно есть некое осознаваемое нами действие (иллюция): описание факта, требование совершить / прекратить реализацию намерения, порицание, похвала и т. д.), эта, прагматическая, сторона остается пока еще на периферии когнитивных исследований, что является, как представляется, одной из слабых сторон когнитивистики.

Известно, что речевой акт – одна из форм поведенческих действий человека. Просодия, несомненно, является одним из ключевых звеньев общения. Сферы функционирования речевой просодии (интонации в широком понимании) многоплановы. Интонация как элемент грамматики является «синтаксически значимой единицей» [18, с. 27], важной составляющей смысловой структуры предложения. Но она совершенно не учитывается в когнитивных исследованиях как компонент прагматической направленности высказывания. В этом случае просодия действует уже как автономный фактор речи. Поэтому она также с полным правом может быть отнесена к элементам концептуализации речевого пространства. Нет необходимости говорить о том, что один и тот же лексико-грамматический корпус может быть просьбой, приказанием, мольбой и угрозой. Подобно фонемным противопоставлениям, изменяющим восприятие лексически репрезентируемых концептов, следует признать наличие в языковой системе просодико-контурных схем высказываний, формирующих концепты прагматически релевантных действий в процессе коммуникации.

Концептуальное пространство речевых актов формируется исключительно на чувственном уровне. Слушающий фиксирует изменение тона, громкости, протяженности высказывания и наряду с этим отмечает качество звучания. В одних случаях изменения могут носить плавный характер, в других – резкий, высказывание может быть одобрительным или порицательным. Эта сторона звучания связана с тембром речи.

Как принято считать в когнитологии, при восприятии высказывания в распознавании смысла участвуют разные концептуальные пространства, в пределах которых объект категоризуется. Представляется логичным выделить три вида концептуальных пространств устного высказывания: лексическое (представляет предмет речи, ее объект), синтаксическое (представляет логику расположения объектов, их связь) и просодическое (указывает на характер совершаемого действия, т. е. функцию высказывания в интеракции). В концептуальном пространстве просодии выделяются следующие субпространства: тональное, включающее все регистры речевой фонации, независимо от гендерного фактора; динамическое, отражающее воспринимаемые диапазоны громкости человеческой речи; темпоральное, дающее ориентацию в скорости фонации, и тембральное, указывающее на отношение говорящего

к предмету речи и позволяющее соотносить речевое произведение с конкретным видом вербального действия. Все четыре пространства присутствуют в коммуникации синхронно, формируя соответствующий иллокутивный акт. Таким образом, аудитивно воспринятый объект переживает стадию анализа и понимания. В действие вступают когнитивные механизмы обработки информации. В первую очередь происходит сличение поступившего звукового образа с иным образом, имеющимся в концептуальном пространстве слушающего, и определение его значения. Однако совпадение признаков сопоставляемых объектов не обязательно ведет к верной оценке высказывания применительно к возникшим экстралингвистическим условиям коммуникативного общения. Среди многообразия аудитивно воспринимаемых признаков существуют такие, которые в данной ситуации более важны, имеются и менее значимые. К релевантным относятся характеристики звучания, проявляемые у всех говорящих при реализации соответствующего иллокутива, независимо от индивидуальных признаков фонации. К нерелевантным признакам должны быть отнесены все индивидуальные, т. е. статистически не значимые свойства говорения.

Под *категоризацией* применительно к объекту настоящего исследования нужно понимать отнесение высказывания к одному из типов речевого действия и характеру воздействия на слушающего. Так, обычная просьба отличается от настойчивой просьбы, мягкая просьба – от императивного требования. В данном случае слушающий испытывает различные формы воздействия, что может вынудить его использовать разные виды ответных реакций.

Если проследить ход мыслительной деятельности человека при восприятии устного высказывания, то его можно представить как целостный динамический акт симультанно протекающих действий. Схематично данный процесс выглядит следующим образом:

Аудитивно человек воспринимает определенный акустический поток, который периодически меняет высоту, силу и протяжность звучания.

Концептуальная система лексического уровня на основании распознавания фонем вычленяет концепты тематического содержания, в результате чего воспринимается объект коммуникации, т. е. предмет речи.

Концептуальная система синтаксиса отражает связи слов, их функцию в рамках высказывания. Концептуальная система оценки ситуации общения анализирует экстралингвистические факторы протекания процесса коммуникации.

На следующем этапе действует когнитивный процесс, связывающий две концептуальные системы: происходит сличение ситуации, функциональной нагруженности слов и характера просодической манифестации высказывания.

Складывающиеся ситуации можно воспринимать в терминах *благоприятная, напряженная, тревожная, спокойная* и др. В сходных терминах можно обозначить характер просодической манифестации: *спокойно, сердито, вежливо, радостно, настойчиво, недовольно* и т. д. Воспринимаемый звуковой поток определяется слушающим как благозвучный либо неблаго-

звучный, что сразу же позволяет оценивать его в качестве благоприятного либо, напротив, тревожного или даже угрожающего речевого акта. Далее следует категоризация типа высказывания и его интерпретация слушающим в данной ситуации. В качестве весьма важного фактора просодия речи выступает в порождении и разграничении многообразия речевых актов однонаправленного действия, например, иллокутивов побудительного свойства. Просодическая структура позволяет концептуализовать их как сходные по побуждаемому воздействию, но различные по характеру осуществления действия, дифференцируя, например, мольбу и требование, просьбу и приказание и т. д.

Таким образом, концепты, формируемые просодическими структурами, дают возможность ориентироваться в реальном смысловом содержании высказывания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Григорьев, Е. И. Речевая просодия как фактор концептуализации речевых актов : экспериментальное исследование на материале современного немецкого языка. Монография / Е. И. Григорьев, С. В. Евтеев. – М. : МГИМО-Университет, 2016. – 186 с.
2. Королева, Т. М. Интонация модальности в звучащей речи / Т. М. Королева. – Киев-Одесса : Вища школа, 1989. – 147 с.
3. Есперсен, О. Философия грамматики / О. Есперсен. – 2-е изд. – М. : Едиториал, УРСС, 2002. – 408 с.
4. Нушикян, Э. А. Типология интонации эмоциональной речи / Э. А. Нушикян. – Киев-Одесса : Вища шк., 1986. – 159 с.
5. Jackendoff, R. Languages of the Mind. Essays on Mental Representation / R. Jackendoff. – Cambridge, Massachusetts, London, England : The MIT Press, 1996. – 200 p.
6. Кубрякова, Е. С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики / Е. С. Кубрякова // В поисках сущности языка. Когнитивные исследования. – М. : Знак, 2012. – С. 13–35.
7. Карасик, В. И. Языковая матрица культуры / В. И. Карасик. – М. : ГНОЗИС, 2013. – 319 с.
8. Гумбольдт, В. фон. Избранные труды по языкознанию / В. фон Гумбольдт. – 2-е изд. – М. : Прогресс, 2000. – 400 с.
9. Бенвенист, Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист. – М. : Прогресс, 1974. – 447 с.
10. Потебня, А. А. Из записок по русской грамматике / А. А. Потебня. – М. : Гос. учеб.-пед. изд-во М-ва просвещения РСФСР, 1958. – 536 с.
11. Мещанинов, И. И. Соотношение логических и грамматических категорий / И. И. Мещанинов // Язык и мышление. – М. : Наука, 1967. – С. 7–16.
12. Сепир, Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир. – М. : Прогресс, 1993. – 655 с.
13. Щерба, Л. В. Языковая система и речевая деятельность / Л. В. Щерба. – Л. : Наука, 1974. – 428 с.
14. Беседина, Н. А. Морфологически передаваемые концепты. Монография / Н. А. Беседина. – М. ; Тамбов ; Белгород : Изд-во ТГУ им Г. Р. Державина, 2006. – 212 с.
15. Попова, З. Д. Когнитивная лингвистика. Учебник / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – М., АСТ Восток-Запад, 2007. – 320 с.
16. Бабина, Л. В. Когнитивные основы вторичных явлений в языке и речи / Л. В. Бабина. – Москва-Тамбов : Изд-во ТГУ им Г. Р. Державина, 2003. – 264 с.

17. Магировская, О. В. Репрезентация субъекта познания в языке. Монография / О. В. Магировская. – Москва-Тамбов : Изд-во ТГУ им Г. Р. Державина, 2008. – 222 с.
18. Фурс, Л. А. Синтаксически репрезентируемые концепты: Монография / Л. А. Фурс. – Тамбов : Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2004. – 166 с.
19. Bierwisch, M. Formal and lexical semantics / M. Bierwisch // Proc. of the XIII – th International Congress of Linguistics, Tokyo, 1982. Tokyo, The Proceedings publ.comm. 1983. – P. 122–136.
20. Фрумкина, Р. М. Психоллингвистика / Р. М. Фрумкина. – М. : Академия, 2001. – 320 с.
21. Апресян, Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания / Ю. Д. Апресян // Вопр. языкозн. – 1995. – № 1. – С. 37–67.
22. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова [и др.]. – М. : Изд-во МГУ им. М. В. Ломоносова, 1996. – 245 с.
23. Болдырев, Н. Н. Когнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии / Н. Н. Болдырев. – Тамбов : Изд-во Тамб. ун-та, 2001. – 123 с.

Евгений Иванович Григорьев

доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры немецкого языка
Московского государственного института
международных отношений (университет);
доктор филологических наук, профессор
Российского государственного социального университета

Eugen I. Grigorev

Doctor of Philology, Professor of German Language Department
Moscow State Institute of International Relations (University);
Doctor of Philology, Professor of Russian State Social University

Н. В. Дардыкова
Минск, Беларусь

ГРАММАТИКАЛИЗОВАННОСТЬ ФАЗОВЫХ ГЛАГОЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В РУССКОМ, АНГЛИЙСКОМ И ТУРЕЦКОМ ЯЗЫКАХ

В статье рассматривается степень грамматикализованности глагольных конструкций фазы начала и фазы конца. Для анализа используются параметры грамматикализации Х. Лемана, действие которых сопоставляется на материале разноструктурных языков (русского, английского и турецкого).

Ключевые слова: *грамматикализация; параметры Х. Лемана; грамматическое значение; семантическое опустошение; фазовые глаголы; глагольные конструкции.*

N. V. Dardyкова
Minsk, Republic of Belarus

THE DEGREE OF GRAMMATICALIZATION OF PHASAL VERBAL CONSTRUCTIONS IN THE RUSSIAN, ENGLISH AND TURKISH LANGUAGES

The article considers the degree of grammaticalization of verbal constructions which denote the initial and the final phases of actions. Analyses is conducted using Ch. Lehmann's parameters of grammaticalization, the functioning of the parameters is contrasted basing on the material of languages of different structure (Russian, English and Turkish).

Key words: *grammaticalization; Ch. Lehmann's parameters; grammatical meaning; semantic bleaching; phasal verbs; verbal constructions.*

Модель каждого языка состоит из набора взаимосвязанных универсальных понятий, таких как время, пространство, изменение, отношение части к целому и др. В круг указанных понятий входит и фазовость действия, занимающая определенное место в системе когнитивных и коммуникативных ценностей человека. В английском и турецком языках значения начальной, продолженной и конечной фаз действия могут передаваться лексическим (*carry on / go on / go ahead* 'продолжать', *ortadan kalkmak* 'исчезнуть') и лексико-грамматическим способами (*okumaya başlamak* 'начать читать', *to commence speaking* 'начать говорить'), для русского языка характерен также грамматический способ передачи фазовости действия (*отцвести* 'закончить цвести', *закипеть* 'начать кипеть'). Представляющие интерес для нашего исследования сочетания базовый фазовый глагол + глагольный комплемент (ФГК) относятся к лексико-грамматическому способу.

Грамматикализация фазовых глаголов освещена в работах [1, р. 35–48, 60–66; 2, р. 79; 3; 4], при этом в указанных исследованиях рассматривается в большей мере сам процесс изменения статуса языковой единицы (грамматикализация), а не степень продвинутости фазовых глаголов по шкале своего развития. Кроме этого, актуальным также представляется изучение грамматикализованности ФГК на материале разных по структуре языков и с учетом универсальных и лингвоспецифичных особенностей данных языков. По справедливому замечанию А. В. Бондарко, «нельзя признать содержательно тождественными варианты начинательности в различных сочетаниях с результативностью, интенсивностью, предельностью и неопределенностью в славянских языках, располагающих категорией вида и развернутой системой способов действия в сочетании с аналитическими начинательными конструкциями, и варианты начинательности в языках, не имеющих такой концентрации разноаспектных и разноуровневых средств» [5, с. 77].

Сферу нашего интереса составили ФГК начальной и конечной фаз действия, в которые вошли конструкции с глаголами *начать*, *стать*, *приняться*, *перестать*, *прекратить*, *кончить*¹ в русском языке; глаголами *to begin* 'начать', *to start* 'начать', *to stop* 'перестать', *to finish* 'закончить' в английском языке, оборотами на *-mАуА başlamak* 'начать', *-mАуА girişmek* 'приняться', *-mАуА koyulmak* 'броситься' *-İp bitirmek* 'закончить' и *-Açıkmak* 'перестать' в турецком языке².

Материалом для исследования выступили 10 645 ФГК, взятые из современных, выпущенных после 2000 года художественных текстов из Национального корпуса русского языка [12], Корпуса современного американского варианта английского языка [13], Национального корпуса турецкого языка [14], а также из романов Д. А. Глуховского «Метро 2033», «Метро 2034»,

¹ К рассмотрению также принимались грамматические форманты типа *закончить*.

² Выбранные для анализа фазовые глаголы отмечаются и в других работах [6; 7, с. 129; 8, с. 155; 9, с. 33; 10; 11, р. 19].

«Метро 2035» [15; 16; 17], трилогии С. Коллинз «Голодные игры» [18; 19; 20], романов О. Памука «Снег» [21], «Музей невинности» [22] и сборника эссе и очерков «Другие цвета» [23].

Целью нашего исследования стало выявление степени грамматикализованности ФГК в русском, английском и турецком языках с помощью параметров грамматикализации Х. Лемана [24].

Х. Леман считает, что грамматикализованность языковой единицы проявляется через уменьшение степени ее автономности, которая может быть вычислена через набор критериев-фильтров, измеряющих вес, вариативность и когезию данной единицы. Критерии действуют на синтагматическом и парадигматическом уровнях языка, превращаясь в 6 параметров грамматикализации. В нашей работе данные параметры были несколько модифицированы в соответствии с особенностями объекта исследования (таблица).

Параметры грамматикализации по Х. Леману [24, р. 3]

Критерий	Парадигматическая плоскость языка	Синтагматическая плоскость языка
Вес	Целостность (степень семантической и фонетической опустошенности)	Сфера действия (сочетаемость с разными семантическими типами субъектов и глаголов-комплементов)
Когезия	Парадигматичность (близость ФГК к ядру категории фазовости и обязательность ее выражения, проявляющаяся через частоту использования в различных контекстах)	Связанность (степень слияния фазового глагола с глаголом-комплементом) ¹
Вариативность	Парадигматическая вариативность (способность заменять другие фазовые глаголы, полнота словозменительной парадигмы)	Синтагматическая вариативность (устойчивое положение по отношению к глаголу-комплементу, невозможность принимать зависимые слова)

Степень грамматикализованности глаголов фазы начала. При анализе ФГК по параметру *целостности* в интересующих нас языках не было выявлено случаев фонологической редукции или фузии (слияния с глаголом-комплементом).

Анализ семантических структур фазовых глаголов показывает, что в рамках каждой фазы в рассматриваемых языках выделяются в большей и в меньшей степени семантически опустошенные глаголы. При этом опустошенность глагола мы ассоциировали с чистотой выражаемого им фазового

¹ Данный параметр было решено редуцировать, поскольку во всех рассмотренных контекстах фазовые глаголы занимают дистантное положение по отношению к глаголу-комплементу.

значения. В большей степени опустошенными являются семантически нейтральные *начать*, *to begin* ‘начать’ и *başlamak* ‘начать’. В меньшей степени опустошенными являются глаголы, в которых начинательное значение сопровождается различными модальными смыслами: значением неудавшейся попытки (английский глагол *to start* ‘начать’ в сочетании с инфинитивом) и намеренности действия (турецкий глагол *girişmek* ‘приняться’):

(1) *Tez için, Ela'ya özgü birtakım sorular hazırlamıştı. Hemen onları sormaya girişti* [14] ‘Он подготовил множество вопросов, связанных с диссертацией, чтобы задать их Эле. И сразу **принялся спрашивать**’.

(2) *Daha küçük bir çocukken, tüm evreni yaratan yüce gücün, başka bir deyişle tek bir tanrının varlığını sezinlemişti. Bu sezgiyle insanları aydınlatmaya girişti* [Там же] ‘Еще будучи маленьким ребенком, он чувствовал, что существует великая сила, создавшая вселенную, другими словами, единый бог. С помощью этого откровения он **пытался просветить** людей’.

(3) *He started to speak, but stopped because she objected* [13] ‘Он **начал говорить**, но замолчал, потому что она возразила’. В этом примере потенциал действия не был реализован, говорящего прервали, и он не смог завершить свою речь.

Появление модального значения у *to start* ‘начать’, вероятно, появилось после фазового (по пути движение → время (фаза действия) → модальность) и стало результатом синтаксической реинтерпретации конструкции под воздействием приинфинитивного маркера *to*¹. Вероятно, грамматикализация *to start* ‘начать’ в этом значении не может считаться полной, так как, во-первых, ограничивается формой инфинитива, во-вторых, наблюдается только в сочетании с компонентами, обозначающими контролируемое действие, а в-третьих, во всех случаях употребления модальное значение соседствует с начинательным и не получает отдельной реализации:

(4) *Someone is gripping my arm, a boy from the Seam, and I think maybe I started to fall and he caught me* [19, p. 18] ‘Кто-то хватает меня за руку, какой-то мальчик из Шлака. Наверное, я **стала падать**, и он меня поддержал’.

Помимо модальных оттенков значения в некоторых глаголах акцентируются семы энергичности и быстроты вступления в действие (турецкий глагол *koşulmak* ‘броситься’ и русский глагол *приняться*):

(5) *Гоша **принялся носиться** по площадке, снова дрожали руки, тек по лицу пот, удар, они отбили, снова удар, но теперь мяч уже ближе* [12].

(6) *Çevredeki kokulu otlardan, taze yapraklardan toplayıp atımın bulunduğu yere koştum hemen. Keyifli bir kışnemeyle geldi yanıma, getirdiklerimi **yemeye koyuldu** hemen* [14] ‘Собрав ароматных трав и свежих листьев, я побежала туда, где стояла моя лошадь. Она подошла ко мне с веселым ржанием и сразу **принялась жевать** то, что я принесла с собой’.

¹ Приинфинитивный маркер *to*, вероятно, грамматикализировался из предлога датива *to*, имеющего целевое значение. О роли предлогов в грамматикализации конструкций см., например, [25, p. 11].

Русский глагол *стать* представляет собой особый случай десемантизации, так как разные его формы являются семантически обесцвеченными в различной степени. Так, сочетания *не + стать* теряют свой начинательный компонент и примыкают к модальной зоне 'не захотел делать, решил не делать' [26, с. 222]:

(7) *Леха один раз зашел дальше Проспекта Мира по нашей линии. До Сухаревской. По делам по каким-то темным, он даже **рассказывать не стал**, по каким* [15, с. 38].

(8) *Да тебя вздернут вот-вот, а ты – пить! Нет, воду на тебя мы **переводить не станем*** [15, с. 169].

Сочетания типа *стану + инфинитив* могут употребляться как в значении будущего аналитического времени, так и в фазовом или модальном значениях. При этом не всегда представляется возможным установить, какое именно значение характерно для того или иного случая употребления:

(9) *Совсем от рук отбилась. **Станешь называть** ее Лилей – может взбрыкнуть* [12].

(10) – *Но он шестой уровень, – напомнил я.*

– *Поэтому Морозов и **станет толкаться** в тех местах, где полно подходящей энергии. Светлой. Радость, любовь, доброта... он будет все это накапливать и <...>* [12].

Сфера действия фазовых глаголов в трех языках также обладает некоторыми общими чертами. Так, семантически менее опустошенные глаголы фактически не употребляются с неодушевленными субъектами (не более чем в 2 % случаев). В то же время семантически более опустошенные глаголы с разной частотой (примерно 10 % контекстов) сочетаются примерно с одними и теми же типами существительных, обозначающих:

– материальные объекты (*lights start to flash / flicker* 'лампочки начинают мигать');

– физические и эмоциональные состояния (*ears start fogging* 'уши начинает закладывать', *поджилки начинают трястись*, *паника начинает охватывать*);

– события и их интерпретацию (*eşayalar, binalar, sokaklar konuşmaya, yaşatmaya başlıyor* 'вещи, здания, улицы начинают разговаривать, жить').

Сходным образом рассматриваемые глаголы употребляются с семантическими типами компонентов. Глаголы, в семной структуре которых акцентируется энергичность, быстрота вступления в действие, употребляются с компонентами, обозначающими ту или иную контролируемую деятельность, а семантически более нейтральные глаголы сочетаются с компонентами, обозначающими движение, различные типы деятельности (физическую, речевую, интеллектуальную) и состояние (эмоциональное, физическое). При этом глаголы фазы начала в английском языке, как и глагол *начать* (33 % контекстов) в русском языке, отдают предпочтение компонентам, принадлежащим к интеллектуальной сфере:

(11) *Друзья через некоторое время **начнут сомневаться**, существовали ли ты когда-нибудь вообще* [12].

Турецкий глагол *başlamak* ‘начать’ сочетается практически со всеми вышеупомянутыми семантическими типами компонентов в разных пропорциях (примерно в 15 % контекстов), что может свидетельствовать о его высоком коллокационном потенциале.

Различия наблюдаются с точки зрения частотности использования и значимости каждого из фазовых глаголов. В частности, если в русском и английском языках существует конкуренция между несколькими фазовыми глаголами (*начать* (35 % контекстов) vs. *стать* (53 % контекстов), *to begin* ‘начать’ (36 % контекстов) vs. *to start* ‘начать’ (64 % контекстов)), то в турецком языке *başlamak* ‘начать’ фактически «монополизировал» выражение начала действия – он употребляется в 84 % рассмотренных контекстов.

Анализ по параметру парадигматической вариативности показывает, что все глаголы, кроме *стать* (употребление которого в начинательной функции фактически сводится к форме прошедшего времени), обладают широкой парадигмой форм. Интересным кажется тот факт, что структурные возможности турецкого языка позволяют ФГ *başlamak* ‘начать’ употребляться в пассиве, причем даже в тех случаях, когда и смысловой глагол тоже стоит в форме страдательного залога:

(12) *İstanbul'da yeni yapılan pek çok binaya aile adları verilmeye başlanmıştı* [14] ‘В Стамбуле множество вновь построенных домов **стали называться** по фамилиям владевших ими семейств’.

Способность заменять другие фазовые глаголы в рамках своей группы зависит от степени семантической опустошенности: семантически более опустошенные глаголы способны заменить семантически менее опустошенные глаголы в большинстве контекстов употребления.

На *синтагматическую вариативность* фазового глагола влияют структурные характеристики конкретного языка. Так, фазовые глаголы в турецком языке представляются синтаксически более связанными с компонентами, чем фазовые глаголы в английском языке, поскольку допускают только одну форму компонента и не могут менять свое положение по отношению к ней. Наименее синтаксически связанными являются фазовые глаголы в русском языке, которые могут располагаться как до, так и после компонента и быть отделенными от него другими словами.

Таким образом, полученные данные позволяют сделать общий вывод о том, что среди проанализированных ФГК наиболее грамматикализованными являются конструкции с турецким глаголом *başlamak* ‘начать’. Конструкции с английскими глаголами *to begin* ‘начать’ и *to start* ‘начать’ и русским глаголом *начать* являются менее грамматикализованными. Грамматикализация *стать* идет неравномерно во всех его формах, а глаголы *приняться*, *girişmek* ‘приняться’ и *koşulmak* ‘броситься’ являются слабо грамматикализованными.

Степень грамматикализованности глаголов фазы конца. Анализ данных глаголов по параметру *целостности* позволил выявить два присущих им значения: терминативное (значение прекращения действия) и финитивное (значение доведения действия до конца). Терминативное значение характерно для *прекратить*, *to stop* ‘перестать’, *-Açılmak* ‘перестать’. Финитивное

значение свойственно *кончить*, *to finish* ‘закончить’ -*İp bitirmek* ‘закончить’. Исключением является русский глагол *перестать*, который употребляется как с финитивным, так и терминативным значениями, с тем ограничением, что первое встречается только в форме 3-го лица: *дождь перестал лить* [27, с. 12; 28, с. 174–178].

В зависимости от выражаемого фазовым глаголом оттенка значения, меняется и его сфера действия. Финитивные глаголы преимущественно используются с комплементами, обозначающими ту или иную контролируемую агентивную деятельность:

(1) *Bir çırpıda yemeğini yiyip bitirdi* [14] ‘Он все **съел** за один присест’.

(2) *Now, why don't you finish eating your dinner so that I can escort you back to your room* [13] ‘Почему бы тебе сейчас не **доесть** свой ужин, чтобы я мог проводить тебя в твою комнату’.

(3) *Свой курс она заканчивала читать через три недели* [12].

Терминативные глаголы, во-первых, чаще употребляются с неодушевленными субъектами (в среднем в 10 % контекстов: *eyes stop stinging* ‘глаза перестанут болеть’, *общественный договор прекратил действовать*), а во-вторых, проявляют тенденцию к сочетаемости с глаголами интеллектуальной деятельности (*to stop thinking* ‘прекратить думать’), а в случае с *перестать* – с глаголами существования (пятая часть контекстов: *перестать быть жертвой, перестать существовать*).

Анализ по параметру *парадигматичности*, связанной с частотой употребления фазовых глаголов, показывает, что терминативные глаголы являются более частотными, чем финитивные глаголы. Так, сопоставление корпусных данных показывает, что в русском языке *перестать* употребляется 14 раз на 100 тыс. словообозначений, *прекратить* – 0,6 раз, *кончить* – 0,2 раза; в английском языке частота употребления *to stop* ‘перестать’ 25,4 раза на 100 тыс. словоупотреблений, а частота *to finish* ‘закончить’ – всего 4,7 раза. Несколько иная ситуация наблюдается, если рассматривать материал турецкого языка, где в корпусе выявлено всего 72 употребления конструкций фазы конца. Причинами малой продуктивности этого типа ФГК можно назвать как минимум следующие:

1) турецкий язык обладает разветвленной системой времен и перифрастических форм, которые позволяют детально описать момент окончания действия и более точно описать, к примеру, его отношение к другим действиям в предложении;

2) рассматриваемые ФГК могут быть омонимичны таксисным конструкциям с деепричастием (типа *söyleyip çıktı* ‘сказал и вышел’), выражающим отношения предшествования действия, что также размывает значение фазы конца.

В рамках параметра *парадигматической вариативности* способность заменять другие фазовые глаголы была выявлена только у русского глагола *перестать* и лишь в сочетании с неопределёнными глаголами: *он кончил махать палкой / он перестал махать палкой*.

По параметру *синтагматической вариативности* заметно, что фазовые глаголы в английском и турецком языках занимают фиксированное положение по отношению к комплементу, в то время как фазовые глаголы

в русском языке могут находиться как в пресуппозиции, так и в постпозиции к полнозначному глаголу (*прекратил он смеяться, он прекратил смеяться*). Принимать зависимые слова могут фазовые глаголы во всех трех языках, однако в случае с английским языком *to finish* ‘закончить’ может быть отделен от своего компонента, а *to stop* ‘перестать’ – нет: *slowly finished dressing* ‘медленно закончил(а) одеваться’ / *finished slowly dressing* ‘закончил(а) медленно одеваться’, *slowly stop rotating* ‘медленно перестала вращаться’ / *stop rotating slowly* ‘перестала вращаться медленно’, что свидетельствует о более высокой грамматикализованности *to stop* ‘перестать’.

В целом, степень грамматикализованности глаголов финитивной фазы является разной в зависимости от характера выражаемого ими оттенка значения. Терминативные глаголы в русском и английском языках выглядят более коммуникативно востребованными и более грамматикализованными, чем глаголы финитивной фазы. Подтверждением этого служит, во-первых, большая частота их употребления, во-вторых, меньшее количество ограничений в сочетаемости с семантическими типами компонентов и субъектов. В-третьих, в некоторых контекстах наблюдаются факты нейтрализации семантических различий между двумя типами финитивных глаголов, в частности терминативные глаголы могут употребляться вместо финитивных (*перестать*). Финитивные глагольные конструкции в турецком языке уже практически вышли из употребления, что может объясняться структурными особенностями данного языка (разветвленной системой сложных времен и перифрастических форм, выражающих в том числе и фазовое значение).

Анализ степени грамматикализованности ФГК в русском, английском и турецком языках показал, что действие параметров Х. Лемана варьируется в зависимости от структурного типа языка. Так, при межъязыковом сопоставлении лингвоспецифичными стали параметры парадигматической и синтагматической вариативности. Универсальные свойства ФГК, а именно сходства в семантических структурах, сочетаемости и частотности, были выявлены с помощью параметров целостности, сферы действия и парадигматичности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Heine, B. Auxiliaries: cognitive forces and grammaticalization / B. Heine. – New York : Oxford Univ. Press, 1993. – X, 162 p.
2. Traugott, E. C. Regularity in semantic change / E. C. Traugott, R. B. Dasher. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2002. – XX, 341 p.
3. Anderson, G. D. S. Auxiliary verb constructions in Altai-Sayan Turkic / G. D. S. Anderson. – Wiesbaden : Harrassowitz, 2004. – 248 p.
4. Гращенков, П. В. Тюркские конвербы и сериализация: синтаксис, семантика, грамматикализация / П. В. Гращенков. – М. : Языки слав. культур, 2015. – 264 с.
5. Бондарко, А. В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии / А. В. Бондарко. – 2-е изд., стер. – М. : УРСС, 2001. – 205 с.
6. Newmeyer, F. J. English aspectual verbs / F. J. Newmeyer. – Hague ; Paris : Mouton, 1975. – 95 p.
7. Павлов, В. М. О принципах выделения строевых фазовых глаголов, выражающих значение прекращения процесса / В. М. Павлов, Б. Х. Ризаев // Ученые зап. / Тарт. гос. ун-т. – Тарту, 1980. – Вып. 537 : Вопросы русской аспектологии. Аспектуальность и средства ее выражения V. – С. 128–139.

8. Кульбакин, А. А. Средства выражения акционального значения начинательности в разноструктурных языках (на материале немецкого и русского языков) / А. А. Кульбакин // Семантические категории сопоставительного изучения русского языка : сб. ст. / Воронеж. гос. ун-т ; редкол.: З. Д. Попова (науч. ред.) [и др.]. – Воронеж : Изд-во Воронежского пед. ин-та, 1981. – С. 150–156.
9. Кузнецова, М. В. Категория начинательности в русском языке в сопоставлении с французским (на материале глаголов и глагольно-именных сочетаний) / М. В. Кузнецова // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер. Лингвистика. – 2002. – № 3. – С. 30–39.
10. Fukuda, S. On the control/raising ambiguity with aspectual verbs: a structural account / S. Fukuda // Studies in complement control / ed. B. Stiebels. – Berlin : Zentrum für allgemeine Sprachwissenschaft, 2007. – P. 159–195.
11. Palmer, F. R. Lexical aspect in English / F. R. Palmer // Selected papers from the 18th International symposium on theoretical and applied linguistics, 4–6 May 2007 / ed. A. Tsangalidis. – Thessaloniki : Monochromia Publ., 2009. – P. 19–33.
12. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ruscorpora.ru/index.html>. – Дата доступа: 12.09.2018.
13. Corpus of contemporary American English [Electronic resource]. – Mode of access: <https://corpus.byu.edu/coca/>. – Date of access: 12.09.2019.
14. Turkish national corpus (TNC) – Türkçe ulusal derlemi (TUD) [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.tnc.org.tr>. – Date of access: 12.09.2019.
15. Глуховский, Д. Метро 2033 / Д. Глуховский. – М. : Эксмо, 2006. – 544 с.
16. Глуховский, Д. Метро 2034 / Д. Глуховский. – М. : АСТ : Астрель, 2009. – 448 с.
17. Глуховский, Д. Метро 2035 / Д. Глуховский. – М. : АСТ, 2015. – 448 с.
18. Collins, S. Catching fire / S. Collins. – New York : Scholastic, 2013. – 400 p.
19. Collins, S. The hunger games / S. Collins. – New York : Scholastic, 2010. – 384 p.
20. Collins, S. The Mockingjay / S. Collins. – New York : Scholastic, 2014. – 400 p.
21. Pamuk, O. Kar / O. Pamuk. – İstanbul : YKY, 2017. – 464 s.
22. Pamuk, O. Masumiyet Müzesi / O. Pamuk. – İstanbul : YKY, 2017. – 465 s.
23. Pamuk, O. Öteki renkler : seçme yazılar ve bir hikaye / O. Pamuk. – 3. baskı. – İstanbul : İletişim, 2016. – 440 s.
24. Lehmann, Ch. Thoughts on grammaticalization [Electronic resource] / Ch. Lehmann // Arbeitspapiere des Seminars für Sprachwiss. der Univ. Erfurt. – 2002. – № 9. – Mode of access: <http://www.christianlehmann.eu/publ/ASSidUE09.pdf>. – Date of access: 11.09.2019.
25. Bybee, J. The evolution of grammar : tense, aspect and modality in the languages of the world / J. Bybee, R. Perkins, W. Pagluica. – Chicago : Chicago Univ. Press, 1994. – XXII, 398 p.
26. Зализняк, А. А. Семантика ‘начала’ с аспектологической точки зрения / А. А. Зализняк, А. Д. Шмелев // Логический анализ языка. Семантика начала и конца : сб. ст. / Рос. акад. наук, Ин-т языкозн. ; отв. ред. Н. Д. Арутюнова. – М., 2002. – С. 211–225.
27. Коваленко, Л. В. Фазисные глаголы в современном русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Л. В. Коваленко ; Моск. гос. пед. ин-т. – М., 1975. – 23 с.
28. Храковский, В. С. Семантика фазовости и средства ее выражения / В. С. Храковский // Теория функциональной грамматики: введение, аспектуальность, временная локализованность, таксис / Акад. наук СССР, Ин-т языкозн. ; редкол.: А. В. Бондарко (отв. ред.) [и др.]. – Л. : Наука, 1987. – С. 153–180.

Надежда Викторовна Дардыкова

кандидат филологических наук,

доцент кафедры восточных языков

Минского государственного лингвистического университета

Nadezhda V. Dardykova

PhD, Associate Professor of the Eastern Languages
at Minsk State Linguistic University

И. В. Дмитриева
Минск, Беларусь

КОГНИТИВНАЯ ФУНКЦИЯ АНГЛИЙСКОГО АРТИКЛЯ

Английский артикль рассматривается как операциональное средство языковой формализации экстралингвистических характеристик денотатов. Артикль или его отсутствие маркирует дискретную или недискретную природу денотата. Он позволяет придать значение субстантивности и сформировать денотат онтологически неденотативных сущностей.

Ключевые слова: артикль; когнитивная функция; репрезентация; денотат; дискретность; недискретность.

I. V. Dmitrieva
Minsk, Belarus

COGNITIVE FUNCTION OF THE ENGLISH ARTICLE

The English article is regarded as an operational means of formal language representation of extralinguistic characteristics of referents. The article or its absence can mark some entities as discrete or indiscrete. It can add the idea of substance to any non-substantial entity and signal the scope of its reference.

Key words: article; cognitive function; representation; referent; discreteness; non-discreteness.

Изучение языковой сущности артикля вообще и английского артикля в частности имеет большую историю и при этом сохраняет свою актуальность. Разнообразные лингвистические теории артикля раскрывают его многогранную и далеко неоднозначную природу. Определение места английского артикля в общей системе языка традиционно ведется по одному из двух направлений: артикль может рассматриваться как лексическая единица, дейктик, или как грамматическая единица, формирующая вместе с существительным грамматическую категорию. Причем последняя также не имеет однозначной интерпретации и может конкретизироваться как категория определенности – неопределенности, как категория артиклевой детерминации или включаться в сферу категории числа английского существительного.

Пониманию самого явления артиклей в английском языке может способствовать обращение к диахроническим исследованиям. Считается, что артиклей не было в древний период, хотя уже на древнеанглийском этапе наметилась тенденция к замещению флективного древнеанглийского склонения местоимениями, которые из факультативных элементов преобразуются в «регулярно сопровождающие существительные». В своей монографии В. Я. Плоткин называет это «механизмом грамматико-семантической детерминации существительных», который, по его наблюдению, уже существовал в древнеанглийский период, и «совмещал семантическую функцию уточнения референции существительного с грамматической функцией уточнения рода, числа и падежа существительного местоименными формантами» [1, с. 145].

Причины возникновения артиклей также остаются дискуссионной темой. Так, вероятно, одной из наиболее общих причин явилась необходимость обеспечения более оперативной языковой коммуникации в условиях организации совместной деятельности. Другая возможная причина, связанная с первой, это развитие языкового сознания и возникновение потребности «указывать с помощью специального формального средства, употреблено ли каждое существительное в полном или частичном объеме понятия. Эта потребность, надо полагать, возникла как следствие развития мышления в направлении более точной передачи содержания мысли» [2, с. 5].

По мере развития сознания возрастает фрагментация внеязыкового мира и появляется необходимость фиксировать средствами языка сущностные характеристики денотатов. В контексте представляемого исследования речь идет не о возможных атрибутах, но об ингерентных свойствах денотата. По мере развития коммуникации и в целях успешной организации совместной деятельности возникает потребность в гибком и быстром указании на референтную отнесенность того или иного слова, а также указании на объем актуализируемого понятия. Артикль выступает как операциональный маркер всего этого.

Необходимо отметить еще одну, наиболее «языковую» вероятную причину возникновения артиклей, не исключаящую две предыдущие. Она связана с логико-коммуникативной организацией предложений, которая в большинстве языков структурируется по схеме: тема (известное) открывает предложение, а за ней следует рема (неизвестное, новое). Для английского языка, в котором, как известно, повествовательное предложение должно начинаться с подлежащего, это могло бы иметь своим следствием такое положение дел, при котором подлежащее всегда должно было бы представлять только уже известную информацию. В языках флективного типа эта проблема решается посредством морфологических форм слова, позволяющих избегать жесткого закрепления функционального члена предложения за определенной позицией в предложении. Однако в английском языке в процессе исторического развития произошла утрата большинства грамматических окончаний и, как следствие, возможности морфологически указывать, что есть субъект действия, а что есть объект, на который направлено действие. Функции передачи такой информации взял на себя синтаксис, в частности синтаксическая структура английского предложения, где деятель-подлежащее обычно стоит в начале предложения с активным предикатом, а объект-дополнение после сказуемого.

Сравним русское и английское предложения: *Петя любит Машу* и *Pete loves Mary*. За счет падежных окончаний существительных *Петя* будет понят как субъект действия, а *Маша* как объект, на который направлена его любовь, при любом порядке слов в русском предложении. В английском же предложении только позиционные характеристики позволяют оценить распределение ролей между *Pete* и *Mary*. При этом отметим, что в современном английском языке существительное далеко не всегда маркировано морфологически (синтетически) как часть речи. Так, слово *general*, морфо-

логически маркированное как имя прилагательное, будучи употреблено с артиклем в предложении *The general entered the room* 'Генерал вошел в комнату', является именем существительным. Кроме того, сравнение русских и английских предложений, к примеру, *Генерал вошел в комнату – В комнату вошел генерал* и *The general entered the room – A general entered the room* иллюстрирует включенность английского артикля в представление тема-рематической организации высказывания. Если в русских эквивалентах изменение коммуникативного статуса слова *генерал* маркируется позиционно (тема в первом предложении и рема во втором), то в английских предложениях только изменение артикля позволяет оценить слово *general* как тему первого предложения и рему второго.

В свете вышеотмеченного системно-категориальная грамматическая трактовка английского артикля включает несколько общих позиций (представляемых здесь со значительными сокращениями и обобщениями):

- 1) артикли употребляются с именем существительным, они отграничивают именную группу в составе предложения;
- 2) определенный артикль указывает на конкретный референт существительного и маркирует тему высказывания;
- 3) неопределенный артикль указывает на исчисляемое существительное в единственном числе и маркирует рему высказывания;
- 4) оба артикля могут передавать идею обобщения / генерализации, в случае ограниченного числа существительного эта же идея может передаваться значимым отсутствием артикля.

Но если попытаться описать роль артикля в концептуализации внеязыковой действительности, то можно утверждать, что артикль в целом служит указанию на отграничение одной сущности от другой, маркирует объем понятия и ряд ингерентных характеристик денотата. В данной публикации мы предлагаем оценить некоторые из функциональных потенций английского артикля как когнитивные, т. е. репрезентирующие ментальную интерпретацию фрагментов внеязыковой действительности, материальных объектов и неких абстрактных сущностей, имеющих определенные ингерентные характеристики.

Когнитивистский подход к определению природы и функционального потенциала английского артикля наблюдается в ряде исследований последних лет. Среди современных работ в сфере артиклеведения можно отметить докторские диссертации и монографии С. Г. Ахметовой «Синтактика и прагматика английского артикля» (1989), Е. А. Долгиной «Артиклевые формы имени существительного в когнитивно-грамматической категоризации современного английского языка» (2010) и «Полифункциональность английских артиклей в языке и речи» (2010), Н. Л. Огуречниковой «Системный статус, значение и функции артиклей в английском языке» (2008), Е. В. Тымчук (Терещенко) «Артикль и межкультурная коммуникация» (2005) и «Общее и отдельное в артиклевой системе английского языка» (2006). Сохраняя в качестве исходного положения оценку языкового статуса артикля, исследователи выходят за рамки внутриязыковой системы и направляют свои

изыскания на функционально-семантические, когнитивно-концептуальные и лингвокультурологические сферы действия артикля. Например, в монографии Е. А. Долгиной рассматриваются особенности участия английского артикля в процессах абстрагирования, классификации и индивидуализации с позиций объективной (коллективной) и субъективной (индивидуальной) категоризации мира. Анализу подвергается как общесистемное, так и стилистически маркированное функционирование артиклевых форм, на основании результатов которого автор приходит к выводу о том, что английский артикль является реализацией грамматической морфологической категории имени существительного, которая участвует в формализации понятийных категорий абстракции / конкретности [3].

При этом и в современных исследованиях еще недостаточно полно освещена связь артикля с ингеретными характеристиками денотатов имен существительных, а также функциональный потенциал английского артикля по созданию денотатов онтологически неденотативных сущностей. Изучение этого аспекта и выявление сопряженных с ним системных закономерностей имеют собственно лингвистический интерес, также, будучи включенными в объяснительную составляющую учебных дисциплин и изданий, могут оказать существенное влияние на повышение эффективности процесса языкового образования, выявляя асимметрию национально-языковых картин мира. Последнее особенно значимо при изучении английского языка носителями безартиклевых языков.

В практике преподавания английского языка случаи использования или неиспользования артикля связывают с грамматическими характеристиками английского имени существительного, и «правила» употребления артиклей в английском языке формулируются примерно так: «исчисляемые существительные в единственном числе используются с неопределенным артиклем», а «неисчисляемые существительные используются без неопределенного артикля», при этом и те, и другие могут употребляться с определенным артиклем.

В грамматических описаниях нарушение первых двух «правил» объясняют как проявление изменения грамматического статуса имени существительного. Будучи корректной внутриязыковой дескрипцией данного феномена, такая трактовка оставляет вне фокуса внимания внеязыковые факты, качественные характеристики денотатов, номинации которых и служит имя существительное.

Сравним два предложения: *She bought a new dress* и *She has a fantastic sense of dress* – ‘Она купила новое платье’ и ‘У нее потрясающее чувство стиля’.

В первом предложении дискретный денотат исчисляемого имени существительного *dress* ‘платье’ вербально маркируется при помощи неопределенного артикля, что соответствует «правилу». Во втором предложении исчезновение неопределенного артикля перед исходно исчисляемым именем существительным *dress* является сигналом, маркером изменения денотата существительного. Отсутствие артикля показывает, что денотат имени существительного *dress* ‘платье’ выходит за рамки дискретных объектов в

сферу абстрактных понятий, которые формируются посредством обобщения и абстрагирования совокупности дискретных феноменов данной понятийной сферы – ‘чувство стиля’. То есть изменение внутриязыкового статуса имени существительного и его переход из класса конкретных исчисляемых существительных в класс абстрактных неисчисляемых являются следствием необходимости указания на изменение ингерентных свойств денотата.

Сравним два другие предложения: *Beauty is subjective* и *She is a real beauty* – ‘Красота субъективна’ и ‘Она – настоящая красавица’.

Абстрактное имя существительное *beauty* в первом предложении служит номинации абстрактного понятия *красота*. Употребление этого же имени существительного с неопределенным артиклем во втором предложении сигнализирует об изменении в типе денотата, именуемого словом *beauty*. Артикль является маркером проявления дискретности денотата, а в совокупности с другими составляющими предложения переносит денотат из сферы абстрактных понятий в сферу антропоморфных существностей – «красотка, красавица», т. е. человек, чьей отличительной чертой является красота.

Так, более глубокое проникновение в суть процесса показывает, что изменения в употреблении артикля связаны с указанием на изменения в сущности денотатов имени существительного, в частности артикль маркирует денотаты как дискретные объекты или недискретные абстрактные сущности. Иными словами, изменение грамматического статуса (переход неисчисляемых существительных в ранг исчисляемых или наоборот) является следствием необходимости указания на изменения природы денотата, что в языковом выражении оказывается маркированным посредством использования или неиспользования неопределенного артикля.

Разнообразные примеры текстовых употреблений демонстрируют возможность появления артикля практически перед любыми словами (а также словосочетаниями или даже предложениями) английского языка. Он может придать значение субстантивности практически любой языковой единице, в том числе исходно не имеющей своего референта во внеязыковой действительности.

Рассмотрим несколько примеров.

В предложении *He is such a nothing* ‘Он – такое ничтожество’ использование артикля перед местоимением *nothing* (отметим, что местоимения в английском языке нормативно не употребляются с артиклем) указывает на переход денотата из мира вещей (*nothing* – ‘ничто’) в мир людей, т. е. денотат приобретает антропоморфные характеристики.

В предложении *She was 50 and looked a handsome thirty-five* ‘Ей было 50, но выглядела она на красивые тридцать пять’ появление артикля перед числительным *thirty-five* ‘тридцать пять’ (отметим, что числительные в английском языке нормативно не употребляются с артиклем) указывает на переход денотата из мира цифр и чисел в мир людей, т. е. приобретает не только общие субстантивные характеристики, свойственные имени существительному, но за счет контекстуального лексического окружения фиксирует денотат как имеющий антропоморфные характеристики.

В предложении *Are you a have-been or a might-have been?* ‘Вы тот, кто раньше был значим, или тот, кто мог бы быть значимым?’ присущее глаголу (*have-been* и *might-have been* – глагольные формы) значение процесса сменяется не просто значением субстантивности, присущем имени существительному, но достаточно четко связывается с антропоморфными характеристиками субъекта: «тот, который чего-то достиг раньше» или «тот, который чего-то мог бы достичь раньше, но так и не достиг».

Таким образом, при помощи артикля происходит не только языковая репрезентация ингерентных характеристик объектов внеязыковой действительности, но, в определенной мере, и создание денотатов онтологически неденотативных сущностей. Анализ языковой выборки показывает, что предполагаемый денотат оказывается связан с миром людей или некоторыми абстрактными понятиями, которые также входят в общее антропоморфное поле, «поле людей», которые обладают способностью мыслить абстрактно и оперировать абстрактными сущностями / понятиями.

В заключение можно отметить еще один момент. Среди разнообразных функций языка наиболее общими и общепризнанными являются когнитивная и коммуникативная. При этом их терминологическое обозначение может варьироваться: когнитивную функцию определяют как отражательную, или репрезентативную, коммуникативную – как межличностную, или дискурсивную. В контексте вышепредставленного исследования весьма показательным и прозрачным предстает именование, предложенное М. А. К. Хэллидеем – «*representational*», т. е. ‘репрезентативная’ функция, поскольку когнитивный потенциал английского артикля непосредственно служит языковой репрезентации внеязыковых характеристик денотатов употребляемых с артиклем слов [4].

ЛИТЕРАТУРА

1. Плоткин, В. Я. Строй английского языка / В. Я. Плоткин. – М. : Высш. шк., 1989. – 239 с.
2. Архипов, И. К. Грамматика английского языка. Артикли / И. К. Архипов. – СПб. : ООО «ИнЪязиздат», 2006. – 176 с.
3. Долгина, Е. А. Артиклевые формы имени существительного в когнитивно-грамматической категоризации современного английского языка : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.04 / Е. А. Долгина. – М., 2010. – 60 с.
4. Halliday, M. A. K. An Introduction to Functional Grammar / M. A. K. Halliday. – London : Edward Arnold, 1985. – 685 p.

Ирина Владиславовна Дмитриева

кандидат филологических наук, доцент,
зав. кафедрой истории и грамматики английского языка
Минского государственного лингвистического университета

Irina V. Dmitrieva

PhD, Associate Professor, Head of the History of the English
Language and English Grammar Department,
Minsk State Linguistic University

Добрик Зденко
Банска Быстрица, Словакия

ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА ПЕРЕИМЕНОВАНИЯ УЛИЦЫ¹ В ЧЕСТЬ МАКСА БРОЗЕ В ГОРОДЕ ПРИЕВИДЗА В СЛОВАЦКИХ СМИ

В основе статьи лежит исследование построения языковой картины переименования улицы в честь Макса Брозе в среднесловацком городе Приевидза в словацких серьезных и бульварных СМИ. Автор уделяет прежде всего внимание: а) жанровой привязке текстов, в которых была создана данная языковая картина, и их характеристике; б) идентификации и функционированию языковых средств, которые являются доминирующими, т. е. наиболее важными для создания языковой картины переименования улицы.

К л ю ч е в ы е с л о в а: языковая картина; публицистические жанры; функции языковых средств; интертекстуальность; междискурсивные отношения.

Dobrík Zdenko
Banská Bystrica, Slovakia

LINGUISTIC IMAGE OF RENAMING A STREET IN HONOUR OF MAX BROSE IN PRIEVIDZA IN SLOVAK MASS MEDIA

The article focuses on research of creating a language picture of renaming a street in Prievidza (Central Slovakia) after Max Brose within the Slovak mass media space – quality press and tabloids. The author pays attention to: a) the genre binding of the texts in which the given language picture has been created, and their characteristics; b) the identification and functioning of language means that are dominant, i.e. the most important for creating a language picture of renaming a street.

Key words: language picture; genres of journalism; functions of language means; intertextuality; inter-discursive relations.

В основе статьи находится тематическое исследование, относящееся к словацкому социокультурному пространству, а именно построению языковой картины переименования улицы в честь Макса Брозе. До 2015 года эта личность была неизвестна в Словакии. В 2015 году немецкая компания «Макс Брозе», названная в честь его основателя, выразила заинтересованность в инвестировании в город центральной Словакии Приевидза. Компания «Брозе» входит в пятерку лучших поставщиков автомобильной промышленности; она ориентирована на разработку и производство мехатронных систем для дверей, сидений и двигателей.

¹ Статья подготовлена в рамках реализации проекта ВЕГА 1/747/18 «Картины мира как исследовательская доминанта гуманитарных наук. Продукция, дистрибуция, восприятие и интерпретация картин мира» (слов. VEGA 1/747/18 “Obrazy sveta ako výskumná doména humanitných vied. Produkcia, distribúcia, recepcia a spracovávanie obrazov sveta”).

Одним из основных условий представителей компании было присвоение имени, точнее, переименование улицы, на которой должна была разместиться застройка компании, в честь Макса Брозе (М. Б.). Муниципальные власти одобрили эту просьбу и утвердили переименование улицы Западная в улицу имени М. Б. Этим шагом городские власти запустили процесс создания языковой картины (ЯК) этого события в СМИ. В данной статье мы рассмотрим следующее:

а) определение понятия языковой картины мира с акцентом на тему статьи;

б) характеристику ЯК М. Б. и ЯК переименования улицы в честь М. Б. в словацком медийном дискурсе, которые действуют как отдельные, но очень тесно взаимосвязанные объекты. Отдельные формы ЯК М. Б. влияют на ЯК переименования улицы в честь М. Б.

в) характеристику СМИ, формирующих данную ЯК, с акцентом на их дихотомическую разбивку: *серьезный и бульварный, национальный и региональный*;

г) жанровую привязку текстов, в которых была создана данная ЯК, и их характеристику;

д) идентификацию и функционирование языковых средств, которые являются доминирующими, т. е. наиболее важными для создания ЯК.

Ключевым понятием исследования является языковая картина мира (ЯКМ). Впервые определение понятию ЯКМ дали Я. Бартминьский и Р. Токарский назвав его набором мировоззрений в большей или меньшей мере закодированных в языке, скрытых в значениях выражений или в них содержащихся, который свидетельствует о способах существования объектов мира в метаязыке [1, с. 33]. В этом контексте языковая картина воспринимается как статический, так и динамический набор суждений следующим образом: автор языковой картины функционально выбирает из архивной культурной и коммуникативной памяти (АККП) данные, соответствующие его текущим когнитивным, мотивационным ценностным предпочтениям. АККП являются частью коллективной памяти [2, с. 93–95].

ЯК переименования улицы в честь Макса Брозе непосредственно связана с ЯК Макса Брозе. Они были созданы в средствах массовой информации общенациональными ежедневными газетами «Правда» и «Новое время», региональным еженедельником «Мы – Верхняя Нитра», который выходит под эгидой общенациональной ежедневной газеты «СМЕ». «Новое время» – самый читаемый таблоид в Словакии, «Правда» относится к категории серьезных национальных ежедневных газет, а «Мы – Верхняя Нитра» является серьезной еженедельной газетой. Тексты, связанные с переименованием улиц в честь М. Б., отличаются разнообразием жанров. Они относятся к категории информационно-аналитических жанров (статья, статья с элементами глоссы) или к аналитическим жанрам (расширенная новость). Читатели газеты «Новое время» также участвовали в создании ЯК переименования улицы в честь Макса Брозе, немедленно отреагировав в онлайн-дискуссии на соответствующий текст в данной газете. Для того, чтобы придерживаться

четко установленного (ограниченного) объема доклада, мы не обращаем внимания на онлайн-дебаты, хотя их анализ и изложение имели бы важное значение, заслуживающее внимания.

Макс Брозе был известным немецким предпринимателем. С 1933 года он являлся членом НСДАП, занимал пост председателя местной торгово-промышленной палаты и работал в министерстве экономики рейха. Заводы, которыми он владел, производили во время Второй мировой войны компоненты для военной техники и боеприпасы. За развитие оружейной промышленности получил несколько наград рейха. Он также использовал принудительную трудовую силу оккупированных стран. После войны в рамках денацификации он был осужден как «сторонник» преступного режима с последующим наложением высокого денежного штрафа, после чего вернулся к предпринимательству.

Рассматривая названия текстов, мы можем сделать вывод, публикуются они в бульварных или серьезных изданиях. Основная цель бульварной прессы – донести и сообщить как можно больше сенсаций, т. е. событий, вызывающих общественный шум и удивление. Оказалось, что переименование улицы в честь известной противоречивой личности Макса Брозе является одной из таких сенсаций. Языковое создание сенсаций обычно связано с целеустремленным использованием языковых знаков для возбуждения эмоций. Эмоционализация высказывания создается с помощью средств, усиливающих выражение, и образных языковых средств. Заголовок статьи *Огромный скандал в городе Приевидза: От названия улицы – мороз по коже!* [3, с. 1], опубликованной в «Новом Времени», с первого взгляда очевидно содержит наличие эмоционализации. Она сосредоточена в синтагме *огромный скандал* и во фразеологизме *мороз по коже*. Как синтагма, так и фразеологизм явно включают в себя значение оценки. Рассмотрим еще более детально синтагму *огромный скандал*. Автор достигает отрицательного оценочного значения, используя существительное *скандал*, которое само по себе содержит отрицательное значение оценки, т. е. публичное оскорбление, публичный позор [4, с. 739], и усиливает эту оценку, используя прилагательное *большой*. Заголовок статьи в «Правде» *Название улицы в честь нациста лежит на столе у прокурора* [5, с. 1] имеет информативную функцию, не содержит экспрессивных языковых средств или языковых средств усиления и ослабления высказывания, по сравнению с названием статьи в газете «Новое время». С точки зрения ценностного мира людей, чье мировоззрение закреплено в пространстве ценностей гуманистической философии, в названии статьи газеты «Правда» *отрицательным* оценочным словом является *нацист*, т. е. сторонник идеологии, политики и практики немецко-фашистского движения, которое основано на нарушениях основных прав человека, как естественных, так и приобретенных. Другой автор «Правды» опубликовал в то же самое время статью с элементами глоссы *Как купить историю* [6, с. 1]. Синтагма *как купить историю* является уникальной с точки зрения семантики, если абстрагироваться от лексического значения «купить книгу по истории». В смысле прототипной семантики мы покупаем вещь или услугу.

Но вышеупомянутая синтагма вызывает догадку, что в тексте речь идет о нечестной деятельности, которая противоречит моральным и правовым нормам. Читая другие части текста, реципиент обнаруживает, что синтагма *как купить историю* представляет аллюзию на конкретный факт, который подтверждает правильность его догадки. Из вышеприведенных названий текстов становится более или менее очевидным, что фигурирующая личность (М. Б.) первоначально воспринимается негативно. Заголовок текста, который является с жанровой точки зрения расширенной новостью, *Название улицы в городе Приевидза в честь основателя немецкой фирмы рассматривается прокуратурой* [7, с. 1], опубликованный в еженедельнике «Мы – Верхняя Нитра», представляет собой семантическую оппозицию к предыдущим названиям, поскольку фигурирующая личность первоначально интерпретируется как та, которая основала бизнес. Номинация *основатель компании* обычно воспринимается в основном положительно, как «человек с предпринимательскими способностями или тот, который чего-то добился».

Общей чертой всех текстов, которые сообщают о переименовании улицы в честь Макса Брозе, является интертекстуальность. Она означает целенаправленное включение в новый текст выборочно предпочтительных частей других текстов. Это выражается ссылкой на высказывания других участников дискурса (УД). Интертекстуальность расширяет круг разных, даже идейно плюралистических УД, которые вносят значительный вклад в создание языковой картины в результате чего читатели убеждаются или могут быть убеждены в объективности текста. В то же время интертекстуальность расширяет информационную насыщенность текстов, часто и их экспрессивность с убедительным намерением.

Количество и идентификация участников дискурса, которые представлены интертекстуально в значительной степени совпадают. С точки зрения способов построения ЯК переименования улицы их можно разделить на следующие подгруппы.

Первая и в то же время самая многочисленная подгруппа УД категорически отказывается называть улицу в честь М. Б. УД воспринимают М. Б. исключительно или прежде всего как личность, которая сотрудничала с нацистской властью. К этой подгруппе принадлежат Центральный союз еврейских религиозных общин в Словакии, Евангелическая церковь, немецкие антифашисты, некоторые историки, депутаты. В ЯК, созданной УД, любое сотрудничество с нацистской властью недопустимо.

Вторая подгруппа соглашается с названием улицы в честь М. Б., при следующем условии: следственные органы примут решение о том, что это действие не будет квалифицироваться как преступление, связанное с поощрением движений, направленных на подавление основных прав и свобод человека. УД в первую очередь воспринимают М. Б. как предпринимателя, а не как коллаборациониста (городские власти Приевидзы, некоторые депутаты). Утверждение переименования улицы в честь М. Б. местными политиками, скорее всего, было сделано с прагматическими целями. Если бы они не одобрили переименование улицы, они должны были бы принять во внимание

санкции со стороны немецкого инвестора, т. е. отмену его инвестиционного плана, который должен был принести значительное количество рабочих мест и более высокий уровень жизни в относительно отсталый регион. Социально-экономический интерес региона стал решающим при голосовании за переименование улицы в честь М. Б. Готовность политиков отменить решение о переименовании улицы на основании окончательного решения судебной власти может быть истолкована как выражение уважения к верховенству закона и основным правам и свободам человека.

Третья подгруппа соглашается назвать улицу в честь М. Б. без дополнительных условий, поскольку она воспринимает его исключительно как отличного конструктора. Представители этой подгруппы не заинтересованы в его социальной принадлежности во времена существования Третьего рейха, они не знают о ней, но даже если знают, то не считают ее вредной. Эта подгруппа состоит из владельца компании и внука М. Б. в одном лице, историка Грегора Шельгена, некоторых депутатов муниципального совета в Приевидзе.

Во время анализа заголовков отдельных текстов мы уже упоминали о наличии и убедительной функции экспрессивных языковых средств в них. Экспрессивность высказываний в этих текстах почти исключительно относится к форме ЯК, происходит отказ от переименования улицы, потому что М. Б. не заслуживает того, чтобы его символически допустили в публичное пространство как выдающуюся личность; притом жанры проанализированных текстов не имеют решающего значения для выражения или невыражения экспрессивности. Экспрессивность присутствует в текстах, которые представляют собой статью, статью с элементами глоссы, расширенную новость. Тексты включают в себя: а) *ингерентную* экспрессивность, которая вытекает из формы слова и является частью лексического значения, например, аугментатив, диминутив; б) *адгерентную* экспрессивность, возникающую в результате использования общего выражения, стилистически нейтрального (т. е. без экспрессивной окраски) в определенном контексте. Вот некоторые высказывания, которые включают в себя как экспрессивные выражения, так и стилистически нейтральную оценочную (evaluative) лексику:

а) Текст «Огромный скандал в городе Приевидза: От названия улицы мороз по коже!» [3, с. 1]:

– *Огромный скандал* вызвало на первый взгляд невинное переименование улицы [Там же];

– *Как выяснилось, М. Б. был членом нацистской партии* [Там же];

– *Радость властей города от приезда инвестора была испорчена шокирующей информацией* [Там же].

б) Текст «Название улицы в честь нациста лежит на столе у прокурора» [5, с. 1]:

– *Неудачное решение городских властей в Приевидзе может быть отменено прокуратурой* [Там же];

– *Общественность повергло в ужас сообщение о том, что в его честь будет называться улица* [Там же];

– *Это ужасно, что в наши дни мы собираемся переименовать улицы в честь **нацистов**. Это полностью уничтожает и оскорбляет память о людях, которые боролись против фашизма за нашу свободу* [5, с. 1].

в) Текст «Как купить историю» [6, с. 1]:

– ***Преступному режиму** и милитаристским походам фюрера не только помогал, но и со своей семьей значительно обогатился. И за счет собственности евреев* [Там же];

– *Мы действительно должны **делать каждого иностранного инвестора полубогом**, с тем, что ему во всем потакаем?* [Там же].

Сильная экспрессивность текстов часто выражается в дополнение к экспрессивным выражениям и знакам препинания (знак вопроса, восклицательный знак). Например:

Ну, даже если он был не очень восторженным нацистом «только» второго ранга, почему следует называть улицы в его честь?! [Там же].

*В Баварии поступил следующим образом: <...> и заказал составить «**объективный**» анализ, чтобы очистить имя деда* [Там же].

По словам Фейрклафа, важной составной частью критического дискурсивного анализа является междискурсивная связь между высказываниями – в каждом тексте разные дискурсы, жанры, стили часто смешиваются [8, с. 79]. Обоснованность утверждения также проявляется в отношении проанализированных текстов. Объем этой статьи четко установлен (ограничен), поэтому мы только слегка коснемся темы междискурсивных отношений. При создании форм лингвистического образа названия улицы в честь М. Б. возникает внутри- и междискурсивное пересечение:

а) дискурса о (не)соблюдении прав человека:

Еще до Второй мировой войны, а потом и в ее течение состоял членом нацистской партии [5, с. 1].

б) экономико-социального дискурса:

– *Компания «Брозе» входит в пятерку лучших поставщиков автомобильной промышленности. Ориентирована на разработку и производство мехатронных систем для дверей, сидений и двигателей* [5, с. 1];

– *Начнем с того, что компания «Брозе» примет на работу 600, а потом и около 1300 человек* [3, с. 1].

в) дискурса о власти денег и коррупции:

– *Как купить историю* [6, с. 1];

– *Кто знает, чем убеждал в Словакии мэра и городских депутатов внук Брозе, главный менеджер инжиниринговой компании и один из самых богатых людей в Германии* [Там же];

– *Его внуку Майклу Стошеку, который **принадлежит к числу самых богатых немцев**, удалось доказать, что его дед не был убежденным нацистом* [6, с. 1]. Выделенная жирным шрифтом часть должна рассматриваться как замысел автора этой газетной статьи.

Тема и содержание статьи выходят за пределы локального значения. Как уже было сказано во вступлении данной статьи, языковое и другое семиотическое примирение с коллективным прошлым и, следовательно, язы-

ковое примирение с более неживущими выдающимися личностями, также с текущими событиями, в которые эти личности были или являются символически вовлеченными, характерны для многих социально-культурных сообществ. В то же время это вневременное явление, которое вышло за пределы прошлого и настоящего. Его универсальная природа заключается в нескольких фактах. Одним из них является то, что во всех формах ЯК выдающихся противоречивых личностей или связанных с ними событий проявляется когнитивный уровень, интерес и ценностный мир ее создателей, которые они предпочитают в данный момент времени. Их предпочтения также могут быть отражены в выборе жанров, в которых они создают соответствующие ЯК.

Анализ текстов СМИ подтвердил, что ЯК, связанная с переименованием улицы в честь Макса Брозе, неоднородна и имеет несколько форм:

1) *отвергающая* – М. Б. не заслуживает того, чтобы его символически «допустили» в публичное пространство как человека, достойного поклонения (доминирующая форма);

2) *принимающая* с условием – М. Б. может быть символически «допущен» в публичное пространство как человек, которому поклоняются, с определенным условием (менее доминирующая форма);

3) *принимающая* – М. Б. заслуживает того, чтобы его символически «допустили» в публичное пространство как человека, достойного поклонения (маргинальная форма).

Указанная конкретизация идентичных по типу форм ЯК, конечно, не единственная [9, с. 98–108]. С нашей точки зрения, мы имеем дело со стереотипом(-ами), т. е. с определенным(и) способом(-ами) восприятия и образования реальности, функция которого(ых) заключается в познании человеческого мира и возникает на социально-исторической и культурно-лингвистической основе [1, с. 64]. В этом смысле отдельные формы ЯК выдающихся противоречивых личностей являются универсальными. Специфика ЯК переименования улицы в честь М. Б. заключается в том, что она возникла в уникальном ситуационном контексте, т. е. в уникальном географическом и социокультурном пространстве и времени, а также благодаря субъективному выбору жанров и языковых средств авторами публицистических текстов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бартминьский, Й. Язык в контексте культуры. Двенадцать статей из люблинской когнитивной этнолингвистики / Й. Бартминьский. – Прага : Каролинум 2016. – 168 с.
2. Долник, Ю. Язык – человек – культура / Ю. Долник. – Братислава : Каллиграм, 2010. – 315 с.
3. Огромный скандал в городе Приевидза: От названия улицы – мороз по коже! [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.cas.sk/clanok/331710/obrovsky-skandal-v-prievidzi-z-nazvu-ulice-vacsine-prebehne-mraz-po-chrbte/>. – Дата доступа: 29.09.2015.
4. Краткий словарь словацкого языка. – Братислава : ВЕДА, 2003. – 985 с.

5. Название улицы в честь нациста лежит на столе у прокурора [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://spravy.pravda.sk/domace/clanok/369065-pomenovanie-ulice-po-nacistovi-ma-na-stole-prokurator>. – Дата доступа: 29.09.2015.
6. Как купить историю [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://nazory.pravda.sk/komentare-a-glosy/clanok/369060-ako-si-kupit-dejiny/>. – Дата доступа: 29.09.2015.
7. Название улицы в городе Приевидза в честь основателя немецкой фирмы рассматривается прокуратурой [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://myhornanitra.sme.sk/c/20060927/pomenovanie-ulice-v-prievidzi-po-zakladatelovi-nemeckej-firmy-skuma-prokuratura.html>. – Дата доступа: 29.09.2015.
8. *Фейрклаф, Н.* Язык и власть / Н. Фейрклаф. – Лондон : Лонгман, 2014. – 274 с.
9. *Добрик, З.* Чужесть и инаковость в языковой коммуникации / З. Добрик. – Банска Быстрица : Белианум, 2018. – 126 с.

Добрик Зденко

кандидат филологических наук,
доцент кафедры общего языкознания,
Университет Матея Бела, Банска Быстрица

Dobřík Zdenko

PhD, Associate Professor of the General Linguistics,
Matej Bel University, Banská Bystrica

Н. С. Зелезинская
Минск, Беларусь

ШЕКСПИРОВСКАЯ КАРТИНА МИРА СКВОЗЬ ПРИЗМУ МОТИВА САМОУБИЙСТВА

В статье рассматривается мотив самоубийства как в отдельных произведениях У. Шекспира, так и в его творчестве в целом. Понимание семантики, структуры и прагматики мотива самоубийства выводится из анализа бытования данного мотива на протяжении его длительного существования в сюжетах западноевропейской литературы и компаративного анализа прямых и культурных источников шекспировских сюжетов. В качестве примера приводятся данные результатов компаративного мотивного анализа повествования о Лукреции. Сопоставляются интерпретации истории Лукреции Титом Ливием, П. Н. Овидием, Августином Блаженным, Джоном Гауэром, Джеффри Чосером, Джоном Пейнтером и Уильямом Шекспиром.

К л ю ч е в ы е с л о в а : *Уильям Шекспир; мотив самоубийства; компаративный анализ; история идей; менталитет; елизаветинцы.*

N. S. Zelezinskaya
Minsk, Belarus

SHAKESPEARIAN PICTURE OF THE WORLD THROUGH THE PRISM OF THE MOTIF OF SUICIDE

The article considers the motif of suicide in William Shakespeare's works both separately and in evolution. The article claims to draw the semantics, structure and pragmatics of the motif of suicide from the analysis of its development during the centuries of its existence in the Western European tradition and from the comparative analysis of Shakespeare's works and their direct

and cultural sources. The article dwells upon the results of the comparison of Titus Livius', Ovid's, Augustin the Saint's, John Gower's, Jeffry Chaucer's, John Painter's and Shakespeare's interpretations of the narrative of Lucrece.

Key words: William Shakespeare; the motif of suicide; comparative analysis; the history of ideas; mentality; Elizabethans.

Проблема самоубийства поднимается в огромном количестве художественных произведений различных литературных направлений и периодов. С одной стороны, постановка и решение одного из животрепещущих вопросов бытия позволяет автору обозначить связь человеческих судеб с состоянием общества, показать истинную природу своих героев, поставить их в ситуацию экзистенциального выбора, обозначить границу ментальных переходов или культурного слома, показать суть своего мировидения, т. е. освоить нравственное пространство произведения. С другой стороны, именно литературные источники, фиксируя идею, дают наиболее емкий материал для истории общественной мысли и «позволяют восстановить всемирную миграцию сюжетов и идей» [1, с. 154]. Проблема выбора между жизнью и смертью входит в круг понятий, которые, «будучи выявлены и исследованы, дадут возможность судить о меняющемся сознании» [Там же, с. 156]. На наш взгляд, идеи наиболее ярко прослеживаются в мотивах как устойчивых повествовательных единицах. Проследив изменения семантики, структуры и прагматики мотива на протяжении определенного периода времени, мы выходим на понимание особенностей менталитета определенного общества.

Семантика мотива не только интертекстуальна, но и, как было хорошо объяснено С. Ю. Неклюдовым, парадигматична. Она опирается на «знание традиции», значительно более широкое, чем то, которое манифестируется в отдельном тексте. Мотив принадлежит не конкретному тексту, а всей традиции в целом. «Его значение не выводимо из сюжетной синтагматики, для понимания этого значения (и текстопорождающих возможностей мотива) необходимо его соотнесение, во-первых, с картиной мира соответствующей национальной культуры и, во-вторых, с упомянутым выше общечеловеческим сюжетно-мотивным фондом (и с лежащими в их основе семантическими универсалиями)» [2, с. 236–237].

Этими теоретическими предпосылками определен наш интерес к семантическому и эстетическому потенциалу мотива самоубийства. Данный мотив значим для понимания как отдельного произведения, так и всего творчества Уильяма Шекспира: 87 шекспировских персонажей говорят о самоубийстве либо совершают попытку такового, 26 из них оканчивают жизнь самоубийством. Во все 10 трагедий великого драматурга введен мотив самоубийства, 7 протагонистов добровольно уходят из жизни. Вечный вопрос выбора между жизнью и смертью стоит в центре величайшего произведения мировой литературы – трагедии «Гамлет». Мотив самоубийства присутствует и во всех других жанрах: поэмах, хрониках, комедиях, романтических пьесах, сонетах.

Кроме того, обладая мощным интертекстуальным потенциалом и широкой репрезентацией в западноевропейской литературе (античной и ренессан-

сной), мотив самоубийства проливает свет на всю английскую драматургию и мировоззрение Возрождения, поскольку, как отмечал М. М. Бахтин относительно романа Рабле, «глубокую трансформацию в замкнутом временном ряду индивидуальной жизни претерпевает мотив смерти. Он приобретает здесь значение существенного конца. И чем замкнутее ряд индивидуальной жизни, чем больше он оторван от жизни общественного целого, тем это значение выше и существеннее» [3, с. 455–472]. На наш взгляд, это осознание значимости индивидуальной смерти эксплицировалось непосредственно в литературе Возрождения, и крайней точкой проявления индивидуализации смерти является, несомненно, акт сознательной добровольной смерти. Еще Л. Пинский в концептуальной монографии «Шекспир: Основные начала драматургии» в 1971 г. называл смертельный сюжет неотъемлемой и отличительной чертой шекспировской трагедии и отмечал, что «характернее всего для шекспировских развязок самоубийство героя и героини» [4, с. 112]. Л. Е. Пинский указывает, что в трагедиях Шекспира герой *всегда* умирает, тогда как для классической трагедии смерть героя была *возможной* («Антигона», «Царь Эдип»), но *не обязательной*. «Смерть героя никогда не была показательной чертой, а тем более формальным правилом классической трагедии. Такого правила не знает трагедия античная, где благоприятную развязку предпочитает Эсхил, иногда Софокл и даже Еврипид. Гибели героя избегают, как правило, испанские трагики. Среди французских Корнель в лучших традициях почти всегда предпочитает развязки счастливые, а Расин – со смертью героев и героинь, но не обязательно. Но во всех десяти трагедиях Шекспира (и обычно у других «елизаветинцев») герой в конце погибает – катастрофическая развязка входит как норма в концепцию трагедийного сюжета» [Там же, с. 112]. Изменения европейского, в частности английского менталитета, легко проследить, подвергнув анализу определенный вариант мотива самоубийства.

Однако мы считаем необходимым рассматривать мотив самоубийства в творчестве Шекспира в свете ренессансных воззрений, связанных не только с самоубийством, но и со смертью, религией, концепцией человека и его *virtu*, другими значимыми концепциями Возрождения, что соответствует общей тенденции современного шекспироведения – повышенному интересу к культурному контексту шекспировской эпохи. Обоснование рассмотрения данного явления в культурно-историческом контексте можно найти в работе И. Доналдсон: «Это современное стремление связывать самоубийство индивида с суицидальными (в том числе и бессознательными) тенденциями политического, культурного и религиозного устройства в целом есть относительно новое явление. Оно отражает зарождение попыток построить систему соответствий между индивидуальным и национальным сознанием, которая бы выходила за рамки отношений части и целого» [5, р. 5–6].

Шекспировская трактовка мотива самоубийства определяется, по нашим наблюдениям, ренессансными воззрениями, связанными не только с самоубийством, но и со смертью, антропоцентризмом эпохи, идеей самообожения (термин Т. В. Бузиной [6, с. 11]), трансформацией понятия *virtu*, религиоз-

ными процессами, такими как секуляризация мышления, выделение концепции предопределения, «потеря» едва обретенного европейцами Чистилища, все более сильным ментальным разделением мира живых и мира мертвых и другими значимыми концепциями Возрождения.

Так, например, проанализировав трансформацию сюжета о Лукреции и места в нем мотива самоубийства на протяжении семнадцати веков, можно констатировать следующее. На формальном уровне налицо совпадение фабул и основных фабульных узлов повествований о Лукреции Тита Ливия [7], П. Н. Овидия [8], Августина Блаженного [9], Джона Гауэра [10], Джеффри Чосера [11], Джона Пейнтера [12] и Уильяма Шекспира [13]: завязка (спор полководцев), кульминация (изнасилование), развязка (самоубийство) и восстание (эпилог). Однако к моменту появления шекспировской поэмы «Лукреция» в повествование, имеющее продолжительную литературную историю, проникли идеи и ассоциации, которые не были в нее заложены первоначально римским историком, но сюжет оказался достаточно емким для порождения новых смыслов: различные функции мотива самоубийства, образы главной героини, лейтмотивы и сюжетные мотивировки произведений.

Во-первых, изменяется функция самоубийства главной героини. У Ливия оно запускает механизм мести, т. е. играет сюжетоорганизующую роль. У Овидия четко прослеживается характерологическая функция – он использует мотив самоубийства, чтобы вернуть Лукреции право считаться римским идеалом. Порицание поступка Лукреции у Августина и Ж. де Мена служит целям утверждения христианских идей. В отношении Чосера к самоубийству его героини просматривается своеобразная двойственность: с одной стороны, оно доказывает невиновность женщины, с другой стороны, для средневекового автора суицид – это принятие ответственности (не вины) за изнасилование и наказание самой себя. В версии Джона Пейнтера самоубийство возвращает Лукреции чистоту. Функция самоубийства в «Лукреции» У. Шекспира двойка: через самоубийство Лукреция указывает на виновного и одновременно утверждает и провозглашает собственную моральную чистоту. Акт самоубийства также является призывом к мщению, он становится для Лукреции средством самоутверждения.

Во-вторых, кардинально изменяется образ героини: из гордой, самоуверенной и разгневанной римской матроны у Ливия она превращается в кроткую жертву изнасилования у Овидия, в преступницу у Августина, невинную христианскую святую у Чосера, символ идеальной женственности у Гауэра и, наконец, в воплощение патетики и пафоса поруганной добродетели у Шекспира.

В-третьих, смещаются акценты: в античности внимание сосредоточено на политической роли Лукреции – самоубийство вдохновляет римлян на восстание, т. е. является лишь поводом, пусковым механизмом общественных событий. В Средневековье акценты смещаются к истории христианской души; удаление от социального контекста превращает эту историю в историю борьбы христианки с грехом, самоубийство видится в сугубо теологическом ракурсе и оправдывается исключительно как акт самопожертвования

и спасения репутации. В то же время повествование о Лукреции становится площадкой для казуистических споров о вине и степени соучастия изнасилованной женщины.

В XVI в. самоубийство становится центральным мотивом поэмы Шекспира «Лукреция». Эта акцентировка отображает идею Возрождения о тесной связи жизни и смерти. Трансформация восприятия самоубийства и понятия добродетели (*virtu*) заставляет автора увидеть в мифе личную трагедию. Решение покончить с жизнью смещает акцент с первоначального восприятия Лукреции как объекта владения мужчины на ее попытку самой распорядиться своей судьбой. Мотивом самоубийства Лукреции является желание сохранить честь, чистоту души, доказать собственную невиновность и отомстить. Помимо этого, Шекспир говорит о добром имени не только Лукреции и ее мужа, но и детей, а также об обретении через смерть бессмертия и славы у будущих поколений. Следовательно, роль Лукреции как действующего лица повышается и, соответственно, самоубийство воспринимается как средство достижения цели.

Как и во множестве других произведений английских авторов Возрождения, эти ренессансные черты накладываются на средневековые и античные мотивы. Лукреция предстает перед читателем в качестве святой, а сама поэма приближается к жанрам жалобных поэм и жития святых. Возвращение к античной парадигме прослеживается в морали стоицизма, спасении чести как основном мотиве самоубийства. Античные мотивы доминируют в поэме и одерживают верх в разрешении конфликта. С точки зрения античного мировоззрения и эстетики самоубийство неизбежно и приветствуется, с точки зрения христианской морали – порицается. В повествовании Шекспира соприкасаются, примиряясь, обе идеи. Рассматривая проблему самоубийства в определенной жизненной ситуации, Шекспир открывает читателю несколько возможных интерпретаций и в зависимости от трактовки моделирует отношение к поступку Лукреции. Это наложение стоических, христианских, собственно ренессансных идей свойственно исключительно эпохе Возрождения.

То же самое происходит и с другими сюжетами, взятыми Шекспиром: мотив самоубийства в них, с одной стороны, предопределен источником, с другой стороны, получает ренессансную трактовку, т. е. дополнительные семантические и эмотивные смыслы, другую эстетическую нагрузку, иные функции в сюжете.

Мы приходим к выводам, что трактовка проблемы самоубийства в трагедиях, в первую очередь, зависит от ее типа. В римских пьесах самоубийство входит в саму текстуру произведения, а повторяемость этого поступка делает суицид одной из основных тем произведения. Самоубийство – финал и апогей развития событий. Суицидальные попытки всегда заканчиваются смертью, при этом превалирует античный образец правильной смерти с сохранением античной философской и эстетической составляющей. В пьесах христианского мировоззрения удельная составляющая самоубийства меньше,

фатальный исход реже, роль его, соответственно, уменьшается. Пьесы этого типа со временем начинают доминировать в творчестве драматурга. Но тема самоубийства трансформируется, приобретая различное звучание в разные периоды в зависимости от жанра произведения. Различия между римскими трагедиями и трагедиями христианского мировоззрения выявляют жанрообразующую функцию самоубийства.

Однако и внутри каждого типа можно различить движение от античного самоубийства к самоубийству Нового времени. Это читается на уровне мотивов, способов, эстетики, дидактики, ценностной системы. От «Лукреции» к «Юлию Цезарю» и затем «Антонию и Клеопатре» происходит постепенное замещение античного мировоззрения ренессансным, и самоубийство приобретает черты, несвойственные римским героям (отторжение римских ценностей; мотивы саморазрушения и посмертного обретения целостности, мотив хаоса). Что касается трагедий христианского мировоззрения, мы явственно слышим отголоски стоицизма и античного кодекса чести в «Гамлете» и наблюдаем своеобразный сплав всех концепций в «Короле Лире». Но в целом в обоих текстах поведение героев в ситуации самоубийства регламентируется церковными догмами, верой в бессмертие души, концепцией провиденциализма, невозможностью преодоления страха смерти и общественным порицанием самоубийства. Сомнения Гамлета перерастают в отказ Глостера. Отношение автора к самоубийству, таким образом, эволюционирует от одобрения и восхищения к неодобрению и осуждению самой идеи добровольного ухода из жизни параллельно уходу от восторженности по отношению к античности раннего Ренессанса, развитию кризиса Ренессанса, а с ним и пессимизма, возвращению к более строгим и традиционным религиозным установкам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шайтанов, И. О. Историческая поэтика: опыт реконструкции ненаписанного / И. О. Шайтанов. – *Вопр. лит.* – 2010. – № 3. – С. 141–181.
2. Неклюдов, С. Ю. Мотив и текст / С. Ю. Неклюдов // *Язык культуры: семантика и грамматика. К 80-летию со дня рождения академика Никиты Ильича Толстого (1923–1996)*; отв. ред. С. М. Толстая. – М.: Индрик, 2004. – С. 236–247.
3. Бахтин, М. М. Фольклорные основы раблезианского хронотопа / М. М. Бахтин // *Формы времени и хронотопа в романе: Очерки по исторической поэтике* / Собр. соч. М. М. Бахтина. – М.: Языки слав. культур: А. Кошелев, 2012. – С. 455–472.
4. Пинский, Л. Е. Шекспир: Основные начала драматургии / Л. Е. Пинский. – М.: Худ. лит., 1971. – 602 с.
5. Donaldson, I. The Rapes of Lucretia: A Myth and Its Transformations / I. Donaldson. – Oxford: Clarendon Press, 1982. – 203 p.
6. Бузина, Т. В. Жажда самообожения – сквозной сюжет Уильяма Шекспира / Т. В. Бузина // *Самообожение в европейской культуре*. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2011. – С. 125–231.
7. Livius, T. Ab urbe condita [Electronic resource] / T. Livius; ed. by R. S. Conway, Ch. F. Walters. – Oxford. Oxford University Press, 1914. – Book I. – Ch. 57–59. – Mode of access: <http://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=Perseus%3Atext%3A1999.02.0160%3Abook%3D1%3Achapter%3D58>. – Date of access: 12.09.2012.

8. Ovid. The. xv. Booke of P. Ouidius Naso, entytuled Metamorphosis, translated oute of Latin into English meeter, by Arthur Golding Gentleman [Electronic Resource] / Ovid. – London, by Willyam Seres, 1567. – Mode of access: [https://en.wikisource.org/wiki/Metamorphoses_\(tr._Golding\)](https://en.wikisource.org/wiki/Metamorphoses_(tr._Golding)). – Date of access: 15.08.2019.
9. *Августин Блаженный*. О Граде Божием / Августин Блаженный // Полн. собр. соч. : в 22 кн. / Августин Блаженный. – М. : Изд-во Спасо-Преображен. монастыря, 1994. – Т. 1. – 394 с.
10. Gower, J. Confessio Amantis / J. Gower ; ed. Russell A. Peck. – Medieval Academy Reprints for Teaching 9. – Toronto : University of Toronto Press, 1980. – 67 p.
11. Chaucer, J. Legend of Lucrece / J. Chaucer // The Complete Poetry and Prose / J. Chaucer ; ed. by J. H. Fisher. – NY, Chicago : Holt, Rinehart and Winston, 1977. – P. 648–651.
12. Painter, W. Sextus Tarquinius rauished Lucrece. And she bewayling the losse of her chastitie, killed her selfe. The Second Nouell [Electronic Resource] / W. Painter // The Palace of Pleasure : in 2 vol. ; editions of Painter and Haslewood, 1566. – Vol. 1. – Mode of access: http://www.gutenberg.org/files/20241/20241-h/files/volume1.html#novel1_2. – Date of access: 11.11.2019.
13. Shakespeare, W. Lucrece / W. Shakespeare ; ed. by F. T. Prince // The Arden Shakespeare Complete Works / W. Shakespeare ; ed. by R. Proudfoot, A. Thomson and D. S. Castan (2011). – The Arden Shakespeare. – Bloomsbury Arden Shakespeare, 2017. – P. 63–82.

Наталья Станиславовна Зелезинская

старший преподаватель кафедры теории и практики перевода
Белорусского государственного университета

Natalya S. Zelezinskaya

Senior Lecturer of the Department
of Translation Theory and Practices of Belarussian State University

Н. М. Зуева

Мінск, Беларусь

МАСТАЦКАЕ АСЭНСАВАННЕ НАЦЫЯНАЛЬНАГА МЕНТАЛІТЭТУ Ў «ТВОРАХ З-ЗА КРАТ» ЛУКАША КАЛЮГІ

У артыкуле аналізуюцца мастацкія асаблівасці «Твораў з-за крат» Лукаша Калюгі (1909–1937), якія напісаны ім падчас ссылкі і ўтрымліваюць багаты матэрыял для вывучэння спецыфікі нацыянальнага менталітэту беларусаў. Акцэнтуюцца ўвага на нацыянальнай культуры, фальклору, што з’яўляецца духоўным багаццем і мае асаблівае значэнне для літаратуразнаўчай навукі пры вывучэнні паняцця *менталітэт*.

К л ю ч а в ы я с л о в ы : *беларуская літаратура; апавяданне; нацыянальная культура; фальклор; беларускі менталітэт; менталітэт; Лукаш Калюга.*

N. N. Zuyeva

Minsk, Republic of Belarus

THE ARTISTIC AWARENESS OF THE NATIONAL MENTALITY IN “THE WORKS FROM BEHIND BARS” BY LUKAS KALYUGA

The article analyzes the artistic features of “The works from behind bars” by Lukasz Kalyuga (1909–1937), which were written by him during his exile and contain rich material for studying

the specifics of the national mentality of Belarusians. The research focuses on the national culture, folklore, which is the national wealth and is of particular importance for literary science in the study of the concept of “mentality”.

Key words: Belarusian literature; narrative; national culture; folklore; Belarusian mentality; mentality; Lukash Kalyuga.

Мастацкія творы беларускага празаіка Лукаша Калюгі (Канстанціна Пятровіча Вашыны, 1909–1937) з’яўляюцца ўдалым матэрыялам для вывучэння адметнасці нацыянальнага менталітэту. У іх пісьменніцкая ўвага засяроджана на традыцыйнай культуры, побыце, асаблівасцях светаразумення, псіхалогіі беларусаў. Зварот да лагернай прозы Лукаша Калюгі дазволіць больш поўна ўявіць рэчаіснасць 30-х гадоў XX ст., жыццё беларускай вёскі, яе насельнікаў, адметнасць характараў, стасункі, маральныя і этычныя прынцыпы, традыцыі, што з’яўляецца важным пры вывучэнні нацыянальнага менталітэту.

30-я гады XX стагоддзя – жахлівы час для творчай інтэлігенцыі. У 1933 годзе пачаліся рэпрэсіі і расстрэлы, гэта не абмінула і Лукаша Калюгу. Немагчыма не ўзгадаць словы Франца Гінгаўта, сябра і аднакурсніка Лукаша Калюгі, які казаў, што той разам з блізкім сябрам Сяргеем Астрэйкам нагадвалі яму «знічкі, што ярка ўспыхнулі на літаратурным небасхіле і раптоўна патухлі, аднак заслужылі павагу нашчадкаў» [1, с. 599]. Пісьменнік адбываў пакаранне на спецпасяленні ў Ірбіце Свядлоўскай вобласці. Менавіта ў творах, напісаных падчас ссылак, найбольш выразна адчуваецца туга творцы па айчыне, прысутнічае настальгічны настрой, яскрава дэманструецца адметнасць этыкі міжасабовых адносінаў, агульнага ладу жыцця, беларускай культуры. Напэўна, такая скандэнсаванасць нацыянальнага ў творах той пары тлумачыцца невымоўным жаданнем выказаць уласныя пачуцці любові і тугі па малой радзіме. Падчас знаходжання ў выгнанні Калюга хацеў паспець як мага хутчэй занатаваць успаміны аб ёй.

Аналіз літаратуразнаўчых прац паказаў, што навукоўцы звярталіся да выяўлення нацыянальнага ў творах празаіка, аднак аксіялагічнае пытанне нацыянальнага менталітэту вызначана недастаткова. Зразумела, што змены ў грамадстве, у менталітэце народа, якія былі звязаны з рэвалюцыяй, зрабілі значны ўплыў на беларускую літаратуру 1920–1930-х гадоў. Якраз ў гэты перыяд творчасць Лукаша Калюгі, яго аўтарскі стыль, уменне будаваць сюжэт, разбірацца ў псіхалогіі людзей, ствараць самабытныя вобразы-тыпы і ўвогуле яго апавядальная культура набіралі сваю поўную моц.

Паняцце *менталітэт* у сённяшняй культуралагічнай прасторы з’яўляецца прадметам міждысцыплінарнага вывучэння сацыяльна-гуманітарных навук. Актуальныя праблемы сучаснасці патрабуюць асаблівага тэарэтыка-метадалагічнага асэнсавання, змястоўнага напаўнення і карэктнага выкарыстання паняцця *менталітэт*. Вывучэнне тэарэтычнага аспекта дапамагло выявіць, што *менталітэт* трэба разумець як своеасаблівы спосаб мыслення, склад розуму асобнага чалавека або супольнасці людзей. У культуралогіі прынята лічыць, што менталітэт беларусаў фарміраваўся на працягу многіх стагоддзяў і набываў свае тыповыя рысы ў абставінах грамадскага і куль-

турна-духоўнага жыцця. Высновы культуралагаў з'яўляюцца падставай для аналізу твораў Лукаша Калюгі, для якіх, па ўспамінах Ф. Гінгаўта, «Сюжэты Л. Калюга чэрпаў з жыцця сялянства, многа чаго прыдбаў са сваёй вёскі Скварцы, якую ён у творах называе Баркаўцамі» [1, с. 604–605].

Так, у самым пачатку няскончанага твора «Утрапенне» Лукаш Калюга перадае характэрнае роднай старонкі: *Ды не палянуўся згадаць, якая маладзюсенькая трава пасля зімы. Ды на яе нават глянуць – мякка* [Там жа, с. 505]. Любоў і смутак па роднай старонцы аўтар рэпрэзентуе праз апісанні беларускіх вёсчак у рамане «Пустадомкі». Толькі ў выгнанні так па-мастацку дасканалы, не шкадуючы выяўленчых сродкаў, паказваецца іх характэрнае: *Спрадвечныя крывічанскія вёскі – тыя ўсё каля рэчак, як статак у гарачыню. Сціснуцца яны, горш за тыя палахлівыя авечкі, – страху пры страсе. Абляпілі рэчкі, як мухі мёд. А выйдзі на загуменне... куды ні зірні, лесам край неба аблемаваны* [Там жа, с. 408]. Менавіта праз падобныя замалёўкі перадаюцца цёплыя пачуцці лірычнага героя да свайго краю, да зямлі-карміцелькі. Як вядома, адной з найбольш выразных рыс беларускага нацыянальнага характару з'яўляліся паважлівыя адносіны да зямлі і працы. Стаўленне нашых продкаў да зямлі, якая корміць і дае жыццё, было ледзьве не містычным. Адвечная мара беларуса пра ўласную зямлю, трапяткія адносіны да яе зафіксаваны ў шэрагу мастацкіх твораў, найперш у паэме «Новая зямля» Якуба Коласа і рамане «Бацькаўшчына» Кузьмы Чорнага. Па сутнасці, у землеўладальніцкай працы на працягу доўгага гістарычнага шляху селянін-беларус галоўным чынам выяўляў свае творчыя мажлівасці, «менавіта ў ёй сцвярджаў сваю стваральную сутнасць» [Там жа, с. 48]. У другой частцы твора «Утрапенне», якая называецца «Наддаткі», раскажваецца пра былыя панскія надзелы зямлі: «як толькі скасавалі прыгон, тыя «наддаткі» адышлі пану, і ён іх не адно баронамі, а й драбачкамі ды талеркамі драў [Там жа, с. 508]. А цяпер ужо гэтая зямля стала агульная, таму старанныя вясцоўцы рупліва за ёй даглядалі, апрацоўвалі: *Усё даступна было. Кожны браў тады, што паўздужаць мог. Сталыя ў сваім розуме людзі на цацкі не гналіся. Наўзахваткі, адзін перад адным на зіму заблілі далідаўцы тыя Наддаткі. Восень трапілася працавітая, потная* [Там жа, с. 509]. Не выключэннем з'явілася і сям'я Боханаў, якая рупілася на будучыню, старанна працавала на свае патрэбы: *Юстын Бохан разам з усімі ад цямна поркаўся з плугам на Наддатках, каб налета ярыны якое пасеяць: хоць бы й таго самага ячменю, якога не вельмі густавалі ў Боханавых сям'і* [Там жа]. Дарэчы, Лукашу Калюгу не патрэбна было прыдумваць вобразы герояў – яны існавалі ў рэальным жыцці, у яго роднай вёсцы Скварцы на Дзяржыншчыне. Так, яго сябар Ф. Гінгаўт часам ўспамінаў: *Мне некалькі разоў давялося гасцяваць у Кастуся на вёсцы і нават спатыкацца там з прататыпамі некаторых герояў яго твораў* [Там жа, с. 604–605]. Гэта з'яўляецца цудоўнай падставай для выяўлення беларускага менталітэту на прыкладзе мастацкіх твораў Лукаша Калюгі. Па меркаванні Г. П. Арловай, сямейны дабрабыт залежыў ад умення працаваць. Таму вельмі важна было выходзіць дзіцяці ў працы, такім чынам «яно

засвойвала маральны кодэкс працоўнага народа, характэрныя якасці: працавітасць, ашчаднасць, паважлівае стаўленне людзей да працы, да хлеба, уменне пераадолюваць цяжкасці» [2, с. 23]. Напрыклад, хлопчыкі з ранняга дзяцінства былі памочнікамі мужчын, а з 12 гадоў ўдзельнічалі ў сельскагаспадарчай працы: «ён [хлопчык] зграбае сена, барануе, з 15 гадоў бярэцца за цэп, касу, а яшчэ гады праз два і за саху, так што к 20 гадам ён ужо хлебароб, які прайшоў усе акадэмічныя курсы сялянскай гаспадаркі» [Там жа, с. 17]. Так, напрыклад, у тэксце «Утрапення» ў трэцяй частцы «Ячнае – нясмачнае» падаецца гісторыя Зэнкі, сына Юстына Бохана, які не любіў пару жатвы ячменю: *Ячменю работнік не любіць: і жаць яго нягодна – шындрэлы ды асот рукі колюць, і ў старану складаць – тое самае, ад ася рады няма: і ў цела і ў адзежу – стрэмак панаганяеш. Зэнка Бохан з самага малку ячмень неўзлюбіў. Нават у місцы* [1, с. 511]. Для беларусаў існавала строгае размеркаванне працоўных абавязкаў сямейнікаў, традыцыя ўліку індывідуальных і ўзроставых асаблівасцей. Збіранне каласкоў давяралі менавіта падлеткам, гэтая праца лічылася няцяжкай, *каб касіць ці хоць бы той самы ячмень вязаць – гэта б яшчэ ахватней было, гэта сталых работа. А то каласкі збіраць! – як дзіцяці ўсё роўна* [Там жа].

Найбольш цэласным у плане сюжэтнай будовы твор, напісаны Калюгам за кратамі, – раман «Пустадомкі». Гэты твор ўдалося адшукаць Яўгену Лецку і апублікаваць у часопісе «Полымя» № 8 у 1990 годзе. Раман расказвае пра жыццё гарадскога студэнцтва, інтэлігентаў-мастакоў напачатку 1930 гадоў. Назва рамана «Пустадомкі» сімвалічная, яна мае вузкі сэнс. «Пустадомкамі» адчуваюць сябе ў горадзе інтэлігенты, якія выйшлі з сялян. Так, Марка, прачытаўшы братні ліст, у якім той называе падобных сабе «пустадомкамі», быў такой думкі, *што гэта адно яны там, у гарадох, пустадомкамі парабіліся. А тут (не адно ў Шылавіч, але і ў вакулічнасці) яшчэ такія даматуры, што проша прыехаць паглядзець!...* [Там жа, с. 451].

Цэнтральнымі праблемамі ў рамане з’яўляюцца характар і абставіны, прыстасавальніцтва і бескампраміснасць, знішчэнне чалавека-гаспадара. Маральная немажоннасць калюгавага інтэлігента выяўляецца ў драматычных абставінах. У рамане «Пустадомкі» яскрава паказаны сыны Чугаеўскіх: Марка і Даніла. Першы застаўся пры бацьках на гаспадарцы, а другі – ужо каторы год жыве ў Мінску. Для абодвух сыноў выпрабаваннем на чалавечнасць з’яўляецца іх нечаканая высылка як кулакоў. Адзін з іх, Марка, паспяхова спраўляецца з гэтым выпрабаваннем, не аддзяляецца ад маці, а наадварот падтрымлівае, як можа: *Але быў пры ёй Марка – неадступны сын. <...> У горы пазнаюцца лепшыя й горшыя дзеці. Марка ні на хвілінку не адступаўся ад мацеры* [Там жа, с. 453]. Брат Даніла, *каменнае яго сэрца!* [Там жа, с. 454], не вытрымлівае экзамен, у той жа дзень уцякае першым цягніком, ратуе сябе. Пераможаным выходзіць з гэтай жорсткай праверкі і паэт Арсень Пакумейка, які паступова становіцца прыстасаванцам. У творы балюча і крыўдліва гучала туга па незваротнасці пройдзеных дзён, калі адышлі ў нябыт многія народныя святы і звычаі. Гэта, напрыклад, бачна, калі

Даніла Невядомскі дасылае ліст брату Марку Чугуеўскаму: *Любы браце! Ты заўважыў, што людзі кручаных дзён сіверынаю чуваць? Як бы ў чыстым полі, дзе адно дзікае лінялае неба было тупа звісшы, раслі й гадаваліся яны* [1, с. 422]. Задума ж у рамане значная, бо Калюга адным з першых пачаў пісаць пра непрыкаянасць чалавека, які нарадзіўся і вырас ў вёсцы, а жыве ў чужым горадзе: *Данілу дома чэрствы зрабіўся бацькаў хлеб – ён звалокся на свет шукаць крошак. І здавалася: чаго хацець?! – тымі крошкамі сыт быў Невядомчык. От толькі... каторы год, як у горадзе жыве, і ўсё няма тут нядзелі. Бокам абышлі й памінулі ягонае жыццё святочныя дні. Для Данілы марна і ў тых нават гады падзяліўся каляндар на чорныя й чырвоныя лісты* [Там жа, с. 413]. Нездарма Даніла Невядомскі скардзіцца Марку на свой лёс: *Як пустадомкі туляемся каля чужых халодных вугоў. Ды калі й свой па ордэры завядзецца, у ім, не сагрэтым пакаленнямі, пуста і няўтульна, як у ваўкаўні* [Там жа, с. 422]. У процівагу праблеме «пустадомкавасці», адыходу ў незваротнае нацыянальных традыцый, у калюгавым творы шмат народнаўчага матэрыялу, якім ён шчодро аздабляе свой мастацкі тэкст. Так, ужо ў якасці эпілога аўтарам узятая народная вясельная песня: *А ў нядзелю ды ранюсенька / Сіне мора калыхалася – / Сонейка купалася. / Купаючыся, ды затонула. / Там дзяўчынка ды воду брала – / Сонейка ратавала, / Ратуючы, ды сама ўпала. / – А мамачка, ды ратуй мяне / З глыбокага мора – / З вялікага гора* [Там жа, с. 404]. Калюга з вялікім майстэрствам дэманстраваў у сваім рамане ўсю разнастайнасць беларускіх народных свят і абрадаў. Так, ім апісаны традыцыйнае святкаванне Вялікадня ў вёсцы, адлюстраваны царкоўны абрад асвятчэння ежы: *Як выйшаў на дзядзінец з царквы поп з крапідлам ды развязаў Чугаеўчык сваё пасвянцаць...* [Там жа, с. 407].

У творы прыводзяцца яркія прыклады традыцыйнага абрада валачобнікаў: *«А з нядзелі ды на панядзелак», як у іх таеіх песні пыецца, хадзілі валачобнікі* [Там жа, с. 407]. Згадваюцца народныя песні, якія пелі валачобнікі: *– Адчыні акенца – паглядзі ў гуменца. / Ды твае двары тынам атынёны, / Тынам атынёны, садам асаджоны...* [Там жа, с. 408], або *Вобад вісіць – калясо будзе... / Пазаві ў хату – харашо будзе* [Там жа, с. 409], пасля чаго гаспадарлівы чалавек павінен быў запрасіць у хату і пачаставаць асвенчанай ежай: *Гарнец гарэлкі – то для пасядзенкі. / Сыр на талерку – закусіць гарэлку. / Парасё з хвастом ды цягні на стол, / Сем пар кілбас, дык і будзе з нас* [Там жа, с. 409]. Таксама даволі ярка і падрабязна апісваюцца зажынкi і дажынкi, згуртаваная праца жней, прыводзяцца ў якасці узору іх прыгожыя песні. Напрыклад, *«А ў нас сягоння ды зажон, зажон» – загаласіла аднаго разу надвечар шырокае поле* [Там жа, с. 423] або так хлусілі потым жнеі, зацемна дадому вярнуўшыся, калі хваліліся гаспадару: *Змялі поле мяцёлкамі – / Прыйшлі дамоў з вясёлкаю, – бо не чыста на полі пасля іх стала, а пакінулі пры мяжы з тым заломам невялічкую лапіну* [Там жа, с. 447–448]. Згадваецца старадаўні беларускі звычай, калі дадому прыносілі першую перавязаную жычкаю жменьку збжыны [Там жа, с. 423] і ставілі на куце пад абразамі, і ад тых дат і пачаў хрумстаць серп на

палетку <...> [1, с. 423]. Здаецца, што з-за недахопу часу Лукаш Калюга спяшаўся пакінуць памяць пра здабыткі беларускай культуры, народныя традыцыі для наступнага пакалення. Таму далей у тэксце твора ён толькі пералічвае святы: *Там, на Вялікадні, як усеюцца і да касавіцы шмат будзе прыдатных свят: ушэсце, тройца, сёмуха, дзевятнік, дзесятуха...* [Там жа, с. 441]. Пісьменнік выдатна паказаў адносіны людзей да Бога і веру ў яго. Напрыклад, у гэта свята беларусы не дазвалялі сабе сварыцца: *...нашурмаваў бы Марка, дадому вярнуўшыся. Але гэты раз абышлося ціха, ды як ты будзеш распачынаць сварку ў такое вялікае свята – Вялікдзень, ды яшчэ на першы дзень!* [Там жа, с. 407]. У рамане «Пустадомкі» Лукаш Калюга рознабакова цэласна ахарактарызаваў свайго сучасніка-беларуса, у апісанні якога дамінавалі такія традыцыйныя рысы характару, як, напрыклад, вера ў накінаванае: *Але такі ўжо Невядомскіх лёс <...> паленаваўся паглядзець перад гэтым у сваю чорную кнігу, што ў ягоным лёсе напісана на гэтакі выпадак* [Там жа, с. 448]; гаспадарлівасць і шчодрасць: *Каго маці калі-небудзь збірала ў дарогу, парушэце прыемны ўспамін: <...> Скупасць не скаланула Пакумейчышынай рукі, калі яна спакавала Арсеню ў невялічкі куфэрак два сушаныя сыры, вантрабяную шкільёнду й танчэйшых вэнджаных кілбас дзве пары, ды да ўсяго гэтага сала сырога й абгатаванага на велікаватым куску. Не век жа людзі шылам елі пайкаваны хлеб!* [Там жа, с. 427]; міласэрнасць: *– Шчаслівае дарогі, – ласкавым словам выправіла іх з двара <...> Ну чым вам не родная маці?!* [Там жа, с. 428]. Бачыцца спроба маладога пражаніка разабрацца ў гендарнай псіхалогіі беларусаў той пары. Менавіта лінія кахання паміж галоўнымі героямі рамана – Маркам і Стэфкай – даюць уяўленне пра тое, што людзі адмоўна ставіліся да пазашлюбных сувязей, цнатлівасць заўсёды была ў пашане: *...абедзвюма рукамі каля плечукоў Стэфку [Марка] ашчарэніў, прыхінуў да падушак. Тое самае прычынілася і здарылася гэта раз шмат такога, чаго доўга трэ было чакаць, каб яно само прыйшло натуральна й паступова»* [Там жа, с. 439]. Вельмі паказальна ў рамане выяўляецца неабякавасць герояў да чужога меркавання, яны баяцца, *каб потым людзі пальцам паказвалі* [Там жа, с. 439]. У тэкście згадваецца дасціпны народны гумар: *...як бы ні было крута, хай сабе горкі, але ўсё ж з нашым народам застаецца гумар* [Там жа, с. 454].

Змены, што адбываліся ў грамадстве, не перашкаджалі героям калюгавых твораў, а значыць і іх прататыпам – беларусам, верыць у сілы прыроды, народныя прыкметы: *Назаўтрае, на другі дзень Вялікадня, першы раз людзі пачулі зязюльку. <...> Ды нешта кукавала не вельмі: акажацца разоў колькі ды й сціхне* [Там жа, с. 411] або *<...> каб каласкі былі ў зямлю паўтыканы, то гэта было б на смерць, ато яны былі адно абломаны – на галодны год ды на ліхія пакуты, значыць. Стэфка паклікала жней да свае постаці на параду. Але знаўцу на гэтай часці сярод іх не знайшлося* [Там жа, с. 447]. Менавіта актуалізацыя нацыянальнага ў рамане Калюгі дае адчуць «пустадомкавасць» больш зразумела як атруту, што была прынесена часам.

Зварот да нацыянальнай літаратуры неабходны ў асэнсаванні самасвядомасці і ідэнтычнасці сярод іншых народаў свету, бо ў ёй выяўляюцца асноўныя маральныя прынцыпы і эстэтычныя каштоўнасці продкаў, духоўная і матэрыяльная культура народа.

Пісьменніцкая ўнутраная жыццёвая напоўненасць, запас уражанняў і назіранняў, мастацкае адкрыццё пэўных жыццёвых пластоў – усё гэта дапамагала ў стварэнні самабытных характараў. Няма сумневу, што творы Лукаша Калюгі, напісаныя ў няволі, з’яўляюцца каштоўнай крыніцай для вывучэння нацыянальнай ідэнтычнасці беларусаў.

Такім чынам, спецыфіка выяўлення беларускага менталітэту праяўляецца ў наступным: знітаванасць з зямлёй-карміцелькай, прыродай, павага да працы, цяжкасць, якая мяжуе са смуткам і думкамі аб лепшай долі, і г. д. – своеасабліва трансфармавалася ў творчасці празаіка. Калюгавы творы не проста інфармуюць пра вызначальныя асаблівасці нацыянальнага менталітэту, але і дэманструюць жыццё беларусаў пэўнай эпохі. Дзякуючы прыёмам псіхалагізацыі рэпрэзентуюцца нацыянальна-своеасаблівыя рысы, характэрныя для беларускага народа. Праз выяўленне нацыянальнага менталітэту ў творах пісьменніка магчыма істотнае пашырэнне навуковых ўяўленняў аб беларусах першай трэці XX стагоддзя.

ЛІТАРАТУРА

1. *Калюга, Л.* Творы : раман, апавесці, апавяданні, лісты / Л. Калюга ; уклад., прадм. Я. Р. Лецкі. – Мінск : Мастац. літ., 1992. – 607 с.
2. *Арлова, Г. П.* Беларуская народная педагогіка / Г. П. Арлова. – Мінск : Нар. асвета, 1993. – 120 с.

Надежда Николаевна Зуева

магистр филологических наук,
исследователь в области филологических наук,
РИУ Издательский Дом «Звезда», литературный редактор

Nadezhda Zueva

Master of Philology, Researcher in the Field of Philological Sciences,
Literary Editor of EPE Publishing House «Zvyazda»

Е. В. Зуевская
Минск, Беларусь

СПЕЦИФИКА ВЫРАЖЕНИЯ ПРЕДПОЛОЖЕНИЯ В РУССКОМ И НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ И ВОЗНИКАЮЩИЕ СЛОЖНОСТИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ

Репертуар средств выражения предположения в немецком языке очень богат и охватывает языковые средства, относящиеся к различным уровням: лексические, морфологические и синтаксические. Предположение в русском языке, напротив, выражается, в основном,

средствами лексического уровня. Такая языковая асимметрия представляет особые сложности при переводе и требует учета степени уверенности адресата для сохранения иллокутивной силы высказывания.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *предположение; модальность; лексические средства; грамматические средства; синтаксические средства; градация; степень уверенности; перевод.*

E. V. Zuevskaya

Minsk, Belarus

SPECIFICITY OF THE EXPRESSION OF SUPPOSITION IN RUSSIAN AND GERMAN AND THE DIFFICULTIES ENCOUNTERED IN THE TRANSLATION

The repertoire of the means of expressing supposition in the German language is very rich and covers language means of different levels: lexical, morphological and syntactic. The supposition in the Russian language, on the contrary, is expressed mainly by means of the lexical level. Such language asymmetry causes particular difficulties in translation and requires consideration of the degree of confidence of the addressee in order to maintain the illocutionary power of the statement.

Key words: *supposition; modality; lexical means; grammatical means; syntactical means; gradation; level of confidence; translation.*

Модальность принадлежит к числу основных категорий естественного языка. Так, в ЛЭС модальность определяется как «функционально-семантическая категория, выражающая разные виды отношения высказывания к действительности, а также разные виды квалификации сообщаемого» [1, с. 303]. Предпринимаются различные попытки дифференциации этой категории, например, в грамматической литературе традиционно проводится разграничение двух видов модальности – модальности *объективной* и модальности *субъективной*. Под объективной модальностью обычно понимается модальность отношения высказывания к действительности в плане его реальности / нереальности. Субъективная модальность понимается как субъективная оценка, отношение говорящего к сообщаемому в высказывании, что является его факультативным признаком. Несмотря на споры относительно некорректности этих терминов (см. работы Т. В. Бульгиной, А. Д. Шмелева, С. С. Ваулиной, Л. С. Ермолаевой [2; 3; 4]), данная дихотомия представляется достаточной и удовлетворяет задачам дальнейшего анализа. При этом следует разграничивать модальность и эмоциональность, на что указывают многие лингвисты (В. З. Панфилов, Н. Ф. Скутельник, Г. Хельбиг, Й. Буша [5; 6; 7]), т. к. значение субъективной модальности может сопровождаться различными экспрессивно-эмоциональными оттенками (например, ироническим) и различными эмоциями (гнев, радость, страх и т. п.).

Различие субъективной и объективной модальности проявляется и в формальной организации высказывания. В то время как главным средством оформления объективной модальности служит в большинстве языков кате-

гория наклонения глагола, находящаяся в центре поля объективной модальности, к средствам выражения субъективной модальности относится целый ряд разноуровневых средств языка без ярко выраженной доминанты. Так, в немецком языке субъективная модальность предположения может выражаться средствами различных уровней.

На лексическом уровне модальность предположения выражают модальные слова, например: *Wahrscheinlich hat der Zug eine Stunde Verspätung* 'Поезд, вероятно, опаздывает на час' / *Vermutlich hat es unterwegs eine Panne gegeben* 'Наверное, в пути произошла авария' / *Sie hat wohl das Auto verkauft* 'Она, возможно, продала машину' и глаголы с модальной семантикой (*vermuten, annehmen, zweifeln, glauben, scheinen, denken* и т. д.), например: *Ich vermute (glaube, meine), dass das Mädchen krank ist* 'Я предполагаю (думаю, считаю), что девушка больна' / *Es scheint, dass das Mädchen krank ist* 'Кажется, девушка больна'.

На морфологическом уровне модальность предположения выражают формы футурум I (*Er wird jetzt im Büro sein* 'Он, вероятно, сейчас в офисе') и футурум II (*Er wird im Büro gewesen sein* 'Он, вероятно, был в офисе'). Также предположение на морфологическом уровне может выражать презенс конъюнктив, а именно один из его видов – презенс допущения (*ABC sei ein gleichschenkliges Dreieck* 'Допустим, что ABC – равнобедренный треугольник'), совмещающий предположение с побуждением.

На синтаксическом уровне предположение выражают модальные глаголы *müssen, sollen, dürfen, können, mögen, wollen*, утрачивая при этом собственное лексическое значение, например: *Er kann auch Schriftsteller sein* 'Возможно, он писатель'. *Das dürfte einfach gewesen sein* 'Это, вероятно, было легко'. *Er könnte hier gewesen sein* 'Возможно, он был здесь'. Также к синтаксическим средствам выражения предположения относятся конструкции глаголов модальной семантики *glauben, scheinen* с *zu + Infinitiv*, например: *Das Mädchen scheint krank zu sein* 'Девушка, кажется, больна'.

Средства выражения модальности предположения в русском языке представлены гораздо меньшим набором языковых средств и ограничиваются лексическими средствами: модальными словами (*вероятно, наверное, возможно, пожалуй* и др.), существительными и глаголами с семантикой предположения (*предположение, предполагать, сомнение, сомневаться* и т. п.). При этом модальные слова чаще всего употребляются в русском языке в качестве вводных слов в предложении и выделяются запятыми на письме.

Однако даже модальные слова, присутствующие как в немецком, так и в русском языке, обладают своей спецификой. В частности, онлайн-словарь Duden дает следующие дефиниции модального слова *vielleicht*:

1) «relativiert die Gewissheit einer Aussage, gibt an, dass etwas ungewiss ist; möglicherweise, unter Umständen» 'релятивизирует уверенность в утверждении, указывает на то, что что-то является неопределенным; возможным, при определенных обстоятельствах';

2) «relativiert die Genauigkeit der folgenden Maß- oder Mengenangabe; ungefähr, schätzungsweise» ‘релятивизирует точность следующего измерения или количества; примерно, по оценкам [8]’.

Аналогичную подробную дефиницию данного модального слова можно найти и в словаре DWDS: *vielleicht* «drückt eine unsichere Vermutung aus; gibt an, dass die Wahrscheinlichkeit des Ausgesagten zweifelhaft ist» ‘выражает неопределенное предположение; указывает на то, нечто вероятность сказанного сомнительна’ [9].

В то же время словари русского языка описывают модальные слова преимущественно за счет синонимичных модальных слов, выражающих различную степень уверенности, например:

Наверно / наверное:

- 1) «точно, определенно»;
- 2) «несомненно, обязательно, наверняка»;
- 3) «употребляется как вводное слово, соответствуя по значению словам: вероятно, по-видимому» [10].

Наверно / наверное:

- 1) «несомненно, верно, точно»;
- 2) «вероятно, по-видимому» [11].

Таким образом, обращение к лексикографическим источникам демонстрирует, что семантика модальных слов немецкого языка описана в них более узко дифференцированно, нежели их аналогов в русском языке.

Указанная несимметричность языковых систем русского и немецкого языков, бóльшая дифференцированность средств в немецком языке свидетельствуют о разном отражении категории предположения в картине мира носителей русского и немецкого языков, что обуславливает определенные сложности, возникающие при переводе. Так, как показывает анализ параллельных корпусов, одно и то же модальное слово, один и тот же модальный глагол немецкого языка может переводиться по-разному независимо от контекста, а разные модальные слова, различные модальные глаголы могут передаваться одним и тем же эквивалентом в русском языке (табл. 1).

Т а б л и ц а 1

Передача модальных слов *vielleicht*, *wahrscheinlich* в русских переводах
(на материале параллельных корпусов НКРЯ)

Оригинальные контексты с модальными словами	Перевод микроконтекстов на русский язык
<i>Ich will noch einmal gewissenhaft die Chancen ausloten, die der Justiz vielleicht doch noch bleiben.</i>	<i>Я хочу повторно и добросовестно взвесить все шансы, которыми предположительно еще располагает юстиция.</i>
<i>Draußen spazierte immer noch die fette Amsel hoffnungsvoll hin und her, vielleicht war es aber auch eine andere.</i>	<i>За окном все так же, полный надежд, прогуливался жирный дрозд, но, возможно, это был уже другой.</i>

Spricht er vielleicht schon?	Может , он уже говорит?
„Gut“, sagte Nicola, „ich hätte das vielleicht nicht auf deine Tür schreiben sollen, Nino.“	– Ладно, – сказал Никола, – Я, пожалуй , не должен был писать такое на твоей двери.
Wahrscheinlich war es den Schallwellen verboten <i>hinüberzudringen</i> . Nur einige Vögel waren zu vernehmen.	Возможно , звуковым волнам просто запретили сюда вторгаться, слышны были лишь птичьи голоса.
Wahrscheinlich riecht ein Säugling nicht, dachte er, so wird das sein.	Вероятно , младенцы не пахнут, думал он, наверное, в этом дело.
Wahrscheinlich hast du irgend etwas aufgeschnappt bei Pelissier, hast was ausspioniert, wie?	Наверное , ты кое-что слямзил у Пелисье, подсмотрел что-нибудь, а?
Ach, das ist wahrscheinlich alles Unsinn, was ich rede!	Ах, это все чепуха, что я говорю!

Аналогична ситуация и с переводом русских модальных слов на немецкий язык (табл. 2).

Т а б л и ц а 2

Перевод русских модальных слов на немецкий язык
(на материале параллельных корпусов НКРЯ)

Оригинальные контексты с модальными словами	Перевод микроконтекстов на русский язык
Наш полковник говорил, что лучшие немцы в XX веке остались в земле... он прав, наверное ...	Sowieso sind die besten Deutschen des zwanzigsten Jahrhunderts im Feld geblieben, hat unser Oberst immer gesagt. Bestimmt hat er recht damit...
Так было, наверное , три дня.	So ging das wohl drei Tage.
А его, наверное , звали Игорь, и так я сейчас думаю.	Wahrscheinlich hieß er Igor, denke ich heute.
Серёжке ничего, а меня, наверное , выгонят.	Aber Serjosha – dem passiert nichts, mich wird man sicher von der Schule schmeißen.
Она спит, наверное ?	Sie schläft doch sicherlich .
Наверное , это кончилось бы плохо для Ильи.	Die Sache hätte ohne Zweifel für ihn ein schlechtes Ende genommen.
А вот что: если ты хочешь их видеть, они, наверное , нынче в Зоологическом саду от четырех до пяти.	Aber weißt du was? Wenn du die Schtscherbazkischen Damen sehen willst, die sind heute höchstwahrscheinlich von vier bis fünf im Zoologischen Garten.
Наверное , ничего.	Es wird gewiss nichts sein.

В связи с описанными сложностями представляется необходимым при переводе и обучении переводу проводить дифференциацию, анало-

гичную той, которая имеет место в немецком языке, и разграничивать степень вероятности наступления события / степень уверенности говорящего в его осуществлении, чтобы при переводе сохранить тот модальный оттенок, который заложен автором.

На этом этапе возникает необходимость упорядочения всего многообразия средств выражения предположения в немецком языке в соответствии с их модальным оттенком. Такие попытки предпринимались целым рядом лингвистов, однако единства мнений в этом ракурсе не наблюдается: модальная градация средств выражения предположения представлена в различных учебниках и статьях по-разному, что очевидно при сопоставлении значений конструкций с модальными глаголами (табл. 3).

Т а б л и ц а 3

Градация степени уверенности
в конструкциях с модальными глаголами

Автор	Модальные глаголы по степени убывания уверенности max min 				
Е. А. Крашенинникова, 1958	müssen	sollen	mögen	dürfen	können
Г. Грисбах, Д. Шульц, 1960	muss	–	kann	könnte dürfte	mag
К. Г. Крушельницкая, 1961	müssen	–	dürfen	können	mögen
Е. В. Гулыга, Е. И. Шендельс, 1969	müssen	–	dürfen / dürfte	–	mögen, können
В. Н. Бондаренко, 1977	müssen	sollen	dürfen / dürfte	mögen	können / könnte
Й. Буша, 1989	müssen	–	dürfen	mögen	können
Х. Бретшнейдер, 1984	muss müsste musste	–	dürfte / mag / möchte / kann / könnte		
К. Э. Зоммерфельдт, Т. Штарке, 1984	müssen	sollen	mögen können		dürfen
В. В. Дружинина, К. Келлер, 1986	müssen	–	dürfen	mögen können/könnte	–
М. Г. Арсеньева, 2002	müssen	–	dürfen	können	mögen

Схожим образом выглядит и распределение различных модальных слов по соответствующим степеням уверенности.

Представляется, что в данном вопросе целесообразно полагаться на чутье носителей языка при распознавании степени уверенности: задаваемая говорящим оценка предположения не входит в сам факт объективной действительности, она лишь свидетельствует о его субъективном подходе в осмыслении факта действительности. Данные, полученные от носителей

языка, на основе проведенного с их помощью исследования могут объективно отражать распределение разноуровневых средств по степеням уверенности.

Оптимальной является следующая четырехступенчатая шкала степеней уверенности, предложенная А. В. Сытько [12, л. 18], имеющая следующие уровни:

1) сомнение: недостаточное знание говорящего о возможной связи между составляющими пропозиции, т. е. большая неуверенность в существовании этой связи;

2) неуверенное предположение: большая степень незнания, равная вероятность его возможности и невозможности;

3) уверенное предположение: большая степень осведомленности. Говорящий оценивает событие как вполне вероятное, но полностью не исключает возникновения обстоятельств, препятствующих его реализации;

4) убежденность – крайняя степень предположения: говорящий абсолютно уверен в том, что сообщаемое соответствует действительности.

С опорой на данную шкалу с помощью 20 информантов-носителей немецкого языка была проанализирована степень категоричности отобранных высказываний. Для опроса информантов была разработана анкета с 50 примерами, содержащими различные средства выражения предположения.

В соответствии с результатами проведенного анкетирования информантов-носителей языка возможно предложить следующее распределение средств выражения субъективной модальности предположения по четырем уровням (табл. 4).

Т а б л и ц а 4

Градация разноуровневых средств выражения предположения
в немецком языке

Уровень	Сомнение	Неуверенное предположение	Уверенное предположение	Убежденность
Синтаксический	sollen / wollen + инфинитив I/II	mögen / können + инфинитив I/II	dürfen + инфинитив I/II	müssen + инфинитив I/II
Морфологический	футурум I / II			
Лексический	angeblich	wohl, vielleicht, möglicherweise, möglich, vermutlich, mutmaßlich	wahrscheinlich, höchstwahrscheinlich	zweifelloos, sicherlich, sicher, bestimmt, gewiss
	zweifeln, bestreiten	vermögen, annehmen, vermuten,	glauben, hoffen	behaupten

Таким образом, при переводе высказываний, выражающих предположение, переводчику следует уделять особое внимание такому их аспекту, как степень уверенности, пытаясь найти адекватный способ перевода, чтобы сохранить иллокутивную силу высказывания, на что имеет смысл обратить внимание при подготовке студентов переводческих специальностей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – 2-е изд., доп. – М. : Большая Рос. энцикл., 2002. – 709 с.
2. Булыгина, Т. В. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики) / Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев. – М. : «Школа Языка русской культуры», 1997. – 576 с.
3. Ваулина, Л. Н. Синтаксические конструкции, выражающие предположение (на материале современного немецкого языка) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Л. Н. Ваулина. – М., 1989. – 168 л.
4. Ермолаева, Л. С. Типология системы наклонений в современных германских языках / Л. С. Ермолаева // Вопр. языкозн. – 1977. – № 4. – С. 97–106.
5. Панфилов, В. З. Категория модальности и ее роль в конструировании структуры предложения и суждения / В. З. Панфилов // Вопр. языкозн. – 1977. – № 4. – С. 37–48.
6. Скутельник, Н. Ф. Модальные слова в текстовой реализации современного немецкого языка : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Н. Ф. Скутельник. – Минск, 1985. – 219 л.
7. Helbig, G. Deutsche Grammatik. Ein Handbuch für den Ausländerunterricht / G. Helbig, J. Buscha. – 12. unveränderte Aufl. – Leipzig : Verlag Enzyklopädie, 1989. – 737 S.
8. Duden online Wörterbuch der deutschen Sprache [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.duden.de>. – Дата доступа: 10.10.2019.
9. Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.dwds.de>. – Дата доступа: 10.10.2019.
10. Ефремова, Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный [Электронный ресурс] / Т. Е. Ефремова. – М. : Русский язык, 2000. – Режим доступа: <https://www.efremova.info>. – Дата доступа: 10.10.2019.
11. Словарь русского языка : в 4 т. [Электронный ресурс] / РАН, Ин-т лингвист. исследований ; под ред. А. П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – М. : Рус. яз. ; Полиграфресурсы, 1999. – Режим доступа: <https://www.efremova.info>. – Дата доступа: 10.10.2019.
12. Сытько, А. В. Модальность предположения в вопросительных высказываниях и средства ее выражения в немецком языке (на материале общих вопросов): дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / А. В. Сытько. – Минск, 2004. – 131 л.

Елена Викторовна Зуевская

кандидат филологических наук,
доцент кафедры теории и практики немецкого языка
Минского государственного лингвистического университета

Elena V. Zuevskaya

PhD, Associate Professor of the Theory and Practice
of the German Language at Minsk State Linguistic University

Л. Ф. Каравай
Минск, Беларусь

СТРУКТУРНО-ЯЗЫКОВАЯ СЛОЖНОСТЬ КОММУНИКАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ДЕЯТЕЛЕЙ

В статье рассматривается специфика речевого поведения немецких политиков Ангелы Меркель, Мартина Шульца и Кристиана Линднера, употребления ими особых языковых средств, определенных грамматических форм, которые позволяют политикам выделиться на общем фоне, четко обозначить свою позицию, а также вызвать симпатию у общества и заручиться большей поддержкой избирателей.

Ключевые слова: *политическая коммуникация; дискурс; типичные речевые действия; сослагательное наклонение; синтаксические структуры.*

L. F. Karavai

Minsk, Republic of Belarus

STRUCTURAL AND LINGUISTIC COMPLEXITY OF COMMUNICATION OF POLITICAL FIGURES

The article deals with the specifics of the speech behavior of German politicians Angela Merkel, Martin Schulz and Christian Lindner, their use of special linguistic means, certain grammatical forms that allow the politician to stand out from the General background, clearly indicate his position, as well as to arouse public sympathy and enlist more support from voters.

Key words: *political communication; discourse; typical speech actions; subjunctive mood; syntactic structures.*

Политика охватывает самые разные сферы деятельности, проникая во все области общественной жизни. В выступлениях в парламенте, вечерних ток-шоу, во время избирательной агитации или на международных переговорах язык и политика встречаются каждый день. С помощью языка политики и партии стараются привлечь как можно большее число сторонников в свои ряды и дискредитировать противников. Политические субъекты информируют общественность, анализируют, критикуют и оправдывают определенные политические действия. Используя то или иное языковое выражение, ту или иную грамматическую конструкцию, говорящий делает выбор в пользу одного из возможных способов обозначения соответствующего объекта либо ситуации [1, с. 116].

Политическая коммуникация представляет собой особый вид политических отношений, который способствует производству и распространению общественно-политических идей субъектами политики.

Фигура политика, а также его манеры и специфика речевого поведения занимают в политическом дискурсе важное место, поскольку политическая коммуникация прежде всего направлена на массового адресата, особенностью политического дискурса можно назвать деспециализацию политических терминов, что облегчает его интерпретацию и делает доступным практически для всех членов общества. Политический дискурс включает ораторские выступления, официальные тексты политической тематики, постановления, указы, законы, публицистические тексты.

Дать однозначное определение политическому дискурсу не представляется возможным ввиду того, что данный феномен встречается в обществе чаще, чем какой-либо другой вид дискурса. Это и совокупность всех речевых актов, используемых в политических дискуссиях, и правил публичной политики, освещенных традицией и проверенных опытом, и системообразующих признаков, таких, как цель общения, способ общения. Более того, помимо содержания текста, учитываются намерения автора, то, что подразумевалось,

но не было сказано. Например, Шейгал Елена Иосифовна указывает на то, что дискурс – это знаковое образование, имеющее 2 измерения: как реальное, так и виртуальное, где под реальным образованием понимается текст в конкретной ситуации общения, а под виртуальным вербальные и невербальные знаки, направленные на обслуживание сферы политической коммуникации, модели типичных речевых действий. В этом смысле дискурс понимается как поток речевого поведения, письменной фиксацией которого является текст [1, с. 134].

В своей работе под определением *политический дискурс* мы понимаем отражающее менталитет политических субъектов информационно-коммуникативное взаимодействие между индивидами, группами по поводу согласования политических идей, идеологий, принципов, оценок, мнений, а также специфический вид коммуникации, предполагающий движение от речевой общности участников политического и социального взаимодействия до конструктивного политического согласия в области социально значимых тем и способов разрешения существующих проблем на основе широкого, добровольного, свободного и аргументированного диалога.

Дискурсивная личность политика – это интерактивная личность, обладающая «коммуникативным паспортом», т. е. системой индивидуальных дискурсивных стратегий и тактик, когнитивных, семиотических, мотивационных предпочтений, сформировавшихся в процессах коммуникации и оставляющих свои следы в создаваемых текстах. Мы предполагаем, что это достигается за счет употребления особых языковых средств, определенных грамматических форм. Анализируя тексты речей, дебатов и интервью, можно выявить индивидуальные особенности политика, своеобразный почерк языковой личности.

Именно оригинальный почерк и способ выражения своей мысли позволяют политику выделиться на общем фоне, четко обозначить индивидуальную позицию, а также вызвать симпатию у общества и заручиться большей поддержкой избирателей. Использование особых языковых и грамматических форм и структур помогает политику в выстраивании стратегий и формировании речевых тактик.

В качестве **материала** исследования послужили по 5 интервью 5 ведущих политических фигур Германии: федерального канцлера Германии Ангелы Меркель, федерального президента Германии (2013–2017 – министр иностранных дел) Франка-Вальтера Штайнмайера, лидера Социал-демократической партии Германии (СДПГ) Марка Шюльца, лидера Свободной демократической партии (СвДП) Кристиана Линднера и министра экономики (с 2013 по 2018 год – глава ведомства федерального канцлера и федеральный министр по особым поручениям) Петера Альмайера, опубликованных в журналах «Spiegel», на официальных сайтах федерального президента, федерального канцлера Германии, лидера Свободной демократической партии, а также в электронных версиях авторитетных печатных СМИ, таких как «Focus Magazin», «Suddeutsche Zeitung», «Die Rheinische Post», «Die Tageszeitung»,

«Berliner Morgenpost», «Rhein-Neckar-Zeitung», «Frankfurter Allgemeine Zeitung», «Die Zeit», радиостанции «Deutschlandfunk» и телеканала «ZDF», а также на электронном ресурсе t-online.de в период с 2015 по 2019 год.

В ходе исследования мы выявили 440 предложений, которые были проанализированы по параметрам употребления сослагательного наклонения, особенностям фразеологии и своеобразию синтаксических структур. Наибольшее число форм сослагательного наклонения – 80 – нами было обнаружено в текстах лидера Свободной демократической партии (СвДП) **Кристиана Линднера** за 2017–2019 гг. [2]. Чаще всего он употреблял конъюнктив для выражения нереальной возможности (Irreale Möglichkeit) – 45 раз, потенциальной возможности (Potentielle Möglichkeit) – 25 раз, косвенной речи (Indirekte Rede) – 5 раз, собственного мнения (Meinung) – 2 раза, сравнения (Vergleich) – 1 раз, желания (Wunsch) – 1 раз. Что касается временных форм, то чаще других господином Линднером использовались плюсквамперфектные формы сослагательного наклонения – 42 раза, претеритальные формы – 21 раз, кондиционалис 1 – 14 раз. В глоссарии господина Линднера также встречаются оригинальные выражения, сравнения, ссылки на исторические события (табл. 1).

Т а б л и ц а 1

Лексические выражения, наиболее часто употребляемые
господином Кристианом Линднером в анализируемом материале

Выражения на немецком языке	Перевод на русский язык
<i>alle Probleme und Widersprüche mit Steuergeld zugeschüttet werden</i>	<i>все проблемы и противоречия решаются за счет средств налогоплательщиков (буквально «засыпаются деньгами налогоплательщиков»)</i>
<i>Ein Drittel der Protestwähler sind wie Flugsand bei jeder Wahl zwischen den Parteien hin und her geweht werden.</i>	<i>Одна треть избирателей, которые отдают свой голос за одну партию из ненависти к другой, словно мечущийся туда-сюда песок на каждых выборах.</i>
<i>aus dem Repertoire der Taschenspielertricks</i>	<i>из репертуара фокусников</i>
<i>politischer Hagelschauer</i>	<i>политический град</i>
<i>der Hut von Geßler</i>	<i>шляпа Геслера (отсылка к швейцарской «Балладе о Телле». Геслер был тираном, который заставлял поклоняться своей шляпе в знак покорности)</i>
<i>den Weg ebnen</i>	<i>расчистить путь</i>
<i>Das liegt mir im Blut.</i>	<i>Это у меня в крови.</i>
<i>vom Tisch sein müssen</i>	<i>окончательно решить</i>
<i>auf den Tisch kommen</i>	<i>вынести на обсуждение</i>
<i>das fünfte Rad am Wagen</i>	<i>быть пятой спицей в колеснице</i>
<i>im falschen Film sein</i>	<i>чувствовать себя не в своей тарелке, не на своем месте</i>
<i>Blauäugigkeit</i>	<i>наивность</i>

Из сложноподчиненных союзов Кристиан Линднер больше всего употребляет *dass* (что), *wenn* (если), *weil* (потому что).

Возможно, именно неповторимый стиль, смелость в высказываниях и харизма позволили Кристиану Линднеру провести реформы в своей партии, вернуть ее в Бундестаг и стать самым молодым главой СвДП за всю ее историю. В настоящее время Кристиан Линднер является одним из влиятельных игроков на политической арене Германии. В новой правительственной коалиции в ФРГ лидер Свободной демократической партии Германии (СвДП) Кристиан Линднер проявляет себя достаточно ярко: «Лучше не иметь никакого правительства, чем иметь неправильное», он последовательно приводит свои политические убеждения в жизнь.

По частотности употребления форм сослагательного наклонения (39 форм) федеральный канцлер Германии Ангела Меркель расположилась на 5 месте. Чаще всего госпожа Меркель употребляла конъюнктив для выражения потенциальной возможности (*Potentielle Möglichkeit*) – 15 раз и нереальной возможности (*Irreale Möglichkeit*) – 15 раз, а также косвенной речи (*Indirekte Rede*) – 7 раз и собственного мнения (*Meinung*) – 2 раза. Что касается временных форм, то чаще других госпожой Меркель использовались претеритальные формы сослагательного наклонения (*Präteritum Konjunktiv*) – 16 раз, плюсквамперфектные формы (*Plusquamperfekt*) – 11 раз, кондиционалис 1 (*Konditionalis I*) – 6 раз, формы презенса (*Präsens*) – 5 раз и перфекта (*Perfekt*) – 1 раз. Более того, нами было выявлено 9 форм сослагательного наклонения, содержащих модальные глаголы, а также 2 пассивных формы конъюнктива. (*Konjunktiv Passiv*) [3].

Следует отметить, что канцлер Германии очень редко употребляет формы сослагательного наклонения в своей речи. Для выражения тех же функций она предпочитает использовать формы изъявительного наклонения (*Indikativ*) и модальные глаголы либо косвенную речь для передачи мыслей ее собеседников и выражения собственных мыслей и планов на будущее.

Что касается синтаксических структур, то чаще всего в речи Ангелы Меркель использовались такие союзы, как *dass* (что), *wenn* (если), *damit* (чтобы).

Можно предположить, что более частое использование союза цели *damit* (чтобы) канцлером Германии Ангелой Меркель объясняется тем фактом, что она достаточно хорошо представляет цель своей деятельности и это четкое целеполагание помогает ей. Ангела Меркель – канцлер Германии, является одной из самых влиятельных женщин-политиков в мире. Ее значимость неоспорима: занимая высокий пост канцлера ФРГ, Меркель достигла огромного прогресса во внутренней и внешней политике Германии. За последние годы Ангела Меркель многократно становилась во главе рейтинга самых влиятельных женщин мира по версии американского финансово-экономического журнала *Forbes*, а ее фото всегда можно заметить на обложках главных мировых изданий.

Стоит обратить внимание на тот факт, что госпожа Меркель реже всех из исследуемых нами политиков использует модальные формы сослагательного наклонения.

На фоне других исследуемых нами политических деятелей Ангела Меркель выделяется предельно сдержанным стилем речи без частого употребления выразительных средств лексики и практически полным отсутствием проявления эмоциональности (табл. 2). Следует подчеркнуть, что рецептом успеха канцлера, прежде всего, является преобладание прагматизма над идеологией партии, а не харизма или ораторское искусство, как в случае с другими политиками. Тем не менее Ангела Меркель является первой женщиной-канцлером и занимает свою должность уже четвертый раз подряд. Она употребляет достаточно частотные фразеологизмы в понятном контексте.

Т а б л и ц а 2

Лексические выражения, наиболее часто употребляемые
госпожой Ангелой Меркель в анализируемом материале

Выражения на немецком языке	Перевод на русский язык
<i>ein dickes Brett bohren</i>	<i>решать сложную проблему</i>
<i>auf die Beine stellen</i>	<i>ставить на ноги</i>
<i>die Quadratur des Kreises</i>	«квадратура круга» – безнадежное, тщетное предприятие.
<i>etwas unter den Tisch kehren</i>	<i>утаивать, скрывать что-то</i>
<i>Interessenausgleich finden</i>	<i>найти компромисс, гармонизацию интересов</i>

Франк-Вальтер Штайнмайер по праву возглавляет рейтинг самых популярных политиков ФРГ. Его уважают все политики в независимости от принадлежности к определенной партии. Много в стиле его речи свидетельствует о дипломатическом прошлом. Как правило, он сдержан в высказываниях, хотя иногда может позволить себе весьма острые выражения. В интервью федерального президента часто можно встретить цитаты известных людей, фразы на латыни, а также выражения из мифов Древней Греции, что говорит о высоком уровне его эрудированности [4]. Господин Штайнмайер является ярким представителем немецкой дипломатии, и немалую роль в этом играет его осторожность в выборе выражений (табл. 3).

Лексические выражения, наиболее часто употребляемые господином Франком-Вальтером Штайнмайером в анализируемом материале

Выражения на немецком языке	Перевод на русский язык
<i>ohne Versteckspiel</i>	<i>без игры в прятки</i>
<i>das Fenster der Geschichte</i>	<i>окно истории</i>
<i>auf Eis legen</i>	<i>откладывать в долгий ящик</i>
<i>Kompromisse schließen</i>	<i>идти на компромисс</i>
<i>das Versäumnis</i>	<i>упущенная возможность</i>
<i>die ultima ratio</i>	<i>крайняя мера</i>
<i>die Erosion der Mittelschicht</i>	<i>эрозия среднего класса</i>
<i>die Debatte in Gang bringen</i>	<i>начать обсуждения</i>
<i>Glück versuchen</i>	<i>попытать счастья</i>
<i>unter den Tischen fallen</i>	<i>оставлять без внимания</i>
<i>die Wurzel des Übels</i>	<i>корень зла</i>
<i>der tote Punkt</i>	<i>мертвая точка</i>
<i>die Zäsur</i>	<i>важное событие</i>
<i>Sirenensänge</i>	<i>пение сирен</i>
<i>der Anker der Hoffnung</i>	<i>якорь надежды</i>
<i>das Mäandern</i>	<i>извилистый путь</i>
<i>vom Himmel fallen</i>	<i>упасть с неба</i>
<i>am Ball bleiben</i>	<i>настойчиво преследовать свою цель, удерживать инициативу в своих руках</i>
<i>sich heraushalten aus Dativ</i>	<i>держаться в стороне от чего-то</i>

В ходе исследования нами было выявлено, что язык политических деятелей характеризуется логичностью высказывания, относительной общностью синтаксической структуры, лаконичностью и умеренной экспрессивностью. В нем более, чем, например, в художественной литературе, распространено употребление сложносочиненных предложений, а в литературном языке, напротив, чаще используются более сложные структуры, совмещающие в себе как сложносочиненные, так и сложноподчиненные предложения и их различные комбинации.

Благодаря лаконичности и умеренной экспрессивности устанавливается контакт со слушателем и читателем и достигается непринужденное «общение».

ЛИТЕРАТУРА

1. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса / Е. И. Шейгал. – М. : Гнозис, 2004. – 326 с.
2. Dorer, C. Wir hätten unsere Wähler verraten / C. Dorer // Blick [Электронный ресурс]. – 2017. – Режим доступа: <https://www.blick.ch/news/politik/in-berlin-begrundet-christian-lindner-seine-absage-an-die-jamaika-koalition-das-grosse-interview-wir-haetten-unsere-waehler-verraten-id7678765.html>. – Дата доступа: 29.01.2018.

3. *Bauchmüller, M.* Globalisierung gerecht gestalten / M. Bauchmüller, N. Fried, S. Kornelius // Die Bundeskanzlerin [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.bundestkanzlerin.de/Content/DE/Interview/2015/05/2015-05-30-merkel-sz.html>. – Дата доступа: 17.04.2018.

4. *Braun, S.* Vor allem ein Satz des Anpackens / S. Braun, E. Roll // Die Bundeskanzlerin – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.bundestkanzlerin.de/Content/DE/Interview/2016/08/2016-08-31-merkel-sz.html>. – Дата доступа: 17.04.2018.

Лариса Федоровна Каравай

кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры
второго иностранного языка (немецкий)
Минского государственного лингвистического университета

Larysa F. Karavai

PhD, Associate Professor, Associate Professor
of the Practice of the German Language
at Minsk State Linguistic University

С. В. Кондракова

Минск, Беларусь

СПЕЦИФИКА ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИЧАСТНЫХ УНИВЕРБОВ (на материале современного немецкого языка)

В статье раскрывается сущность семантики причастных универбов, эквивалентных по своему содержанию целым предложениям. Особенности семантики композитных причастий обуславливают специфику их функционирования в художественных, газетных и научных текстах, где они служат для выполнения в различных прагмакоммуникативных заданиях.

Ключевые слова: *причастные универбы; семантика; прагматика; художественный текст; газетный текст; научный текст.*

S. V. Kondrakova

Minsk, Republic of Belarus

THE SPECIFIC OF THE FUNKTIONIONING OF COMPOSITE PARTICIPLES (on the Material of the Modern German)

The present article reveals the nature of the semantics of participial univerbes, equivalent in content to whole sentences. The peculiarities of the semantics of composite participles predetermine their specific functioning in the fictional, publicistic and scientific texts in which they perform various pragma-communicative tasks.

Key words: *participial univerbes; semantics; pragma-communicative task; fictional text; publicistic text; scientific text.*

Причастия-универбы, воплощающие транспозицию из синтаксического уровня в лексический, характеризуются в контекстах реализации смысловой емкостью, представляя собой эквиваленты целых предложений, семантическая структура которых в них имплицирована. Раскрытие глубинной семантики с использованием предикатно-аргументного подхода обеспечивает выявление семантико-синтаксических типов отношений между компонентами этих сложных словесных единиц и заключенного в них содержания.

На сегодня разработаны многочисленные наборы аргументов, но априори возможно принять за основу такой перечень, который вместил бы все характерные семантико-синтаксические роли. Он представляется в следующем виде: агентив – инициатор, производитель действия; субъектив – одушевленный носитель стательного и процессуального признака; бенефактив – участник, в пользу которого или в ущерб которому совершается действие; экспериенсив – одушевленный участник, воспринимающий совершаемое действие; элементив – неодушевленный производитель действия, неодушевленный субъект состояния; объектив – реальность или сущность, подвергающаяся воздействию; пациентив – одушевленный объект воздействия или отношения; фактитив – объективная сущность, становящаяся в результате действия психическим или физическим состоянием; инструментив – средство осуществления действия или процесса; каузатив – мотив, причинный фактор действия; локатив – место или направление действия; темпоратив – временной ориентир действия, процесса, состояния; компаратив – объект для сравнения; комплементив – квалификатор семантики предиката; финитив – целевой ориентир.

Сравнение модели композитного причастия со структурой исходного для него предложения позволяет выявить, какой из аргументов воплотился как актуальный признак наряду с глаголом в семантике универба. Вместе с тем в русле сравнения синтаксической и логико-семантической структур исходного предложения (высказывания) возможно выявление имплицированных значений как результата синтаксической и семантической компрессии.

В соответствии с прагматическими установками типов текстов и интенциями их авторов причастия-универбы реализуют обширный набор формально-структурных и семантических признаков, формируя актуальные звенья смыслового содержания с их максимальной значимостью для прагматики.

Главным номинативным поводом для появления обсуждаемого типа причастных слов в художественных текстах является формирование метасодержания через единицы с насыщенной семантической информацией, обогащаемой в контексте образностью и экспрессивностью. Это явно проступает даже в примерах, взятых изолированно от контекстов: *zähneklappernder Tag, dunstgeschwängerte Stadt, blumengesprenkelte Wiese, lebensentscheidende Trennung, eisenbenagelter Schritt, windüberatmete Straße, mädchenklirrende Nächte*. Все эти единицы-универбы являются окказиональными образованиями, отвечающими сущности данного стиля, т. е. заключенной в нем мотивации образного воздействия на реципиента, что убедительно отражают нижеприведенные контексты функционирования единиц:

*So oder so ähnlich verliefen unsere Nachmittage, Abende und Nächte während meines Wienaufenthaltes. Bis zu jenem Montagmorgen um sechs Uhr, als wir beide von einem **herz- und nervenzerreißenden** Alarmgeläut aufgeweckt wurden* [1, S. 201].

*Die Künstler der Stadt liefen inzwischen wie **märchenverlorene** Kinder von einer Theke zur anderen und suchten ihre alten Hoffnungen, aber jetzt spielte eine andere Musik, da war Verzweiflung und Resignation* [2, S. 166].

В первом контексте это универбы *herzzerreibend* и *nervengerreibend*, созданные параллельно на метафорической основе. Ими предопределяется перлокутивный эффект всей информации, т. е. ее воздействие на адресата. Выстраивание информации таково, что начало имеет объективно констатирующий характер со спокойно-позитивной тональностью, конец же снабжен контрастной эмоциональной тональностью с негативной оценочностью, которой отмечены названные универбы. Именно сильно воздействующее смысловое звено, размещенное ближе к концу, автор облекает в структурную модель причастных универбов с функцией определения. Каждое образующееся через атрибутивную связь словосочетание концентрирует глубинную предложенческую семантику, объединяющую действие – *zerreiben*, интенсивность и необратимость которого эксплицируется префиксом *zer-*, неодушевленного инициатора действия – *Geläut* (аргумент элементив), мотив действия – *Alarm* (аргумент каузатив) и объект направленного действия – *Herz, Nerven* (аргумент экспериенсив). Прагматика же этого сложного семантического комплекса, создающего образ, обеспечивается метафорой.

Во втором контексте в начало помещен универб, созданный на основе образного сравнения, а смысловая необычность атрибутивного словосочетания *märchenverlorene Kinder*, подчеркивая состояние собственной потерянности описываемых лиц, служит призмой, через которую просматривается конец фрагмента, дающий причинную мотивацию такого состояния – *Jetzt spielte eine andere Musik*. В самом словосочетании как смысловом звене заключена глубинная структура предложенческой семантики с действием в ее ядре – *sich verlieren*, субъектом – носителем состояния *Kinder* (аргумент субъектив) и местом действия – *im Märchen* (аргумент локатив). Прагматика же этого звена идет от сравнения *Künstler wie Kinder*, и развитие перлокутивного эффекта проходит по всему контексту.

Причастные универбы способны сжимать информацию, которая была развернута ранее:

*In dem turbulenten Durcheinander nahm Gertrud mit dem Mut und der kühlen Alltagsvernunft der Unbezahlten ein Paket **blutgetränkter** Geldscheine vom Sekräter, ging zur Bankfiliale an der Ecke, sagte, sie habe sich mit dem großen Küchenmesser geschnitten, die Bankangestellten sahen nur das Blut und tauschten die Scheine rasch um* [2, S. 242].

Ранее, в предтексте, была представлена следующая информация:

Als ein Päckchen einmal die Treppe herabfiel, sah sie auf einer aufgerissenen Seite Geldscheine... Der Graf blieb sitzen und äußerte mokant: Alles Irdische ist nur ein Gleichsinn, setzte elegant die Mündung einer perlmuttbesetzten Pistole an die Grafenkrone auf seiner Brust und drückte ab. Das Blut spritzte weit [Там же, S. 241].

Из контекста становится понятной анафорическая направленность связи, продуцируемой причастным универбом. Компрессированный способ языкового именования актуален, как было показано, и сам по себе, но он становится еще более актуальным за счет того, что единицы «впитывают»

дополнительные семантические компоненты, обуславливаемые контекстом [3, S. 25–28]. Иначе говоря, эксплицитно выражаемые компоненты значения переходят в имплицитные, делая возможным увеличение объема семантики в связи с появлением имплицитных значений, часто активизируемых «содержательно-подтекстовой информацией» по И. Р. Гальперину [4, с. 28]. Это полностью относится к универбу *blutgetränkt*, прямо «вырастающему» из предшествующей информации. В этом новом контексте словосочетание *blutgetränkte Geldscheine* основывается на гиперболе как сильно действующем стилистическом средстве, использование которого, несомненно, отвечает интенции автора – произвести сильное воздействие именно этим звеном информации на адресата текста. Словосочетание опирается в импликации на предложение *Jemand tränkte Geldscheine mit Blut*, а предложение имплицитирует глубинную структуру: действие – *tränken*, агентив – *der Graf*, объектив – *Geldscheine*, инструментатив (средство) – *Blut*.

В газетных текстах обращает на себя внимание прежде всего частое присутствие регулярно повторяющихся, стереотипных словосочетаний с определенными универбами, например: *unionsregierte Länder*, *stellvertretender Vorstandsvorsitzender*, *partiübergreifender Charakter*, *schwerbewaffnete Soldaten*, *ferngesteuerte Attentäter*, *renditeorientierter Konzern*. Такие словосочетания образуют различные понятия политической и экономической жизни, характеризуясь отсутствием экспрессивности или таким наличием оценочности, которая имеет в них имплицитную включенность. Сочетание эксплицитного и имплицитного в информационной структуре текста делает не только единицы, но и сам контекст «более компактным, более насыщенным» [5, с. 46].

Достаточно сложным смысловым заданием причастных универбов является отражение ими в компактной форме фоновых аспектов содержания. Преимущественно такое задание реализуется через присубстантивные определения, заключающие в себе свернутые предикаты как смысловые эквиваленты развернутых предикативных конструкций. С помощью такого употребления эффективно осуществляется характеристика явлений, событий, предметов: *gesundheitsgefährdende Eigenschaften*, *ozonzerstörende Chemikalien*, *friedensgefährdender Kurs*, *personenbezogener Wahlkampf*, *völkerversöhnende Brücke*, *richtungsweisende Rolle*. Петрансформация одного из приведенных случаев в исходное предложение раскрывает их состав: *friedensgefährdender Kurs* глубинно содержит предикат действия / процесса – *gefährden*, элементив – неодушевленный инициатор действия / процесса *Kurs*, объектив – реальность, подвергающуюся воздействию *Frieden*; исходная предложенческая структура должна иметь следующий вид: *Der Kurs gefährdet den Frieden*.

Имплицитно обладающие оценочными свойствами причастные универбы способствуют реализации и в этом типе текстов такой стилистической черты как экспрессивность, которая согласуется с прагматической установкой газеты – сообщать, убеждать и воздействовать: *So wurden Volkert und Hartz fleischgewordene Symbole für das Wolfsburger Harmoniemodell* [6, S. 98].

Этот контекст окрашен благодаря универбу иронией, указывая на двух лиц, превращенных в живых символов – *fleischgewordene Symbole*, символов из живого мяса, в некоем коммерческом замысле. Эффект иронии создает окказиональный характер образования *fleischgeworden* и словосочетания с ним.

Немецкий журнал «Der Spiegel», вообще отличающийся иронией, далеко не всегда облачает информацию в стандартную форму стиля прессы, т. е. проявляет тенденцию к некоторой свободе в использовании языка и лексических единиц. Это непосредственно касается многих окказиональных универбов типа:

Viele der Opfer sind Touristen, die nach nächtlichem Disco-Besuch drogenumnebelt verunglücken [7, S. 132].

Здесь универб *drogenumnebelt*, с помощью которого осуществляется ирония над наркоманами, туристами и завсегдатаями ночных клубов, основан на метафоре – переносном значении глагола *umnebeln* ‘покрывать туманом, затуманивать’ [8, с. 647]. На основании приведенных фрагментов можно признать обоснованным и правомерным мнение тех лингвистов, которые утверждают, что в языке газетных и публицистических текстов нередко совмещаются и стандарт, и экспрессия, а в причастных универбах это проступает особенно явно.

В целом же на прагматику «работает» принцип языковой экономии, реализуемый композитными причастиями. Их употребление отвечает стремлению обсуждаемого типа текстов к лаконичности и компактности выражения информации не в ущерб ее содержанию. Компрессивное словообразование значительно упрощает структуру и сокращает линейную протяженность текста, сохраняя и даже особо выделяя коммуникативно-значимый компонент информации. Большинство композитных причастий могло бы быть заменено в вербальном представлении придаточными предложениями, но это не отвечало бы принципу экономии как компрессии информации. Можно еще привести примеры:

Ablass leistet er ausgerechnet im bürgerkriegsgeschundenen Liberia [9, S. 82].

Здесь вместо универба можно было бы употребить развернутое предложение на основе следующего состава его глубинной структуры: предикат действия / процесса – *schinden*, агентив – обобщенное одушевленное *er*, *jemand*, каузатив – мотив или причина *Bürgerkrieg*, пациентив и фактитив совмещено – *Liberia*, т. е. страна и люди. Исходная предложенческая структура ретрансформируется как *Liberia wurde durch den Bürgerkrieg geschunden*. Таким образом, очевидно, насколько объемлен по смысловому содержанию реализованный в приведенном фрагменте универб и насколько он реально обеспечивает экономию плана выражения. Специальная тематика и отмеченные черты научного текста делают его однозначным выразителем информации, предназначенной для интеллектуальной переработки. Естественно,

что введение композитных причастий с их особенностями в вербальное представление такого текста не имеет возможности не соответствовать коммуникативной целеустановке – сообщению и общей прагматической функции текста – тематически обусловленному информированию.

В первую очередь эти единицы удовлетворяют в научном стиле главный общественный запрос на создание терминов преимущественно в форме терминологических сочетаний для точного обозначения или адекватной репрезентации усложнившихся научных понятий. Достаточно рассмотреть некоторые примеры из текстов:

*Nach Ansicht von Barsalou entstehen die kontextunabhängigen Bestandteile aus kontextabhängigen durch häufige Verbindung mit dem **konzeptaktivierenden Wort** [10, S. 220].*

Здесь универб, входя в терминологическое словосочетание *das konzeptaktivierende Wort*, выступает не просто как слово в контексте, а совместно с существительным как номинация, основу которой составляет репрезентация актуального звена информации, а именно слово, активирующее в сознании и восприятии концепт.

*Die **kohärenzstiftenden Planungsaktivitäten** gehören auch zur Makroplanung [11, S. 136].*

Точно так же и в этом случае универб в терминологическом словосочетании *kohärenzstiftende Planungsaktivitäten* особо выделяет в информации тот факт, что активности (активные действия) планирования ориентированы на выстраивание когерентности.

Отдельные примеры такого рода терминологических сочетаний в научно-лингвистических текстах имеют аналогичный вид: *sprachvergleichende Forschung, anwendungsbezogene Analyse, frequenzbedingte Unterschiede, kontextbezogene Folgerung, satzübergreifende Beispiele, grammatikorientierte Sprachforschung, bedeutungstragende Einheiten* и многие другие.

В качестве глобальной структурно-синтаксической черты организации научного текста выделяют его именной стиль, т. е. именной тип структуры содержания [12, с. 71], к проявлениям которого относятся и рассматриваемые словосочетания. Суть именного стиля заключается в осуществлении номинализационного принципа оформления текста, начиная с предложения. Причастные универбы избавляют предложение-высказывание от избыточного наращивания придаточных предложений. В известном смысле поэтому можно считать, что введение причастий-универбов в текст помогает избегать его синтаксического усложнения [13, с. 181]:

*Denn einerseits läßt sich der Umstand, dass diese Äußerung als Gruß fungiert, nicht aus ihrer deskriptiven oder operativen Bedeutung ableiten; andererseits wirkt sich die Kategorisierung als Gruß nicht auf den **sachverhaltsdarstellenden Bedeutungsanteil der Äußerung** aus [14, S. 80].*

Внутри фрагмента особенно вторая его часть – самостоятельное предложение – демонстрирует номинализацию всей структуры с макси-

мальной степенью ее осуществления на информационном участке *der sachverhaltsdarstellende Bedeutungsanteil der Äußerung*. Универб концентрирует в себе глубинно-структурную схему предиката *darstellen* с аргументами объектив – выражен первым компонентом причастия *Sachverhalt*, локатив – выражен внутри всего словосочетания (*innerhalb*) *der Äußerung*, темпоратив – формант *-end*. В свою очередь субстантивный композит также концентрирует пропозитивную семантику: предикат *Anteil nehmen*, элемент – *Bedeutung* и тот же локатив – (*innerhalb*) *der Äußerung*. Совмещение всего этого в одной, предложно-объектной синтаксической позиции предложения, конструируемой глаголом *sich auswirken*, и означает абсолютное действие номинализационного принципа в смысле оформления. С точки зрения прагматики текста, по определению немецких стилистов, речь идет о «das Streben nach ökonomischem Ausdruck» [15, S. 276].

Причастные универбы, употребляясь как определения, выполняют прагматическую задачу максимально точного обозначения качеств, свойств, признаков специальных научных объектов и процессов именно вследствие того, что в их основе лежат пропозиции, обуславливающие скрытую, «латентную» форму их предикативности. Вместе с тем в научном тексте, оказываясь в основном адъективированными, они как бы теряют левостороннюю коммуникативную направленность, что было характерно для них в художественных и в некоторой степени в газетно-публицистических текстах. Соответственно, употребление композитных причастий в атрибутивной функции способствует наращиванию статичности текста, что уже само по себе может являться стимулом введения таких образований в научный текст.

Важно заметить, что информация, передаваемая причастными универбами, представляется в «открытом виде»: она расчленена и мотивирована благодаря тому, что семантический состав анализируемых слов прозрачен. Данный факт согласуется с точкой зрения ряда исследователей, считающих, что всякая составная единица информативно более насыщена, чем простая единица, и семантическое строение в сложном слове всегда гораздо яснее, чем в простом [16, с. 10]. Как следствие, использование причастных универбов (как и словосложения вообще) способствует воплощению подчеркнутой ясности научного текста как одной из главных стилевых черт данного функционального стиля.

Итак, в художественном тексте причастные универбы прежде всего формируют метасодержание посредством семантически объемных номинаций. Вместе с тем они передают дополнительную информацию во взаимодействии с образностью и экспрессивностью. В научных текстах универбы служат созданию ключевых понятий текста – терминов и терминологических сочетаний. Их выбор способствует объемному по смыслу и компактному по форме именованию, предупреждая излишнее синтаксическое усложнение текста. Как определения, они максимально точно обозначают качества, признаки предметов, процессов, способствуя достижению ясности. Причастия-уни-

вербы в газетно-публицистических текстах характеризует своеобразное промежуточное положение: с одной стороны, среди них выделяется пласт слов с чертами стереотипичности, стандартности, терминоподобия, что сближает их с композитами научных текстов; с другой стороны, они могут иметь экспрессивно-оценочный характер, присущий художественным текстам, что отвечает прагматической функции стиля – сообщать, убеждать, воздействовать.

ЛИТЕРАТУРА

1. Jungk, P. S. Die Unruhe der Stella Federspiel / P. S. Jungk. – 2. Aufl. – München : Paul List Verl., 1996. – 242 S.
2. Forte, D. Auf der anderen Seite der Welt / D. Forte. – Frankfurt a. Main : Fischer Verl. GmbH, 2004. – 343 S.
3. Polenz P. V. Deutsche Satzsemantik : Grundbegriffe des Zwischen-den-Zeilen-Lesens / P. V. Polenz. – 2., durchges. Aufl. – Berlin ; New York : Walter de Gruyter, 1988. – 392 S.
4. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин ; отв. ред. Г. В. Степанов. – М. : Эдиториал УРСС, 2005. – 144 с.
5. Глухов, Г. В. Лингвистическая компрессия и импликация / Г. В. Глухов, С. С. Комарова // Слово – Высказывание – Дискурс. – Самара : Изд-во Самар. ун-та, 2004. – С. 46–51.
6. Der Spiegel. – 2005. – 11.07. – № 28.
7. Der Spiegel. – 2005. – 06.06. – № 23.
8. Павловский, И. Я. Немецко-русский словарь : в 2 т. / И. Я. Павловский. – М., 2007. – Т. 2 : N–Z. – 1007 с.
9. Der Spiegel. – 2005. – 14.11. – № 46.
10. Rickheit, G. Grundlagen der kognitiven Sprachverarbeitung : Modelle, Methoden, Ergebnisse / G. Rickheit, H. Strohner. – Tübingen ; Basel : Francke, 1993. – 306 S.
11. Rainer, D. Psycholinguistik / D. Rainer. – Stuttgart ; Weimar : Metzler, 2002. – 266 S.
12. Глушак, Т. С. Номинализация и понятие именного стиля в немецком языке / Т. С. Глушак, Д. А. Паремская // Филол. науки. – 1981. – № 2. – С. 65–71.
13. Кубрякова, Е. С. Типы языковых значений. Семантика производного слова / Е. С. Кубрякова ; отв. ред. Е. А. Земская. – М. : Наука, 1981. – 200 с.
14. Angewandte Diskursforschung. Grundlagen und Beispielanalysen / hrsg. von G. Brünner, R. Fiehler, W. Kindt. – Opladen / Wiesbaden : Westdeutscher Verl. GmbH, 1999. – Bd. 1. – 232 S.
15. Fleischer, W. Stilistik der deutschen Gegenwartssprache / W. Fleischer, G. Michel. – Leipzig : Veb Bibliographisches Institut, 1975. – 394 S.
16. Ахманова, Г. И. Информативность комплексных лексических и синтаксических единиц / Г. И. Ахманова, Е. А. Маренкова, С. А. Тер-Мкртичан // Вопр. лингвистики и методики преподавания иностр. языка. – Вып. 4. – М. : МГУ, 1980. – С. 3–14.

Светлана Викторовна Кондракова

кандидат филологических наук,
доцент кафедры теории и практики немецкого языка
Минского государственного лингвистического университета

Svetlana V. Kondrakova

PhD, Associate Professor of the Theory and Practice
of the German Language at Minsk State Linguistic University

Т. К. Кохнович
Минск, Беларусь

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ МОЛЧАНИЯ В РЕЧЕВОМ ОБЩЕНИИ (в произведениях Э. Кестнера)

Молчание рассматривается в данной работе как особый тип речевого акта. Излагается точка зрения на коммуникативно значимое молчание, которое передает информацию от отправителя к получателю. Отмечается, что молчание занимает промежуточное положение между вербальными и невербальными средствами. На основе анализа контекстов употребления молчания определены его причины и эксплицитное обозначение в произведениях Е. Кестнера. Объяснению причин молчания способствует авторский текст.

Ключевые слова: речевой акт; коммуникативно значимое молчание; невербальное средство; причины; эксплицитное обозначение.

T. K. Kokhnovich
Minsk, Republic of Belarus

THE FUNCTIONING OF SILENCE IN SPEECH COMMUNICATION (Based on the Woks of E. Kestner)

This paper treats silence as a special type of the speech act. We express our point of view on communicatively meaningful silence which passes information from the sender to the recipient. We emphasize that silence occupies an intermediate position between verbal and non-verbal means. Having analyzed the contexts of the use of silence we defined the reasons of silence and its explicit designation in the works of E. Kestner. The reasons of silence are explained by the text of the author.

Key words: speech act; communicatively meaningful silence; non-verbal means; reasons; explicit designation.

Речевое общение не представляет собой сплошное говорение, оно имеет разные формы и включает в себя не только устную речь. Одной из форм общения между людьми считается молчание, которое играет важную роль в человеческих отношениях.

На проблему молчания исследователи обратили внимание в 1990-е годы. Интерес к месту молчания в структуре коммуникации актуален до сих пор. В языкознании это объясняется общей тенденцией к значительному расширению изучаемого материала, к выходу за рамки чисто лингвистического общения, которое складывается как из вербальных, так и невербальных компонентов.

В различных словарях слово *молчание* объясняется как отсутствие речи. Лингвисты объясняют молчание способом передачи информации несловесным образом. Изучение человека говорящего невозможно без учета человека молчащего. Общение человека не состоит из постоянного и непрерывного говорения. Говорение обязательно взаимодействует с молчанием, которое проявляется в различных сферах человеческого бытия.

Состояние молчания, возникающее в процессе общения, следует отличать от молчания, сигнализирующего об окончании речевого контекста, а также от понятий, смежных с молчанием: молчание и тишина, молчание и пауза, молчание и хезитация, молчание и неговорение. Молчание присуще человеку, тишина связана с природой; пауза есть кратковременное прерывание речи, а молчание рассматривается как более длительное отсутствие вербального общения; хезитация – разновидность паузы, связанная с нерешительностью, а неговорение свидетельствует о том, что человек не владеет каким-либо языком или не способен к речевой деятельности.

В настоящее время можно говорить о выделении двух направлений исследований: молчание как коммуникативное явление и самостоятельный объект изучения теории коммуникации и молчание как объект невербальной коммуникации. Изучение молчания в контексте коммуникации позволило разграничить молчание коммуникативно значимое и молчание коммуникативно незначимое. Коммуникативно значимое молчание интерпретируется в научной литературе как коммуникативный знак, невербальный знак, речевой акт, этноречевой запрет. При изучении данной проблемы всегда отмечается ее сложность и неоднородность, т. к. не всегда отсутствие речи может быть квалифицировано как молчание, и, с другой стороны, молчание не обязательно имплицитно подразумевает отсутствие речевой деятельности. В. В. Богданов выделяет такие виды молчания, как:

а) молчание, эквивалентом которого потенциально может быть вербальное высказывание, например, говорящий замолчал, значит, обиделся, но он может высказать свою обиду при помощи высказывания *я обиделся*;

б) молчание, для которого нет эквивалента вербального высказывания. Этот вид молчания считается «этноречевым запретом» [1, с. 12–18].

Н. Д. Арутюнова говорит о межличностном и социальном молчании. Основными признаками межличностного молчания можно считать намеренность и целенаправленность, а при социальном типе молчания на первый план выступают вопросы этики и нормативного поведения [2, с. 418].

Молчание может, однако, не восприниматься одним из собеседников как намеренное, в связи с отсутствием общего знания о его возникшем смысле. Кроме того, собеседник может иметь затруднения в истолковании молчания говорящего. Вероятность того, что коммуникант отреагирует на вербальную реплику своего собеседника молчанием в существенной степени зависит от многих факторов.

Анализ научной литературы показывает, что обязательным условием коммуникативно значимого молчания является его осознанное и намеренное использование со стороны отправителя, а также осведомленность получателя о намеренном характере молчания и обладание отправителем и получателем общим знанием о значении молчания. Чтобы определить, какую информацию несет молчание, нужно знать контекст его употребления.

Для лингвистов интерес представляет коммуникативно значимое молчание, которое получает функциональную нагрузку в рамках ситуативного контекста.

Особенностью коммуникативно незначимого молчания является то, что оно не имеет функциональной нагрузки и исключает ситуацию общения. Причиной этого могут быть душевные переживания, болезненные состояния.

Неоднозначным в лингвистике является ответ на вопрос, каким речевым актом является молчание. Н. Д. Арутюнова описывает молчание как нулевой речевой акт, которому предшествует говорение. При этом происходит сдвиг со звуковой стороны речи на содержательную и оказывается, что содержание слито с молчанием как означаемое с нулевым обозначающим [3, с. 117–127].

Наиболее подробно акт молчания был исследован С. В. Крестинским, который подошел к нему с позиции теории речевых актов. Автор отмечает, что молчание имеет коммуникативно-прагматическую структуру речевого акта. В связи с отсутствием локутивного действия, т. е. собственно произнесения слов, автор вводит термины *интрасилленциальное содержание* и *постсилленциальный эффект* [4, с. 59–67]. Основанием для параллелей между речевым актом и молчанием является схожесть их структур. Акт молчания предполагает следующие действия: пропозицию, иллокуцию и перлокуцию, где пропозиция – объект мысли, мысль, представленная в виде семантической структуры; иллокуция – интрасилленциальное содержание, включающее интенцию, стратегию, социальный статус; перлокуция – постсилленциальный эффект.

Все это дает основание утверждать, что акт молчания – сложная коммуникативная единица, имеющая прагматическую структуру речевого акта. Вместе с тем полностью уподоблять их друг другу не представляется возможным, т. к. акт молчания может передавать информацию и выполнять другие функции, аналогичные функциям речевого акта, только при наличии соответствующих контекстуальных условий.

В научных работах по проблеме молчания обсуждается также вопрос о соотношении молчания и невербальных средств коммуникации. Большинство лингвистов относят молчание к невербальной сфере, отмечая при этом, что молчание как один из невербальных компонентов может быть единицей общения.

В связи с этим интерес представляет точка зрения Ф. Курзона, который считает, что необходимо отличать невербальную коммуникацию, сопровождающую речь, от невербальной коммуникации в более широком смысле: термин *невербальная* может быть взаимозаменяемым с термином *совербальная* в зависимости от того, сопровождают ли жесты и мимические выражения речь или нет [5, р. 8–18]. Таким образом, невербальная коммуникация обладает способностью сопровождать вербальную, протекать одновременно с ней. Можно отметить, что молчание и речь находятся в оппозиции друг к другу не как невербальный компонент к вербальному, а лишь с точки зрения вокализации, т. е. использования речевого аппарата. Речь и молчание не могут протекать в один и тот же период. Коммуникативно значимое молчание не способно сопровождать речь, но само может сопровождаться различными средствами коммуникации.

Это дает основание утверждать, что молчание занимает промежуточное положение между вербальными и невербальными средствами. С одной стороны, молчание невербально, поскольку допускает воздействие на адресата при помощи несловесных средств. С другой стороны, молчание становится в речевом общении равноценным вербальному в силу выполнения своих функций. Молчание многозначно, это особый тип коммуникативного поведения, его значимость проявляется только в языковом контексте. Именно контекстуальная природа молчания значительно затрудняет его интерпретацию. Все это показывает, что молчание является полифункциональным, т. к. оно обладает вербальными и невербальными признаками.

Большой разброс мнений существует также относительно выделения функций молчания. Данные функции различаются названиями, количеством, основанием для их выделения. Некоторые функции называются по-разному, но они содержательно одинаковы. Причиной этого является, очевидно, различие в трактовке речевого акта молчания и видов молчания. Вслед за Н. Д. Арутюновой лингвисты выделяют две функции: функцию связи и функцию воздействия [3; 4].

Функция связи проявляется между знакомыми людьми и может быть положительной и отрицательной. Молчание в функции воздействия многозначно: может выражать ненависть, согласие, растерянность и т. д. Интерес представляет точка зрения С. Ю. Данилова о том, что контактная и дисконтактная функции (молчание как маркер близости между людьми или как маркер отчужденности друг от друга) являются основой для выражения особенностей других функций [6, с. 10]. В контексте могут проявляться несколько функций одновременно, поскольку молчание в высокой степени обуславливается контекстом и остается открытым для интерпретаций.

Молчание может выступать в качестве коммуникативного акта, реализация которого позволяет продолжать межличностную коммуникацию на качественном уровне. Вместе с тем можно утверждать, что общая система классификации функций, а также метод определения и дифференциации функций молчания до настоящего времени не установлены.

Наш практический материал, основанный на анализе причин молчания и его лингвистической презентации в произведениях Э. Кестнера, показал сильную контекстуальную природу молчания. Автор произведения, не являясь участником события, поясняет смысл молчания, что помогает читателю или исследователю определить мысли и чувства персонажа.

Наиболее часто в анализируемых произведениях (всего было исследовано около 105 контекстов) представлены контексты молчания, служащие для выражения различных эмоций, заданных ситуаций. Основными из них являются:

– удивление:

Streikt er? – Im Gegenteil, meinte der Portier. – Der Direktor öffnete wortlos den Mund ‘– Он бастует? – Напротив, ответил портье. Директор открыл рот, не произнеся ни слова’ [7, S. 148].

– возмущение:

Habt ihr den Jungen befreit? Uli schwieg. – Er hielt sich für unwürdig, diese Frage zu beantworten ‘– Вы освободили юношу? Ули молчал, он считал недостойным для себя дать положительный ответ на этот вопрос’ [8, S. 76].

– боязнь:

Komm... hinaus! befahl er. Sie fand es unglaublich, wagte aber nicht mehr zu widersprechen ‘– Выходи! – приказал он. Она считала это невероятным, но не отважилась больше возражать’ [9, S. 128].

– безразличие:

Wieso freut Sie denn das, Herr Inspektor? Der Beamte antwortete nicht und drehte dem Mädchen den Rücken zu ‘– Почему это вас радует, господин инспектор? Чиновник не ответил и повернулся спиной к девочке’ [10, S. 74].

– растерянность:

Und von nun an bleiben wir alle zusammen? Einverstanden? Anton brachte kein Wort heraus. Er schüttelte Herrn Pogge und dessen Frau die Hand ‘– С этого времени мы будем вместе. Согласны? Антон не произнес ни слова. Он пожал руку господину Погге и его жене’ [9, S. 153].

Причинами молчания в исследуемых произведениях являются также:

– нежелание продолжать разговор: *Überrascht dich das? Er wartete eine Weile, doch sie schwieg* ‘– Это тебя удивляет? Он ждал некоторое время, но она молчала’ [11].

– использование молчания как времени для раздумья: *Lotte und ich wünschen, dass wir... immer zusammenbleiben. – Die Eltern schwiegen... Die Eltern schwiegen noch immer* ‘Лотта и я желаем, чтобы мы всегда были вместе. – Родители молчали... Родители все еще молчали’ [12, S. 157].

Анализ практического материала показал, что согласие или несогласие с собеседником выражается, в основном, невербальными средствами:

– согласие: *Die Schrift, Frau Körner, die Schrift. Es würde manches erklären. Die Mutter nickt* ‘Почерк, госпожа Кернер, почерк мог бы кое-что объяснить. Госпожа Кернер кивает в знак согласия’ [Там же, S. 133].

– несогласие: *Werden Sie lange hier bleiben? fragte er. Sie schüttelte den Kopf. Ich muss bald wieder nach Berlin zurück* ‘Вы долго будете здесь? – спросил он. Она покачала головой. Я должна скоро возвращаться в Берлин’ [7, S. 155].

Следует отметить, что даже при однозначном ответе, как, например, «согласие – несогласие», молчание имплицитно выражает либо эмоциональное состояние молчащего, либо его отношение к словам или действиям собеседника.

Эксплицитное выражение молчания представлено в исследуемых произведениях следующим образом: глагол *schweigen* ‘молчать’, который сопровождается уточнениями типа *schwieg lange* ‘долго молчать’, *schwieg verlegen* ‘молчать смущенно’, *schwieg eine Weile* ‘молчать некоторое время’.

Для обозначения молчания служат также выражения: *den Mund wortlos öffnen* ‘открыть рот, не произнося ни слова’, *erstarren* ‘оцепенеть’, *keine Antwort geben* ‘не давать ответа’, *ohne zu sprechen* ‘не говоря’, *verstummen* ‘умолкать’, *grübeln* ‘раздумывать’.

Исследование показало, что молчание персонажей Э. Кестнера обусловлено различными причинами. Это подтверждает мысль о том, что коммуникативно значимое молчание – сложная единица, выражающая различные смыслы и допускающая большое количество интерпретаций, которые задаются ситуацией и контекстом общения.

Стратегия молчания используется для передачи определенной информации. Собеседник применяет эту стратегию, т. к. осознает, что молчание в данном случае более выразительно, чем слово.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богданов, В. В. Молчание как нулевой речевой знак и его роль в вербальной коммуникации / В. В. Богданов // Языковое общение и его единицы : межвуз. сб. науч. тр. – Калинин, 1986. – 221 с.
2. Арутюнова, Н. Д. Феномен молчания / Н. Д. Арутюнова // Язык о языке : сб. ст. ; под общ. ред. Н. Д. Арутюновой. – М. : Языки рус. культуры, 2000. – С. 418–437.
3. Арутюнова, Н. Д. Молчание: контексты употребления / Н. Д. Арутюнова // Логический анализ языка: язык речевых действий. – М., 1994. – С. 117–127.
4. Крестинский, С. В. Коммуникативно-прагматическая структура акта молчания / С. В. Крестинский // Коммуникативно-функц. аспект языковых единиц : сб. науч. тр. – Тверь : Тв. ГУ, 1993. – С. 59–67.
5. Kurson, D. Discourse of Silence / D. Kurson. – Amsterdam, Philadelphia : Academic Press, 1998. – 232 p.
6. Данилов, С. Ю. Тактика молчания в речевом жанре проработки / С. Ю. Данилов // Рус. язык в контексте современной культуры. – Екатеринбург, 1998. – С. 67–78.
7. Kästner, E. Drei Männer im Schnee / E. Kästner ; 19. Aufl. – Zürich : Atrium – Verlag, 2004. – 234 S.
8. Kästner, E. Das fliegende Klassenzimmer / E. Kästner ; 153. Aufl. – Korneuburg : Buchproduktion, 1996. – 175 S.
9. Kästner, E. Pünktchen und Anton / E. Kästner ; 127. Aufl. – Hamburg : Cecilie Dressler Verlag GmbH. – 2009. – 155 S.
10. Kästner, E. Emil und die Detektive / E. Kästner ; 165. Aufl. – Hamburg. – Dressler Verlag GmbH, 2015. – 171 S.
11. Kästner, E. Fabian. Die Geschichte eines Moralisten / E. Kästner. – Спб : Изд-во «КАРО», 2008. – 320 с.
12. Kästner, E. Das doppelte Lottchen / E. Kästner ; 146. Aufl. – Zürich : Atrium Verlag, 1995. – 176 S.

Татьяна Константиновна Кохнович

кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры
фонетики и грамматики немецкого языка
Минского государственного лингвистического университета

Tatyana K. Kokhovich

PhD, Associate Professor
of the Theory and Practice of the German Language
at Minsk State Linguistic University

Л. Г. Крот
Минск, Беларусь

КАТЕГОРИЯ МОТИВИРОВАННОСТИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ УНИВЕРСАЛЬНОГО И НАЦИОНАЛЬНОГО

В статье анализируются причины выбора мотивировочных признаков на материале лексико-семантических групп английского и русского языков, что позволяет выявить особенности своеобразия их национальных культур.

Обосновывается вывод о диалектическом противоборстве в лексической системе двух принципов: произвольности языковых знаков и их мотивированности. Автор анализирует степень мотивированности языков, которая становится их типологической характеристикой.

Ключевые слова: мотивация; мотивировочный признак; языковой знак; типологическая характеристика; степень мотивированности.

L. G. Krot
Minsk, Republic of Belarus

THE CATEGORY OF MOTIVATION IN THE LIGHT OF THE UNIVERSAL AND THE CULTURAL BASED

The present paper is focused on the study of lexical phenomena reflecting the processes connected with the arbitrariness and motivation of the language sign. The reasons for choosing motivational features are considered. On the basis of the conducted analysis the conclusion is made, that the degree of motivation of a language can change at different periods of time and may become a typological characteristic.

Key words: motivation; motivational feature; language sign; typological characteristic; degree of motivation.

Термин *универсальный* (или *всеобщий*) с давних пор употребляется в науке в одном ряду с терминами *особый* и / или *индивидуальный*. Но в наше время приобрела популярность и другая категориальная дихотомия: универсальное – идиоэтническое. Обычно ее употребляют по отношению к языковой картине мира, имея в виду, что в языке отражаются, с одной стороны, всеобщие (универсальные) свойства объективного мира, которые не зависят от точки зрения на них со стороны носителей данного языка, а с другой стороны, в языковой картине мира представлен субъективно-национальный (или идиоэтнический) компонент, который, напротив, указывает на национальное своеобразие мировоззрения, заложенного в том или ином языке, истекающее из ментальных и культурных особенностей народа (этноса), создавшего данный язык.

Подобное изучение этноязыковых особенностей не может происходить без учета универсального компонента в структурах исследуемых языков, т. е. общих для большинства языков мира закономерностей, представляющих фундаментальные характеристики культурного опыта и памяти человечества.

Как следствие общности основных законов человеческого мышления в языках мира существуют определенные универсальные категории. Одной из них является категория мотивированности.

Пытаясь описать в общих чертах универсальные явления в семантике, С. Ульман, в соответствии со своей интерпретацией статистического характера универсалий, относит явление мотивированности к синхроническому срезу и считает наличие мотивированных и немотивированных слов в языке семантической универсалией [1, с. 255].

Подобного мнения придерживается и О. И. Блинова, которая подчеркивает, что «мотивационные отношения слов составляют лингвистическую универсалию, они охватывают почти все слова языка, оставляя за пределами своего “влияния” незначительный процент слов-“одиночек”» [2, с. 3].

Мотивированность лексических единиц, под которой мы понимаем такую связь между формой имени и содержанием, когда в структуре наименования закрепляется ряд признаков или свойств именуемого, и мотивация как процесс, в результате которого мотивированность возникает, – важные и весьма сложные явления в языке [3, л. 3].

Круг обсуждаемых проблем, связанных с самой сущностью явления мотивированности слова, со спецификой форм существования этого феномена, чрезвычайно широк. К их числу относится проблема факторов, влияющих на выбор мотивировочного признака в номинативном процессе, которая решается неоднозначно в современной лингвистике.

В исследовательской литературе мотивировочный признак получает самые разные оценки. Квалификация степени важности этого признака имеет следующие этапы. Он воспринимается как «самый важный», «самый существенный», «достаточно характерный», «наиболее броский» [4, с. 8], либо как занимающий периферийное место, являющийся «случайным результатом наименования» (см. подробнее [3, л. 14–15]).

В данной статье нам хотелось бы обобщить теоретические положения, имеющиеся по данной проблеме, и показать на базе конкретного языкового материала черты сходства и различия в мотивации слов английского и русского языков как отражение своеобразия их национальных культур.

Возникновение и функционирование лексических единиц, как известно, детерминируются потребностями общения и связаны с процессами называния того или иного объекта, явления, свойства и т. д.

Проникая в лингвистическую природу наименований, изучая механизмы номинации, мы тем самым углубляем наши знания о когнитивной деятельности человека, выделяем те знания, которые «вытягиваются» на поверхностный уровень в виде мотивировочного признака. Определить тип этого знания в общей системе имеющихся у языкового коллектива знаний об окружающем мире, тем самым определить, что влияет на выбор мотивировочных признаков – актуальная задача науки о языке.

Однако «в языковедческих кругах, как подчеркивает З. А. Харитончик, бытует мнение, что лингвистика не занимается или, по крайней мере, не

должна заниматься исследованием причин выбора мотивировочных признаков в процессах номинации, ибо это входит, скорее, в компетенцию физиологии и психологии, равно как и сама теория наименования прямо не относится к предмету языкознания» [5, с. 65].

Так как все люди в зависимости от возраста, образования, профессии и т. д. обладают различным жизненным опытом, то и восприятие одних и тех же предметов и явлений разными людьми и даже конкретным человеком в разное время бывает различным: одни и те же предметы и явления могут восприниматься с различных сторон, с разной степенью полноты, точности и т. п., ибо «как и всякий процесс познания, восприятие, будучи отражением реального мира, зависит от особенностей воспринимающего субъекта: его знаний, потребностей, интересов и т. д. Так же как и ощущение есть субъективный образ объективного мира» [6, с. 7]. Ведь, как справедливо утверждает Н. Ф. Алифференко, «в ткань восприятия, не говоря уже о представлении, всегда вплетаются слова, знания, опыт и культура поколений. Именно вербализованный опыт, знания, культура, накопленные определенным этноязыковым обществом, создают своеобразную форму овладения миром» [7, с. 5]. Будучи вторичным образованием, созданием чувственного отражения, мировосприятием сквозь призму ранее накопленного опыта и его творческим переосмыслением, языковая картина мира выступает важнейшим компонентом национальной культуры. Ведь «через многообразие языков для нас открывается богатство мира и многообразие того, что мы познаем в нем; и человеческое бытие становится для нас шире, поскольку языки в отчетливых и действительных чертах дают нам различные способы мышления и восприятия» [8, с. 349].

Как показали результаты исследования (материалом для анализа были выбраны имена существительные – наименования лиц, животных, растений и артефактов в современном английском и русском языках), мотивировочные признаки, послужившие толчком к созданию наименований, отображают как существенные свойства и качества реалий, например: *motion picture projector* ‘кинопроектор’, *physical culturist* ‘физкультурник’, *watch maker* ‘часовщик’, *hand drill* ‘ручная дрель’, так и несущественные черты. К примеру, *blue jacket* ‘матрос’, *tom-boy* ‘девчонка с мальчишескими повадками’, *buttercup* ‘лютик’, *crossbill* ‘клест’, *setover* ‘передатчик’ и др.

Есть целый ряд наименований, которые отражают не один, а два признака одновременно. Так, в лексико-семантической группе наименований артефактов мотивация эндоцентрических комплексных единиц происходит по следующим признакам: объект действия + инструмент, совершающий действие, например: *paper cutter* ‘бумагорезательная машина’; способ выполнения действия + инструмент, совершающий действие: *stop tester* ‘прибор для определения скорости’; результат действия + инструмент, совершающий действие: *whatt-hour meter* ‘ваттметр’ и др. Фактом, что при наименовании предмета выделяется один или два признака из множества объясняется расхождение между языками в отношении мотивации разноязычных слов,

а также объясняются различия в развитии семантических структур слов в отдельных языках, например: англ. *dog-collar* ‘собачий воротник’ – рус. *ошейник*; англ. *Big Wheel* ‘большое колесо’ или *ferrous wheel* ‘железное колесо’ – рус. *колесо обозрения*; англ. *red breast* ‘красная грудь’ – рус. *малиновка*, англ. *cleaning woman* ‘убирающая женщина’ – рус. *домработница*, англ. *climbing boy* ‘поднимающийся мальчик’ – рус. *трубочист* и др. «Различие мотивирующих признаков в наименованиях одного и того же объекта в разных языках, по убеждению Л. М. Лещевой, объясняется тем, что активизация понятия связана со многими факторами лингвистического и экстралингвистического порядка – индивидуальным опытом человека, влиянием конкретных условий ситуации, особенностями языковой системы, а также носит в значительной степени случайный характер» [9, с. 49–51]. Главной же причиной своеобразия языковых картин мира является, однако, специфика номинативной деятельности человека, универсальной в своих процессуальных аспектах и диалектически противоречивой при выборе свойств и признаков, которые могут быть положены в основу наименования.

Известны случаи, когда в различных языках название одного и того же предмета основывается на одном и том же признаке. Многочисленны совпадения в выборе признаков номинации для наименований лиц по различного рода качествам в английском и русском языках (ср. англ. *peacemaker* – рус. *миротворец*, англ. *all-round man* – рус. *всесторонне развитый человек*; англ. *do-it-yourselfer* – рус. *тот, кто делает все сам*; англ. *thanks giver* – рус. *тот, кто благодарит*; англ. *self-seeker* – рус. *карьерист*; а также для наименований различных рыб в данных языках, например: англ. *sea-lion* – рус. *морской лев*; англ. *sword-fish* – рус. *меч-рыба*; англ. *saw-fish* – рус. *пила-рыба*, англ. *sea-horse* – рус. *морской конек* и др. Совпадение мотивировочного признака в разных языках объясняется, с одной стороны, тем, что основой наименования часто служат особенно заметные, бросающиеся в глаза признаки предмета, с другой стороны, сходством общественной практики людей.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что мотивировочные признаки, положенные в основу названия, могут совпадать или нет в различных языках, т. к. существенность и несущественность признака носит общественный, исторический характер. Акт наименования индивидуален в своем протекании, но социален в назначении, и с социальной точки зрения может оказаться, что индивидуальные мотивы, руководящие именуемым лицом при выборе имени, случайны для коллектива.

Однако выбор именно данного пути при наименовании конкретного предмета, по-видимому, может оказаться случайным. В определенном смысле слова можно говорить о его случайности уже потому, что при выборе имени на назывателя воздействует множество противоречивых и разнонаправленных сил, а равнодействующая этих сил, зависящая не только от их направлений, но и от их величин, вообще говоря, случайна по отношению к данной конкретной «силе».

С мотивированностью как свойством слова связаны такие особенности языка, как тенденция к мотивированности языкового знака и тенденция к его произвольности, возникающие за счет лексических процессов – номинации, ремотивации, демотивации, лексикализации внутренней формы слова и др.

Наличие противоположных точек зрения относительно мотивированности / произвольности примарных знаков, различные подходы к решению данной проблемы в определенных синхронных срезах языка (среди многочисленных исследований необходимо назвать труды Ф. де Соссюра, Н. В. Крушевского, Р. Якобсона, Э. Бенвениста, а также работы наших современников Н. А. Слюсаревой, А. А. Залевской, А. П. Журавлева, Г. П. Мельникова и других ученых), серьезная обоснованность данных теорий и взглядов свидетельствуют о том, что мотивированность и произвольность – взаимообусловленные свойства языкового знака, существующие лишь в противопоставлении и диалектическом двуединстве.

В контексте данной проблемы следует обратить внимание на то, что принцип произвольности относится к простым неразложимым единицам, а в производных наименованиях выступает уже принцип мотивированности. Мотивированные слова наиболее ярко выражают национальную специфику и напрямую связаны с языковым сознанием его носителей.

В результате проведенного анализа были определены доли мотивированной и немотивированной лексики в лексико-семантических группах наименований лиц, животных, растений и артефактов в современном английском языке. Выявлено, что количество мотивированных слов в них является преобладающим. Это свидетельствует о том, что в современном английском языке доля мотивированных слов сравнительно велика [3, л. 42]. Мотивировочный признак может быть, и это характерно для наименований всех исследуемых лексико-семантических групп, хотя в разной степени (ср. 88,4 %, для мотивированных наименований лиц, 83,6 % для мотивированных наименований артефактов и 77,7 % и 70,3 % для мотивированных наименований животных и растений соответственно), компонентом содержания соответствующей лексической единицы и входить в качестве составного элемента в интенционал или импликационал (сильный или слабый) лексического значения, что явствует из его словарного определения. В результате это позволяет говорить о возможности принципиально новой типологии мотивированности [Там же, л. 80–87].

Естественно, что степень мотивированности лексических единиц является производной от ее семантического типа: она наиболее высока при интенциональной мотивированности и приближается к нулю при слабоимпликациональной.

Мотивация имен выступает в качестве опоры при возникновении, хранении и распознавании лексических единиц. «Но поскольку мотивация имени, по мнению З. А. Харитончик, не идентична его значению, отражая лишь один какой-нибудь отличительный признак называемого объекта, а не всю совокупность наиболее существенных свойств, закрепляемых в значении, то она становится избыточной, когда имя приобретает статус привыч-

ного и закрепленного в данном языковом коллективе обозначения объекта. Не случайно, что наиболее употребительные и самые важные слова являются простыми, хотя этимологические исследования показывают, что и они возникли как мотивированные единицы, в процессе своего функционирования подвергшиеся демотивации» [10, с. 15–16]. Таким образом, в лексической системе наблюдается диалектическое противоборство двух важнейших принципов: произвольности, условности языковых знаков и их мотивированности, причем один из них может оказаться на той или иной стадии развития языка доминирующим. Так, древнеанглийский язык, по утверждению С. Ульмана, был более мотивированным, чем современный английский, что объясняется прежде всего большим количеством заимствований – французских и греко-латинских – в современном английском языке [1, с. 257].

Следует заметить, что количественное соотношение мотивированных и немотивированных слов может меняться от языка к языку. Так, С. Ульман считает немецкий язык более мотивированным, чем английский и французский и отмечает большую способность немецкого языка образовывать сложные и производные слова по сравнению с французским и английским языком. Ученый приводит случаи, когда немотивированным словам английского и французского языков в немецком соответствуют мотивированные сложные слова: англ.: *skate*, фр.: *patin*, нем.: *schlittschuh* ‘конек’. Часто одно и то же понятие выражается в немецком языке сложным словом, а в английском и французском – термином греко-латинского происхождения: англ.: *hippopotamus*, фр.: *hippopotami*, нем.: *Nilpferd* ‘гиппопотам’. В отличие от французского языка, где имеется много слов с общим значением, в немецком языке почти неограниченная возможность конкретизировать общие понятия посредством словосложения. Сложные слова в основном мотивированы и соответствуют по своим значениям словосочетаниям других языков [1, с. 256–257].

Сравнивая структуру слова в шести европейских языках – немецком, французском, английском, итальянском, русском, болгарском – М. М. Копыленко также приходит к выводу, что немецкий язык имеет очень высокую степень мотивированности и занимает среди шести языков второе место после болгарского [11, с. 82–84].

Разделяя мнение исследователей о том, что немецкий язык особенно богат в сфере словосложения, в которой наиболее ярко проявляется мотивированность, мы, тем не менее, не считаем, что данный язык насыщен мотивированными единицами в большей степени, чем другие современные языки, которые имеют одинаковые условия для передачи категорий (морфологических, фонетических, стилистических), но при этом используют разные языковые средства. Различные народы имеют свое национальное восприятие и представляют окружающую нас действительность в языках, проявляя этническую специфичность. Следовательно, нам представляется, что все языки располагают мотивированными образованиями, однако различные типы мотивированности присущи разным языкам в неодинаковой мере.

Подчеркивая значимость лингвистических исследований, демонстрирующих, с одной стороны, насколько важным, существенным является тот или иной признак в системе других признаков, присущих называемым сущностям, и, с другой стороны, случайность или неслучайность его выбора, нам хотелось бы указать на необходимость специального изучения мотивировочных признаков, зафиксированных в лексических системах разных языков, а также степени их существенности, случайности или неслучайности выбора. Решение этих проблем будет способствовать, на наш взгляд, как уточнению механизма наименования, так и выявлению своеобразия языковых картин мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ульман, С. Семантические универсалии / С. Ульман // Новое в лингвистике ; пер. с англ. под ред. и с предисл. В. А. Успенского. – М. : Прогресс, 1970. – Вып. 5. – Языковые универсалии. – С. 250–293.
2. Блинова, О. И. Русская мотивология : учеб.-метод. пособие / О. И. Блинова. – 3-е изд., перераб. и доп. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2005. – 68 с.
3. Крот, Л. Г. Мотивированность лексических единиц и структура лексического значения (на материале имен существительных современного английского языка): дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Л. Г. Крот. – Минск, 2002. – 105 л.
4. Топорова, Е. Н. Лексическая мотивированность в говорах русского Севера : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Е. Н. Топорова. – Екатеринбург, 2001. – 19 с.
5. Харитончик, З. А. Платон и его теория номинации / З. А. Харитончик // Вестн. Минск. гос. лингвист. ун-та. Сер. 1, Филология. – 1999. – № 5. – С. 61–71.
6. Панфилов, В. З. Язык, мышление, культура / В. З. Панфилов // Вопр. языкозн. – 1975. – № 1. – С. 3–12.
7. Алиференко, Н. Ф. Язык – сознание – культура: проблемы взаимодействия : в 3 ч. / Н. Ф. Алиференко // Язык и культура : Третья междунар. конф, Киев, 1994. – Ч. 1. – С. 3–10.
8. Гумбольдт, В. фон. Язык и философия культуры / В. фон Гумбольдт. – М. : Прогресс, 1985. – 448 с.
9. Лещева, Л. М. Об интерпретации, видах категоризации и способах номинации / Л. М. Лещева // Герменеўтыка. Стылістыка. Рыторыка : матэрыялы Першай навук. канф. 8–9 снежня 1993 г. – Минск : МГЛУ, 1995. – С. 49–51.
10. Харитончик, З. А. Лексикология английского языка / З. А. Харитончик. – Минск : Выш. шк., 1992. – 227 с.
11. Копыленко, М. М. О мере мотивированности структуры слова как о параметре типологической характеристики языков / М. М. Копыленко // Материалы 1-ой республ. конф. по вопр. языкознания и методики обучения иностр. языкам. – Баку, 1968. – С. 82–84.

Лариса Григорьевна Крот

кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры теории и практики английской речи
Минского государственного лингвистического университета

Larisa G. Krot

PhD, Associate Professor
of the Theory and Practice of English Communication
at Minsk State Linguistic University

Т. Н. Лобанова
Москва, Россия

ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА В КИТАЙСКИХ МЕДИА
(на примере анализа выпусков канала «CCTV中文国际»
по внешнеполитической проблематике 2018–2019 гг.)

В статье рассматривается картина мира, предлагаемая китайским медиаканалом «CCTV中文国际» за период 2018–2019 гг. Непереведенный языковой материал анализируется при помощи методологии критического дискурс-анализа (подход Н. Фэркло и Р. Водак) на предмет доминирующей медиаповестки и закодированных в медиатекстах отношений неравенства геополитических субъектов и оценки их действий на международной арене.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *политический медиадискурс; китайские медиа; критический дискурс-анализ.*

T. N. Lobanova
Moscow, Russia

LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD IN CHINA'S MEDIA
(on the Example of the Analysis of the Releases
by the Channel “CCTV中文国际” on Foreign Policy Issues in 2018–2019)

The article deals with the world picture offered by the Chinese mediachannel “CCTV中文国际” for the period 2018–2019. The authentic language material is analyzed using the methodology of critical discourse analysis (the approach of N. Fairclough and R. Wodak) for the dominant media topics and media-encoded relations of inequality of geopolitical subjects and evaluation of their actions in the international arena.

K e y w o r d s: *political media discourse; China's media; critical discourse analysis.*

Как известно, в настоящее время 70–80 % коммуникаций происходит онлайн при помощи электронной почты, мессенджеров, сервисов обмена мгновенными сообщениями и прочих постоянно появляющихся новых продуктов интеллектуальных технологий. Каждый народ имеет собственное мышление, которое можно отнести к культурным национальным различиям. С точки зрения существования и проявления культуры язык является важнейшей формой ее реализации и носителем. Влияние культуры на язык и влияние языка на мышление не вызывает сомнений. Изучение таких проблем, как язык и познание, было подтверждено многочисленными убедительными научными доказательствами.

Китай со своими технологиями – ключевой игрок в мире ИКТ, претендующий на повышение эффективности своей Soft Power через создание собственной дискурс-ниши. Изучение информационного поведения в медиа

такого игрока, как Китай является сегодня актуальней задачей, особенно в условиях отсутствия механизмов международного правового регулирования киберпространства и медиасферы.

Проживающие сегодня в эпоху 4-й индустриальной революции понимают, что технологии развиваются настолько быстро, что компании и корпорации не успевают за современными тенденциями: некоторые очень сильно рискуют отстать и в итоге остаться с убытками. Не случайно в работе нами указаны тренды современных лингвополитических исследований Азии, такие, как *AI* ‘искусственный интеллект’, *Digital Nationalism and Populism* ‘дигитальный национализм и популизм’, *Digital Parties* ‘дигитальные партии’, *Digital Solidarity* ‘дигитальная солидарность’, *Smart Cities* ‘умные города’, *Cyber Activism and Digital Activism* ‘киберактивизм и дигитальный активизм’, *New Media Landscape* ‘новый медиаландшафт’, *Abusive Language and Hate Speech in the Media* ‘языковые злоупотребления в медиа’ – в то время как российский научный дискурс по вышеупомянутой проблематике находится в стадии дискуссии и неопределенности. Западные и ученые азиатского региона активно адаптируют в научный дискурс, связанный с медиа, проблемное поле, работающее с искусственным интеллектом, большими данными и слежкой за пользователями в Интернете (*Big Data, AI, and Surveillance*) и др.

Политизация китайских медиа – это угроза или возможности для демократии? Рассмотрим, каким образом в медиатекстах происходит конструирование политически значимых событий и формирование образов на вербальном и невербальном уровнях.

Цель статьи в том, чтобы в рамках междисциплинарного подхода апробировать аналитическую концепцию китайского политического медиадискурса и продемонстрировать его дискурсивные практики на материале конкретной выборки.

Вопросы исследования: 1) рассмотрение того, что включает в себя понятие *китайский политический медиадискурс* (КПМ); вычленение его характеристик; 2) выяснение, насколько информационная политика государства и канала, а также технические характеристики медиаканала «CCTV中文国际» обуславливают качество контента и доминирующую медиаповестку и каковы потенциальные медиаэффекты; 3) выявление соотношения на уровне «язык – идеология». Исследовательские вопросы с точки зрения времени и темы позволяют определить массив материала и сформировать репрезентативную выборку.

Исследование посвящено изучению дискурсивных практик китайского политического медиадискурса с идеологическими результатами.

Категория дискурса сегодня в научных изысканиях – база для создания и проведения междисциплинарных исследований на стыке лингвистики и политологии, социолингвистики и медиа. Китай – это государство с многовековой историей, традициями, укладом, «социализмом с китайской спецификой» и социальными проблемами. Поскольку нами установлены

хронологические рамки выборки, то есть смысл утверждать то, что Американо-китайское торгово-финансовое противостояние 2018–2019 гг. четко транслировало миру мысль о том, кто сегодня выступает мировой державой, а также о том, что Поднебесная намерена перейти к перестройке мировых реалий в соответствии со своими интересами.

Идеологии тесно связаны с практикой, которые проводят институты. Поэтому они также тесно взаимодействуют с дискурсом, который рассматривают как тип социальной практики. В своем исследовании обращаемся к категории дискурса, скорее к его методологическому потенциалу.

Комплексное изучение и анализ взаимодействия трех подсистем – медиадискурса, современных интернет-медиа и медиасистемы КНР, а также политики современного Китая является актуальной проблемой. Медиатизация коммуникаций с ее фейк-ньюс, доминирующей медиаповесткой и технологизацией коммуникационных каналов позволяет конструировать новую или иную политическую реальность мультимедийными средствами.

Нами уточнено понятие *китайский политический медиадискурс* (КПМ), который понимается как манипуляционный дискурс, функционирующий в медиасреде и сконструированный китайскими дискурсологами [1].

Методология. Критический дискурс-анализ как исследовательская стратегия. Концепции и подходы

В своем исследовании мы выделяем некоторые смежные концепции при исследовании медиадискурса, в том числе на материалах других языков.

Два варианта исследований – критический дискурс-анализ (КДА) и дескриптивный дискурс-анализ – составляют дискурсивное направление. Представители КДА предлагают свои дискурс-подходы как методологический инструментарий или ключ для критического разоблачения закодированных в дискурсивных практиках отношений социального неравенства или дискриминации. Большинство современных медиа- и политических исследований, выполненных в русле критического дискурс-анализа, имеют отсылки к работам Норман Фэркло и Рут Водак (1990–2014) [2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12].

Б. Палтридж суммирует выдвинутые Н. Фэркло и Р. Водак принципы КДА: 1) социальное и политическое конструируется и отражается дискурсом; 2) посредством дискурса реализуются властные отношения; 3) дискурс отражает и воспроизводит социальные отношения; 4) дискурсивные практики «производят» идеологию, которая отражается в ходе дискурса [13, р. 187].

В дальнейшем в поисках методологического ключа мы также обратимся к теории критического дискурс-анализа Нормана Феркло и Рут Водак. Фэркло упорядочил способы применения дискурс-анализа. Они противопоставил «речевые диалоги и письменные тексты», «разговорный и письменный язык», выделил понятие «жанра» (например, «газетный дискурс»). Подход Фэркло к критическому дискурс-анализу связывают с такими понятиями, как *доминирование*, *сопротивление*, *гибридизация дискурсивных практик*, *технологизация дискурса* и *конверсационализация публичного дискурса*.

Рут Водак и ее коллеги выступают апологетами исторического дискурс-подхода к коммуникации (“The Discourse-Historical Approach” (DHA)). Дан-

ный подход выделяет шесть стратегий при раскодировании идеологического позиционирования: *номинация, утверждение, аргументация, перспективизация, интенсификация и смягчение*. Стратегии выступают частью трехмерного анализа, который подразумевает характеристики дискурса, языковые средства выражения, лингвистическую репрезентацию стереотипов в связи с фоновыми знаниями и контекстом [14]. Р. Водак ближе социокогнитивный уровень. Вместе с тем оба подхода представляют собой герменевтическую процедуру анализа. Фэркло и Водак говорят о «дискурсивном событии» и его диалектической природе: ситуации, институты и социальные структуры формируют **дискурсивное событие**, а дискурсивное событие в то же время формирует их.

Дискурсивные практики анализируются с позиции производимых ими идеологических эффектов: они способны формировать и воспроизводить неравенство в социальных отношениях, создают идентичности путем позиционирования и категориальной классификации групп и людей.

Подводя итоги данного раздела, подчеркнем, что КДА концептуализирует язык как форму социальной практики и направлен на то, чтобы показать, как социальные структуры и язык взаимно влияют друг на друга. Если принимать как данность концептуальную и методологическую близость КДА к политлингвистической и медиалингвистической проблематикам, то процедура и методика КДА все же имеют существенные ограничения. КДА, в отличие от некоторых других методик, не имеет четких границ в аспекте регламентирования самой процедуры анализа, т. е. на этапе отбора материала и формирования выборки, как и на этапе вычленения единицы анализа исследователь зачастую самостоятелен в своем выборе, что предопределяет некоторый «крен» КДА-подходов. Поэтому основная научная критическая дискуссия вокруг КДА связана с субъективизмом исследователя, его «заточенностью» на конкретный результат и предвзятостью из-за идеологического ангажирования.

Известно, что ядром любой информационной войны является язык, а языковая политика есть «сильнейшая технология влияния на целые народы» [15, с. 93–100]. Эффективность информационно-психологических операций основывается, прежде всего, на активизации именно вербальных единиц и их блоков. Формирование собственной дискурс-ниши и в то же время определенная закрытость Китая обуславливают необходимость квалифицированного рассмотрения медиадискурса в КНР.

Первым, наиболее весомым ограничителем развития медиасистем является язык, на котором производится медиаконтент; вторым – релевантность контента национальной аудитории. Относительно понятия *язык* применительно к медиа понимается уже не просто «лексическо-грамматический набор», стилистически корректный языковой уровень – предложение, текст, а скорее «порожденная компьютерным интерфейсом искусственная социализирующая символическая система, когда все пользователи способны “высказываться на языке интерфейса”» [16]. Анализ исследований на предмет

уточнения понятия *язык медиа*, или *медиаязык* показал, что современные исследования в области медиа отличает тенденция смещения акцентов от формулировок *функционирование языка СМИ* к таким номинациям, как *киноязык*, *цифровой язык*, *язык интерфейса*, *язык новых медиа*, *язык информационно-психологической войны* и др.

Китайские медиа: дискурсивные практики и идеологические результаты

Следующим вопросом является то, что следует считать единицей анализа, в зависимости от его формулировки. В нашем случае медиатексты как материал для анализа могут быть представлены как электронными версиями периодических изданий, так и выпусками аналитических передач центральных китайских телеканалов. Отличительной особенностью медиатекстов – выпусков передач – является наличие невербальной визуальной части. Выборку составили медиатексты электронного издания «*环球时报*» за 2018 г. «*环球时报*» – газета, основанная в 1993 г., и медиаплатформаналог «*环球网*», доступная зарубежному читателю и исследователю. Семиотически-осложненные медиатексты представлены выпусками платформы-канала китайского медиасегмента «*CCTV4 中文国际*» (CCTV (Chinese Central Television) [17] – этот медиаресурс напрямую связан с правящей Коммунистической партией и государственной властью.

Исследователь Т. Г. Добросклонская подчеркивает, что осознание ключевой роли информационно-новостной деятельности как в формировании картины мира, так и в укреплении позиций национальной лингвокультуры привело к тому, что в последнее десятилетие целый ряд стран запустил специальные проекты новостного вещания на английском языке, целью которых является расширение влияния своих лингвокультур в мировом информационном пространстве. К наиболее значимым проектам подобного рода относятся такие, как Al Jazeera International, France 24, Deutsche Welle English, CCTV (Chinese Central Television) и российский проект Russia Today. Именно поэтому всестороннее изучение и системный анализ новостных текстов представляются особенно актуальными [18, с. 13–14], а также свидетельствуют о появлении такого направления, как New Linguistics, специально посвященного анализу новостного дискурса.

Китайские дискурсологи понимают «пропагандистскую силу» (со знаком «плюс» в КНР) данного медиаресурса, готовы инвестировать и изучать возможности влияния китайских информационных ресурсов на зарубежную аудиторию, чтобы «смягчить» растущий разрыв между «hard power» и китайской «soft power». Китай прилагает огромные усилия по улучшению имиджа страны, в том числе в публичном медиапространстве, посредством ЭКСПО-выставок, образовательных и культурных обменных программ, международных и межрегиональных форумов, а также сервисов службы новостей. Китай расширяет каналы вещания транснациональных новостей, особенно для аудитории США.

Кроме того, китайскими специалистами по брендингованию в сфере медиа продуманы механизмы взаимодействия с зарубежной аудиторией и получения обратной связи в виде разработанного анкетирования. Так, с 21.11.2012 по 26.11.2012 была запущена анкета для зарубежных зрителей каналов CCTV – 4 и CCTV – 9, подготовлен соответствующий анализ-отчет – «*在英国海外人士对新闻类节目的品牌影响调查报告*» [19, с. 217–246]. Из отчета, в частности, следует, что:

1) только 40 % зарубежной аудитории готовы выбрать канал CCTV – 4 и CCTV – 9 с целью получения последних новостей;

2) 73,3 % предпочитают смотреть телевизионную версию и только 26,7 % – интернет-версию канала;

3) самая распространенная частотность просмотра канала – 1 раз в месяц;

4) самые известные зарубежной аудитории ведущие канала – 白岩松 ‘Бай Яньсун’ и 李瑞英 ‘Ли Жуин’;

5) на вопрос «Насколько отличается подача новостей на местном телевидении и на CCTV?» большая часть респондентов выбрала ответ «小部分相反» ‘Небольшая часть отличается и противоречит’.

Ученые признают, что вопрос изучения аудитории телевидения или Интернета очень актуален для всех участников рынка, вещателей, создателей контента и исследовательских организаций. Здесь важно понять специфику измерения аудитории именно этой среды распространения контента и причины кастомизации, а главное то, как получить общую картину поведения аудитории и измерить медиаэффект в условиях бурного развития технических возможностей получения или непотребления медиаконтента.

В качестве иллюстративной части нами отобран топовый кейс за 2018 год – внешнеполитический. С позиций контекстуально-политического анализа 2018 год для Китая ознаменовался такими событиями, как 40-летие политики реформ и открытости, 5-летие инициативы «Один пояс – один путь», внесение поправок в Конституцию КНР, период противостояния США и Китая по вопросу таможенных пошлин. Критерием для отбора внешнеполитического кейса послужил список «2018年十大国际热点» китайского сетевого издания «中国军网» [20] ‘Вооруженные силы Китая’, в котором данный кейс занимает 1-е место соответственно. Чтобы проверить гипотезу, в контексте единичного кейс-исследования необходима случайная выборка.

Приведем примеры анализа:

Пример 1. В статье «特朗普：卡舒吉事件是“史上最糟糕的掩饰之一»» [21] ‘Трам: убийство Хашокджи – это один из вопиющих примеров в истории как «спрятать концы в воду»’. Медиаповестка определяет исследуемый кейс «убийство саудовского журналиста Джамала Хашокджи в генконсульстве в Стамбуле» как «событие-конфликт», о чем свидетельствует обращение к беспрецедентности уже в заголовке.

Пример 2. Рассмотрим заявленный кейс при помощи критической дискурс-процедуры на примере выпуска «关注沙特记者卡舒吉死亡事件 土耳其 媒体公布监控视频 发现可以车辆及焚烧文件迹象» телеканала «CCTV中文国际» [22] ‘Обеспокоенные гибелью саудовского репортера Хашокджи, турецкие СМИ обнародовали данные видеонаблюдения, разоблачающие причастные к делу автомобили и горящие документы’. Это пример реализации стратегии аргументации с включением фактора невербальной визуальной части (съемки камеры видеонаблюдения).

Пример 3. Рассмотрим аналитический выпуск «土耳其将公布记者之死 “真相” 特朗普能对沙特下狠手?» [23] от 22 октября 2018 г. ‘Турция объявит правду о смерти репортера: ожесточится ли Трамп на Саудовскую Аравию?’.

Введение экспертов-международников по Ближнему Востоку в контекст передачи реализует стратегии утверждения и перспективизации (Р. Водак).

Пример 4. «卡舒吉事件使沙特陷入了严重的政治危机» [23] ‘Инцидент с Хашокджи привел Саудовскую Аравию к серьезному политическому кризису’.

Пример 5. «沙特官媒威胁使用“石油武器”应对制裁 <...> 美体：沙特是特朗普中东政策的基石» ‘Официальные СМИ Саудовской Аравии угрожают использовать так называемое «нефтяное оружие» для борьбы с санкциями. <...> Американские СМИ: Саудовская Аравия – это «краеугольный камень» политики Трампа на Ближнем Востоке’. В данном примере китайские дискуртологи метафоризируют виды оружия в случае потенциального конфликта между США и Саудовской Аравией.

Пример 6. «表态反复 特朗普对记者遇害很“纠结»? [Там же] ‘Неоднократные высказывания Трампа в связи со смертью журналиста очень «противоречивы»?’. Номинация медиаречи Трампа как противоречивой в целом отражает характер сложившейся ситуации вокруг Саудовской Аравией и США после инцидента.

Пример 7. «美国如果制裁沙特，就不担心自己会在中东地区失去一个重要的盟友吗?» <...> «沙特面对美国可能实行制裁，会否加强粤俄罗斯的关系» <...> «俄沙能走进？中东局势将迎来巨变»? [24] ‘Если Соединенные Штаты введут санкции против Саудовской Аравии, не будут ли они беспокоиться о том, что потеряют важного союзника на Ближнем Востоке? <...> Перед лицом угрозы введения санкций со стороны США, сможет ли Саудовская Аравия укрепить отношения с Россией? <...> Россия и Саудовская Аравия смогут сблизиться? Ожидаются ли глобальные изменения вокруг ситуации по Ближнему Востоку?’. Многочисленные риторические вопросы от китайских экспертов-международников реализуют стратегии перспективизации и интенсификации.

Вышеперечисленные примеры не являются исчерпывающими и, тем не менее, они репрезентативны, поскольку заявленный кейс в китайских медиа – 2019 – кейс № 1 по внешнеполитической проблематике.

Понятно следующее: чем больше анализируемый языковой материал, невзирая на то, что выборка случайная по единичному кейсу, тем выше достоверность выводов. При значительных объемах иноязычного медийно-визуального материала критический дискурс-анализ становится достаточно затратным по времени методом как при сборе, так и при обработке данных. Основная критическая дискуссия относительно КДА связана с его качественными характеристиками по сущности и отсутствием верифицируемой опоры на математические платформы, а также с его потенциальной обусловленностью субъективизмом исследователя. В то же время он может послужить существенным дополнением к верификации исследований при интерпретации количественных данных.

Представленный материал позволяет сделать некоторые выводы относительно дискурсивных практик, присущих китайскому политическому медиадискурсу. КДА-подход Р. Водак в его трехмерной аналитической модели – содержание, стратегии и их лингвистическая реализация – позволяет интерпретировать образы и вычленять доминирующие установки и ценности власти, транслируемые при помощи медиа. КДА Р. Водак и Мартина Рейсиглу подразумевает систематическую методологию, предполагающую связь между текстом, его социальными условиями, идеологией и отношениями власти; он также предполагает точное описание текста на различных лингвистических уровнях с помощью различий между стратегиями и лингвистическими реализациями [25]. Китайский медиаканал «CCTV中文国际» как канал Интернет-коммуникации оказывает существенное большее влияние на массовую аудиторию, чем электронное периодическое издание «环球时报» за счет фактора визуализации. КПМ как разновидность манипуляционного дискурса при помощи методологии КДА неоднороден и характеризуется оценочностью со стороны китайских дискурсологов в отношении политических акторов. В КПМ воздействие на зрителя представляет собой комплексную лингвистическую систему и включает в себя риторику, языковое манипулирование и пропаганду. Критический дискурс-анализ тяготеет к качественному анализу и выступает методом ограниченной доказательности, требующей верификации. Китайский политический медиадискурс продуцирует дискурсивные практики с идеологическими результатами. Методики КДА показали, что наиболее частотными стратегиями выступают стратегия дискредитации посредством аргументации, номинации и другие. Наиболее частотными дискурсивными практиками выступают тактика обвинения, умаления авторитета и прогнозирование проигрыша противника.

Идеологические результаты способствуют воспроизводству симулякров и неравных отношений, в том числе в международной сфере и отношениях. Язык идеологичен по своей природе, и дискурсивные практики имеют

существенные идеологические результаты: посредством СМИ возможно конструирование образов, представляя вещи или позицию людей тем или иным способом и, соответственно, конструирование новой политической реальности. Формами воздействия, предпочитаемыми китайскими дискурсологами, являются мифы, введение эксперта, обращение к прошлому историческому опыту; визуализация образов (инфографика, шаржирование, карикатуры). Официальная позиция руководящих органов Китая играет ключевую роль при формировании медиаповестки и позиции в китайских государственных медиа. Китайские медиадискуртологи руководствуются заданными фреймами при создании своих медиатексто-тематических передач, направленных на анализ внешнеполитических топиков, в то же время контент, относящийся к внутривнутриполитической проблематике, отличается культурно-семантической насыщенностью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лобанова, Т. Н. Лингвистический анализ китайского политического медиадискурса по внешнеполитическим проблемам / Т. Н. Лобанова // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та (электрон. журн.). – 2018. – № 4. – Режим доступа: www.evestnik-mgou.ru – Дата доступа: 15.12.2019.
2. Fairclough, N. Critical Discourse Analysis / N. Fairclough. – London, 1995. – 220 p.
3. Fairclough, N. Discourse and Social Change / N. Fairclough. – Polity Press. – 1992. – 260 p.
4. Fairclough, N. Language and Power / N. Fairclough. – London : Longman. – 1989. – 259 p.
5. Fairclough, N. Media Discourse / N. Fairclough. – London : Edward Arnold. – 1995. – 226 p.
6. Fairclough, N. Technologicalisation of discourse / N. Fairclough // Texts and Practices. Readings in Critical Discourse Analysis. – London, 1996. – P. 71–83.
7. Fairclough, N. Critical Language Awareness / N. Fairclough. – London, 1992. – 343 p.
8. Fairclough, N. Critical discourse analysis / N. Fairclough, R. Wodak // Discourse as social interaction. – London : Sage Publications, 1997. – P. 258–284.
9. Fairclough, Norman. Critical Discourse Analysis / N. Fairclough, R. Wodak // Discourse Studies: A Multidisciplinary Introduction. – Vol. 2. – Discourse as Social Interaction. – London : Thousand Oaks, 1996. – P. 112–119.
10. Fairclough, Norman. Critical Discourse Analysis / N. Fairclough, R. Wodak // Discourse Studies: A Multidisciplinary Introduction. – Vol. 2. – Discourse as Social Interaction. – London : Thousand Oaks, 1996. – P. 259–260.
11. Wodak R. and Chilton P. / N. Fairclough, P. Chilton // New Agenda in (Critical) Discourse Analysis. – Amsterdam : Benjamins, 2005. – 321 p.
12. Wodak R. and Meyer M. Methods of Critical Discourse Analysis / N. Fairclough, M. Meyer. – London : Sage, 2001. – 216 p.
13. Paltridge, B. Discourse Analysis / B. Paltridge. – London, New Delhi, New York : Bloomsbury Academic, 2012. – 282 p.
14. Wodak, R. The discursive construction of national identity / Wodak R., R. de Cillia, M. Resigl // Edinburgh University Press, 1999. – 224 p.
15. Костюк, М. Е. Языковые войны. Западные политические технологии / М. Е. Костюк // Вестн. Моск. ун-та. – Сер. 12, Политические науки. – 2009. – № 4. – С. 93–100.
16. Манович, Л. Язык новых медиа / Л. Манович. – М. : АД МАРГИНЕМ ПРЕСС, 2018. – 400 с.
17. CCTV4 中文国际. – Режим доступа: <http://https://www.youtube.com/channel/UCnAsZ46UTeFEgwOEwMezngQ>. – Дата доступа: 16.02.19.

18. Добросклонская, Т. Г. Новостной дискурс как объект медиалингвистического анализа / Т. Г. Добросклонская // Дискурс современных масс-медиа в перспективе теории, социальной практики и образования : II Междунар. науч.-практ. конф. Актуальные проблемы современной медиалингвистики и медиакритики в России и за рубежом : II Междунар. науч. семинар. Белгород, НИУ «БелГУ», 5–7 окт. 2016 г. : сб. науч. работ / под ред. Е. А. Кожемякина, А. В. Полонского. – Белгород : ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2016. – С. 13–22.
19. 媒介品牌经营 / 汤莉萍著 – 北京 : 中国传媒大学出版社. – 2014.
20. «中国军网». – Режим доступа: http://www.81.cn/gfbmap/content/2018-12/28/content_224146.htm. – Дата доступа: 15.12.2019.
21. 特朗普 : 卡舒吉事件是“史上最糟糕的掩饰之. – Режим доступа: <http://world.huanqiu.com/exclusive/2018-10/13345142.html?agt=15438>. – Дата доступа : 19.07.2019.
22. 关注沙特记者卡舒吉死亡事件 土耳其媒体公布监控视频 发现可以车辆及焚烧文件迹象. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=exQJ7OZFN4A> – Дата доступа: 19.07.2019.
23. 土耳其将公布记者之死“真相” 特朗普能对沙特下狠手? – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=6F9aqVTv1uo><https://www.youtube.com/watch?v=6F9aqVTv1uo>. – Дата доступа: 20.07.2019.
24. Wodak, R. The discursive construction of national identity / R. Wodak, R. de Cillia, M. Resigl // Edinburgh University Press. – 1999. – 224 p.
25. Wodak, R. The discursive construction of national identity / R. Wodak, R. de Cillia, M. Resigl // Edinburgh University Press. – 1999. – 224 p.

Татьяна Николаевна Лобанова

кандидат педагогических наук, доцент,
доцент кафедры индоевропейских и восточных языков
Московского государственного областного университета,
магистр политологии, докторант кафедры теоретической
и прикладной лингвистики МГОУ;
директор Регионального центра китайского языка
и китаеведения МГОУ

Tatiana N. Lobanova

PhD, Associate Professor, Associate Professor
of the Department Indo-European and Oriental languages
at Moscow State Regional University; Master's Degree in Political
Science, Director of the Regional Center for Chinese Language
and Sinology, Doctoral Student Fellow, the Department
of Theoretical and Applied Linguistics

М. Ю. Миронова, С. В. Киселёва
Санкт-Петербург, Россия

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ИНВЕСТИЦИОННЫХ ТЕРМИНОВ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Статья посвящена рассмотрению проблемы синонимичных инвестиционных терминов английского языка с позиции когнитивной лингвистики, а именно в свете теории прототипов. Применение метода прототипической семантики позволяет показать, что значения синонимичных терминов связаны единым содержательным ядром и развиваются на основе общеязыкового номинативно-непроизводного значения.

Ключевые слова: *содержательное ядро; прототип; семантические компоненты; синонимия; термин.*

M. Yu. Mironova, S. V. Kiseleva
Saint-Petersburg, Russia

SEMANTIC DIFFERENTIATION OF THE INVESTMENT ENGLISH TERMS

The article is devoted to the problem of synonymous investment terms of the English language from the perspective of cognitive linguistics, namely in the light of the prototypes theory. The use of the prototypical semantics method allows us to show that the meanings of synonymous terms are connected by a single content core and are developed on the basis of a common linguistic meaning.

Key words: content core; prototype; semantic components; synonymy; term.

Стремление к точности, выразительности и дифференциации понятий приводит к возникновению синонимов. Синонимы уточняют и закрепляют более узкие признаки понятий, фиксируют опыт народа. Сегодня синонимические значения присущи не только единицам общеупотребительной, но и специальной лексики, поскольку позволяют уточнить мысль и отношение к высказываемому. В одних контекстах синонимы могут быть взаимозаменяемыми, в других выявляется несовместимость признаков, когда, приравняв к доминанте синонимического ряда, синонимы все же отличаются от нее прагматическими добавками [1].

Вслед за С. В. Гриневым-Гриневичем, мы считаем, что «даже незначительная разница близких по смыслу слов свидетельствует о том, что мы имеем дело с двумя близкими, но тем не менее разными понятиями и, следовательно, разными терминами» [2, с. 104].

Явление терминологической синонимии связано, главным образом, со специализацией значения термина. Именно такое свойство терминологических единиц, как системность, предопределяет возможность развития терминологической синонимии, поскольку связано с необходимостью номинации сходных объектов научного знания. Одни значения часто образуются от других по определенным моделям семантической деривации, что приводит к формированию семантической структуры слова. При проведении исследования с позиции когнитивного подхода к осмыслению семантики слова следует опираться на антропоцентричность мышления, языковую картину мира среднего носителя языка, лексико-семантические варианты слова и его содержательное ядро [3, с. 307].

Под содержательным ядром понимается «инвариантный ассоциативный комплекс, присущий слову и возникающий в сознании коммуникантов, который формируется как на базе семантической структуры слова, грамматической оформленности, структуры словообразования, мотивационных связей, так и на определенных традициях употребления лексических единиц» [4, с. 78].

Для определения семантики многозначного слова следует в первую очередь принимать во внимание первичное значение, так как, являясь основным (главным, центральным), оно первым возникает в уме носителя языка. Определяя наиболее правильное значение слова, необходимо не только пользоваться словарем, но и учитывать отношения слова и его синтаксического окружения, так как план содержания может включать больше значений, чем зафиксировано в словарных статьях. Главное значение многозначного слова не зависит от контекста и является контекстуально свободным. Второстепенные значения контекстуально обусловлены, для их реализации необходимы определенные синтагматические условия.

Для исследования был выбран инвестиционный термин *dealer* ‘дилер’ и те инвестиционные термины, которые составляют его синонимический ряд, а именно: *broker* ‘брокер’, *dealer-broker* ‘дилер-брокер’, *agent* ‘агент’. При обращении к инвестиционным терминологическим словарям была предпринята попытка составить лексико-семантическое описание инвестиционного термина *dealer* ‘дилер’ и его синонимов. Вслед за И. К. Архиповым мы считаем, что многие определения, в силу своей громоздкости, не подходят на роль содержательного ядра, вследствие чего для настоящего исследования является важным сужение семантических элементов рассматриваемых терминологических единиц до минимально необходимых [5].

В результате анализа дефиниций термина *dealer* ‘дилер’ было составлено его лексико-семантическое описание. *Dealer* ‘дилер’: а) «1. an individual or firm willing to buy or sell securities for their own account; 2. one who purchases goods or services for resale to consumers» [6]; б) «1. individual or firm acting as a principal in a securities transaction. Principals trade for their own account and risk; 2. one who purchases goods or services for resale to consumers» [7]; в) «1. an individual or entity, such as a securities firm, when it acts as a principal and stands ready to buy and sell for its own account; 2. more generally, an individual or entity which buys and sells products and holds an inventory» [8]. а) 1. физическое или юридическое лицо, желающее купить или продать ценные бумаги за свой счет; 2. тот, кто покупает товары или услуги для перепродажи потребителям [6]; б) 1. физическое или юридическое лицо, выступающее в качестве принципала в сделке с ценными бумагами. Принципалы торгуют за свой счет и риск; 2. тот, кто покупает товары или услуги для перепродажи потребителям [7]; в) 1. физическое или юридическое лицо, например, фирма, специализирующаяся на ценных бумагах, когда она выступает в качестве принципала и готова покупать и продавать за собственный счет; 2. в более широком смысле – это физическое или юридическое лицо, которое покупает и продает продукцию и проводит инвентаризацию.

Первое значение данного термина – ‘человек, который покупает ценные бумаги за свой счет’ – более узкоспециализировано, предназначено именно для пользователей инвестиционных словарей и специалистов инвестиционной сферы. В первой дефиниции инвестиционного термина *dealer* ‘дилер’

дается спецификация типа покупаемого для перепродажи товара, а именно ценных бумаг, подчеркивается, за чей счет происходит покупка товара и кто несет финансовые риски: дилер оперирует за свой счет. Именно эта информация будет являться ключевой при употреблении / восприятии термина *dealer* 'дилер' представителем инвестиционного сообщества. Второе значение термина является более общим, но именно оно выступает на первом месте в определениях исследуемой лексической единицы в словарях деловой и общей лексики.

Дефиниции, приведенные в словарях общей лексики и бизнес-лексики, демонстрируют тот факт, что значение под номером 1, – это тот мысленный образ, который возникает у носителя языка при осмыслении слова *dealer* 'дилер': someone who buys and sells a particular product (тот, кто продает или покупает определенный продукт). В дефинициях под номером 3 дана спецификация значения, т. е. то, что мы наблюдаем в специализированных инвестиционных словарях под номером 1. Таким образом, в словаре инвестиционных терминов на первое место помещается та дефиниция, которая фиксирует более узкое, терминологическое значение слова. Как пишет С. В. Киселева, «в индивидуальном употреблении языка человеком проявляется гибкость категорий (организованных вокруг прототипов), реализованная в столкновении человека с различными окружениями (личностным, социальным, культурным, коммуникативным, биологическим» [4, с. 80].

На основании выделенных общих сем представляется возможным определить содержательное ядро инвестиционного термина *dealer* 'дилер' на парадигматическом уровне: one who buys financial products for resale (тот, кто покупает финансовые продукты для перепродажи). Так, на парадигматическом уровне произошло сужение значения термина *dealer* с последующей фиксацией в словарях инвестиционных терминов. На уровне лексемы сужение значения ведет к появлению еще одного лексико-семантического варианта, означает расширение экстенционала слова, т. к. обозначает большее количество референтов.

Сегодня словари фиксируют такие, на первый взгляд, схожие по значению лексические единицы, как *dealer* 'дилер', *broker* 'брокер', *broker-dealer* 'брокер-дилер', *agent* 'агент'. Однако к настоящему времени произошла четкая семантическая дифференциация этих терминов.

Так, в инвестиционной терминологии *broker* 'брокер' – это лицо, оказывающее посреднические услуги на основании лицензии и получающее комиссию за помощь в осуществлении операций с инвестиционными продуктами (валюта, ценные бумаги и др.). *Broker* 'брокер': а) «1. an individual or firm that charges a fee or commission for executing buy and sell orders submitted by an investor. 2. The role of a firm when it acts as an agent for a customer and charges the customer a commission for its services» [8]; б) «person who acts as an intermediary between a buyer and seller, usually charging a commission. A broker who specializes in stocks, bonds, commodities, or options acts as agent and must

be registered with the exchange where the securities are traded» [7, p. 67].

а) 1. физическое лицо или фирма, которая взимает плату или комиссию за выполнение заказов на покупку и продажу, представленных инвестором. 2. роль фирмы, когда она выступает в качестве агента для клиента и взимает с клиента комиссию за свои услуги [8]; б) лицо, которое выступает в качестве посредника между покупателем и продавцом, обычно взимая комиссию. Брокер, специализирующийся на акциях, облигациях, товарах или опционах, выступает в качестве агента и должен быть зарегистрирован на бирже, где торгуют ценными бумагами.

Брокер может заключать сделку от своего имени, но, в отличие от дилера, работает не за свой счет, а за счет клиента. Брокер действует только в качестве агента для клиента в обмен на комиссию, в то время как дилер может выступать в качестве принципала и ведет операции с ценными бумагами от своего имени и за свой счет. То есть дилер, в отличие от брокера, берет на себя финансовую ответственность за активы и подвергается риску инвентаризации.

Результаты дефиниционного и контекстуального анализа терминов *dealer* 'дилер' и *broker* 'брокер' показали, что представленные терминологические единицы можно рассматривать в качестве синонимов только в том случае, когда инвестиционный дилер выступает в роли брокера, т. е., сводя на рынке покупателей с продавцами и получая за это комиссионное вознаграждение. Тот факт, что дилер, в зависимости от ситуации, может действовать и как брокер, и как принципал (директор, управленец, владелец капитала), обусловил возникновение в инвестиционной среде термина *broker-dealer* 'брокер-дилер': «when specialists trade for their own account, they act as dealers. Since most brokerage firms operate both as brokers and as principals, the term broker-dealer is commonly used» [7, p. 135]. (Когда специалисты торгуют за свой счет, они действуют как дилеры. Поскольку большинство брокерских фирм работают как брокеры, так и принципалы, обычно используется термин *брокер-дилер*).

Таким образом, инвестиционный дилер выступает в роли брокера, т. е. сводит на рынке покупателей с продавцами, получая за это комиссионные, или в роли дилера, становясь собственником ценных бумаг с целью перепродажи более мелкими партиями. Данный факт позволяет поставить термин *broker-dealer* 'брокер-дилер' в один синонимический ряд с терминами *broker* 'брокер' и *dealer* 'дилер'.

Многие словари определяют термины *broker* 'брокер' и *dealer* 'дилер' через понятие *agent* 'агент', вследствие чего представляется необходимым исследовать эти термины в качестве представителей одного синонимического ряда.

Изучение семантических компонентов дефиниций, предложенных англоязычными инвестиционными словарями, позволило заключить, что агент — это лицо, получившее право действовать от лица принципала (клиента,

руководителя) за определенное вознаграждение, при этом агент не несет финансовые риски. *Agent* ‘агент’: а) «individual authorized by another person, called the principal, to act in the latter’s behalf in transactions involving a third party» [7, p. 17]; б) «an individual or firm authorized to act on behalf of another (called the principal), such as by executing a transaction or selling and servicing an insurance policy» [8]; в) «1. an individual or firm that places securities transactions for clients; 2. a person licensed by a state to sell insurance; 3. a securities salesperson who represents a broker-dealer or issuer when selling or trying to sell securities to the investing public. Essentially, this is the person who makes a transaction on behalf of his or her employer or client» [6]. а) лицо, уполномоченное другим лицом, именуемым принципалом, действовать от имени последнего в сделках с участием третьего лица; б) физическое лицо или фирма, уполномоченные действовать от имени другого лица (называемого принципалом), например, путем совершения сделки или продажи и обслуживания страхового полиса; в) «1. физическое лицо или фирма, осуществляющая операции с ценными бумагами для клиентов; 2. лицо, имеющее лицензию государства на продажу страхования; 3. продавец ценных бумаг, представляющий брокера-дилера или эмитента при продаже или попытке продажи ценных бумаг инвестирующей публике. По существу, это лицо, которое совершает сделку от имени своего работодателя или клиента.

В качестве примера агента энциклопедический словарь *Dictionary of Finance and Investment Terms* ‘Словарь финансовых и инвестиционных терминов’ предлагает рассмотреть следующую ситуацию: банки часто назначаются физическими лицами в качестве их агентов, поэтому уполномочивают своих сотрудников действовать от имени директоров (principals). Словарь выделяет следующие основные характеристики агентов: «1. They act on behalf of and are subject to the control of the principal. 2. They do not have title to the principal’s property. 3. They owe the duty of obedience to the principal’s orders» (1. Они действуют от имени принципала и находятся под его контролем. 2. Они не имеют права собственности на имущество принципала. 3. Они обязаны повиноваться приказам принципала).

Таким образом, если дилер берет на себя ответственность за активы и подвергается риску инвентаризации, то роль агента – только облегчить транзакцию от имени клиента: «the element of inventory risk is what distinguishes a dealer from an agent» (элемент инвентарного риска – это то, что отличает дилера от агента). Отсутствие инвентарного риска (то есть потерь, которые могут возникнуть в результате обесценивания товара из-за снижения цен или морального устаревания товара) отличает дилера от агента.

Наличие в определениях термина *agent* ‘агент’ таких сем, как *authorized by* ‘авторизованный кем-то’, *to act on behalf of* ‘действовать от лица кого-то’, *represent* ‘представлять кого-то’ позволяет сделать вывод относительно отличий агента от брокера, которое заключается в том, что агент выступает от лица в интересах определенной компании, либо, будучи физическим лицом, является штатным сотрудником и получает вознаграждение от работодателя

за свою работу, в то время как брокер – независимый эксперт, обладающий информацией о продуктах, предлагаемых разными компаниями, работающий в интересах клиента и получающий вознаграждение от него.

На основании данных, полученных в ходе дефиниционного, этимологического и контекстуального анализа, определено содержательное ядро исследуемых терминов-синонимов: *a middleman / intermediary* ‘посредник’, *representative* ‘представитель’. Тем не менее, несмотря на тот факт, что многие словари определяют термины *broker* ‘брокер’ и *dealer* ‘дилер’ через понятие *agent* ‘агент’, к настоящему времени произошла четкая семантическая дифференциация представленных терминологических единиц.

Так, термины *broker* ‘брокер’, *dealer* ‘дилер’, *broker-dealer* ‘брокер-дилер’ и *agent* ‘агент’ являются синонимами и объединены одним содержательным ядром: *a middleman / intermediary, representative* ‘посредник / представитель’, что подтверждается не только наличием общих семантических компонентов, присутствующих в словарных и энциклопедических дефинициях, но и примерами употребления анализируемых терминов. Подытоживая результаты проведенного дефиниционного и этимологического анализа, можно сделать вывод, что содержательное ядро многозначного термина, выявленное на парадигматическом уровне, и содержательное ядро его синонимов, выявленное на синтагматическом уровне, не являются тождественными. На парадигматическом уровне содержательное ядро термина *dealer* ‘дилер’ – «one who buys financial products for resale» (тот, кто покупает финансовые продукты для перепродажи), на синтагматическом уровне – *intermediary / middleman, representative* ‘посредник, представитель’.

Исследование многозначного инвестиционного термина подтвердило предположение о связи полисемии инвестиционных терминов с полисемией их общеупотребительных омонимов и позволило проиллюстрировать тот факт, что инвестиционные термины, как и термины других областей специальных знаний, могут образовываться семантическим способом от многозначных общеупотребительных слов путем терминологизации одного из значений многозначного слова.

ЛИТЕРАТУРА

1. Никитин, М. В. Курс лингвистической семантики / М. В. Никитин. – СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2007. – 819 с.
2. Гринев-Гриневиц, С. В. Терминоведение / С. В. Гринев-Гриневиц. – М. : Академия, 2008. – 304 с.
3. Киселева, С. В. Когнитивные аспекты многозначного слова / С. В. Киселева // Междунар. конгресс по когнитивной лингвистике. Сер. Когнитивные исследования языка. – Тамбов : Издат. дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2010. – С. 306–308.
4. Киселева, С. В. Сущность многозначного слова в английском языке / С. В. Киселева. – СПб. : Астерион, 2009. – 215 с.
5. Архипов, И. К. Проблема языка и речи в свете прототипической семантики / И. К. Архипов // Studia Linguistica. – № 6 : Проблемы лингвистики и методики преподавания иностранных языков. – СПб. : ООО «Политехника сервис», 1998. – С. 5–22.

6. Investment Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://investmentterms.net>. – Дата доступа: 01.12.2019.
7. Downes, J. Dictionary of Finance and Investment Terms / J. Downes. – Barron's Educational Series, Inc. New York, 1998. – 730 p.
8. Investing Glossary InvestorWords [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.investorwords.com>. – Дата доступа: 01.12.2019.

Светлана Владимировна Киселёва

доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры
теории языка и переводоведения
Санкт-Петербургского государственного
экономического университета

Svetlana V. Kiseleva

Grand Ph.D., Assistant Professor in the Theory
of Language and Translation Department,
Saint-Petersburg State University of Economics

Марина Юрьевна Миронова

кандидат филологических наук, старший преподаватель
кафедры английского языка № 2
Санкт-Петербургского государственного
экономического университета

Marina Yu. Mironova

Ph.D., Senior Teacher in the English Department № 2,
Saint-Petersburg State University of Economics

Н. И. Наседкина

Гродно, Беларусь

НЕ ПРИ ДЕТЯХ БУДЕТ СКАЗАНО: КОММУНИКАТИВНЫЕ ТАБУ В ДИАЛОГАХ УЧАСТНИКОВ ИНТЕРНЕТ-СООБЩЕСТВ

В статье на примере речевого выражения *не при детях будет сказано* анализируются особенности коммуникативного табуирования как способа регулирования диалогов участников интернет-сообществ. Рассматриваются различные компоненты во фрейме ситуации коммуникативного табуирования, обусловленного присутствием детей во время разговора (кто говорит, о чем говорит, как говорит и т. д.). Анализируются способы и средства включения речевого выражения *не при детях будет сказано* в высказывания собеседников.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *коммуникативные табу; лингвистическая прагматика; интернет-сообщество; диалог; коммуникативная ситуация табуирования.*

N. I. Nasedkina

Grodno, Belarus

NOT WITH CHILDREN WILL BE SAID: COMMUNICATIVE TABOOS IN THE DIALOGUES OF PARTICIPANTS OF ONLINE COMMUNITIES

The article analyzes the features of communicative taboo as a way to regulate the dialogues of participants in online communities using the example of the speech phrase “not with children will be said”. The author examines the various components in the frame of communicative

taboo situations caused by the presence of children during a conversation (who is talking, what he is talking about, how does he speak, etc.). The article analyzes the ways and means of incorporating the speech phrase “not with children will be said” in the sentences of communicants.

Key words: *communicative taboos; linguistic pragmatics; online community; dialogue; communicative situation of tabooing.*

Новой коммуникативной средой современного цифрового общества становится интернет-пространство. Социально активные пользователи сети объединяются в виртуальные сообщества, в рамках которых создают, осмысливают, ретранслируют информацию и наделяют ее в процессе речевого взаимодействия такими оценочными характеристиками, как одобряемо / неодобряемо, прилично / неприлично, приемлемо / неприемлемо и т. д. В коммуникации такого «сетевого социума» (В. Ю. Нестеров) важную роль играют речевые интенции, служащие регуляции взаимодействия участников интернет-сообщества.

Сетевое интернет-сообщество, иначе онлайн-сообщество, социальная агрегация, комьюнити, представляет собой, по определению М. Кастельса, «сеть меж-личностных связей, обеспечивающую социальное взаимодействие, поддержку, информацию, чувство принадлежности к группе, а также социальную идентичность» [1, с. 153]. Такое сообщество существует в социальном пространстве Интернета и основывается на ценности социокультурного единства его членов [2, с. 12]: территориального, профессионального, возрастного и т. д. В интернет-сообществах формируется собственная «стратификационная система, по-особому распределяются роли и статусы участников» [3, с. 14], складывается «система ценностей, норм и установок, традиции» [4, с. 107], вырабатываются речевые вкусы, что позволяет говорить о коммуникативных субкультурах.

Реализуемая в диалоговой форме коммуникация осуществляется в соответствии с различными предписаниями и нормами: внутренними и внешними, жесткими и мягкими, выраженными эксплицитно и имплицитно. Представляется важным исследовать действующие в сообществах системы контроля и регулирования взаимоотношений, включающие процедуры установления норм и правил, выстраивания системы цензуры, применения санкций к нарушителям и т. д.

Материалом для нашего исследования стали диалоги пользователей в открытых тематических ветках (образование, воспитание детей, медицина) белорусских форумов «Онлайнер» (forum.onliner.by) – далее ФО, форума «Тут говорят» (talks.by) – ТГ, «Гродненского форума» (forum.grodno.net) – ГФ. Объект рассмотрения – метакоммуникативные высказывания, предмет – коммуникативные табу, которые представляют собой негативные предписания (категорические запреты) на различные коммуникативные действия участников общения, нарушение которых должно повлечь соответствующие санкции. Цель исследования – выявить особенности коммуникативного табуирования как способа регулирования интернет-диалога.

Изучение метакоммуникативных высказываний в пределах сетевого дискурса белорусского интернет-пространства позволяет описать изменения, которые происходят в языке и сознании определенной социокультурной общности, а также проследить взаимодействие пользователей сети в рамках виртуального пространства. Метакоммуникативные высказывания выполняют следующие функции: мониторинг диалога с точки зрения соблюдения всеми членами сообщества установленных на форуме правил, в том числе правил, которые появляются внутри групповой беседы; самооценка публикуемых сообщений и оценка речевого поведения собеседника; в том числе самокоррекция и коррекция в моделировании языкового общения, введение санкций или вынесение предупреждения с целью урегулирования конфликтной ситуации, ее снятия.

Коммуникативные табу в диалогах интернет-форума репрезентируются разными способами, в том числе:

1) в виде специальных текстов в жанре запрета в структуре заголовочного комплекса диалога, например: *Не допускайте применения некорректных приемов общения и ведения дискуссий, в частности всех форм провокаций, в том числе троллинга и флейма (употребления слов и выражений, призванных спровоцировать конфликт; личных выпадов; некорректного высмеивания мнения оппонентов, споров ради спора; искажения смысла слов оппонентов, необоснованных обвинений других в провокациях; преследования или организации травли конкретного Пользователя / Модератора несколькими Пользователями...* (ТГ);

2) с помощью метакоммуникативных высказываний, актуализирующих речевые смыслы, обусловленные табу, например: *Неуместный юмор. Вы ведь прекрасно понимаете, о чем идет речь. Но на всякий случай уточню* (ФО, 23.11.2018); *Но-но! Пааапрашу! (с) Что за моветон!* (ФО, 09.12.2018); *Вы переходите от обсуждения вопроса к обсуждению личности оппонента. И это троллинг. Пишите по существу* (ФО, 08.12.2018).

Исследователь Т. Л. Бурдейная разделяет табу по охвату аудитории на всеобщие (касаются всего социума), групповые (присущие конкретному объединению людей) и индивидуальные [5].

В сетевой коммуникации четко выделяется иерархия табу, представленная, как минимум, четырьмя группами:

1) внешние табу, обусловленные принадлежностью пользователей к определенной лингвокультурной общности и отражающие следование общепринятым нормам морали и правилам этикета, законодательным актам и нормативным документам;

2) внутренние табу, устанавливаемые внутри интернет-сообщества и отражающие ценности соответствующей субкультуры;

3) специальные (дополнительные) табу, определяемые в рамках отдельного тематического раздела (ветки) интернет-сообщества и обусловленные характером тематической сферы;

4) личные табу – выбранные и продекларированные одним из пользователей в рамках презентуемой собеседникам модели речевого поведения и обусловленные личностным восприятием коммуникативной ситуации.

В межличностной коммуникации участники сетевого сообщества в качестве метакоммуникативных высказываний могут использовать устойчивые выражения, хорошо известные носителям языка и отражающие национально-культурную специфику речевого общения в этносоциуме при тех или иных обстоятельствах коммуникативной ситуации. Например: *не к столу будет сказано, не при женищинах будет сказано, не при детях будет сказано, не к ночи будь упомянуто, на сухой лес будь помянуто* и т. д. Во фразеологических словарях такие выражения часто имеют пометы «устаревшее» и «просторечное» и получают толкование как обычаи, появившиеся на основе мифологического мышления и суеверий, к примеру: «Не следует говорить о ком-либо, о чём-либо неприятном, опасном».

В современной интернет-речи активно функционируют различные трансформации вышеуказанных устойчивых выражений. Например:

– *Не при галстуке будь сказано* – о темах, которые политики могут обсуждать только при неофициальных встречах (ср. с устойчивым выражением *встреча без галстуков*);

– *Не при включенном Гугле будь сказано* – о темах, которые не следует обсуждать, опасаясь осведомленности представителей спецслужб или публичного обнародования каких-либо сведений.

В диалогическом взаимодействии участников интернет-сообществ подобные метакоммуникативные высказывания могут занимать разную позицию в структуре реплики диалога:

– предварять появление грубого выражения, ограниченного в употреблении слова и т. д., к примеру: *Я то для невесты своей такие одежки, не при детях будет сказано, в секшопе выбираю на Паприке бай* (ГФ, 09.01.2013); *Вижу перевозбудились вы. Предлагаю хорошенько (не при дамах будет сказано) «разрядиться»!* (ГФ, 07.11. 2016);

– следовать за соответствующим выражением, например: *Я благодарна своим свекрам за воспитание моего мужа – никогда при мне или детях он даже в сильном раздражении не вздумает материться, хотя на работе в кругу мужиков – общение мат через мат. В этом я вижу уважение к себе* (ГФ, 22.10.2014).

Форумчанами используются устойчивые выражения с разной целевой нагрузкой, семантическое поле и функциональная нагрузка данных конструкций могут расширяться; отмечается также и нестандартное использование выражений. Рассмотрим ряд примеров.

Один из участников сообщества дает советы молодым женщинам по поиску мужа: *Хватит мечтать, начните с правильного мужа, они, как и правильная зарплата, сами собой не появляются, их нужно искать... ага. И после того, как нашли этого перспективного, нужно еще кое-что МНОГО-МНОГО делать (не при детях будет сказано), чтобы добыча*

не сбежала (ГФ, 22.10.2015). Устойчивое выражение *не при детях будет сказано* выглядит прагматически избыточным после эвфемистической конструкции *кое-что МНОГО-МНОГО делать*, выступающей в качестве вежливого обозначения ситуации интимной близости. Однако поскольку используемый интернет-пользователем эвфемизм не является общеупотребительным и может быть неверно истолкован собеседниками, устойчивое выражение *не при детях будет сказано* служит для того, чтобы помочь адресату обнаружить скрытый речесмысл и правильно декодировать информацию.

Подобные метакоммуникативные высказывания часто используются в речи участников сообществ с целью самооценки и самокоррекции речевого поведения. Интернет-пользователь описывает свое участие в компьютерной игре с включением сексуального сюжета: *После выбора, что я играю за контров, мне вылетает еще одна менюшка, про что это? Во-первых, вылетает только..., да, да... понял, не при детях. Так вот, эта менюшка дает вам шанс выбрать вашу сексуальную ориентацию* (ГФ, 11.06.2007). Кроме устойчивого выражения с функцией вежливости автор использует и другие способы табуирования: умолчание (в письменном тексте стоит так называемое «цензурирующее отточие») и нейтральное терминологическое наименование.

Благодаря использованию устойчивых выражений со значением табуированного речесмысла участники интернет-сообщества достигают нескольких целей: предупреждают негативную реакцию со стороны собеседников, чтобы не было нарушено успешное течение диалога; стремятся сохранять свой имидж комфортных участников диалога; предотвращают возможные санкции со стороны администратора или модератора сообщества.

Впрочем, в целом ряде случаев такие выражения используются как элемент языковой игры, маркируют нарушение коммуникативных норм, фамильярный стиль поведения на грани провокации и фола: *Так, Гриш, фотка в ванной или в wc сделана? Кхм... не при детях будет сказано. закройте дети глаза)))* (ГФ, 26.04.2007). Выражение может использоваться в коммуникативной ситуации спора в функции косвенной идентификации, оскорбительной для адресата: *Судя по постам, посвятить жизнь можно кому угодно – это выбор свободного человека (не при тебе будет сказано)* (02.06.2014); можем вывести имплицитный смысл ‘не при тебе говорить о свободных людях, потому что ты не являешься свободным человеком’. В следующем примере мы видим, что при использовании интернет-пользователем устойчивого выражения, уровень вежливости всего высказывания не только не повышается, а, наоборот, понижается, благодаря включению выражения в структуру реплики диалога ее оценочно-квалификативный характер восприятия только усиливается: *тут уже нужно винить министерство образования за «грамотную» политику продвижения самородков из села в вузы. и, не в обиду будет сказано всем крестам, которые читают эту тему, но чтоб в наше время найти в деревне самородок, надо перелопатить изрядную кучу...* (ГФ, 20.07.2006).

Устойчивые выражения нередко используются форумчанами и для выражения своего отношения к происходящим явлениям в обществе: *Электроклэш – стиль достаточно «холодный», фактически, безразличный ко всему, суровый, основан на гиперсексуальности и, не к ночи будет сказано, постфеминистском движении* (ГФ, 19.06.2008). В данном сообщении автор выражает свою позицию относительно дискриминации по признаку пола, которой подвергаются женщины, акцентируя внимание на объекте обсуждения через личностное восприятие. Приведем еще один пример такой конструкции: *...и гнуть свою линию, и приводить пример того, как легко прославить свой город и свою страну при помощи обыкновенной МУЗЫКИ. И говорить (не к ночи будет сказано) о Евровидении* (ГФ, 11.11.2009). Здесь, как и в предыдущем высказывании, вставная конструкция *не к ночи будет сказано* наделяет сообщение дополнительным смыслом. Автор указывает на тему, о которой, по его мнению, категорически нельзя рассуждать вечером (в какой-то мере отсылает нас к фольклору), что позволяет говорить о том, что вставная конструкция *не к ночи будет сказано* выполняет и нетикетную функцию.

Тематика обсуждаемых проблем на форумах различна. Здесь размываются границы между нормативным и узуальным, «публичным и интимным, сомнительными оказываются этические и эстетические качества информации» [6, с. 150], теряют свою ценность категории вежливости, исчезают категории социальной принадлежности, ставится под сомнение уровень профессионального статуса, на первый план выходят одобрение и оценка обсуждаемого явления другими пользователями. Именно члены интернет-сообщества решают, кто прав, кто «виноват», оценивая смысл коммуникативного высказывания посредством выстраивания «собственной системы цензуры и тем самым оформляя локальную дихотомию «норма-девиация» [7, с. 234]. В свою очередь, именно метакоммуникативные высказывания позволяют сфокусировать внимание исследователей относительно конструирования диалога между участниками интернет-сообществ, что позволяет говорить о необходимости верной интерпретации публикуемых речесмыслов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кастельс, М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе / М. Кастельс ; пер. с англ. А. Матвеева ; под ред. В. Харитонов. – Екатеринбург : У-Фактория, 2004. – 328 с.
2. Кончаковский, Р. В. Сетевое интернет-сообщество как социокультурный феномен : автореф. дис. ... канд. социол. наук : 22.06.06 / Р. В. Кончаковский. – Екатеринбург, 2010. – 22 с.
3. Бондаренко, С. В. Социальная структура виртуальных сетевых сообществ : автореф. дис. ... д-ра социол. наук : 22.00.04 / С. В. Бондаренко. – Ростов н/Д, 2004. – 49 с.
4. Несговоров, А. А. Виртуальные сетевые сообщества: новая социальная реальность / А. А. Несговоров // Изв. высш. учеб. заведений. Социология. Экономика. Политика. – 2012. – № 1. – С. 107–110.

5. Бурдейная, Т. Л. Табу в этносоциальном пространстве [Электронный ресурс] / Т. Л. Бурдейная // Режим доступа: <https://www.online-science.ru/userfiles/file/vjadmrxourjrvxjjiuquohty35nxxrzrm.pdf>. – Дата доступа: 16.09.2019.
6. Пивоварчик, Т. А. Сетевой медицинский дискурс: коммуникативные практики тематических интернет-сообществ / Т. А. Пивоварчик // Вестн. ВГУ. – 2018. – № 4. – С. 148–156.
7. Решенин, С. А. Сложностная этика сетевых сообществ / С. А. Решенин // Вестн. КемГУ. – 2012. – № 1 (49). – С. 232–235.

Надежда Игоревна Наседкина
магистр филологических наук,
аспирант кафедры русской филологии
Гродненского государственного университета
имени Янки Купалы

Nadezhda I. Nasedkina
Master of Philology, Post-Graduate Student
of Russian Philology Department
at Yanka Kupala State University

Л. Н. Неборская
Минск, Беларусь

СТРУКТУРНО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ И ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ГОРОСКОПА КАК ТИПА ТЕКСТА (на материале гороскопов XV и XVII вв.)

В основе настоящего исследования лежит понимание того, что любой тип текст является исторически обусловленной формой воспроизведения определенной конфигурации коммуникативной деятельности человека. Тип текста «гороскоп» изучается в зарубежной и отечественной лингвистике, в первую очередь на материале современного немецкого языка. Позднесредневековый немецкий гороскоп относится к малоизученным типам текста в языкознании. Исследование гороскопа в диахроническом аспекте будет способствовать уточнению проблематики исторических изменений текстов вообще и данного типа текста в частности. В ходе анализа были выявлены композиционные, содержательные, грамматические и лексические характеристики типа текста «гороскоп».

Ключевые слова: *ранненововерхненемецкий период; гороскоп; календарь; тип текста; функция; структура; совет.*

L. N. Neborskaya
Minsk, Republik of Belarus

STRUCTURAL-FUNCTIONAL AND LINGUISTIC FEATURES OF THE HOROSCOPE AS A TEXT TYPE (on the Material of Horoscopes of XV and XVII Centuries)

This study is based on the understanding that any type of text is a historically conditioned form of reproduction of a particular configuration of human communication activity. The type of text “horoscope” is studied in foreign and domestic linguistics, first of all, on the material of modern German language, late medieval German horoscope refers to poorly studied types of text in linguistics. The research of the horoscope in diachronic aspect will help to clarify the problems

of historical changes in texts in general and this type of text in particular. The analysis has revealed compositional, substantial, grammatical and lexical characteristics of the type of text "horoscope".

Key words: *early upper German period; horoscope; maple; text type; function; structure; suggestion.*

Гороскопы достаточно широко представлены в современных средствах массовой информации, ориентированных на различные социальные группы, что, однако, не идет ни в какое сравнение с тем количеством научных работ, которые посвящены исследованию данного феномена. Причина заключается в том, что на протяжении долгого времени «гороскоп» рассматривали как текст исключительно развлекательного жанра, не содержащий никакой достоверной информации. В отношении не только научного, но и в массового сознания ему приписываются такие характеристики, как банальность, тривиальность и иррациональность.

Изучение гороскопов лингвистами носило эпизодический характер и было посвящено, как правило, какому-либо одному аспекту. В 70-е годы XX века интерес к текстам гороскопа фокусировался на изучении его социологического и литературоведческого аспектов. Так, например, философ Т. Адорно выделяет идеологически-тоталитарную функцию гороскопов, которая заключается в том, что гороскоп, не сообщая адресату ничего нового, диктует ему (прямо или косвенно) соблюдение определенных норм социального поведения. Таким образом, текст гороскопа, по мнению Т. Адорно, фиксирует ситуацию приспособляемости к условиям жизни, которая, в свою очередь, может обладать определенной вариативностью в зависимости от характера целевой группы (например, мужчины–женщины, средний класс–элиты общества) [1, S. 142–167].

Немецкий ученый Х. Вайдхазе впервые подверг филологическому анализу гороскопы, рассматривая их с точки зрения литературной традиции [2, S. 109–138]. Основным вывод, который делает автор, заключается в том, что гороскопы выполняют развлекательную функцию и, следовательно, относятся к жанру фикциональной литературы.

Собственно лингвистический анализ гороскопов был осуществлен Б. Зандиг, которая выявляет и описывает прагматилистический потенциал данного типа текста. Применяя теорию речевых актов, Б. Зандиг определяет функцию типа текста «гороскоп» как «*предсказание* посредством вероятного *утверждения*» [3, S. 99]. В своем исследовании Б. Зандиг представляет определенные образцы речевых действий, способствующие реализации текстовой иллюкуции «предсказание» через различные речевые акты, в том числе через директив. В результате формируются определенные образцы речеактовой структуры текста: предсказание – требование – сообщение / предсказание – утверждение – сообщение / предсказание – совет – требование – сообщение и т. д.

Причисление гороскопа к директивному типу текста подвергает сомнению Э. Рольф, который относит его к ассертивному типу текста

ориентирующего характера. Именно высокая степень анонимности адресата, по мнению Э. Рольфа, лишает его прямой директивности. Ориентирующий характер текста заключается в том, что реципиент прибегает к гороскопам как к своего рода консультационной помощи с целью сориентироваться в своей повседневной деятельности [4, S. 173].

Комплексные лингвистические исследования гороскопов практически в один и тот же период времени были предприняты А. Бахманн-Штайн [5] и К. Фуртманн [6].

Таким образом, краткий обзор исследований, посвященных гороскопу, позволяет сделать вывод о том, что анализу подвергается исключительно современный гороскоп, представленный в средствах массовой информации. Диахроническое же исследование данного типа текста не предпринималось.

В культурно-историческом контексте становление гороскопов уходит глубокими корнями в далекую древность и является своего рода развитием традиции предсказаний и пророчеств. Как письменный текст гороскоп сформировался к VI веку до н. э. в Греции, первые тексты представляли собой серьезные астрологические рассуждения, которые базировались на научных знаниях того времени. Их составление было достаточно трудоемким процессом, связанным с точными математическими расчетами расположения звезд и планет, которое можно было интерпретировать с помощью символов и знаков с целью описания характеристик личности и прогнозирования будущего.

Наше исследование посвящено анализу двух образцов ранненововерхненемецких текстов, значительно отличающихся друг от друга не только хронологически, но и содержательно.

В XV веке на территории Германии широкое распространение получили так называемые годовые календари (*der Jahreskalender*), которые сначала представляли собой единичные образцы, написанные от руки, затем, с развитием книгопечатания, произошло увеличение тиражирования календарей или календарных листков. Это привело к тому, что их авторами часто становились уже дилетанты, а не математики и астрологи.

Первый текст – это рукописный календарь, написанный в Регенсбургской епархии, датируемый приблизительно 1416 г. Автор текста неизвестен. В настоящее время текст хранится в университетской библиотеке г. Фрайбурга. Календарь состоит из 1) лунно-солнечного календаря; 2) гороскопа в прозе; 3) рифмованного гороскопа; 4) изложения ежемесячных правил соблюдения диеты, принятия ванн и кровопускания (таблица распределения дней кровопускания в лунно-солнечном цикле с пометками о знаках зодиака, местах кровопускания и с информацией о том, подходит ли этот день для кровопускания или нет); 5) правил расчета дат лунного календаря (так называемая компустическая схема) [7]. Особенность данного календарного сборника состоит в том, что он полностью составлен на немецком языке, для того времени это было редкостью, т. к. в основном встречались двуязычные, немецко-латинские варианты.

Страница лунно-солнечного календаря разделена на 7 столбцов. Первый столбец – буквы, обозначающие знаки зодиака, второй столбец – обозначение лунных дней, третий столбец – обозначение часа, столбцы 4 и 5 – обозначение минут, столбец 6 – солнечные знаки, столбец 7 – святые и церковные праздники. На полях страниц можно различить пометки к знакам зодиака и к наблюдениям за планетами. Кроме того, текст дополняют написанные, очевидно, другой рукой заметки, например, в столбце *церковные праздники и святые*, или пометки красным о подвижных праздниках.

На первой странице лунно-солнечного календаря непосредственно перед текстом – заголовок *Der Jenn hat xxxi tag Jannuarius KL Gännår* ‘В январе 31 день Януариус Календарь Январь’. После текста на каждой странице календаря располагается рифмованный двустрочный текст, который представляет собой так называемый «календарный стих» – советы по правильному питанию согласно представлениям того времени [8, с. 131–146]: *Gann pin ich genant Grozz trůnkch sei mir wol kunt In dem Jann ift gefunt warms effen zu all ftund* ‘Меня зовут Январь. Для меня характерно много питья. В январе следует употреблять теплую пищу в любое время суток’.

Лунный гороскоп для каждого знака зодиака предваряет повторяющийся текст, который содержит предложение следовать рекомендациям, ориентируясь при этом на положение луны: *Man sol merken alle dinck dÿ do her nach geschriben sten zu tuen Vnd zelossen wen der mon in dem zaichen ist Das selb ist zuusten wenn das selb zaichen auf get es sey der mon dar inn oder nicht* ‘Следует учитывать и делать все, что здесь написано, если луна находится в знаке. Благоприятно, если появляется этот знак, в независимости от того, будет ли луна в нем или нет’.

В качестве примера рифмованного лунного гороскопа приведем пример рекомендаций для знака зодиака «овен»: *wider DEs haubtes solt du yrtzneien nicht Wenn d mon stet in des wider licht ... part schern solt du dich massen* ‘Овен. Не следут лечить голову, если луна находится в знаке овен <...> бороду стричь следует осторожно’.

Правила для диеты, принятия ванн и кровопускания, рассчитанные по месяцам: *Nu uolget hernach wie sich d menſch halden fol mit ad laſſñ vnd mit effen ze einem yeden māñt Im Jar In dem Jānn lazz nit vil durch des newn pluetz willn· Dein effen fey zemazz warm* ‘Теперь соблюдайте порядок действий при кровопускании и питании в каждом месяце. В году в январе не пускайте много новой крови. Твоя еда должна быть в меру горячей’.

Гороскоп кровопусканий содержит описание зависимости выбора частей тела для кровопускания от знаков зодиака: 1) *Hie vindet māñ zu welhen gliden dez menſchen sich dÿ·xii·zaichen vnd tailunh des himels gleichen Der wider geleicht sich zue des menſchn hawbt* ‘Здесь можно найти, к каким частям тела человека подходят 12 знаков и частей неба’; 2) *Vnd als des himmels krais getailt ift in ·xii· stuck ader in zwelf zaichn Also ift des menſchn leichnam getailt i ·xii· gelid Vnd dye zwelf gelider des menſchn geleicht māñ zue de zwelf zaichn des himels Und wenn der mon stet in de zaichen der zwillung·fo fol mā auf den armen*

vnd auf den henden ze ader lassen ‘И так, как небесный круг разделен на 12 частей или 12 знаков, человеческое тело делится на 12 частей. 12 частей человеческого тела приравнивают к 12 небесным знакам. Если луна находится в знаке Близнецы, то кровь следует пускать на предплечье или руках’; 3) *zue welcher zeit nach des mons alter ma nit laffn fol Es ift zewiffen ... vnd befunderlich fol du nit lassen wenn der mon new wirt* ‘В какое время согласно возрасту луны не следует делать кровопускание, можно узнать, следовательно, тебе не следует пускать кровь, если луна растет’; 4) *Auch der dÿ adern flecht der fol haben guet maß vnd fol sich richten nach der kraft des menschen vnd nach dem alter des menschn vn nach der zeit* ‘Тому, у кого не в порядке вены, следует соблюдать меру и надо ориентироваться на силу человека, его возраст и на время’.

Анализ адресантно-адресатных отношений в данных текстовых фрагментах позволяет выявить анонимность адресата, которая реализуется через употребление неопределенно-личного местоимения *man*, личного местоимения 2 л. ед. ч. *du* и местоимения *der*, атуализирующего обобщенное значение. Высказывания рекомендательного характера оформляются в конструкции с модальным глаголом *sollen* со значением рекомендации и *sein* + *zu* + *Infinitiv* со значением необходимости.

Второй текст «Перечень и толкование Зибелием некоторых случаев, с которыми неожиданно сталкивается человек, согласно разному движению луны в системе 12 небесных знаков. Объяснение случаев из человеческой жизни согласно движению луны» написан в 1669 в г. Брауншвейг и, в отличие от первого текста-календаря, у него есть автор – Цебель [8]. Текст состоит из 12 глав согласно 12 знакам зодиака, которые озаглавлены идентично: *Mond im Wieder* ‘Луна в знаке Овен’, *Mond im Stier* ‘Луна в знаке Телец’, *Mond im Zwilling* ‘Луна в знаке Близнецы’ и т. д.

Толкованию в тексте подвергаются 42 ситуации, достаточно часто встречающиеся в повседневной практике любого человека. Данные ситуации можно разделить на тематические группы: 1) части тела / действия физиологического характера, например: *Wann einem die Ohren anheben zuklingen* ‘Если у кого-нибудь звенит в ушах’, *Wenn einer offft und viel nieset* ‘Если кто-нибудь часто и много чихает’; 2) домашние животные: *Wann die Hüner krehen?* ‘Если куры кудахчат?’, *Wann die Hunde heulen* ‘Если собаки воют’; 3) недомашние животные: *Wann die Raben anheben zuschreyen* ‘Если вороны начинают кричать’; *Wenn einer siehet einen Vogel auff die Erde fallen* ‘Если кто-нибудь видит, как птица падает на землю’; 4) бытовые события *Wenn die Wände anheben zu platzen / oder zerreißen* ‘Если стены начинают рушиться’, *Wenn einer einen Becher Wein oder Bier ümstosset* ‘Если кто-нибудь опрокинет кружку вина или пива’; 5) неожиданные встречи *Wenn einer im Schlappe ein böse Gespenste siehet* ‘Если кто-нибудь во сне увидит приведение’; *Wenn einem ein alt Weib begegnet* ‘Если кто-нибудь случайно встретит старую женщину’; 6) эмоции *Wenn einer plötzlich traurig wird* ‘Если кто-нибудь внезапно загрустит’.

Мы разделили все толкования с точки зрения их позитивного или негативного влияния на жизнь человека и пришли к выводу, что наблюдается равнозначное распределение ситуаций положительного и, соответственно, отрицательного влияния – 21 ситуация на каждый вектор.

Следует также отметить, что толкования одной и той же ситуации у каждого конкретного знака не повторяются, например, рассмотрим ситуацию *Wenn einem die Hände jucken* ‘Если у кого-нибудь чешется ладонь’: 1) *Wieder. Bedeutet das einem bald ein groß Glück wiederfahren solle / oder das er etwas nützlich und fruchtbarlich erwerben / und viel gewinnen werde / oder solch ding bekommen / die einem wol gelegen seyn* ‘Овен. Означает, что у кого-нибудь будет большая удача, или что он приобретет что-либо полезное и необходимое, или у него будет выигрыш, или он получит такую вещь, которая ему понравится’; 2) *Stier. Bedeut / daß einer im kurtzen von Fischen werde essen/und davon ungesund werden* ‘Телец. Означает, что он скоро будет есть рыбу и отравится ею’; 3) *Zwilling. So bedeuts einem grosse Noth / Armuth und Mangel / und das Er nicht bekommen werde / darauff er seine Hoffnung setzen thut / und das er werde mit spielen und wetten verliehren / und so Er werde Geld verleihen / wird Er darumb betrogen* ‘Близнецы. Это означает большую беду, бедность и нужду, он не получит то, на что надеется. Он испытает неудачу в игре и в споре, а если он займет кому-нибудь деньги, его обманут’; 4) *Krebs. Bedeutet / das einem wird ein stattlich Geschencke gegeben werden / oder das einer werde Geld bekommen / oder dasjenige erlangen und erhalten / was Er gerne haben will* ‘Рак. Означает, что кто-то получит хороший подарок, или что он получит деньги, или получит именно то, что он желает’.

Толкования касаются очень общих тем: путешествие, война, деньги, друзья, болезни, общее состояние, отношения с вышестоящими чинами, личные отношения, хорошие или плохие известия, праздники и т. д.

Анонимность адресата в данном тексте реализуется местоимениями с обобщенным значением: *einer, er, jemand, man*. Высказывания построены по формуле *wenn-dann* ‘если-то’ (*wenn / wann – bedeutet / bedeutet / so bedeuts / so bedeutet es / es wird ... werden / er soll ...* ‘если – означает – он будет / он станет – ему следует ...’).

Анализ позволяет выявить ряд специфических характеристик типа текста «гороскоп»:

1. Анонимный характер отношений между адресантом и адресатом объясняет выбор определенных языковых средств, реализующих обобщенное значение адресации, а именно использование местоимений *einer, er, jemand, man, der*, а также безличных модальных конструкций с обобщенным значением.

2. С точки зрения особенностей построения проанализированные тексты значительно отличаются, так как реализуют разные области функционального применения. Первый текст – сборник нескольких текстов, объединенных тематически: рекомендации бытового и медицинского содержания на каждый день и месяц согласно лунно-солнечному календарю. Второй текст

представляет собой сборник предсказаний-суеверий, удачно скомбинированных в зависимости от знака зодиака. Следует отметить, что ни в одном тексте нет обозначения типа текста «гороскоп» в заголовочной или подзаголовочной части. Типичным, однако, для обоих текстов является апелляция к знакам зодиака, что также позволяет нам прийти к выводу о том, что мы имеем дело с типом текста «гороскоп».

3. В первом случае иллюкативной целью является рекомендация или совет (суггестив), во втором случае – предположение (ассертив).

4. Тематическая структура проанализированных текстов позволяет причислить их к текстам повседневного обихода, т. к. в обоих текстах представлен широкий спектр тем, касающейся проблем и вопросов жизни представителей определенной эпохи. Для текста-календаря характерно обращение к вопросам, в первую очередь медицинского содержания. Текст Цибелиуса затрагивает широкий спектр тем, касающихся повседневной жизни любого человека в любой стране и в любую эпоху. На основании анализа тематического и языкового содержания текстов гороскопов можно сделать вывод о том, что они подчиняются общему коммуникативному образцу, в основе которого лежит цель передать адресату идею о том, что его повседневная жизнь поддается регуляции, что ее можно упорядочить со ссылкой на авторитет – расположение звезд. Создается своего рода ощущение безопасности, которое подкрепляется визуальными средствами – графиками, рисунками, таблицами.

5. Грамматические и лексические особенности исследованных текстов определяются общим авторским замыслом: на лексическом уровне – специальная астрологическая терминология (названия знаков зодиака, названия небесных тел); на грамматическом уровне – доминирование временной формы презенса без лексических маркеров актуализирует вариант значения «будущее»; синтаксический образец *wenn-dann* (прогностический характер высказывания), местоимения и модальные конструкции.

Таким образом, выявленные типологические характеристики позволяют отнести исследованные тексты к текстам так называемой популяризированной или вульгарной астрологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Adorno, Th. W. Aberglaube aus zweiter Hand. Zur Sozialpsychologie der Zeitungshoroskope / Th. W. Adorno // *Psyche. Eine Zeitschrift für psychologische und medizinische Menschenkunde* / hrsg. von W. Hochheimer und A. Mitscherlich. Jahrgang 12, Heft 1. – Stuttgart : Ernst Klett Verlag, 1959. – S. 561–633.
2. Weidhase, H. Himmelsauskunft in irdischer Sprache. Materialien und Gedanken zum literarisch-publizistischen Kleingenre „Horoskop“ / H. Weidhase // *Der Deutschunterricht* 30, Heft, 6. – Hannover : Friedrich Verlag, 1978. – S. 109–138.
3. Sandig, B. Stilistik. Sprachpragmatische Grundlegung der Stilbeschreibung / B. Sandig // Berlin, New York : de Gruyter, 1978. – 197 S.
4. Rolf, E. Die Funktionen der Gebrauchstextsorten / E. Rolf // *Grundlagen der Kommunikation und Kognition*. – Berlin, New York : de Gruyter, 1993. – 339 S.

5. *Bachmann-Stein, A.* Horoskope in der Presse. Ein Modell für holistische Textsortenanalysen und seine Anwendung / A. Bachmann-Stein // Frankfurt am Main : Peter Lang Verlag, 2005. – 276 S.
6. *Furthmann, K.* Die Sterne Lügen nicht. Eine linguistische Analyse der Textsorte Pressehoroskop / K. Furthmann // Göttingen : V&R unipress , 2006. – 460 S.
7. Kalender – Zodiakalmondbücher – Monatsregeln – Aderlassbuch [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http:// dl.ub.uni-freiburg.de](http://dl.ub.uni-freiburg.de). – Дата доступа: 04.10.2019.
8. Verzeichnis und Außlegungen Zebelis etlicher Zufälle, welche den Menschen unversehens zuwiderfahren pflegen, nach unterschiedlichen Lauff des Monden durch die zwölf himlischen Zeichen. Erklärung etlicher der Menschen Zufall nach des Monden Lauff [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http:// de.wikisource.org](http://de.wikisource.org). – Дата доступа: 04.10.2019.

Лариса Николаевна Неборская

кандидат филологических наук, доцент,
зав. кафедрой теории и практики немецкого языка
Минского государственного лингвистического университета

Larisa N. Neborskaya

PhD, Associate Professor,
Head of Department of the Theory and Practice of the German Language
at Minsk State Linguistic University

И. И. Панова

Минск, Беларусь

СТЕПЕНЬ МАРКИРОВАННОСТИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ВАРИАНТОВ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В ПРОСОДИИ РАЗНЫХ СТИЛЕЙ РЕЧИ

В статье представлены результаты сравнительного экспериментально-фонетического изучения степени и границ эксплицитности территориальной вариантности в просодии разных стилей полинационального английского языка как неотъемлемого признака продуктивной нормативности устной речи в каждом территориально отдаленном ареале. Достоверные просодические контрасты разной степени и объема эксплицитности установлены на базе данных перцептивного и акустического анализа в структурах новостных бюллетеней, спортивных комментариев, официально-деловых и обиходно-бытовых реализаций фраз носителями австралийского, канадского и британского вариантов современного английского языка.

Ключевые слова: *просодия; национальный вариант; стандарт; контрастивность; стиль речи; граница; тождество; различие.*

I. I. Panova

Minsk, Republic of Belarus

DEGREE OF MARKING NATIONAL VARIANTS OF THE ENGLISH LANGUAGE IN THE PROSODY OF DIFFERENT SPEECH STYLES

The article contains the results of the experimental comparative study into the prosodic structuring of British, Australian and Canadian oral speech which revealed essentially different amounts and degrees of contrasts within tone, accent and tempo subsystems depending on the specificity of the style and genre of oral communication.

Key words: *prosody; national variant; standard; contrastivity; style of speech; boundary; similarity; distinction.*

Межвариантные расхождения в просодии носителей современного английского языка разной этнической принадлежности как важной формы проявления культуры речи, согласно многочисленным наблюдениям, имеют двойственную природу, определяемую, с одной стороны, внутренними ограничениями самой просодической структуры или ее компонентов и, с другой, пределами допустимой свободы ее функционирования в той или иной сфере речевой коммуникации.

В современной интонологии исследования просодического формообразования речевых единиц разной сложности, проведенные и проводимые на материале разных языков, показывают, что нормативное многообразие их структур зависит наряду с лингвистическими факторами также от территориальных, социальных, функционально-стилистических и прагмакоммуникативных условий речевой коммуникации.

Плюроцентричность орфоэпически закрепленной нормативности современного английского языка как глобального, функционирующего в качестве родного в обширных по своим размерам территориально отдаленных ареалах, обусловила необходимость использования термина *Englishes* (английские языки) [1; 2] на основании признания автономности национальных стандартов и, в первую очередь, орфоэпически разной интегрированности каждого из вариантов английского языка его внутреннего круга (*inner circle*), динамика вариантной нормативности которых на сегментном уровне уже нашла отражение в произносительных словарях и даже в ряде отдельных учебных изданий [3; 4; 5].

Как показывает наблюдение, а также данные отдельных исследований, диапазон нормативности языковых средств на всех уровнях их анализа определяет действие разнонаправленных тенденций: это, с одной стороны, интернационализация употребления языковых единиц, а с другой, абсолютизация национальной специфики в первую очередь, несомненно, в произношении и лексике [6; 7].

Следовательно, наряду с масштабным распространением англоязычной языковой культуры в XX веке в разных странах, исторически поддерживалась тенденция сохранения специфики каждого территориально отдаленного сообщества в использовании выразительных средств, способствующих формированию собственно национальных орфоэпических стандартов. В каждом отдельном языковом социуме степень и объем структурной дифференциации языковых средств функционально-стилистически регулируются. В этом плане наиболее монопольное употребление выразительных средств имеет место в официально-деловой речи, а именно в публицистике как наиболее институционально заданном дискурсе [8].

Как известно, системные и структурные признаки фразовой просодии могут быть в разной степени обусловлены необходимостью дифференцировать жанрово-стилистическую ограниченность реализации определенного

дискурса. В связи с этим в течение ряда лет нами была проведена серия сравнительного рассмотрения просодического структурирования английской устной речи наименее изученных на просодическом уровне территориальных вариантов – австралийского и канадского. Их сравнение не рассматривалось нами с позиции теоретической корреляции «вариант – инвариант», поскольку инвариант не есть некая реальная конкретная сущность, и, следовательно, национальные разновидности языка оценивались как равноправные просодически нормативные стандарты, признаваемые их носителями в каждой из этих стран как правильные и функционально уместные.

Важными в проводимом нами исследовании были поиск и установление таких категориальных свойств просодической системы, как соотношение константного и вариативного в австралийском и канадском английском языках в качестве наименее изученной области орфоэпической вариантологии.

В более узком плане наше исследование было ориентировано на выявление диапазона и границ потенциальных парадигматических оппозиций в просодических структурах фраз разных жанрово-стилистических видов устных сообщений носителей указанных территориальных вариантов.

Объектом просодического изучения являлись 1 200 ситуативно мотивированных речевых образцов официально-деловой и нейтрально-бытовой речи девяти австралийцев, канадцев и англичан, интонационная реализация которых определялась путем сравнения с определенным «внешним» объектом, т. е. другим вариантом (в нашем случае британским). Отличия от него определяли меру специфичности каждого территориального варианта, которое можно установить тогда, когда есть сходство.

Речь всех испытуемых находилась в пределах орфоэпического стандарта в каждом отдельном национальном сообществе, ситуативная реализация их речи в каждой сфере общения объективно требовала от информанта повышенного внимания к избирательности языкового выражения.

Рассматривались речевые образцы британских, австралийских и канадских теленовостных бюллетеней с учетом их тематически идентичного содержания, публичных официально-деловых сообщений, футбольных комментариев международных футбольных матчей и спонтанных синтаксически разных видов вопросов как нейтральной, так и повышенной негативной эмотивности на бытовую или деловую тематику. Включение разных сфер речевой коммуникации обусловлено тем, что стилеобразующие экстралингвистические факторы влияют на формирование их стилистически нормативных выразительных средств, которые потенциально в комплексе представляют собой регулятивный аспект национальной специфики речевой культуры ее носителей в каждой из указанных стран.

Аутентичный речевой материал новостных сообщений и футбольных комментариев был получен с помощью каналов ABC, CBC и BBC в 2016–2018 годах в режиме доступа Youtube. Выборка фраз официально-деловой и обиходно-бытовой речи была сформирована из художественных фильмов в исполнении профессиональных актеров в соответствии с их ролевыми образами.

Например:

1. Новостные сообщения.

BE (Британский вариант)

According to police figures about five thousand people took part in yesterday's antigovernment demonstration 'Согласно данным полиции, около пяти тысяч человек приняли участие в антиправительственной демонстрации'.

AE (Австралийский вариант)

Tonight asylum seekers revealed new details about a confrontation with Australian Navy personnel on the high seas 'Сегодня вечером политические беженцы раскрыли новые подробности относительно столкновения с персоналом австралийского военного флота в открытом море'.

CE (Канадский вариант)

After weeks of procedural wrangling between the government the opposition MPs said it was the chance to grill the head of Elections Canada Marc Mayrand 'После нескольких недель процедурных споров в правительстве члены парламентской оппозиции считают необходимым допросить главу избирательной комиссии Канады Марка Мэйранда'.

2. Официально-деловая речь.

BE

I'd like to see your customer reference number, please 'Покажите, пожалуйста, ваш справочный номер'.

AE

You know why you've been called to give evidence, Mrs Chamber 'Вы знаете, почему Вас пригласили дать показания, миссис Чембер'.

CE

You have had an opportunity to speak with the council and a unit member 'У Вас раньше была возможность поговорить с советом и членом его отдела'.

3. Обиходно-бытовая речь.

BE

This is my general feeling about the course 'Это мое общее впечатление о курсе'.

AE

I don't think they really want me to stay on 'Я не думаю, что они на самом деле хотят, чтобы я остался'.

CE

The circumstances weren't working for me, you know 'Обстоятельства были против меня, видите ли'.

Идентификация территориальных реализаций всех речевых образцов носителями британского или американского варианта, а также неносителями английского языка с высоким уровнем его владения находилась в зоне 79–96 % достоверности в зависимости от ситуативной принадлежности фраз. Нижний порог опознавания составляли новостные бюллетени и вопросительные структуры нейтральной эмотивности.

Графическая регистрация просодических структур фраз на перцептивном уровне проводилась опытными аудиторами по пяти воспринимаемым признакам и в дальнейшем по четырем показателям их акустических величин.

Достоверность полученных воспринимаемых и акустических количественных данных по усредненным значениям при их контрастивном противопоставлении базировалась на симптоматической значимости отклонения более 70 % случаев, а не вероятностной статистике, тем не менее они носили достаточно устойчивый прогнозирующий характер в плане наличия / отсутствия в них дифференцирующей закономерности.

Эксперимент показал, что национальные маркеры в фразовой интонации по идентичным признакам не обнаруживают одинаковую степень интравариантного контраста в сравниваемых вариантах и в их интервариантных жанрово-стилистических видах.

Более близкие значения по частотной встречаемости воспринимаемых признаков в просодических структурах фраз имели место в новостных сообщениях, о чем свидетельствовало также отсутствие большого размаха в них количественных показателей частоты основного тона (ЧОТ) и среднеслоговой длительности (СДС). Их территориальные различия, как видно на рис. 1, заключаются преимущественно в несовпадении дистрибуции и частотности типов тонального завершения финальных и нефинальных интонационных групп, реализации минимальных и максимальных значений частоты основного тона, превалировании эмфатических ударений в канадском варианте.

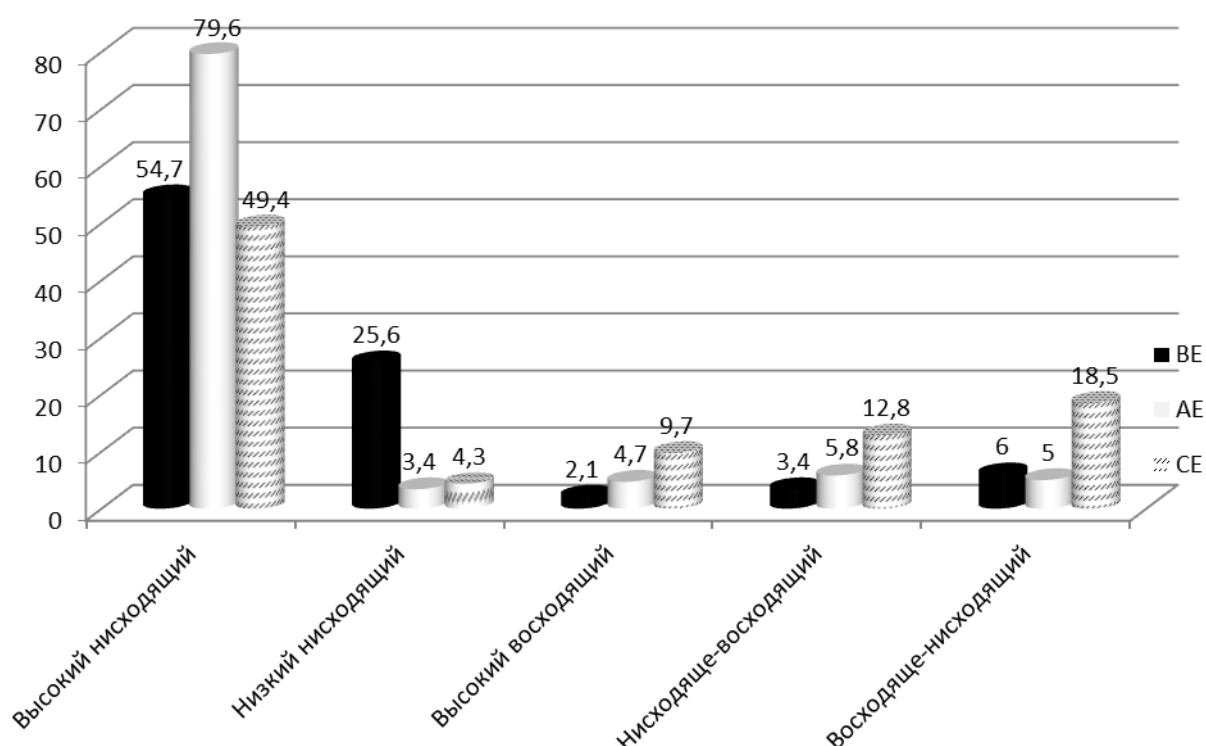

Рис. 1. Направление терминального тона во фразах новостных сообщений

Идентификация трех территориальных вариантов как автономных просодических образований была наиболее эксплицитной в эмоционально маркированных фразах: вопросах негативной коннотативности и футбольных комментариях. Их константные различия при сравнении в парадигматических парах имели место в тональных, темпоральных и акцентных признаках, большее параметрическое сходство которых характерно для

австралийского варианта и бóльшая дистантность канадских просодических структур относительно британских фраз, более ярко выраженная в предъядерной части высказываний, как видно на рис. 2.

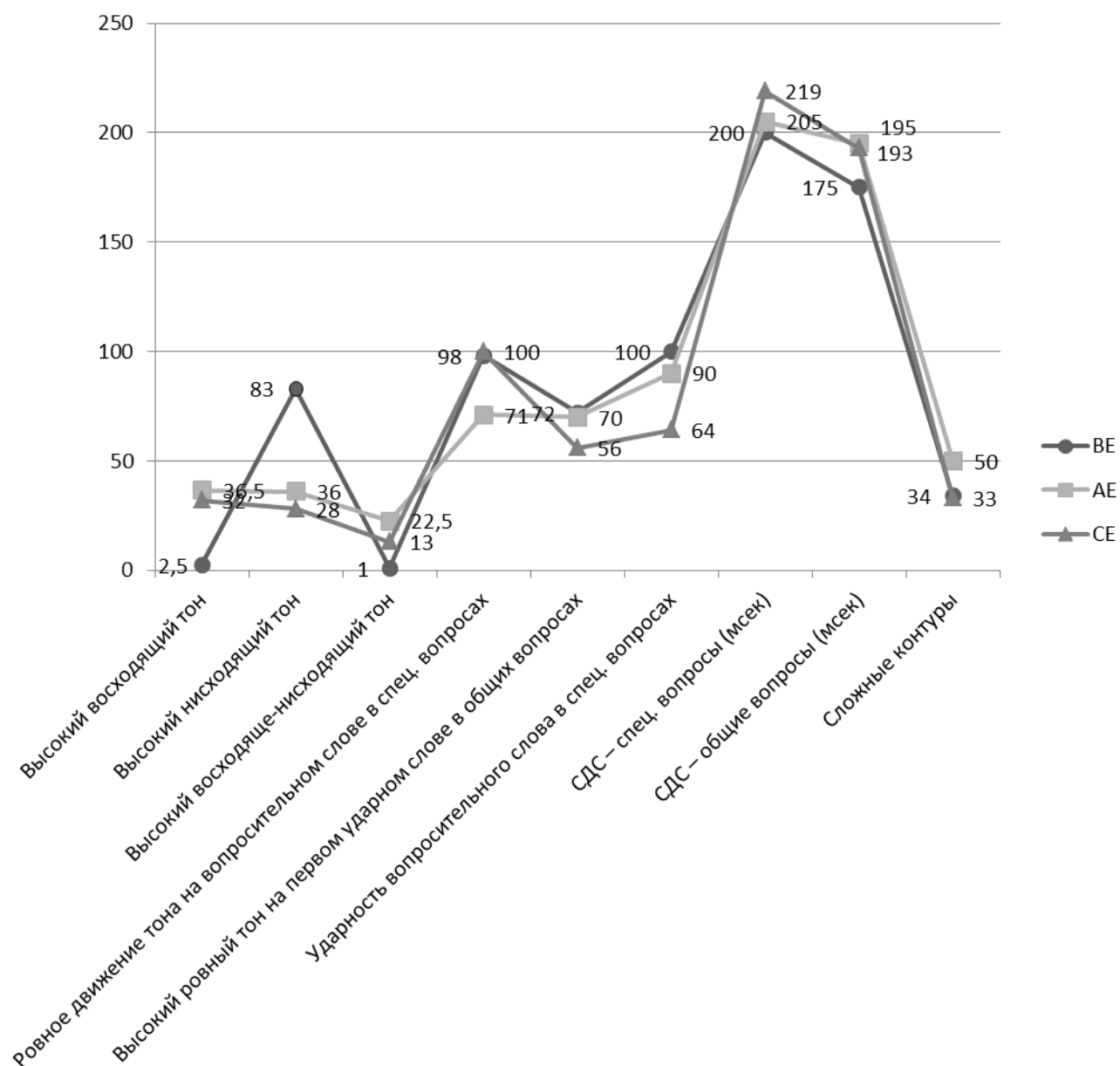

Рис. 2. Негативно маркированные вопросы

В целом в пределах всего объема исследуемого речевого материала наблюдается бóльшая частотность случаев количественного сходства темпоральных и акцентных признаков фраз, совокупность которых и представляет общее ядро в пределах просодической макросистемы единого полинационального языка. Дистрибуция и структурные свойства тональных признаков характеризуются меньшей устойчивостью на фоне параметрических значений темпа и фразовой слоговыделенности и, следовательно, по степени их различия и дистрибутивной упорядоченности разных форм, за исключением нулевой рекуррентности высокого восходящего тона в завершении фраз в новостных сообщениях и вопросах, являются ведущими просодическими индикаторами национальных вариантов английского языка и их структурно автономной нормативности.

Эксперимент показал, что различия национально обусловленных интонационных структур фраз носят не инвентарный, а градуальный характер одних и тех же признаков. Межвариантный индекс их отличия от британского варианта, например, по максимуму ЧОТ фраз в австралийском, находится в соотношении 1:32, а в канадском 1:14; диапазон ЧОТ, наоборот, равен 0,74 в австралийском и 0,81 в канадских фразах.

При сохранении однонаправленной тенденции распределения количественных показателей большинства признаков в разных жанрово-стилистических видах официально-деловой речи в каждом из сравниваемых территориальных вариантов количественные пороги их контрастивности имеют хотя и не абсолютный, но разновеликий характер дистантности. Шаговую величину диапазона их территориально зависимой эксплицитности можно выразить в виде убывающей последовательности: эмотивно маркированные вопросы > футбольные комментарии > нейтрально-бытовая речь > официально-деловая речь > новостные сообщения. Иерархическая шкала разностилистической просодической дистантности как оценочный показатель их перцептивно осознаваемого различия носителями и неносителями английского языка относительно значительно преобладающего сходства дает возможность и даже необходимость использовать термин *национальный вариант* просодической культуры английской литературной устной речи в Австралии и Канаде.

ЛИТЕРАТУРА

1. Kachru, B. B. Models for Non-Native Englishes / B. B. Kachru // The Other Tongue: English Across Cultures, ed. by B. Kachru. Urbana & Chicago : University of Illinois Press, 1992. – P. 48–74.
2. Crystal, D. English as a Global Language / D. Crystal // Second Edition. Cambridge University Press, 2003. – 320 p.
3. Avis, W. S. Dictionary of Canadisms of Historical Principles / W. S. Avis. – Toronto, 1967. – 1124 p.
4. Delbridge, A. The Macquarie Dictionary / A. Delbridge and others. – North Ryde, 2001. – 2504 p.
5. Shachbagova, D. A. Varieties of English Pronunciation / D. A. Shachbagova. – M., 1982. – P. 246.
6. Швейцер, А. Д. Литературный английский язык в США и Англии / А. Д. Швейцер. – М. : УРСС, 2008. – 199 с.
7. Казак, Е. А. К проблеме варианта литературного языка / Е. А. Казак // Проблема языковой вариативности. – М., 1990. – С. 68–74.
8. Шевченко, Т. И. Фонетика и фонология просодии делового дискурса / Т. И. Шевченко, Л. Н. Сибилева // Фонетика и фонология дискурса / Вестн. МГЛУ. – Вып. 1 (580). – Языкознание. – М. : ИПК МГЛУ «Рема», 2010. – С. 186–204.

Панова Инна Ивановна

кандидат филологических наук, профессор,
профессор кафедры теории и практики английской речи
Минского государственного лингвистического университета

Inna I. Panova

Candidate of Philological Sciences, Professor,
Professor of the English Speech Theory and Practice Department,
Minsk State Linguistic University

Т. И. Петухова
Санкт-Петербург, Россия

КАРТИНА МИРА ХУДОЖНИКА И ЯЗЫК ЭМОЦИЙ В РОМАНЕ ЛУИЗЫ ПЕННИ «THE LONG WAY HOME»

В статье на материале романа канадской писательницы Луизы Пенни рассматривается трансформация эстетических взглядов художника и анализируется репрезентация основных составляющих его картины мира. Значимую роль в экспликации создаваемого художником образа играют эмоции, которые воспринимаются и оцениваются зрителем. Идентификация эмотивных смыслов, заложенных художником в картинах, способствуют пониманию его творчества реципиентом, а их объективация в тексте романа играет важную роль в эвокации эмпатии читателя по отношению к персонажам.

К л ю ч е в ы е с л о в а: картина мира художника; трансформация картины мира; эмотивный смысл; эстетическая эмпатия; художественное восприятие.

T. I. Petukhova
Saint Petersburg, Russia

THE ARTIST'S WORLDVIEW AND THE LANGUAGE OF EMOTIONS IN THE NOVEL BY L. PENNY "THE LONG WAY HOME"

The article considers the transformation of the aesthetic view of an artist in the novel "The Long Way Home" by L. Penny and analyses the representation of the main constituents of the artist's worldview. Emotions, which play a significant part in the explication of the artistic image, are perceived and evaluated by recipients. Identification of emotive meaning carried by the picture contributes to understanding of the artist's creative work. Representation of emotions in the novel helps to evoke the reader's empathy.

Key words: *artist's worldview; transformation of the worldview; emotive meaning; aesthetic empathy; art perception.*

Проблема исследования процессов создания и восприятия произведений искусства уже много лет неизменно привлекает внимание специалистов в различных областях знаний – философов, культурологов, искусствоведов, лингвистов. Она вызывает особый интерес и у писателей, которые нередко делают художника центральным персонажем своих произведений, репрезентируя биографические и творческие аспекты его деятельности. Это неудивительно, т. к. картина мира творца, создателя живописного произведения, – это особый мир, полный эмоциональных переживаний и размышлений о жизни, окружающей действительности и тайнах бытия. К теме художественного творчества обращались многие британские и американские писатели: Сомерсет Моэм (*The Moon and Sixpence* 'Луна и грош'), Ирвинг Стоун (*Lust for Life* 'Жажда жизни', *The Agony and Ecstasy* 'Муки и радости'). Нередко обращаются к этой теме и авторы детективных романов, для которых таинственный мир художника, притягательные образы созданных им произведений становятся основой для формирования запутанных и непредсказуемых сюжетных линий: Агата Кристи (*Five Little Pigs* 'Пять поросят'), Элизабет Лоуэлл (*Die in Plain Sight* 'Смерть в чистом виде').

Канадская писательница Луиза Пенни, создавшая ряд увлекательных детективных романов о расследованиях инспектора Гамаша, также проявляет явный интерес к искусству живописи, задавая следующие вопросы: что стоит за изображением, в чем тайна созданного художником образа, почему одно произведение вызывает отклик у зрителя, а другое оставляет его равнодушным? В центре сюжетных линий ряда ее романов – супружеская пара Клара и Питер Морроу, которые, с одной стороны, очень близки друг другу и стараются понять, что хочет сказать своим творчеством партнер, но вместе с тем идут в искусстве каждый своим путем. Интерес представляет то, каким образом картина мира художника объективируется на языковом уровне в литературном произведении, какие аспекты творческой деятельности находятся в фокусе внимания писателя, представителя определенной лингвокультуры, какова роль языковой экспликации мыслей и эмоций художника и персонажей, воспринимающих его картины, в эвокации эмпатии читателя.

Для анализа картины мира художника, представленной в романе Луизы Пенни *The Long Way Home* ('Долгий путь домой'), необходимо прежде всего остановиться на некоторых важных аспектах создания и восприятия живописных изображений, о которых говорят ученые. Как справедливо отмечает В. Н. Агеев, создавая произведение искусства, художник репрезентирует собственный внутренний мир, свои мысли и эмоции и, изображая явления действительности в условной форме, в форме художественного образа, невербально передает свое видение мира с помощью доступных ему выразительных средств [1]. Креативный способ осмысления мира, который лежит в основе художественного творчества, является художественным мышлением, своеобразие которого в значительной степени обусловлено эмоциональным компонентом.

Как отмечает Ж. Н. Маслова, художественное мышление тесно связано с художественным воображением, которое предполагает «способность / процесс создания художественных образов на основе творческой переработки сознанием ощущений, восприятий, представлений, чувств, впечатлений и т. д.» [2, с. 65]. Анализируя творческое языковое сознание и поэтический текст, Ж. Н. Маслова использует понятие художественного метода и характеризует его как «способ создания художественного аналога действительности», который «определяется идеалом художника – мысленным образом должной жизни» [Там же, с. 378]. Такой образ, по мнению ученого, является комплексным ментальным представлением, концептом-гештальтом, сложным по структуре и основанным на многоаспектном опыте личности. В произведении искусства, как и в поэтическом произведении, на наш взгляд, также находит объективацию сложный многоуровневый ментально-эмоциональный концепт, который является результатом осознания и эмоционального переживания художником мира действительности, креативной переработки полученной информации.

Многогранная, эмоционально – насыщенная картина мира художника объективируется на вербальном уровне в литературном произведении, исследование которого позволяет также проанализировать аспекты познаватель-

ной деятельности реципиента, человека, воспринимающего произведение искусства, который на основании своих знаний и эмоций оценивает картину, стремится соотнести воспринимаемый образ со своей картиной мира, в какой-то степени преобразовать его, фокусируя внимание на тех деталях, которые представляются ему наиболее важными.

Роль субъекта, воспринимающего произведение искусства, подчеркивал классик отечественной семиотики А. А. Потебня: «искусство есть язык художника, и как посредством слова нельзя передать другому своей мысли, а можно только пробудить в нем его собственную, так нельзя ее сообщить и в произведении искусства; поэтому содержание этого последнего (когда оно окончено) развивается уже не в художнике, а в понимающих» [3, с. 164]. Таким образом, можно говорить о том, что интерпретация произведения искусства в значительной степени определяется способностью реципиента креативно воспринимать данное произведение, раскрывать и развивать смысл, заложенный в нем художником. Социокультурный и личный опыт реципиента становится движущей силой процесса коммуникации.

Важную роль в художественном мышлении играют эмоции, причем, по мнению российского философа и теоретика искусства В. П. Бранского, в отличие от житейских эмоций, которые индивидуальны по своей природе, художественные эмоции являются общезначимыми, т. е. художественные эмоции репрезентируют то общее, что есть в индивидуальных переживаниях многих людей при восприятии одного и того же объекта, и поэтому они имеют социальный характер [4]. Л. С. Выготский называет искусство средством «обобществления чувства», а также средством «эмоционального заражения» [5, с. 173].

Как отмечает В. П. Бранский, если «результатом художественного творчества является кодирование обобщенных переживаний, то художественное восприятие должно стать расшифровкой этого кода, т. е. принять форму сопереживания» [4, с. 157]. В результате сопереживания, по мнению ученого, «достигаются две вещи: 1) передача эмоциональной информации, характеризующей отношение художника к соответствующему объекту; 2) передача эстетического наслаждения, испытываемого художником при нахождении адекватного художественного образа для выражения этой информации» [Там же, с. 164].

Поскольку эмоции играют значимую роль как в процессе художественного творчества, так и в процессе художественного восприятия, то представляется важным определить взаимосвязь когниции и эмоции, которая объективируется в работах современных ученых-лингвистов. В. И. Шаховский отмечает, что по признанию многих ученых познание кодируется эмоциями, эмоции организуют когнитивные элементы в эмоционально-когнитивную структуру. «Эмоции участвуют в познании, но они ему нерядоположены. Они сопровождают и окрашивают познание, и поэтому познание предстает в таком виде: знание + отношение к его содержанию» [6, с. 47]. В одной из своих недавних работ ученый однозначно говорит: «И науке, и практике известно множество факторов, подтверждающих эмоциональное начало у человека. Думаю, что все-таки в начале была

эмоция. Пора, наконец, как я полагаю, признать эмоциональную теорию происхождения языка и исключить эту проблему из ряда неразрешимых проблем» [7, с. 55].

Безусловный интерес в плане изучения эмоций и их вербальной репрезентации в различных ситуациях представляет художественная литература, которая, как справедливо отмечает ученый, «является депозитарием эмоций: она описывает эмоциональные категориальные ситуации, вербальное и невербальное эмоциональное поведение человека, способы, средства и пути коммуникации эмоций, в ней запечатлен эмоциональный видовой и индивидуальный опыт человека, способы его эмоционального рефлексирования» [8, с. 22].

В романе канадской писательницы Луизы Пенни «The Long Way Home» значимое место занимает вербальная объективация созданных художником образов, которые являются составляющими его картины мира, причем в фокусе внимания писателя находится трансформация этой картины мира, а свидетельством данной трансформации оказываются эмоции людей, воспринимающих произведения искусства.

В начале романа перед нами – признанный в обществе, успешный художник Питер Морроу, работы которого отличаются отточенной техникой и безупречными линиями. Вместе с тем некоторые герои романа с удивлением отмечают, что восхищение, которое вызывают его работы, очень быстро проходит, блекнет, не оставляя следа в душе:

*The walls were covered with studies for **Peter's careful, brilliantly executed creations**. <...> Gamache looked at Peter's works. They were **spectacular**. At first glance. And then they faded. They were, finally, the **examples of great draftsmanship**. There was no mistaking a work by Peter Morrow, you could spot one a mile away. Admire it for a minute, then move on. **There was a center, may be even a message, but no soul*** [9] 'На стенах висели этюды к тщательно проработанным, блестяще выписанным творениям Питера. <...> Гамаш осмотрел полотна Питера. Они производили сильное впечатление. При первом взгляде. А потом оно блекло. И наконец становилось понятно, что это образцы выдающегося ремесленничества. Питера Морроу нельзя было перепутать с другим художником, вы распознавали его стиль за милю. Восхищались минуту, а потом шли дальше. Его картины обладали притягательностью, может, даже несли послание, но не имели души' [10, с. 56].

Таким образом, в начале романа представлена неоднозначная оценка работ Питера Морроу героями повествования. Его работы, вызывающие в первый момент восхищение, не отличаются эмоциональным содержанием, что является свидетельством эмоциональной бедности и бессодержательности его картины мира в целом:

*He realized in the night that he'd been pretending all his life and **that deep down there was nothing. Just a hole**. Which was why **his paintings had no substance*** [9] 'Он понял в ту ночь, что всю жизнь притворялся, а внутри у него ничего нет. Пустота. Вот почему его живопись лишена содержания' [10, с. 59].

Осознав свою творческую несостоятельность, художник покидает родной дом, отправляется на поиски себя и обещает жене вернуться через год. Когда по прошествии времени он не возвращается, жена вместе со своим знакомым инспектором полиции начинает его поиски. В ходе поиска пропавшего мужчины они обнаруживают его новые работы, которые не сразу приписывают ему, т. к. они кардинальным образом отличаются от тех, которые он создавал раньше.

На первый взгляд, им кажется, что картины отвратительны, представляют собой просто хаотические пятна яркой краски:

The paintings were garish, splashes and clashes of color. Reds and purples, yellows and oranges. Fighting with each other. Dashed on the paper and canvas. It was as though Peter had taken a club to every rule he'd learned. Hacking away at them. Breaking them like a piñata. And out of those shattered certainties paint had poured. Gobs and gobs of brilliant paint. All the colors he'd sniffed at, sneered at, mocked with his clever artist friends. All the colors he'd withheld and Clara had used. They poured out. Like blood. Like guts. They hit the paper and this was the result [9] 'Картины являли собой безвкусную мазню, брызги и кляксы красок. Красных, багряных, желтых и оранжевых. Сражающихся друг с другом. Выплеснутых на бумагу и холст. Питер словно задался целью нарушить все известные ему правила. Навсегда отказаться от них. Разбить их, как пиньяту. И из этих разлетевшихся вдребезги основ пролилась краска. Многочисленные всплески яркой краски. Все те цвета, над которыми он фыркал, насмехался, издевался вместе со своими умными друзьями – художниками. Все те цвета, которые он отвергал и которыми пользовалась Клара. Они выплеснулись на бумагу и холст. Как кровь. Как внутренности' [10, с. 154–155].

В примере представлена, скорее, отрицательная оценка работ художника: яркие цветовые пятна, разбрызганные по полотну. На языковом уровне представлена метафора: цветовые пятна как будто сражаются между собой. Происходит трансформация творческого метода художника. Все те цвета, над которыми Питер насмехался, издевался со своими друзьями и которые раньше отвергал, теперь он использует в своем творчестве.

Вместе с тем за всплесками красок на картинах проступает образ самого художника, его душа, как бы вывернутая наизнанку, новый путь, который он для себя избрал. За безумством цвета зрителям удастся увидеть основной посыл, транслируемый художником: разрывая путы, отвергая старые подходы к искусству, художник освобождается и обретает счастье.

And like Olivier, what she clearly saw was that Peter was happy. That was the message of the paintings. He was experimenting, he was searching. He'd left all that was artistically safe behind. He'd broken the ropes, the rules, and sailed off, leaving the known world behind. Exploring. And he was having the time of his life.

The works were messy. But emotions were.

Clara had looked through the window of those works and seen that Peter was happy [9]

‘Как и Оливье, она отчетливо увидела, что Питер счастлив. Вот в чем состояло послание его картин. Он экспериментирует, он в поиске. Он оставил позади все, что безупречно с художественной точки зрения. Разорвал путы, нарушил правила и пустился в плавание, оставив на берегу знакомый мир. Он исследует. И наслаждается жизнью.

Его работы являли собой хаос. Но таково свойство эмоций.

Клара заглянула в окно его творений и увидела, что Питер счастлив’ [10, с. 176].

Новые картины художника вызывают эмоциональный отклик у жены художника: она чувствует, что заново влюбляется в своего мужа, на каком-то более глубоком уровне.

But the more they discovered about Peter now, the more desperate she was to meet this man. To get to know him. And have him meet her, for the first time.

Clara realized she was falling in love. She’d always loved Peter, but this was something else. Some deeper vein [9] ‘Но чем больше они узнавали о новом Питере, тем отчаяннее ей хотелось увидеть этого человека. Чтобы узнать его. И главное, чтобы он узнал ее.

Клара чувствовала, что влюбляется. Она всегда любила Питера, но теперь испытывала к нему какое-то новое чувство. Более глубокое’ [10, с. 203].

Таким образом, в романе Луизы Пенни актуализируется, с одной стороны, трансформация картины мира художника, а с другой стороны, репрезентируется эмоционально-маркированная оценочная интерпретация его произведений. Выражение и описание эмоций занимают значимое место в повествовании. Эмотивные смыслы, заложенные в картине художником посредством невербальных знаков, извлекаются и идентифицируются персонажами. Автор художественного текста, эксплицируя на языковом уровне мысли-эмоции героев, которые сопровождают восприятие картин, транслирует их адресату вербального текста, т. е. читателю, содействуя тем самым эвокации эмпатии по отношению к художнику и его друзьям. Язык эмоций в романе не только объективирует процесс познания мира художника и его произведений, но и в значительной мере позволяет автору развивать увлекательный детективный сюжет, а также репрезентировать сложный калейдоскоп человеческих отношений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агеев, В. Н. Семиотика / В. Н. Агеев. – М. : Весь мир, 2002. – 255 с.
2. Маслова, Ж. Н. Творческое языковое сознание / Ж. Н. Маслова. – Тамбов : Издат. дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2015. – 300 с.
3. Потенция, А. А. Мысль и язык / А. А. Потенция. – М. : Лабиринт, 1999. – 300 с.
4. Бранский, В. П. Искусство и философия / В. П. Бранский. – Калининград : Янтарный сказ, 2000. – 704 с.
5. Выготский, Л. С. Анализ эстетической реакции / Л. С. Выготский. – М. : Лабиринт, 2001. – 480 с.
6. Шаховский, В. И. Эмоции: Долингвистика, лингвистика, лингвокультурология / В. И. Шаховский. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 128 с.

7. Шаховский, В. И. Когнитивная матрица эмоционально-коммуникативной личности / В. И. Шаховский // Вестн. РУДН. Сер. Лингвистика. – 2018. – Vol. 22. – № 1. – С. 54–79.
8. Шаховский, В. И. Голос эмоций в языковом круге *homo sentiens* / В. И. Шаховский. – М. : Кн. дом «ЛИБРОКОМ», 2015. – 144 с.
9. Penny, L. The Long Way Home / L. Penny. – New York : Minotaur Books, 2014. – 373 p.
10. Пенни, Л. Долгий путь домой / Л. Пенни. – СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. – 416 с.

Татьяна Ивановна Петухова
кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры английской филологии
и лингвокультурологии Санкт-Петербургского
государственного университета

Tatiana I. Petukhova
PhD, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of English
and Cultural Studies of Saint Petersburg State University

О. Е. Рымкевич
Минск, Беларусь

СЕМАНТИКА МОДАЛЬНОГО СМЫСЛОВОГО КОМПОНЕНТА В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОГО НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

Модальный компонент является неотъемлемой частью смысловой структуры публицистического текста. Модальный аспект исследуемого типа текста носит, как правило, комплексный характер. Он складывается из целого ряда модально-семантических оттенков, вариативно воплощаемых в тексте. Подобная вариативность наилучшим образом способствует созданию многомерных модальных когезий, структурирующих текстовое пространство и способствующих эффективной реализации авторской интенции.

К л ю ч е в ы е с л о в а: публицистический текст; модальность; модально-семантические оттенки; вариативность; модальные когезии; авторская интенция.

О. Е. Rymkevich
Minsk, Republic of Belarus

SEMANTICS OF MODAL COMPONENT OF THE PUBLICISTIC TEXT IN MODERN GERMAN

The article is devoted to the research of the modal component as the essential in publicistic discourse textuality. The modal aspect of the publicistic text is generally a complex. It consists of a number of modal-semantic connotations variably presented in a text. Such variability contributes best to the creation of multivariate modal cohesions which structure the textual locality and contribute to the effective realisation of the authorial intent.

К e y w o r d s: publicistic discourse; modality; modal-semantic connotation; variability; modal cohesion; authorial intent.

Модальный смысловой компонент, представляя собой неотъемлемую характеристику текстов газетной публицистики, активно участвует как в про-

цессах формирования текстовой семантики, так и в создании прагматического аспекта. Будучи по своей природе коммуникативно-прагматической категорией, модальность оказывает воздействие на адресата, модифицируя, сообразно авторским интенциям, пропозициональное ядро информационного содержания текста. Модальность формирует таким образом «семантику текста» и «играет не меньшую роль в текстообразовании, чем <...> средства связи между предложениями, так как текст строится по законам текстовой модальности», образующей его «семантическую основу» [1, с. 20]. В текстовом пространстве публицистики модальность проявляет себя, как правило, семантически и функционально вариативно, обеспечивая в своей комплексной реализации не только многоаспектность и динамизм всего изложения, но и придавая высказываниям особую иллокутивную силу.

В данной статье *модальность* понимается как отношение высказывания к действительности с точки зрения реальности / нереальности пропозиционального содержания (так называемая объективная модальность) и как отношение отправителя информации к высказыванию с точки зрения оценивания степени его достоверности, точнее, достоверности связей, отраженных в высказывании (так называемая субъективная модальность в ее узкой трактовке). В таком представлении субъективная модальность включает в себя многообразные оттенки отношения, от уверенности до предположения и сомнения, и выступает в контекстах реализации в роли модификатора предикативных связей. Таким образом, субъективная (эпистемическая) модальность эксплицирует различную степень достоверности высказываемой мысли, от проблематической до категорической, сигнифицируя внутреннее мировосприятие отправителя информации.

Многочисленные оттенки модальных отношений выражаются в текстах специально предназначенными языковыми средствами – лексическими и грамматическими, такими как модальные глаголы, модальные слова, модальные частицы, конъюнктив II для придания высказываниям вежливой тональности или обозначения иного, альтернативного варианта развертывания событий, конъюнктив I для передачи косвенной речи с возможностью представления дистанцированной оценочной позиции автора по отношению к содержанию и др. Следует заметить, что лексические средства выражения модальности в немецком языке представляют собой достаточно узкий фрагмент парадигматики языка с нечеткими семантическими границами и статусом. К ним относятся, среди прочих, модальные слова, выражающие различные смысловые оттенки субъективно-рационального отношения говорящего к содержанию высказывания. Семантика модальных слов отличается, с одной стороны, неопределенностью и открытостью, вариативностью и функциональной многозначностью, зависимостью от контекста. С другой стороны, модальные лексемы обладают уникальным свойством актуализировать дискурсивные отношения и модифицировать в заданном ключе смысловое пространство дискурса, принимая активное участие в структурировании

модальных когезий. Перечисленные характеристики определяют их в статусе дискурсивных слов, весьма существенных для построения когерентного дискурса. Иллокутивная семантика модальных слов, заключая в себе определенный прагматический потенциал, позволяет им выступать в качестве операторов перемещения знания, формировать мнения, убеждения, позицию и настрой адресата.

В контекстах реализации разноуровневые модальные средства вступают во взаимодействие друг с другом, формируя, соответственно, модальный аспект текста, в значительной степени определяющий как его семантику, так и прагматику, при том, что воздействующий эффект еще более усиливается за счет взаимодействия модальности с оценочностью в самом широком ее проявлении. Результатом подобного комплексного участия становятся модальные когезии, пронизывающие текстовый континуум и дифференцированно представляющие позицию автора, всякий раз по-иному ее высвечивая и тем самым прагматически подчеркивая. С помощью модальных когезий, сориентированных, как правило, на некоторую коммуникативно-смысловую доминанту, осуществляется интеграция текстового континуума в единое целое, а значит, и достижение текстовой когерентности.

Когезионные свойства модальности заданы коммуникативно-прагматическим содержанием самой категории, ее текстообразующей природой, в силу чего она, выражая запланированные интенции отправителя информации, непосредственным образом включается в контекстах реализации в механизм референции. Это следует понимать так, что модально-оценочные языковые маркеры, фокусируя внимание адресата на тех или иных участках информационного содержания либо переключая его внимание на другие, предоставляют адресату возможность расшифровки и последующей интерпретации смыслового потенциала ключевых в той или иной ситуации объективных связей и отношений. Тем самым правомерно утверждать, что прагматика модального (в особенности субъективно-модального) смыслового компонента в значительной степени сопряжена с реализацией авторских интенций оказания влияния на адресата.

В частности, модальные слова, появляясь позиционно в различных частях предложения и текста, способны модифицировать не только эту часть, но и все высказывание либо весь текстовый фрагмент, придавая ему определенный оттенок субъективной оценки. Это возможно благодаря особенностям семантики модальных слов, а именно ее динамичности, открытости относительно контекста, некоторой неопределенности и, как следствие, высокой контекстной чувствительности. Так, например, модальному слову *wohl* присущ ряд семантических оттенков, реализуемых в зависимости от конкретных условий контекста: сомнение, неуверенность, уверенное предположение, вероятность.

Выступая в качестве субъективного комментария адресанта, модальные слова переводят пропозиции в оценочные высказывания, всякий раз расстав-

ляя при этом прагматически заданные акценты и программируя соответственно декодирование адресатом полученной информации. Тем самым они маркируют процесс интеракции как такое взаимодействие между адресантом и адресатом, во время которого происходит сверка их эпистемических оценок и мнений, пресуппозиций, соотнесение и противопоставление разных утверждений и, вследствие этого, формирование у адресата определенного отношения к полученной им информации. Модальные слова оказываются непосредственно вовлеченными в создание когерентности дискурса, участвуя в формировании метатекстового вторичного пласта отношений как некоего «каркаса», обеспечивающего структурную организацию текста и его связность. Они служат для активации той или иной модальной схемы референтной ситуации, содержа в себе «ключ-подсказку» возможного развития последней. Например:

Sicher, Europa zu „erleben“ scheint zunächst eine schier entmutigende Aufgabe. Schließlich ist es gerade die Vielfalt, die Europa einzigartig macht [2] ‘**Несомненно**, «познакомиться» с Европой кажется поначалу просто обескураживающей задачей’ (перевод наш. – P. O.).

Модальное слово *sicher* с семантикой высокой степени уверенности адресанта в справедливости собственной оценки, появляясь в начальной позиции текстового фрагмента, с одной стороны, иррадирует свою семантику на посттекст, а с другой стороны, перебрасывает логический «мостик» к предыдущему контексту, подводя итог сказанному ранее и сплачивая его воедино. Начальная позиция в целом предопределяет характер восприятия адресатом степени достоверности текстового фрагмента, а нередко и последующих, в том числе дистантно расположенных. В текстах публицистики модальное слово *sicher* в препозитивном употреблении нередко предполагает уступительно-противительное логическое развертывание ситуации: адресат получает возможность прогнозировать дальнейший ход мысли отправителя информации, причем его прагматическое ожидание «нагнетается» по мере увеличения дистанции между модальным словом и противительным элементом. Так, вышеприведенный отрывок дистантно «подхватывается» в тексте высказыванием с частицей *doch*:

Doch der Adrenalinpiegel, der beim Überqueren einer italienischen Straße in die Höhe schießt, wird schnell von einer Tasse wunderbar cremigen Cappuccinos gesenkt, den du langsam in der Sonne trinkst, <...> ‘**Однако** уровень адреналина, который взлетает вверх при пересечении итальянской улицы, быстро снижается от чашки удивительно пенного капучино, который ты неторопливо пьешь на солнце, <...>’ (перевод наш. – P. O.).

В подобной функции могут выступать и некоторые другие модальные слова с семантикой категорической достоверности, в частности *natürlich* ‘конечно’ и *tatsächlich* ‘действительно’. В семантике данных слов содержатся такие семы, как ‘соответствие законам логики, природы, действительности, реальности’, которые позволяют им устанавливать квалификацию наивыс-

шей степени достоверности, вносить определенность в дискурсивную ситуацию и значительно повышать статус эпистемической объективности информации, беспрепятственно перемещая ее в когнитивную сферу адресата. В таких случаях модальные слова сигнализируют о наличии в ситуации прагматической презумпции истинности вводимой пропозиции и вербально закрепляют факт совпадения у адресанта и адресата прагматических установок речевого общения. Иными словами, они вводят заведомо истинные суждения, а согласие между коммуникантами создает модально-прагматический резонанс на базе актуализированного модально-оценочного стереотипа. Частотным является модальное слово *natürlich*, которое в ряде случаев также может вводить аргументативное суждение с противительным смыслом.

Появление же в тексте лексем с семантикой проблематической достоверности, выражающих различные оттенки неуверенности или сомнения (*vielleicht* ‘может быть, возможно, пожалуй’, *vermutlich* ‘вероятно, предположительно’, *möglicherweise* ‘быть может, пожалуй, возможно’), является для адресата индикатором ограниченности объема знаний коммуникантов и прагматическим сигналом ситуативной неопределенности и неоднозначности, побуждающим к самостоятельному домысливанию и собственной интерпретации событий.

Модальные операторы коррелируют между собой в текстовом пространстве ретроспективно и проспективно, выстраивая вариативную сеть модальных когезий с характерной для нее многомерностью смыслов. Достаточно часто подобного рода когезии формируются путем прямого повтора модальных средств выражения или синонимичного повтора средств со схожей модальной семантикой. В таких случаях происходит интенсификация модального компонента, объективная информация подается в желаемом ракурсе, а в целом достигается убеждающий эффект. Например:

2010 schreibt Snowden in einem Onlineforum: „Die Gesellschaft hat offenbar blinden Gehorsam gegenüber Spionen entwickelt.“ <...> Tatsächlich hätte Snowden von seinem Wissen persönlich profitieren können. <...> Wahrscheinlich profitieren die deutschen Dienste von Programmen wie Prism und Tempora, wissentlich oder unwissentlich. <...> Sicher ist hingegen, dass die Datensammelei viele Terrorattacken nicht verhindert hat: ... <...> Es gehört zur Wahrheit dieses Falles, dass die Öffentlichkeit vieles nicht weiß [3] ‘В 2010 году Сноуден пишет на онлайн-форуме: «Общество, очевидно, выработало слепое повиновение в отношении шпионов» <...> В самом деле Сноуден мог получить личную выгоду от своего знания. <...> По всей вероятности, выгоду от таких программ, как «Prism» и «Tempora», получают немецкие службы, намеренно или ненамеренно. <...> Достоверным же является то, что «собираение» данных не предотвратило множество террористических атак: <...> Правдой в данном деле является то, что общественность многого не знает’ (перевод наш. – Р. О.).

В данном текстовом фрагменте прагматика убеждения, характерная для газетной публицистики, настойчиво доводится до адресата с помощью модальных слов с семантикой высокой степени достоверности (*offenbar, tatsächlich, wahrscheinlich, sicher*) и предикативной конструкции *Es gehört zur Wahrheit*. В отношении субъективной модальности справедливо заметить, что возрастание степени уверенности говорящего в достоверности высказываемого влечет за собой повышение эпистемического статуса и, соответственно, истинности пропозиции.

Субъективно-модальным смыслом в текстовом воплощении в принципе присущ усложненный характер, что делает возможным и варьирование авторских интенций. Многомерность модальных оттенков детерминирует создание особой субъективно-модальной структуры текста с разветвленной когезией. Например:

<...> **Vermutlich** hat sie (die Spionage – P. O.) sich in den Zeiten „elektronischer Kampfmittel“ sogar ausgebreitet. <...> Die Täter waren **offenbar** nicht die immer verdächtigen „Residenten“ an Botschaften oder anderen diplomatischen Vertretungen, <...> Die in langen Ermittlungen gesammelten Erkenntnisse **scheinen** so dicht und gut **belegt zu sein**, dass **keine Zweifel bestehen** [4] ‘<...> **Предположительно** во времена «электронных средств борьбы» он (шпионаж – P. O.) даже распространился. <...> Виновниками были, **очевидно**, не постоянно подозреваемые «резиденты» в посольствах и других дипломатических представительствах, <...>. Добытые за время долгих расследований сведения **кажутся** настолько надежно и хорошо **подтвержденными**, что **нет никаких сомнений**’ (перевод наш. – P. O.).

В данном примере когезия конституируется модальными средствами, выражающими различную степень уверенности адресата в истинности передаваемой информации. Модальное слово *vermutlich* в начальной позиции высказывания включает в себе семантику осторожного предположения, которое иррадируется как проспективно, так и ретроспективно. Далее на смену этой модальности приходит модальность очевидности (модальное слово *offenbar*), которая в контекстном воплощении коррелирует с модальным смыслом высокой степени достоверности, заключенном в модально-оценочной группе *keine Zweifel bestehen*. Изначально заданная автором семантика сомнения тем менее не затухает, находя эксплицитное выражение в эпистемическом предикате *scheinen belegt zu sein*. При всей очевидности фактов проявления шпионской деятельности в некоторых странах автор все же остается не до конца уверенным в своих выводах, давая понять об этом адресату, тем самым интригуя его и оставляя ему когнитивное пространство для собственного домысливания. Реализуемая в данном текстовом фрагменте сеть когезий с включением противоположных субъективно-модальных смыслов сигнализирует о весьма осторожной позиции автора к описываемой ситуации. В целом же насыщенность данного фрагмента субъективной

модальностью позволяет распознать интенцию отправителя информации – особое подчеркивание значимости и вместе с тем неоднозначности интерпретации содержания.

Следует подчеркнуть, что текстовое пространство публицистического дискурса конституируется различными модальными смыслами, участвующими в создании когерентных связей и отношений. Сущность когерентности заключается в том, что как «целостность схемы, существующей в сознании автора или адресата, она отражает связи соответствующего фрагмента действительности» [5, с. 49]. Денотативно-референциальная схема актуализируется в тексте частными моделями смысловых связей, такими как «причина – следствие», «идентичность – противопоставленность», равно как и «уверенность – предположительность», «реальность – потенциальность», «долженствование – возможность» и др. Для декодирования таких моделей адресату предоставляется модальный «ключ», структурной доминантой которого служит реальность как некий инвариант модальности, априори сообщающий адресату о достоверности информации. Другие же, специально вводимые модальные значения прагматически модифицируют доминанту, продуцируя развитие вариативных субъективно-модальных когезий в тексто-образовании дискурса.

Обобщая сказанное, можно заключить, что модальность в качестве перманентного смыслового компонента публицистического текста вариативно проявляет свои свойства в формировании его содержательной и прагматической структуры, по ходу развертывания текста выдвигая на передний план те или иные, значимые, согласно авторской интенции, отрезки информации, при этом способствуя достижению текстовой когерентности и создавая для адресата ориентиры в понимании объективно-логического и субъективно-интенционального содержания текста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Солганик, Г. Я. О структуре и важнейших параметрах публицистической речи (языка СМИ) / Г. Я. Солганик // Язык современной публицистики : сб. ст. – 2-е изд., испр. – М. : Флинта : Наука, 2007. – С. 13–30.
2. Internationale Politik. – 2009. – Nr. 6.
3. Die Zeit. – 2013. – 27. Juni.
4. Frankfurter Allgemeine Zeitung. – 2010. – Nr. 148.
5. Карпилович, Т. П. Когерентность дискурса в когнитивном аспекте / Т. П. Карпилович // Вестн. МГЛУ. Сер. 1, Филология. – Минск : МГЛУ, 2004. – № 4 (16). – С. 46–51.

Ольга Евгеньевна Рымкевич

кандидат филологических наук, доцент кафедры теории
и практики немецкого языка
Минского государственного лингвистического университета

Olga J. Rymkevich

PhD, Associate Professor of the Theory and Practice
of the German Language
at Minsk State Linguistic University

И. В. Савельева
Кемерово, Россия

**КУЗБАССКИЙ ГОРНОЛЫЖНЫЙ КУРОРТ ШЕРЕГЕШ:
ОБРАЗ ТУРИСТИЧЕСКОГО ОБЪЕКТА
В РУССКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ**

Исследование выполнено
при поддержке РФФИ и Администрации Кемеровской области,
проект № 18-412-420003

В статье рассматривается проблема конструирования образа туристического объекта в сопоставительном аспекте. Проведенный лингвокогнитивный анализ русскоязычных и англоязычных интернет-материалов, описывающих кузбасский горнолыжный курорт Шерегеш, позволяет выявить универсальные и вариативные компоненты образа туристического объекта.

Ключевые слова: туристический объект; горнолыжный курорт; образ; имидж; регион; фрейм; слот; ключевое слово; Кузбасс; Шерегеш.

I. V. Saveleva
Kemerovo, Russia

**KUZBASS SKI RESORT SHEREGESH:
IMAGE OF A TOURIST DESTINATION
IN RUSSIAN AND ENGLISH LINGUOCULTURES**

The article deals with the problem of constructing the image of a tourist destination in a comparative aspect. The linguocognitive analysis of Russian and English-language Internet materials describing the Kuzbass ski resort Sheregesh, allows us to identify the universal and variable components of the destination image.

Key words: tourism object; destination image; ski resort; region; frame; slot; keyword; Kuzbass; Sheregesh.

Исследования регионального имиджбилдинга как способа формирования целостного образа России являются сегодня одними из наиболее актуальных [1; 2; 3]. Одной из важных составляющих имиджа региона является его туристическая привлекательность. Туризм – та сфера, которая позволяет максимально раскрыть индивидуальность и самобытность той или иной территории. Туристический объект – это часть объективной действительности, поэтому его представление в дискурсивных практиках туристических порталов – отражение прямого, непосредственного контакта с этой действительностью. «Туристический имидж региона – устойчивая совокупность эмоциональных и рациональных убеждений и ощущений, которые возникают у целевых аудиторий по поводу туристических особенностей региона; формируются на основе информации о туристических объектах, маршрутах, ресурсах региона, а также личного опыта и впечатлений туристов» [4, с. 52].

В основе формирования имиджа лежит образ. Разграничение понятий *имидж* и *образ* в применении к пространственному объекту позволяет прийти к выводу о первичности последнего, его роли в качестве исходного компонента, ментально-перцептивного «фундамента» для формирования имиджа. Немаловажным также является понимание образа как амбивалентной категории, восходящей к восприятию предмета и формированию образного и рационально-логического компонентов значения. По утверждению И. А. Стернина, «образ предмета складывается из отражения отдельных сторон предмета, поддающихся чувственному восприятию» [5, с. 203].

В научной литературе понимание имиджа во многом связано с целенаправленностью его конструирования и тиражирования. Как пишет автор учебного пособия по имиджелогии В. М. Шепель, «имидж – индивидуальный облик или ореол, создаваемый средствами массовой информации, социальной группой или собственными усилиями личности в целях привлечения к себе внимания». В языкознании понимание имиджа, безусловно, связано с вербальной репрезентацией образа, намеренно «формируемого и культивированного» [6, с. 54].

По мнению Е. С. Кубряковой, «имидж – это тот образ, который по тем или иным причинам призван заменить реальный объект или же представлять лицо или некую другую сущность (от характера и облика человека до государства и иных властных структур) в глазах (восприятии) других людей» [7, с. 9]. Определение имиджа объекта туристической дестинации находим и в зарубежных исследованиях. Например, А. Brezovec трактует понятие имиджа дестинации (*destination image*) как «отражение всего объективного знания, впечатлений, стереотипов, представлений и эмоционального восприятия отдельного человека или группы о конкретном месте» [8, р. 12].

Что касается образа региона, то нам близко определение А. В. Федотовой, «образ региона – это совокупность ярких, характерных ключевых представлений, устойчивое упрощенное обобщение большого числа ассоциаций, связанных с определенной территорией в контексте образа страны» [9, с. 112].

Понимание специфики образа в лингвистике в первую очередь связано с методологией когнитивно-дискурсивной парадигмы. Комплексность и многослойность являются ключевыми категориями образа, вариативно осмысляемыми и дающими основу для типологизации и параметризации. Инструментарий когнитивной лингвистики оказывается удобным и эффективным для конструирования образа территориального субъекта. Так, в исследовании медиаобраза Сибири, выполненном М. В. Терских, Е. Д. Маленовой, применение метода лингвокогнитивного моделирования позволило авторам выделить и реконструировать медийный образ территории на основе таких категорий, как «климат», «географическое положение», «природно-климатические зоны и ресурсы», «топографические объекты», «история», «экономика», «национальный характер» и «культура» [10]. Данные категории в равной мере являются релевантными и для образа туристического объекта.

В центре нашего исследования – сибирский горнолыжный курорт Шерегеш, который сегодня активно позиционируется как один из ведущих туристических брендов Кузбасса [11]. Целью работы является выявление особенностей восприятия образа курорта через лингвокогнитивный анализ русскоязычных и англоязычных интернет-источников (туристических интернет-сайтов, предназначенных для любителей активного отдыха). В основу анализа туристического дискурса о кузбасском курорте положено понятие фрейма, определяемого как «когнитивная структура, основанная на восприятии знаний о типических ситуациях и связанных с этим ситуациями ожиданиях, свойствах и отношениях реальных или гипотетических объектов» [12, с. 7]. Фрейм состоит из вершины, или макропропозиции (темы) и слотов (терминалов). Слот – ячейка для хранения информации. Набор слотов может быть ограничен опытом человека и индивидуален для каждого человека [10]. Опираясь на работы М. Мински, А. П. Чудинова, М. В. Терских пишет: «Фрейм представляет собой сложную структуру, своеобразную сеть с взаимосвязанными между собой узелками. Первый уровень такой структуры постоянен, фиксирован и содержит понятия, всегда истинные в предполагаемой ситуации. Такие понятия составляют иерархически упорядоченную систему субфреймов. Слоты в свою очередь раскрывают содержание субфреймов. Слот, по мнению А. П. Чудинова, – это “элемент ситуации, который составляет какую-то часть фрейма, аспект его конкретизации”» [10, с. 42–43].

Как показал анализ англоязычных и русскоязычных туристических сайтов, внутри фрейма «горнолыжный курорт Шерегеш» выделяются шесть тематических категорий, которые в свою очередь делятся на слоты (таблица). Текстовыми репрезентациями слотов являются ключевые слова, выделенные на основе контент-анализа англоязычных и русскоязычных интернет-текстов. Не все слоты в равной мере представлены в текстах, некоторые находятся на периферии образа, и поэтому внутри ряда категорий (например, «человеческий фактор») нет соответствующих ключевых слов.

Структура фрейма «Горнолыжный курорт Шерегеш»

	Тематические категории (ТК)	Слоты (Сл)	Ключевые слова (КСл) (русские и английские)
1	Географические характеристики	Топонимика Локация Рельеф	<i>Шерегеш; курорт; место; горы; Зеленая; Горная Шория; Мустаг; поселок.</i> <i>Sheregesh; Russia; Siberia; Kemerovo; Novosibirsk; Shoria; region</i> ‘регион’.
2	Природно-климатические характеристики	Природа Климат Экология Сезон	<i>Горы; снег; градусы; перепад.</i> <i>Conditions</i> ‘условия’; <i>unique</i> ‘уникальный’; <i>mountain</i> ‘гора’; <i>April</i> ‘апрель’.

3	Транспортная доступность	Расстояние Вид транспорта Время в пути	<i>Километры; метры; добраться; находится; автобус.</i> <i>Transfer</i> ‘трансфер’; <i>trip</i> ‘поездка’; <i>time</i> ‘время’.
4	Инфраструктура	Жилье Оборудование для спорта Оборудование для других занятий	<i>Трассы; подъемники; горнолыжный; кафе.</i> <i>Price</i> ‘цена’; <i>track</i> ‘трасса’; <i>slopes</i> ‘спуски’.
5	Культурно-исторические характеристики	Виды занятий Мероприятия История	<i>Отдых; катание; йети.</i> <i>Snowboarding</i> ‘сноубординг’; <i>skiing</i> ‘катание на лыжах’; <i>bikini</i> ‘бикини’; <i>grelka</i> ‘грелка’.
6	Человеческий фактор	Общая атмосфера Контингент туристов Местное население	— <i>Person</i> ‘человек’; <i>skiers</i> ‘лыжники’; <i>miners</i> ‘шахтеры’; <i>local</i> ‘местный’.

Ключевые слова – «вершины айсберга» – индикаторы ментального бытия имиджа территории, фрагмент более широкой картины мира [13]. Данные единицы видятся нами как вербальные образования, объективирующие восприятие туристами дестинации и манифестирующие основные компоненты фрейма «горнолыжный курорт Шерегеш». Контент-анализ интернет-текстов, представленных на российских и зарубежных сайтах, позволил сделать выборку наиболее частотных ключевых слов (выборки проводилась с помощью бесплатного веб-сервиса Miratext.ru). Результаты представлены в виде облака частотности слов (рис. 1 и 2).

Облако частотности слов

Рис. 1. Результаты контент-анализа русскоязычных интернет-сайтов

Облако частотности слов

Рис. 2. Результаты контент-анализа англоязычных интернет-сайтов

Анализ сочетаемости ключевых слов в текстах интернет-страниц (служебные слова не принимались во внимание, а также русские лексемы рассматривались в именительном падеже) позволил выявить инвариантные и вариативные компоненты образа сибирского горнолыжного курорта Шерегеш в русской и английской лингвокультурных традициях. Представим некоторые результаты, наиболее ярко демонстрирующие универсальные и казуальные лингвокогнитивные образования в структуре образа зимнего курорта.

Тематическая категория (ТК) «географические характеристики», слот (Сл) «топонимика», ключевые слова (КСл) *Шерегеш*, *Зеленая*, *Горная Шория*.

Данная тематическая категория – одна из наиболее представленных в интернет-текстах о Шерегеше, как на русскоязычных, так и на англоязычных туристических порталах. Ключевое слово *Шерегеш* имеет высокую сочетаемость с другими топонимами, служащими для уточнения локации курорта. Так как название *Шерегеш* носит не только горнолыжный комплекс, но и поселок, то частотным является уточняющее словосочетание *поселок Шерегеш*: *Своим красивым названием горнолыжный курорт Шерегеш обязан ведущему железорудному месторождению, <...> близ поселка Шерегеш. Братья Шерегешевы. В их честь был назван поселок Шерегеш, а впоследствии и горнолыжный курорт. Туристы также любят название «Геш», которое ввели местные жители* [14; 15].

Кроме того, наименование курорта сопровождается указанием на горный массив *Горная Шория*, и обязательным элементом является региональная принадлежность *Кемеровская область*, что манифестирует стремление представить более валидную информацию о курорте: *Горнолыжный курорт*

Шерегеш расположен на юге Кемеровской области, в горном массиве Горная Шория [16]. Центральным местом, где проводит досуг большинство посетителей курорта, является *гора Зеленая*, поэтому ее название также входит в ядерную часть образа: *Традиционно основным местом катания считают гору Зеленую. Немногие курорты такого типа в России предлагают такую же продолжительность отдыха. На горе Зеленая есть две главные зоны катания: сектор А и сектор Е. Для внетрассового катания на Зеленой есть правый (восточный) и левый (западный) леса* [16; 17].

Наряду с данным наименованием указываются названия и других элементов горного рельефа: *Зона для катания в Шерегеше – это вершины четырех гор: Зеленая, Мустаг, Курган, Утуя* [17].

Примечательно, что топонимы *Мустаг, Курган* и *Утуя* также часто присутствуют в интернет-материалах о Шерегеше, хотя два последних, как менее востребованные в аспекте массового спортивного туризма, не входят в список ключевых слов и, следовательно, представлены в периферии образа туристического объекта.

ТК «географические характеристики», Сл «топонимика», КСл *Sheregesh, Russia, Kemerovo, Siberia*.

В англоязычных источниках слот «топонимика» актуализирован наименованиями более крупных геополитических точек. В блок ключевых слов, вербализующих данный слот, наиболее часто входят топонимы *Russia* и *Siberia*, что объясняется актуальностью данных понятий для внешнего туриста. Топоним Шерегеш входит в сочетания *its location in central Siberia* ‘его расположение в центральной Сибири’; *located in Southern Siberia, Kemerovo region* ‘расположен в южной Сибири, в Кемеровской области’; *from Moscow to Sheregesh* ‘из Москвы в Шерегеш’; *Russia’s most popular ski resort Sheregesh* ‘самый популярный российский лыжный курорт Шерегеш’. Для человека, проживающего за пределами России, естественным элементом определения расположения является название страны, ее столицы, а также значимого и наиболее известного региона, которым и является сибирский регион. Интересно отметить, что восприятие России как страны с огромной территорией отражается в структуре образа курорта через обозначение его небольшого размера: *isolated and tiny Sheregesh is a mining village* ‘изолированный и крошечный Шерегеш – это шахтерский поселок’; *Sheregesh is small ski resort* ‘Шерегеш – небольшой горнолыжный курорт’ [18].

Кроме того, задачей англоязычных авторов интернет-сайтов является описание локации с указанием населенных пунктов, снабженных воздушным и железнодорожным транспортом. Соответственно, в ядерной зоне мы наблюдаем топонимы *Moscow, Kemerovo: the Sheregesh ski resort is located in the Kemerovo Region of Russia, around 4,200 km (2,610 miles) from Moscow* ‘горнолыжный курорт Шерегеш расположен в Кемеровской области России, около 4200 км (2610 миль) от Москвы’. В англоязычных интернет-источниках актуализирован оценочный компонент образа курорта Шерегеш, под-

черкивающий, что Шерегеш в первую очередь популярен у местных жителей: *Sheregesh is one of the most beloved areas for Russian snowboarders* ‘Шерегеш – одно из излюбленных мест русских сноубордистов’ [19]. На периферии образа встречаются и ошибочные указания на локализацию курорта, такие как *Sheregesh – Krasnoyarskii Krai*, которые эксплицируют восприятие Сибири иностранными туристами и создателями сайтов как единой территории, внутри которой деление на области актуально только для ее жителей.

ТК «природно-климатические характеристики», Сл «климат», КСл *снег, сезон*.

Данная тематическая категория также детально представлена в интернет-текстах, посвященных курорту. Особое место в формировании образа занимает описание местного снежного покрова. Лексема *снег* встречается в атрибутивных сочетаниях *мягкий снег, свежий снег, покрытые снегом горы, уникальный снег, глубокий снег*. Кроме данной лексики в русских текстах присутствует и слово *пухляк*, которое обозначает снег особого качества, рыхлый, без уплотнения, только что выпавший: *тепло и не тает снег? Это называют феноменом Шерегеша – теплая погода и покрытые снегом горы. ...зимой толщина снежного покрова здесь может достигать 3–4 метра. Здесь особенный мягкий «пухляк». ...успеть прокатиться по свежему белоснежному пухляку, покрывшему склоны гор. Снег здесь выпадает в конце осени и лежит до самого мая...* [14; 15; 16; 17]. В представленных высказываниях мы также наблюдаем словосочетания *в конце осени* и *до самого мая*. Они репрезентируют слот «Климат», который обобщенно обозначен как *феномен Шерегеша* – уникальные климатические условия, при которых возможен самый долгий туристический сезон, длящийся с ноября по май.

ТК «природно-климатические характеристики», Сл «климат», КСл *snow, conditions*.

На англоязычных сайтах среди природно-климатических характеристик наибольшее количество репрезентаций также связано с качеством местного снега, который получает следующие описания: *the fluffy snow* ‘пушистый снег’; *snow – so unique* ‘снег настолько уникален’; *of such quality* ‘такого качества’; *perfect snow* ‘идеальный снег’; *the local snow, which is unique* ‘местный снег, который уникален’. Кроме того, встречается выражение, которое эквивалентно лексеме *пухляк*: *nice powder snow* ‘хороший пухляк’, *Russia’s finest powder* ‘лучший пухляк в России’; *the earliest powder in Russia* ‘самый ранний пухляк в России’. Сочетание данной лексики с превосходной степенью прилагательных *finest* ‘наилучший’, *earliest* ‘самый ранний’ позволяет отразить оценочный компонент, а также вербализует знание о преимуществах сибирского курорта. Кроме того, климат описывается как сухой, но английское прилагательное *dry* характеризует не только климат, но и свойства снега: *The climate here is dry, and so is the powder* ‘Климат здесь

сухой, так же, как и пухляк' [20]. Ключевое слово *condition* 'состояние' также встречается в сочетании с лексемой *снег*: *good snow condition* 'хороший снежный покров'.

ТК «транспортная доступность», Сл «расстояние», КСл *километр, добраться*.

Так как ГЛК Шерегеш находится достаточно далеко от центральной части России, то слот «расстояние» репрезентирован в большинстве интернет-материалов. Данному слоту соответствуют ключевые слова *километр, добраться*, которые, как правило, сочетаются с количественными показателями, наименованиями крупных населенных пунктов, а также с наименованиями доступного транспорта: *Путь от Новокузнецка до Шерегеша составляет 170 км; Новокузнецк – Шерегеш – 165 км; добраться можно из ближайших крупных городов (Новокузнецк, Кемерово, Новосибирск) на общественном транспорте (ж/д, междугородные автобусы), на чартерных туристских автобусах* [14; 15; 16; 17]. Любопытно, что на разных сайтах расстояния от одних и тех же населенных пунктов до курорта варьируются.

ТК «транспортная доступность», Сл «расстояние», КСл *trip, time*.

Среди ключевых слов, репрезентирующих слот «расстояние» в англоязычных текстах, находятся лексемы *time* 'время' и *trip* 'поездка', это отличает данный аспект образа сибирского курорта, что вполне объяснимо. Для иностранного туриста это экзотичная поездка, которая займет достаточное количество времени. Поэтому вербализация слота происходит через следующие языковые выражения: *make the trip to Verbluda Rocks* 'совершить путешествие к скалам-верблюдам'; *The trip lasts about half an hour, with time for photos and clambering about on the rocks* 'Поездка длится около получаса, и есть время на фотографирование и карабканье по скалам' [18; 19; 20].

Таким образом, лингвокогнитивный анализ фрейма «горнолыжный курорт Шерегеш» в сочетании в контент-анализом позволил выявить универсальные и вариативные слои образа сибирского горнолыжного курорта. Наиболее детальное языковое выражение как в английской, так и в русской лингвокультурах получают географические и природно-климатические характеристики. В категории «топонимика» наблюдаются явные различия между представлением и вербализацией знания о местонахождении Шерегеша у представителей разных лингвокультур. В англоязычных источниках ключевыми географическими точками и, соответственно, наименованиями являются более крупные элементы пространства, а в русскоязычных топонимика варьируется, задействовано большее количество онимов. При описании природы и климата Шерегеша обозначаются те атрибутивные признаки, которые выделяют курорт в ряду других аналогичных объектов, причем как в России, так и за рубежом. В частности, в обеих лингвокультурах вербализации подвергается атрибут зимних видов спорта – снег, который, несмотря на принадлежность к категории «осадки», также может определяться как часть инфраструктуры курорта. Наполненность выделенных слотов ключе-

выми словами, составляющими семантическое ядро проанализированных интернет-материалов, указывает на концептуализацию слоев образа зимнего курорта, самых значимых для носителей русского и английского языков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Супрун, В. И. Сибирь: имидж мегарегиона / В. И. Супрун ; под ред. В. И. Супруна. – Н. : ФСПИ «Тренды», 2012. – 364 с.
2. Кондратьева, О. Н. Стереотипный медиаобраз сибирского региона (по материалам российских СМИ XXI века) / О. Н. Кондратьева // Имагология и компаративистика. 2019. – № 12. – С. 222–236.
3. Мельник, Н. В. Образ Кузбасса в обыденном языковом сознании школьника / Н. В. Мельник, Ю. А. Макрушина // Мир науки, культуры, образования. – 2018. – № 5 (72). – С. 451–455.
4. Важенина, И. С. Имидж и бренд региона, сущность и особенности формирования / И. С. Важенина // Экономика региона. – 2008. – № 1. – С. 52.
5. Стернин, И. А. Слово и образ / И. А. Стернин, М. Я Розенфельд. – Воронеж : Истоки, 2008. – 243 с.
6. Шепель, В. М. Имиджелогия. Как нравиться людям / В. М. Шепель. – М. : Нар. образование, 2002. – 345 с.
7. Кубрякова, Е. С. К определению понятия имиджа [Электронный ресурс] // № 1 (014). – 2008. – С. 5–11. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-opredeleniyu-ponyatiya-imidzha.pdf>. – Дата доступа: 26.07.2019.
8. Brezovec, A. The interdependence of a country's general and tourist images / A. Brezovec, T. Brezovec, Z. Jančić // Reinventing the tourism destination: facing the challenge / Weber, S. ; Tomljenović, R. (Eds.). – Zagreb, 2004. – P. 115–129.
9. Федотова, А. В. Формирование образа Мурманской области в полиграфической рекламе региона / А. В. Федотова // Общество. Среда. Развитие. – СПб., 2014. – № 2. – С. 112–116.
10. Терских, М. В. Медиаобраз сибирского региона: лингвокогнитивное моделирование / М. В. Терских, Е. Д. Малёнова – Омски : ЛИТЕРА, 2015. – 160 с.
11. Saveleva, I. V. The image of the Kuzbass ski resort Sheregesh in the discourse of online reviews / I. V. Saveleva, N. V. Melnik // Журнал Сибир. фед. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2019. – Т. 12. – № 1. – С. 137–154.
12. Минский, М. Фреймы для представления знаний / М. Минский. – М. : Наука, 1979. – 152 с.
13. Дементьев, В. В. Коммуникативные ценности русской культуры: категория персональности в лексике и грамматике / В. В. Дементьев. – М. : Studia Philologica, 2017. – 338 с.
14. Ski.Ru. Горнолыжный портал [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ski.ru/az/resort/187/>. – Дата доступа: 20.09.2019.
15. S-Travel. Автобусные туры [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sheregesh.tomsk.ru/sheregesh>. – Дата доступа: 10.09.2019.
16. Шерегеш. Горнолыжный курорт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sheregesh.su/gornaya-shoriya-sheregesh>. – Дата доступа: 10.10.2019.
17. Кармин Тревел [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://karmin-travel.ru/tury-na-otdyh-v-russii/sibir/gornolyzhnye-tury/sheregesh-opisanie-kurorta.html>. – Режим доступа: 15.08.2019.
18. Lonely Planet [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.lonelyplanet.com/russia/sheregesh/activities/sheregesh-ski-resort/a/poi-act/1493812/1315239>. – Дата доступа: 10.09.2019.

19. Culture Trip. The best ski resorts in Russia [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://theculturetrip.com/europe/russia/articles/the-best-ski-resorts-in-russia/>. – Дата доступа: 15.08.2019
20. Russia Climbing [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.russia-climbing.com/sheregesh-ski-resort.html>. – Дата доступа: 10.09.2019.

Ирина Викторовна Савельева
кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры иностранных языков
Кемеровского государственного университета

Irina V. Saveleva
PhD, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Foreign Languages
at Kemerovo State University

Т. В. Сивова
Гродно, Беларусь

НЕМЕЦКИЙ КУЛЬТУРНЫЙ КОД В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА К. Г. ПАУСТОВСКОГО

В статье на материале произведений К. Г. Паустовского реконструирован фрагмент языковой картины мира писателя, содержащий национально маркированный культурный код. Немецкое культурное пространство произведений К. Г. Паустовского, состоящее из пространства художественного слова, музыки, живописи, скульптуры, архитектуры, а также науки, обусловленное романтическим мироощущением писателя, зиждется на системе смысловых и ассоциативных параллелей и отмечено гуманистическим, анти-военным пафосом.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *лингвистика текста; культурный код; языковая картина мира; идиостиль; К. Г. Паустовский.*

T. V. Sivova
Grodno, Republic of Belarus

GERMAN CULTURAL CODE IN THE K. PAUSTOVSKY'S LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD

In the article a significant fragment of K. Paustovsky's linguistic picture of the world containing nationally marked cultural code is reconstructed. The German cultural space of K. Paustovsky's works, consisting of the literary words space, music, painting, sculpture, architecture, as well as science space, due to the writer's romantic worldview, is based on a system of semantic and associative parallels and is marked with humanistic, anti-war pathos.

Key words: *linguistics of text; cultural code; linguistic picture of the world; individual style of writing; K. Paustovsky.*

Индивидуально-авторская специфика перцепции национального пространства, отмеченная как романтическим мировосприятием К. Г. Паустовского, так и опытом личного пребывания в разных странах (Болгария,

Греция, Италия, Польша, США, Турция, Чехия, Швеция и др.) оказывается в центре исследовательского внимания лингвистов в связи с актуальностью реконструкции пространственной картины мира писателя, обусловленной антропоцентричностью современного языкознания. Воссозданию целостной пространственной картины мира К. Г. Паустовского служит описание английского национального пространства [1], итальянского [2], персидского [3], пространства стран Балтии [4], восточнославянского и китайского [5; 6], белорусского [7]. Неотъемлемой частью такого описания закономерно становится культурный компонент: культурный испанский код [8], французский [9], еврейский [10].

Имагологический образ Германии закономерно нашел отражение в произведениях К. Г. Паустовского, творчество которого на протяжении многих лет вызывало интерес немецких исследователей. Так, авторству немецкого слависта, литературного критика Вольфганга Казака (Кёльнский университет), помимо переводов произведений писателя на немецкий язык, принадлежит энциклопедический справочник «Лексикон русской литературы XX века» [11], в котором автор, отмечая широкую международную известность К. Г. Паустовского, характеризует его как одного из тех, «чьё имя служит символом честности», как мастера, «открывающего поэзию в прозе» [11, с. 309] (см. также др. работу В. Казака [12]). Профессор Лейпцигского университета Моника Гербер обращается к персоналии писателя и его творчеству в статьях «Это – будто приходишь домой» [13], «Кому же в наши дни все эти сказки нужны?» [14].

Начало реконструкции немецкого пространства в картине мира К. Г. Паустовского положено нами в статье «Пространство стран Балтии в художественной картине мира К. Г. Паустовского» [4]. Выявленный широкий спектр характеристик, коррелирующих с лексемами *немец*, *немка*, *немцы*, *германец*, *германцы* и актуализирующих внешние описания персонажей, их национальный, социальный статус, профессиональную принадлежность, возрастные, индивидуально-психологические характеристики и т. п., некоторые национальные стереотипы восприятия (например, пунктуальность: *Немец по карманным часам воюет* [15, т. 4, с. 329]), а также множественные пространственные плоскости произведения, с которыми сопряжено немецкое пространство (в первую очередь – пространство войны, далее по значимости – пространство истории, культуры, науки, религии), убедительно свидетельствуют о значимости немецкого национального пространства в картине мира К. Г. Паустовского. Создавая немецкое национальное пространство, К. Г. Паустовский акцентирует особое внимание на пространстве культуры, значимой составляющей его собственного мироздания.

Немецкий «культурный» ономастикон произведения¹ писателя представлен как топонимами: *Берлин, Веймар, Германия, Мюнхен, Любек, Рейн,*

¹ Материалом исследования послужило собрание сочинений в 9 т. [15].

а также *Либенталь*, *Люстдорф*, *Мариенталь* и др.: *Языков приносит в этой поэме поклон Рейну от великих русских рек, в том числе и от Оки* [15, т. 3, с. 248], так и антропонимами, среди которых имена немецких писателей, композиторов, живописцев, деятелей науки.

Так, пространство художественного слова формируют имена немецких писателей (в хронологическом порядке): *Иоганн Вольфганг Гёте* (1749–1832 гг.), *Иоганн Кристоф Фридрих фон Шиллер* (1759–1805 гг.), *Новалис* (1772–1801 гг.), *Эрнст Теодор Вильгельм Гофман* (1776–1822 гг.), *Христиан Иоганн Генрих Гейне* (1797–1856 гг.), *Фридрих Шпильгаген* (1829–1911 гг.), *Генрих Манн* (1871–1950 гг.), *Бернгард Келлерман* (1879–1951 гг.), *Бруно Франк* (1887–1945 гг.), *Казимир Эдшмид* (1890–1966), *Эрих Мария Ремарк* (1898–1970 гг.). В контекстах: *Беседуя с Ворониным, Лонсевиль вспомнил почему-то о Моцарте, Байроне, Гёте, о всех людях, живших блистательно и мудро и возвеличивших неповторимую эпоху своим существованием* [15, т. 3, с. 416]; *Она [бабушка] считала меня писателем и даже решалась изредка заводить со мной разговор о литературе и о своём любимом писателе Шпильгагене* [Там же, т. 4, с. 600]; *Келлерман писал за грубо сколоченным деревянным столом при свете очага в рыбацкой хибарке, когда тихо шипела на жаровне рыба, мерцал за окном маяк и гремел океан* [Там же, т. 1, с. 79]. Оно несет отпечаток романтического мировосприятия К. Г. Паустовского: *О Генрих Гейне, Генрих Гейне, зачем он умер так рано! Я люблю старую западную жизнь, этих людей, которые умели смеяться и понимали музыку. Я люблю даже всех вас, хотя в гимназии вы издевались над Новалисом. Сотни раз я говорил вам: «Не пристраивайтесь к жизни. Скитайтесь, будьте бродягами, пишите стихи, любите женщин, но обходите за два квартала солидных людей»* [Там же, с. 52], его перцепция ассоциативно обусловлена: *Синий дым табака рождает мысли о Гофмане* [Там же, с. 215]. Активным средством актуализации имен писателей становится цитация: *Очевидно, прав был Гёте, когда утверждал, что у гениев на протяжении жизни бывает несколько возвратов юности* [Там же, т. 3, с. 258]; *«Он обладал даром, – сказал о Шиллере Гёте, – облагораживать всё, к чему прикасался»* [Там же, т. 7, с. 428], также в интертексте [Г. Гейне «Гренадеры»]: *Я дремал и видел полки призраков – солдат старой гвардии в снегах Москвы и впереди, среди шумящих по ветру знамён, корсиканца-императора: И встанет к тебе, император, // Из гроба твой верный солдат* [Там же, т. 1, с. 181].

К. Г. Паустовский использует также имена писателей, апеллирует к названиям произведений, делает краткий критический обзор последних: *Валлентейн, Вильгельм Телль, Дон Карлос, К радости, Коварство и любовь, Мария Стюарт, Орлеанская дева, Разбойники Шиллера, Герцогиня Эдшмида*. В контекстах: *И вот там, в этой тюрьме, он [Шиллер] написал свою первую бунтарскую пьесу – «Разбойники»* [15, т. 7, с. 428]; *После «Разбойников» он [Шиллер] написал еще несколько пьес: «Коварство и любовь»,*

«Дон Карлос», «Валленштейн», «Мария Стюарт», «Орлеанская дева» и «Вильгельм Телль». Все эти пьесы – шедевры драматургического искусства как по напряженному действию, так и по глубине и смелости мысли [15, т. 7, с. 430]. Обращаясь к персонажам произведений, проводит нарративные параллели: *Рассказы дяди Юзи были для нас интереснее походов барона Мюнхгаузена* [Там же, т. 4, с. 48].

Описывая немецкий литературный процесс, К. Г. Паустовский обращается к различным периодам в истории немецкой литературы: *«Разбойники» прокатились по Европе, как внезапный удар грома. На затхлую Германию дохнуло ветром. Подходила гроза. Шиллер – глашатай этой грозы, глашатай «бури и натиска», назначенный после окончания школы полковым лекарем, вынужден был бежать из Виртемберга, чтобы не попасть в крепость* [Там же, т. 7, с. 429], фиксирует существующие параллели: *в первых строках сего письма позвольте поздравить Вас с литературной годовщиной – днём возникновения «Серапионовых братьев»*¹ [Там же, т. 9, с. 228], проводит новые: *Удивительна всё же судьба многих первых книг. «Разбойники» написаны где-то под лестницей, прекрасные стихи Бернса – в шотландской хижине с такими узкими окнами, что сквозь них едва просачивался свет, многие рассказы Чехова – на подоконнике в бедной московской квартире, сказки Андерсена – в дешёвых номерах провинциальных гостиниц. Но эти убогие жилища озарены в нашем представлении волшебным светом молодости и таланта и кажутся нам великолепнее самых красивых и величественных дворцовых залов* [Там же, т. 7, с. 429], создавая общее мировое литературное пространство: *Здесь я особенно ясно понял простоту древней поэзии. Я понял волнение наших предков – участников французской революции, волнение Байрона и Гёте, Пушкина и Гнедича, пытавшихся воскресить в стихах блестящий век Эллады и её «божественную речь»* [Там же, т. 2, с. 67]; *И может быть, глубокая и почтительная любовь Андерсена к Гейне объяснялась отчасти тем, что в немецком поэте Андерсен видел своего собрата по импровизации* [Там же, т. 7, с. 443]. Часто писатель выходит за рамки собственно пространства творчества, вписывая искусство в хронотоп современной ему действительности: *«Дорога имени Крупна» – Мы решили назвать Дорогу именем Гейне за удивительные стихи, похожие на его искрящийся взгляд, за смертельный яд его слов, за их беспредельную нежность, за убийственный смех над глупцами всего мира, за его беспокойное сердце* [Там же, т. 7, с. 275].

Создавая пространство музыки, К. Г. Паустовский апеллирует к именам немецких композиторов: *Иоганн Себастьян Бах (1685–1750 гг.), Кристоф Виллибальд фон Глюк (1714–1787 гг.), Людвиг ван Бетховен (1770–1827 гг.), Якоб Людвиг Феликс Мендельсон Бартольди (1809–1847 гг.), Роберт Шуман*

¹ «Серапионовы братья» – объединение молодых писателей, возникшее в Петрограде 1 февраля 1921 г. Название заимствовано из сборника новелл Гофмана «Серапионовы братья», в которых фигурирует литературное содружество имени пустынноика Серапиона [15, т. 9, с. 498].

(1810–1856 гг.), *Вильгельм Рихард Вагнер* (1813–1883 гг.). В контекстах: *В каких углах сознания рождается поэзия? Кто может сказать, откуда пришли стихи Пушкина о том, что «неба своды сияют в блеске голубом», сказки Андерсена, **органные грозы Баха**?* [15, т. 2, с. 293]; *Лицо Глюка, покрытое следами оспы, бугристое, крепкое, полно ума и экспрессии. В этом лице воплощена мощь хоралов, громы органа, вся аскетическая суровость этого композитора* [Там же, т. 7, с. 132]; *Вагнер, Шуман, Мендельсон, Россини и Лист играли для Андерсена свои вещи* [Там же, т. 7, с. 443]. А также к названиям их произведений: *Тристан и Изольда* Вагнера, *Девятая симфония* Бетховена: *Её [пьесе «Коварство и любовь»] сопровождала удивительная музыка Бетховена* (Бетховен написал финал *Девятой симфонии* на текст шиллеровской оды «К радости») [Там же, т. 7, с. 430]. Функционирование данных номинаций специфично установлением параллелей: *Он [Оскар] написал фантастическую оперу. Ни один театр не соглашался её поставить, хотя старик уверял, что она не хуже вагнеровского «Тристана»* [Там же, т. 1, с. 52] и актуализацией интертекста: [Саша Чёрный «Больному», 1910 г.] *Нет! Это не то! У него есть стихи очень печальные и простые. «Если нет, то ведь были же, были на свете и Бетховен, и Гейне, и Пушкин, и Григ». Настоящая его фамилия была Гликберг* [Там же, т. 7, с. 546].

Пространство немецкой живописи воссоздается К. Г. Паустовским в меньшей мере – *Вильгельм фон Каульбах* (1805–1874 гг.), как и пространство скульптуры – *Вит Ствош* / нем. *Veit Stoß* (1447–1533 гг.) и архитектуры – дворец Сан-Суси. В контекстах: *Он же не мог отличить Поттера от Каульбаха* [Там же, т. 2, с. 346]; *Были альбомы только с видами и только с литографиями семейных картин тяжеловесных немецких художников, вроде Каульбаха* [Там же, т. 5, с. 259]; *Лучше пройдем по пустынным «плянтам», где ярко по осени цветёт пурпурный шафран, по рабочим окраинам, где люди словоохотливы и ласковы, зайдём в Мариацкий костёл, посмотреть алтарь гениального скульптора и резчика по дереву Вита Ствоша, побываем на острых студенческих спектаклях, войдём, как в святилище, в сумрачные залы Вавеля, где на стенах цветут знаменитые гобелены – арасы, а в крипте под алтарём собора стоят два саркофага – чёрный с прахом Мицкевича и белый с прахом Словацкого* [Там же, т. 7, с. 256]; *тронутые воздушными красками, словно напудренные голубой пудрой наивные плафоны Ватто, серебряный блеск тяжёлых подсвечников в Сан-Суси, красноватый отблеск люстр в окнах Версаля* [Там же, т. 1, с. 78].

Неотъемлемой частью немецкого культурного пространства является пространство науки, в реконструкции которого значимы: а) имена немецких философов: *Готфрид Вильгельм Лейбниц* (1646–1716 гг.), *Иммануил Кант* (1724–1804 гг.), *Артур Шопенгауэр* (1788–1860 гг.), *Фердинанд Лассаль* (1825–1864 гг.). В контексте: *Речи Кедрина пестрели цитатами и именами.*

Он упоминал Туган-Барановского, Струве, даже *Лассалья*. Такие речи не стыдно было «закатить», как говорил Романин, даже с трибуны Государственной думы [15, т. 4, с. 422], также в системе параллелей: *Вы Спенсер, Торелли*, – сказал Володя. – **Кант!** Президент Пуанкаре! *Вы подвели железную базу под моё шаткое звание заведующего информационным отделом* [Там же, т. 5, с. 18]; б) лингвистов: Фридрих Вильгельм Кристиан Карл Фердинанд фон Гумбольдт (1767–1835 гг.): *А знаменитый немецкий учёный Гумбольдт, знавший и Гёте, и Шиллера, утверждал, что влияние этих двух великих людей друг на друга было прекрасно и плодотворно* [Там же, т. 7, с. 431]; в) физиков: Альберт Эйнштейн (1879–1955 гг.): **«Теория относительности Эйнштейна»**, – подумал он и улыбнулся в темноту, в которую водопадом лилось небо во всём своём чёрном великолепии [Там же, т. 6, с. 21]; г) метеорологов: например, Генрих Вильгельм Довэ (1803–1879 гг.): *Быстро усиливаясь и подчиняясь законам, впервые указанным учёным Довэ и нашим соотечественником, господином Ридом, эти вихри превращаются в ураганы и тифоны* [Там же, т. 2, с. 13]; д) зоологов: к примеру, Альфред Эдмунд Брэм (1829–1884 гг.): *Ждать будем! Я вам письмо обо всём отпишу, а вы Брэма прислать не забудьте* [Там же, т. 6, с. 205]. Данные номинации создают в художественном произведении не только пространственную координату, но и темпоральную: *Как будто небо посылало на землю своих гонцов, чтобы узнать, чем занимаются там потомки Лейбница, Гумбольдта, Гершеля, – потомки этих великих немцев* [Там же, т. 4, с. 382], формируя немецкий культурный хронотоп произведений К. Г. Паустовского.

Важно отметить, что репрезентация пространства немецкой культуры, представленного в произведениях К. Г. Паустовского пространством художественного слова, музыки, живописи, скульптуры, архитектуры, науки, отмечена гуманистическим, антивоенным пафосом: *Больше всего было разговоров о Германии, о чудовищной тупости и наглости прусской военицины. Подвинченные колючие усы Вильгельма Второго – мечта всех солдафонов и сутенёров – была как бы символом тогдашней Германии. Всё это никак не вязалось с тем, что в этой стране жили Шиллер и Гейне, Рихард Вагнер и молодой в то время прекрасный писатель Генрих Манн* [Там же, т. 4, с. 320]; *В то время четырёхлапая свастика начала быстро расползаться по Европе. Генрих Манн, Эйнштейн, Ремарк, Стефан Цвейг – благородные люди Германии – покинули свою родину, не желая быть сообщниками «коричневой чумы» и бесноватого негодяя Гитлера. Изгнанники унесли в своих сердцах непоколебимую веру в победу гуманизма* [Там же, т. 3, с. 227].

Таким образом, характеризующиеся мощным аксиологическим потенциалом имена немецкой культуры транслируют немецкий культурный код, формируют немецкое культурное пространство произведений К. Г. Паустовского. Специфика данного пространства заключается в обусловленности романтическим мировосприятием писателя, в развитой системе смысловых

и ассоциативных параллелей, отражает тенденцию к созданию целостного мирового литературного пространства и характеризуется антивоенным гуманистическим пафосом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сивова, Т. В. Английское национальное пространство в языковой картине мира К. Г. Паустовского / Т. В. Сивова // Гуманит. и юридические исследования : науч.-теорет. журн. / гл. ред. И. В. Крючков. – 2019. – Вып. 2. – С. 214–219.
2. Сивова, Т. В. Итальянское национальное пространство в пространственной картине мира К. Г. Паустовского / Т. В. Сивова // Актуальные проблемы теоретической и прикладной филологии : материалы VII Междунар. научн. конф., посвящ. 100-летию образования Респ. Башкортостан и 110-летию создания Башкир. гос. ун-та (г. Уфа, 13–15 апр. 2019 г.). – Уфа : РИЦ БашГУ, 2019. – С. 167–175.
3. Сивова, Т. В. Персия в художественной картине мира К. Г. Паустовского / Т. В. Сивова // Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka i Literatury. – 2019. – Т. 13. – № 1. – С. 155–172.
4. Сивова, Т. В. Пространство стран Балтии в художественной картине мира К. Г. Паустовского / Т. В. Сивова // Русская культура в прибалтийских странах : сб. ст. / ред. совет: Т. Е. Барышникова, И. Т. Народовска, Ю. Л. Сидяков, Л. В. Спроге. – Рига : Seminarium Hortus Humanitatis, 2018. – С. 53–62.
5. Сивова, Т. В. Восточнославянское и китайское пространство в произведениях К. Г. Паустовского / Т. В. Сивова // Традиционная духовная культура восточнославянских и китайского народов. – Гомель, 2017. – С. 158–160.
6. Сивова, Т. В. Китайское национальное пространство в художественной картине мира К. Г. Паустовского / Т. В. Сивова // Изучение китайского языка и культуры как фактор устойчивого развития регионов Беларуси : сб. науч. ст. / редкол.: Л. М. Середа [и др.]. – Гродно : ГрГУ им. Я. Купалы, 2018. – С. 52–58.
7. Сивова, Т. В. Пространство Беларуси в художественной картине мира К. Г. Паустовского / Т. В. Сивова // Рэспубліканскія Купалаўскія чытанні : зб. навук. прац / рэдкал.: А. С. Садоўская (адказ. рэд.) [і інш.]. – Гродна : ЮрСаПрынт, 2017. – С. 267–271.
8. Сивова, Т. В. Испанский культурный код в языковой картине мира К. Г. Паустовского / Т. В. Сивова // Лингвистика, лингводидактика, лингвокультурология: актуальные вопросы и перспективы развития : материалы III Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 14–15 марта 2019 г. / редкол.: О. Г. Прохоренко (отв. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2019. – С. 384–390.
9. Сивова, Т. В. Французский писатель на фоне французского культурного пространства в языковой картине мира К. Г. Паустовского / Т. В. Сивова // Человек говорящий, пишущий, читающий в литературе : сб. науч. статей : в 2 ч. Ч. 2 / гл. ред. Т. Е. Автухович. – Гродно : ГрГУ им. Я. Купалы, 2019. – С. 173–181.
10. Сивова, Т. В. Еврейский вестийный код в языковой картине мира К. Г. Паустовского / Т. В. Сивова // Коммуникативные аспекты современной лингвистики и лингводидактики : материалы Междунар. науч. конф., г. Волгоград, 2019 г. / редкол.: Н. Л. Шамне [и др.]. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2019. – С. 123–130.
11. Казак, В. Лексикон русской литературы XX века / В. Казак. – М. : РИК «Культура», 1996. – 491 с.
12. Казак, В. Тема смерти у Константина Паустовского / В. Казак // К. Г. Паустовский. Материалы и сообщения : сб. ст. – М. : Мир Паустовского, 2002. – Вып. 2. – С. 119–141.
13. Гербер, М. Это – будто приходишь домой / М. Гербер // Мир Паустовского. – 1996. – № 9–10. – С. 104–106.

14. *Гербер, М.* Кому же в наши дни все эти сказки нужны? / М. Гербер // К. Г. Паустовский. Материалы и сообщения. – Вып. 3. – М., 2007. – С. 255–260.
15. *Паустовский, К. Г.* Собрание сочинений : в 9 т. / К. Г. Паустовский. – М. : Худ. лит., 1981–1986. – Т. 1 : Романы и повести. – 1981. – 623 с. ; Т. 2 : Роман и повести. – 1981. – 615 с. ; Т. 3 : Повести. – 1982. – 687 с. ; Т. 4 : Повесть о жизни. Кн. 1–3. – 1982. – 734 с. ; Т. 5 : Повесть о жизни. Кн. 4–6. – 1982. – 591 с. ; Т. 6 : Рассказы. – 1983. – 623 с. ; Т. 7 : Сказки ; Очерки ; Литературные портреты. – 1983. – 575 с. ; Т. 8 : Пьесы ; Теория капитана Гернета : Документальная повесть ; Статьи и выступления. – 1984. – 447 с. ; Т. 9 : Письма, 1915–1968. – 1986. – 542 с.

Татьяна Викторовна Сивова
кандидат филологических наук,
доцент кафедры журналистики

Гродненского государственного университета им. Янки Купалы

Tatyana V. Sivova

PhD, Associate Professor of the Department of Journalism
at Yanka Kupala State University of Grodno

Л. В. Солонович

Минск, Беларусь

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРЕФИКСАЛЬНЫХ ГЛАГОЛЬНЫХ ДЕРИВАТОВ (на материале базовых глаголов зрительного восприятия)

В статье рассматриваются структурно-семантические характеристики префиксальных глагольных дериватов, включающих неотделяемые форманты и предложно-наречные компоненты, на материале базовых глаголов зрительного восприятия (ГЗВ) в немецком языке. Выявлен словообразовательный потенциал базовых ГЗВ и возможности сочетаемости деривационных префиксов с указанными глаголами. Раскрыты особенности смысловых модификаций глагольных девиационных единиц по отношению к непроеводным глаголам зрительной перцепции.

Ключевые слова: *префиксальные глагольные дериваты; зрительное восприятие; неотделяемые форманты; предложно-наречные компоненты.*

L. V. Salanovich

Minsk, Republic of Belarus

STRUCTURAL-SEMANTIC CHARACTERISTICS OF THE PREFIXAL VERBAL DERIVATES (on the Material of the Basic Verbs of Visual Perception)

The article deals with the structural-semantic characteristics of the prefixal verbal derivatives, which include non-detached formants and prepositional-adverbial components on the basic verb material of visual perception in German. The word-formation potential of the basic verbs of visual perception and the possibility of combining derivative prefixes with these verbs has been identified. The peculiarities of semantic modifications of verbal deviation units towards non-derivative verbs of visual perception are revealed.

Key words: the prefixal verbal derivatives; visual perception; non-detached formants; prepositional-adverbial components.

Глаголы восприятия являются одним из основных репрезентантов в системе языка перцептивной деятельности человека и способны репрезентировать фрагменты сложившейся языковой традиции мировидения. Перцептивные глаголы, будучи средством обозначения формы чувственного отражения действительности в сознании, выполняют роль инструмента познания и являются связующим звеном между действительностью и мышлением, поскольку познание осуществляется при помощи органов чувств и абстрактного мышления. Языковая картина мира формируется как результат непосредственного восприятия мира и его осмысления. Исследование перцептивных глаголов и глаголов зрительного восприятия в частности позволит выявить особенности вербализации окружающего мира в языке.

Обращение к изучению префиксальных глагольных дериватов, обозначающих зрительное восприятие в немецком языке, обусловлено также возможностью выявления особенностей восприятия человеком окружающей среды вообще и пространства в частности. Кроме того, языковые единицы, посредством которых осуществляется вербализация перцептивных процессов, содержат информацию об осмыслении и концептуализации окружающей действительности.

Префиксальное образование от глаголов представлено в немецком языке достаточно широко, что неоднократно отмечалось отечественными и зарубежными исследователями. Деривационную активность подтверждает анализируемая группа префиксальных глаголов зрительного восприятия (ГЗВ), образованных от непроеизводных базовых ГЗВ *sehen, blicken, schauen, gucken*. Все перечисленные глаголы переводятся в разных контекстах как ‘смотреть, глядеть, видеть’ [1].

Обратившись к вопросу о функционировании префиксов в языке, следует отметить, что префиксальная словообразовательная модель характеризуется предшествованием связной словообразовательной морфемы производящей основе (*besehen* ‘рассматривать, разглядывать’), при этом префикс придает основе определенный категориальный признак (например, префикс *be-* придает глаголу *besetzen* ‘занимать (место, помещение и т. п.)’ значение снабжения). В словообразовании наряду с префиксальной моделью, включающей неотделяемые форманты, выделяется модель основ с полупрефиксами, именуемыми также предложно-наречными компонентами, т. к. многие из них семантически коррелируют с предлогами (*ab-, an-, mit-, vor-, zu-*). Отличительной чертой полупрефиксов, которые в большинстве случаев отделяемы, является их способность группироваться в семантические категории (усиление – *hoch-, allzu-, blitz-*; негативность – *teufels-, sau-*).

Префиксы и полупрефиксы, являясь связанными морфемами, в отличие от корневых, видоизменяют основное значение производящей базы и служат для обозначения признака соответствующего предмета или явления, сужения

или конкретизации значения производящей основы. Значение приставочного глагола складывается на базе структурного и семантического взаимодействия префикса и глагольной основы. В основе префиксальной единицы лежит частичное изменение базового значения путем конкретизации при помощи добавочного компонента. Следствием данного процесса является появление нового значения, которое закрепляется в языке. То есть префиксальные глагольные единицы преобразуют исконное значение единицы с переходом в иную смысловую сферу. Такие преобразования могут совпадать и варьироваться в разных языках как на уровне когнитивного осмысления, так и на уровне языкового воплощения, например, *gesehen* 'sehen' и *aussehen* 'выглядеть'. Целью данной статьи является выявление наиболее продуктивных словообразовательных формантов и определение их влияния на семантику непроизводных глаголов.

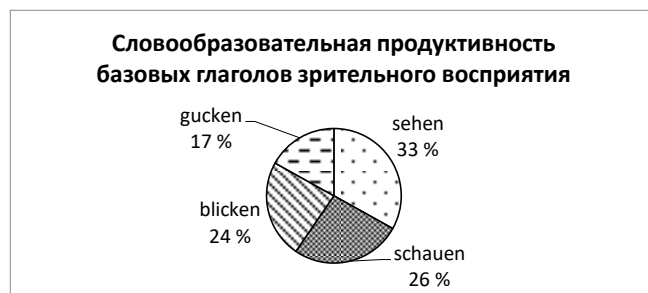
Лексико-семантическая группа глаголов зрительного восприятия представлена значительным количеством лексем, характеризующихся семантическими, эмоционально-стилистическими и прагматическими различиями. Тем не менее не все глаголы обладают высокой словообразовательной активностью. Наиболее высоким деривационным потенциалом обладают базовые глаголы зрительного восприятия (ГЗВ), представленные лексемами *sehen*, *blicken*, *schauen*, *gucken*.

Согласно данным словаря Дуден [2], анализируемые непроизводные глаголы имеют сходства в дефинициях. Так, все четыре глагола имеют значение 'направить взгляд куда-либо'. *Sehen*, *blicken*, *schauen* имеют значения, относящиеся к мыслительным процессам ('понимать'). Наиболее многозначными являются глаголы *sehen* и *schauen* (11 и 9 значений соответственно), а глаголы *blicken* и *gucken* имеют только 3 значения. Как следует из дефиниций, глаголы *sehen* и *schauen* (региональный вариант глагола *sehen*) являются синонимами, а *blicken* и *gucken* (разг.) также имеют схожее значение, но отличаются от *sehen* и *schauen* наличием семы 'направлять взгляд'. Таким образом, глаголы *sehen* и *blicken* образуют оппозицию «состояние — действие».

Префикс непроизводного глагола восприятия, обозначающего активную направленность восприятия (т. е. субъект восприятия в грамматическом отношении является подлежащим), может превращать его в объектный глагол сенсорной сферы, когда субъект восприятия подразумевается, но грамматически никак не фиксируется. Так, глагол *aussehen* 'выглядеть' в результате взаимодействия префикса и производящей основы становится объектным, в то время как глагол *sehen* 'видеть' является субъектным.

Обратимся к анализу словообразовательной продуктивности базовых ГЗВ. Наибольшим словообразовательным потенциалом обладает глагол *sehen*, количество префиксальных глагольных дериватов составляет 45 лексических единиц. Глагол *schauen* является вторым по продуктивности и насчитывает 36 производных глаголов. Примерно такое же количество дериватов

выявляет и глагол *blicken* (32 единицы). Глагол *gucken*, будучи прагматически маркированным, т. к. относится к региональному варианту, имеет наименьшее количество производных (23 единицы) (рисунок).

Словообразовательная продуктивность
базовых глаголов зрительного восприятия

Анализ производных глаголов показывает, что количество предложно-наречных компонентов, сочетающихся с базовыми ГЗВ, значительно больше, чем глагольных единиц, образованных при помощи неотделяемых формантов. Это связано в первую очередь с тем, что в немецком языке имеется большее количество полупрефиксов, нежели префиксов.

Если рассматривать вопрос сочетаемости префиксов и производящих основ, то следует отметить, что префиксальные глагольные дериваты с неотделяемыми формантами немногочисленны. Неотделяемые форманты в исследуемой группе глаголов представлены префиксами *be-* (*besehen* ‘осматривать, рассматривать’), *er-* (*erblicken* (высок.) ‘увидеть, усматривать’), *ver-* (*vergucken* (разг.) ‘ошибаться (глядя на что-л.); влюбляться’), *miss-* (только *missblicken* ‘смотреть по-злому’).

Лингвисты выделяют несколько основных групп префиксов с точки зрения их семантики. Однозначные префиксы, к которым относится префикс *miss-*, выражающий отрицательное значение либо признак, а также префикс *zer-*, выражающий ‘разрушение, разделение, удаление’ и усиление данного значения. Многозначные префиксы, которые включают такие форманты, как *er*, *ver-*, *be-*, *ent-*. Каждый из них может выражать различные значения. Например, префикс *er-* выражает возникновение состояния, достижение цели или предела и др. К нейтральным префиксам относятся непродуктивные префиксы *emp-*, *ge*, которые значительно изменили свою семантику по сравнению с опорными словами, например: *empfinden* ‘ощущать’ в сравнении с *finden* ‘находить’ [3, с. 64].

Префикс *be-* сочетается со всеми глаголами, кроме *blicken*. *Besehen* отличается от *sehen* наличием семы ‘точно’, определяется как ‘рассматривать, точно посмотреть’. *Begucken* и *beschauen* являются синонимами, имеют идентичную семантику, но обозначены пометой «разг.» и «регион.» соответственно.

Неотделяемый формант *ver-* схож в плане сочетаемости с префиксом *be-* и сочетается со всеми глаголами, кроме *blicken*. Первым значением префиксального деривата является ‘позаботиться о чем-либо’. В последующих значениях выявляется также связь со зрительным восприятием (‘ошибиться при просмотре’). *Verschauen* ‘влюбиться’ является австрийским эквивалентом *versehen* во втором значении, первое значение анализируемой лексемы – ‘влюбиться’. Аналогичную семантику имеет глагол *vergucken* ‘влюбиться’, но относится к разговорному подъязыку.

Префикс *er-* типичен для всех глаголов, кроме *gucken*. *Erblicken* ‘увидеть, усматривать’ имеет значение ‘воспринимать (внезапно) зрением’, второе значение сходно с префиксальными глаголами, имеющими префикс *be-*: ‘рассматривать’. В первом значении *erblicken* ‘увидеть, усматривать’ имеет помету «высок.». Глагол *erschauen* (высок.) ‘увидеть; узреть’ является синонимом к *erblicken*. *Ersehen* ‘видеть’ (в значении ‘понимать’) теряет связь со зрительным восприятием и обозначает умственную деятельность ‘понять, сделать выводы’. *Miss-* сочетается только с глаголом *blicken*, является устаревшим (употреблялся в XVIII–XIX ст.) и означает ‘смотреть по-злому, неправильно’.

Неотделяемые приставки *ge-*, *ent-*, *emp-*, *zer-* не используются с глаголами зрительного восприятия.

Таким образом, неотделяемые форманты неодинаково сочетаются с корневыми глаголами (таблица).

Сочетаемость неотделяемых формантов с базовыми ГЗВ

	<i>ge-</i>	<i>ent-</i>	<i>emp-</i>	<i>zer-</i>	<i>be-</i>	<i>er-</i>	<i>ver-</i>	<i>miss-</i>
<i>sehen</i>	–	–	–	–	+	+	+	–
<i>blicken</i>	–	–	–	–	–	+	–	+
<i>gucken</i>	–	–	–	–	+	–	+	–
<i>schauen</i>	–	–	–	–	+	+	+	–

Для подавляющего большинства префиксальных глаголов зрительного восприятия характерен признак направленности, поскольку в дефиниции самого глагола присутствует сочетание «направлять взгляд». Конкретизация направления взгляда происходит посредством полупрефиксов. Исходя из пространственных характеристик окружающей среды, возможно выделение нескольких синонимических рядов, обозначающих движение взгляда. Так, направление взгляда вверх обозначается при помощи глаголов *hochsehen* ‘смотреть вверх’, *emporsehen* ‘смотреть вверх’, *emporblicken* (высок.) ‘глядеть вверх’, *aufsehen* ‘смотреть, взглянуть вверх’, *heraufsehen* ‘смотреть вверх (по

направлению к говорящему)’, *hinaufsehen* ‘смотреть вверх (по направлению от говорящего)’. Как следует из примеров, данный синонимический ряд характеризуется не только возможностью указания направления движения взгляда вверх посредством префиксального глагола, но и способностью указывать на направление взгляда к говорящему (*heraufsehen*) и от него (*hinaufsehen*).

Движение взгляда вниз представлено лексемами *niedersehen* ‘смотреть вниз’, *heruntersehen* ‘смотреть вниз’, *hinuntersehen* ‘смотреть вниз’, *hinabsehen* ‘смотреть вниз’, *herabsehen* (книжн.) ‘смотреть сверху вниз (по направлению к говорящему)’, *herunterschauen* ‘смотреть вниз’. В данном синонимическом ряду также наблюдается возможность указания не только на направление движения взгляда, но и на его направленность к говорящему (*herabsehen*) и от него (*hinabsehen*).

Направление взгляда «изнутри – наружу» объективируется такими глаголами, как *hinaussehen*, *heraussehen*, *raussehen*, *hervorsehen*, *herausblicken*, *hinausblicken*.

При помощи таких производных глагольных дериватов, как *hineinsehen*, *hereinsehen*, *reinsehen*, *reinschauen*, *dreinblicken*, *dreinsehen*, *hereinschauen* указывается движение взгляда «снаружи – внутрь».

Как следует из примеров, синонимия также имеет место в исследуемой группе в рамках синонимических рядов, т. е. движение вверх представлено не одной, а несколькими лексемами. При этом в немецком языке посредством префикса, с одной стороны, можно указать направление движения по отношению к говорящему либо от него, а с другой, не конкретизировать положение говорящего (например, *niedersehen*). Анализ показывает, что префиксальные глаголы в целом повторяют семантику наречий места.

Отделяемые форманты выявляют разную словообразовательную активность. Такие префиксы, как *an-*, *auf*, *aus-*, *heraus-*, *hervor-*, *herüber-*, *herum*, *herunter-*, *hinein-*, *hin-*, *hinaus-*, *hoch-*, *nach-*, *im-*, *weg-* сочетаются со всеми исследуемыми глаголами. Более внимательное рассмотрение глаголов с указанными приставками позволяет установить, что почти все они обозначают направление взгляда. То есть в системе восприятия этот аспект визуальной перцепции представляется наиболее значимым. Наличие префикса может полностью менять семантику базового глагола. Так, глагольный дериват *aussehen* ‘выглядеть’, хотя и связан с процессом зрительного восприятия, но обозначает не способность восприятия, а свойство окружающей среды.

Префиксы *drein-*, *empor-*, *herab-*, *herein-*, *her-*, *hinunter-*, *hinweg-*, *über-* типичны для всех глаголов, кроме *gucken*.

Префиксы *ab-*, *be-*, *ver-*, *zu-* сочетаются со всеми глаголами кроме *blicken*. Это объясняется тем, что глагол *blicken* имеет сему ‘действие’, в отличие от остальных трех глаголов. При помощи указанных префиксов глаголы приобретают сему ‘действие’, которая отсутствует у корневого глагола.

Такие компоненты, как *ein-*, *weiter-*, *vorher-*, *hell-*, *fort-* сочетаются только с глаголом *sehen*, при этом в большинстве случаев префиксальные глаголы утрачивают связь со зрительным восприятием. Так, глагол *einsehen* имеет не только значение зрительного восприятия («in einen Raum o. Ä. hineinsehen [können]; einen Einblick in etwas haben»), но и выявляет такие значения, как ‘признавать (свою ошибку и т. п.), заглянуть (к кому-л.)’.

Предложно-наречные компоненты *bei-*, *davon-*, *daneben-*, *auseinander-*, *unter-* и неотделяемые форманты *ent-*, *emp-*, *zer-* не используются с базовыми глаголами зрительного восприятия в немецком языке.

Таким образом, непроизводные базовые глаголы зрительного восприятия характеризуются многообразной словообразовательной структурой и активно сочетаются как с неотделяемыми формантами, так и с отделяемыми предложно-наречными компонентами. В исследуемой группе значительно доминирует количество производных глаголов, образованных с помощью отделяемых компонентов в силу их более широкой представленности в языке. Наиболее продуктивными префиксами в словообразовании базовых ГЗВ восприятия являются неотделяемые префиксы *be-*, *er-*, *ver-*. При этом не обнаружено неотделяемых формантов, которые могли бы сочетаться со всеми базовыми ГЗВ. Префиксы *ge-*, *ent-*, *emp-*, *zer-* и *bei-*, *davon-*, *daneben-*, *auseinander-*, *unter-* не выявляют деривационной активности. Анализ сочетания морфем в производном приставочном глаголе показал, что полупрефиксы незначительно изменяют семантику исходного глагола, в то время как неотделяемые форманты зачастую приводят к утрате значения зрительного восприятия. *ein-*, *weiter-*, *vorher-*, *hell-*, *fort-* сочетаются только с глаголом *sehen*, префиксальные глаголы утрачивают связь со зрительным восприятием.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой немецко-русский словарь : ок. 95 000 слов и 200 000 словосочетаний / К. Лейн [и др.]. – 9-е изд., стер. – М. : Рус. яз., 2002. – 1038 с.
2. Duden. Deutsches Universalwörterbuch. – 8., überarb. u. erw. Aufl. – Berlin : Dudenverlag, 2015. – 1248 S.
3. Москальская, О. И. История немецкого языка : учеб. пособие / О. И. Москальская. – М. : Академия, 2003. – 288 с.

Людмила Владимировна Солонович

кандидат филологических наук, доцент,
зав. кафедрой второго иностранного языка (немецкий)
Минского государственного лингвистического университета

Liudmila V. Salanovich

PhD, Associate Professor,
Head of Department of the Second Language (German)
at Minsk State Linguistic University

А. В. Сытько
Минск, Беларусь

**КОРРЕЛЯЦИИ МОДАЛЬНОГО ИСТОЧНИКА С Я- И МЫ-АГЕНТОМ
ПРИ ПЕРЕДАЧЕ НЕОБХОДИМОСТИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕЧИ
(на материале немецкого и русского языков)**

В настоящей работе на материале немецкой и русской политической речи анализируется взаимодействие компонентов семантического плана деонтического высказывания: перволичных модальных агентов (я и мы) и модальных источников. Установлено, что деонтику для данных агентов, находящихся с точки зрения семантического расширения на противоположных полюсах, детерминируют разные факторы, которые определяют для я- и мы-агента необходимость отличных пропозициональных действий. Выявлено, что указанные семантические компоненты образуют определенные сочетания, каждое из которых формирует различное «прочтение» одного и того же модального оператора и выполняет разные коммуникативные функции.

К л ю ч е в ы е с л о в а: деонтика; деонтическое высказывание; семантический план; модальный источник; модальный агент / субъект деонтики; пропозиция; коммуникативная функция.

W. Sytko
Minsk, Republik of Belarus

**CORRELATIONS OF THE MODAL SOURCE AND FIRST PERSON AGENT
BY EXPRESSING DEONTIC NECESSITY IN POLITICAL SPEECH
(Based on the Material of German and Russian Languages)**

In this paper, based on the material of German and Russian political speech, the interaction of two semantic components of deontic utterance is analyzed: primary modal agents (I, we) and modal sources. These agents stand at the opposite poles in terms of semantic extension. It is noted that deontics for these agents is determined by different factors that specify the need for distinguished propositional actions for the I- and we-agents. The study revealed that these semantic components form certain combinations, each of which forms a different “reading” of the same modal operator and performs different communicative functions.

K e y w o r d s: deontic; deontic utterance; semantic plan; modal source; modal / deontic agent; proposition; communicative function.

Деонтика реализуется в любом дискурсе. Основным системообразующим критерием для выделения политического дискурса является борьба за власть и удержание власти. Данная цель жестко детерминирует как модальный характер политического текста, так и коммуникативные функции модальных высказываний, яркой демонстрацией чего выступают деонтические конструкции, а именно комбинации модального маркера с пропозициональным действием, выраженным инфинитивом. Прототипическими деонтическими лексемами в русском языке являются *должен, надо*, используются также и другие единицы: *обязан, необходимо, нужно, следует, надлежит, подобает, стоит, приходится, вынужден, не годится* (в значении ‘не сле-

дует'), *нельзя, запрещено, возбраняется*. В немецком языке деонтику реализуют модальные глаголы *müssen, dürfen, sollen* в своем первичном, неграмматизированном значении, их лексические эквиваленты *verpflichtet sein, berechtigt sein, befugt sein, erforderlich sein, verantwortlich sein*, конструкция *es nötig haben*.

Целью данной работы стало установление видов деонтических источников, обуславливающих высказывания необходимости с перволичными агентами, или деонтическими субъектами *я, мы* в политическом дискурсе в разных лингвокультурах – немецкой и русской. Материалом исследования послужила выборка политических речей, ядерного жанра рассматриваемого дискурса, которая составила 125 выступлений президентов РФ за период с 2000 по 2018 г. и канцлера ФРГ за период с 2008 по 2018 г., представленных на официальных сайтах <http://www.kremlin.ru/events/president> и <https://www.bundeskanzlerin.de>.

Семантические и прагматические нюансы деонтического высказывания, которое характеризует практическое действие, потенциально способное изменить положение дел, формируются его двумя семантическими компонентами – *модальным источником* и *модальным агентом*.

Модальный источник представляет собой разнообразные внешние и внутренние принуждения, объединяемые в две большие группы: источники универсального и частного порядка, обуславливающие возникновение деонтического отношения. Первая группа содержательно является достаточно гомогенной, поскольку координирует общественные отношения, в которых участвуют все. Вторая группа регулирует социальное взаимодействие в конкретной ситуации. Ее содержательный объем значительно шире и многообразнее, поскольку сформирован факторами либо объективно-ситуативными, либо индивидуально-ситуативными.

Модальным агентом является потенциальный получатель информации, который в состоянии осуществить указываемое в пропозиции действие: *тебе надо одеться теплее, врач должен вселять в пациента надежду*. Деонтические высказывания включают различные типы агентов: определенный, локализованный во времени в конкретной ситуации с конкретной референцией (*я, ты, он*), и генерализованный с широким объемом значения, охватываются абсолютно все или участники конкретной описываемой ситуации (*они, мы, вы, каждый из вас, те, кто*).

Обращение к перволичным модальным агентам обусловлено их противопоставленностью по степени семантического расширения. *Я*-агент представляет собой максимально суженное проявление – самого говорящего. *Мы*-агент является самой семантически растяжимой формой с обязательно включенным говорящим. Кроме того, именно перволичные агенты представлены в политической речи наиболее частотно. Следует отметить, что перволичный агент может быть имплицирован и выражаться безличными структурами (*нужно, man muss*), однозначно восстанавливаясь из контекста.

1. Источники в высказываниях с я-агентом. В политическом дискурсе говорящий может либо налагать на себя обязательства по выполнению какого-либо действия. Например:

A. Merkel: *Da finde ich mich nicht immer wieder. Dann **muss ich vielleicht versuchen**, mich mehr einzubringen* (Rede von Bundeskanzlerin beim 2. Sächsischen Frauennetzwerktreffen am 15.07.2019) ‘Я не всегда оказываюсь там. Тогда, возможно, я *должна попытаться принять* более активное участие’.

либо, исходя из максим релевантности и качества, указывать на необходимый характер сообщения о некотором положении дел. Приведем пример:

B. В. Путин: ***Должен честно сказать**, Правительство никак не может решиться действовать в этой сфере последовательно* («Прямая линия» с Президентом России, 19.12.2003).

Следовательно, деонтические высказывания с модальным агентом-говорящим обусловлены двумя источниками: *сложившимся положением дел* и индивидуально-ситуативным фактором, *решением* говорящего, основанном на его умозаключении об информационной значимости и содержательной важности последующего сообщения, обусловленной дискурсивными правилами.

Очевидно, что и в том, и в другом случае пропозициональным действием выступает речевое, а благодаря множеству речевых глаголов оно характеризуется различным содержанием (сообщение, констатация, утверждение, возражение, согласие, уверение, объяснение, заявление, замечание, прогнозирование, обещание, признание и т. д.).

Деонтические я-конструкции, обусловленные сложившимся положением дел, возникают в контексте негативной оценки ситуации, что обязывает говорящего как представителя социального института сообщить о неприятных фактах или отрицательных последствиях чего-либо. Что касается поверхностной структуры, то в этом случае отмечаются указатели на текущую ситуацию (*в этой ситуации, такая ситуация, в связи с этим, angesichts der Lage*, дейктиков *da, здесь*), сам деонтический «префикс» способствует снижению интенсивности отрицательной оценки, представленной в последующем высказывании. Например:

A. Merkel: ***Ich muss angesichts der Lage und auch der Verhandlungsverläufe der letzten Tage, insbesondere des Sonntags, an dem die Regierung viele neue Angebote auf den Tisch gelegt hat, sagen**, dass ich, **wenn sich da nichts ändert**, wenn man sich also nicht auf das konzentriert, was wirklich zur Debatte steht, **sehr schlechte Chancen sehe**, uns in kurzer Zeit einigen zu können* (Rede anlässlich des Spitzengesprächs zur Initiative „Familienbewusste Arbeitszeiten“, 08.02.2011) ‘С учетом ситуации и хода переговоров за последние несколько дней, особенно в воскресенье, когда правительство представило много новых предложений, я *должна сказать*, что *если ничего не изменится*, вы не сконцентрируетесь на том, что на самом деле подлежит обсуждению, *то я вижу очень плохие перспективы* договориться за короткое время’.

Сложившиеся обстоятельства, в которых имеет место чье-то мнение, намерение или предпринятое действие, могут вызывать у политика возражение, что маркируется противительными коннекторами (*однако, aber*). К примеру:

*Wir möchten Frauen und Männer in die Lage versetzen, sich frei entscheiden zu können, wie sie ihr Leben führen möchten. **Allerdings muss ich sagen**, dass die Diskussion oft dahin führt, dass gesagt wird: Wahlfreiheit – dann lassen wir doch einfach die Frauen wählen. Das reicht natürlich nicht aus* (Rede von Bundeskanzlerin beim Festakt zum 60. Weltkongress des Weltdachverbandes der Unternehmerinnen „Les Femmes Chefs d’Entreprises Mondiales“, 28.09.2012) ‘Мы хотим дать возможность женщинам и мужчинам свободно решать, как жить. *Однако я должна сказать*, что дискуссия приводит часто к следующему мнению: раз свобода выбора – тогда давайте просто выберем женщин. Конечно, этого недостаточно’.

Сформированный социокультурным контекстом политической коммуникации опыт говорящего определяет его решения (волевые, интеллектуальные, эмоциональные) обязательно сообщить последующий факт. Например:

*В. В. Путин: Кстати говоря, мы всё время говорим о коррупции, о чиновниках. **Должен сказать и не имею права это не сказать**: подавляющее большинство людей, которые работают в системе управления, – честные, порядочные и нацеленные на результат люди* (Послание Президента РФ Федеральному Собранию, 01.03.2018).

Очевидно, что в обусловливаемых различными источниками высказываниях с я-агентом реализуются отличные коммуникативные функции: маркирование аксиологического отношения либо коммуникативное выделение значимой информации. Такие «манипулятивные» речевые акты ориентированы на закрепление определенной коммуникативной и в целом политической позиции за коммуникантом.

2. Деонтическая обусловленность в мы-высказываниях. Иную картину детерминации обязательности действий демонстрируют деонтические конструкции с мы-агентом. Модальное отношение здесь затрагивает акциональность любого типа (созидательную, ментальную, речевую и пр.).

Вариативность семантического содержания мы-агента позволяет говорящему в политической речи изменять его наполненность для различных коммуникативных маневров в соответствии со своими интересами. С коммуникативно-прагматической точки зрения говорящий скрывает себя как агента за принадлежностью к некому обобщенному мы для разделения ответственности в рамках совместного решения определенных задач, оформленных деонтическим высказыванием. Мы-агент либо обобщает всех задействованных в данной ситуации лиц, в том числе за рамками речевого события, объединенных определенной сферой деятельности, политическими взглядами (я + вы + они), либо представляет генерализацию определенных лиц, включающих я и кореферентного аудитории вы, к которой здесь и сейчас

обращается политик. При этом говорящий навязывает свою деонтическую оценку в расчете на то, что она будет интериоризована членами «коллектива».

В политической речи деонтические высказывания с интерпретацией *мы* = *я* + *вы*, *мы* = *я* + *вы* + *они* обусловлены двумя модальными источниками: *целеполаганием* и *обстоятельствами*. *Мы*-высказывания служат механизмом разделения ответственности, смягчая категоричность директива. Следует отметить, что прагматически они являются двуслойными: с одной стороны, они фиксируют желание говорящего изменить положение дел, с другой, побуждают к выполнению действия, способствующего изменению ситуации.

Призыв к некоторому совместному действию определяется целью, на что может быть эксплицитное указание в левом окружении деонтической конструкции. Приведем пример:

В. В. Путин: *Мы должны с вами решить и другую задачу на основе выстраивания тех структур, о которых я сказал выше. Мы^{я+вы} должны добиться улучшения качества деятельности государственных органов и правоохранительной системы* (Выступление на первом заседании Парламента Чеченской Республики, 12.12.2005).

A. Merkel: *Meine Damen und Herren, diese Schlüsse zu ziehen, ist unsere Aufgabe nicht allein an einem solchen Gedenktag. Wir sollten jeden Tag darüber nachdenken* (Rede auf der Zentralen Gedenkveranstaltung zum 80. Jahrestag der Reichspogromnacht, 09.11.2018) ‘Дамы и господа, делать такие выводы – это наша задача не только в этот памятный день. Мы должны думать об этом каждый день’.

Деонтическая конструкция в русском языке в зависимости от того, что говорящий помещает в коммуникативный фокус, а именно саму цель или деонтику как способ достижения цели, имеет две позиционные разновидности: с деонтическим высказыванием в препозиции (*мы должны* + *инфинитив*, *чтобы* ...) и в постпозиции (*чтобы* ..., *мы должны* + *инфинитив*). Например:

В. В. Путин: *Нужно добиваться конкретных результатов, чтобы оправдать доверие, надежды и ожидания миллионов граждан России. Это главная задача для всех нас^{я+вы+они}* (Выступление на съезде Всероссийской политической партии «Единая Россия», 26.05.2012) [*мы* = все члены партии].

В. В. Путин: *Чтобы идти вперёд, динамично развиваться, мы должны расширить пространство свободы, причём во всех сферах, укреплять институты демократии, местного самоуправления, структуры гражданского общества, судов, быть страной, открытой миру, новым идеям и инициативам. Нужно принять давно назревшие, непростые, но крайне необходимые решения* (Послание Президента Федеральному Собранию, 01.03.2018).

В немецкой политической речи отмечен только препозиционный тип (*wir müssen* + *инфинитив*, *damit / um zu* ...). К примеру:

A. Merkel: *Wir müssen* alles, was in unserer Kraft steht, **tun, damit** dieses Massaker ein Ende findet (Regierungserklärung, 22.02.2018) ‘Мы должны сделать все возможное, чтобы положить конец этой войне’ [мы = я + вы + они].

A. Merkel: Das heißt, wir müssen auch wirtschaftlich schwächere Länder besser in die internationale Arbeitsteilung einbeziehen. *Wir müssen* Anreize finden, **um** wirtschaftliche Aktivitäten in den Ländern und in den Regionen **zu erhöhen**, in denen diese noch nicht so stark ausgeprägt sind. (Rede beim G20-Dialogforum Wirtschaft (Business 20), 03.05.2017) ‘Другими словами, нам также необходимо лучше интегрировать экономически более слабые страны в международное разделение труда. Мы должны найти стимулы для повышения экономической активности в тех странах и регионах, где они еще не так сильны’.

Высказывания с *мы*-агентом, обусловленные сложившимися / существующими обстоятельствами, реализуют апеллятивную функцию с настоятельным призывом нечто совершить, повелительную просьбу. Выполнение действия является условием для позитивного развития событий в будущем. Синтаксически деонтическое высказывание реализуется придаточным обстоятельственным, придаточным следствия: положение дел → *поэтому мы должны* / **deshalb müssen wir** + инфинитив. Приведем пример:

Д. А. Медведев: Пожалуй, в Европе снова **можно услышать голоса неонацистов**, защищающих фашизм, <...> призывающие к насильственным изменениям послевоенных границ. **Поэтому мы**^{я+вы+они} **должны быть бдительными, поэтому мы**^{я+вы} **должны сотрудничать**, взаимно уважая интересы друг друга, с сознанием совместной ответственности за мир, свободу, демократию и безопасную жизнь граждан (Выступление на торжественном мероприятии, посвященном 65-летию освобождения Братиславы от гитлеровских захватчиков, 07.04.2010).

A. Merkel: 45 Jahre hast du schön eingezahlt, bekommst aber genau die gleiche Grundsicherung wie derjenige, der keinen einzigen Tag lang eingezahlt hat? **Das geht politisch nicht. Deshalb müssen wir das ändern**, meine Damen und Herren (Rede beim Deutschen Arbeitgebertag, 16.10.20) ‘45 лет ты исправно платил, но получаешь ту же базовую пенсию, что и тот, кто не платил ни одного дня? Политически так не пойдет. Поэтому мы должны изменить это, дамы и господа’.

При этом в одном текстовом фрагменте могут сочетаться несколько детерминирующих источников. Например:

В. В. Путин: Безусловно, борьба с коррупцией **у нас** – одно из ключевых направлений укрепления государственности. <...>. **Мы должны**^{обстоятельства} активно с этим бороться и, **чтобы** различные авантюристы не использовали это в своих целях, **мы должны**^{целеполагание} **показать** людям и обществу, что **государство** само в состоянии бороться эффективно <...> (Выступление на встрече с членами Совета законодателей, 24.04.2017).

A. Merkel: *Deutschland insgesamt ist stark. Wir sind die größte Volkswirtschaft in der Europäischen Union. Aber unsere Stärke ist nicht unendlich. Wir müssen – das ist vielleicht die größte und wichtigste Aufgabe, die wir für Europa lösen müssen – unsere Kräfte richtig einschätzen* (Rede anlässlich des „Tages des deutschen Familienunternehmens“ der Stiftung Familienunternehmen, 15.06.2012) ‘Германия в целом сильна. Мы самая большая экономика в ЕС. Но наши силы не бесконечны. Мы должны – и это, возможно, самая большая и самая важная задача, которую нам нужно решить для Европы, – правильно оценить свои сильные стороны’.

Таким образом, в политической речи деонтические высказывания с перволичными агентами *я* и *мы* детерминируются разными источниками и имеют различные прагматические задачи, демонстрируя схожесть в немецкой и русской лингвокультурах. Деонтические высказывания с перволичными агентами *я* и *мы*, обуславливаясь совпадающим фактором, сложившимся положением дел, реализуют в пропозиции отличную акциональность, в результате чего актуализируются разные коммуникативные задачи: *я*-высказывания сообщают о положении дел, *мы*-высказывания апеллируют, побуждают к изменению положения дел.

Анна Васильевна Сытько

кандидат филологических наук, доцент,
зав. кафедрой фонетики и грамматики немецкого языка
Минского государственного лингвистического университета

Anna W. Sytko

PhD, Associate Professor, Head of the Phonetics and Grammar
of the German Language
at Minsk State Linguistic University

Н. А. Трофимова
Санкт-Петербург, Россия

НЕМЕЦКИЕ ФИЛОНИМЫ: УНИВЕРСАЛЬНОЕ И КУЛЬТУРНО-СПЕЦИФИЧНОЕ

В статье рассматриваются немецкие филонимы – вокативы, функционирующие в общении влюбленных. Создание филонимов основано на явлении семантической деривации, в первую очередь на метафорическом переносе, и имеет большой спектр прагматических возможностей. Наиболее популярные немецкие филонимы представляют собой зоометафоры, названия сладостей, эротически привлекательных частей тела, имена сказочных героев и др. Некоторые из них универсальны и встречаются практически во всех европейских культурах, другие культурно специфичны благодаря словообразовательным возможностям немецкого языка.

К л ю ч е в ы е с л о в а: ласкательные имена; филонимы; метафора; зоометафора; любовный дискурс; общение влюбленных; диминутивы.

GERMAN PHILONIMES: UNIVERSALITY, ERSALITY AND CULTURAL SPECIFICITY

The paper examines a group of German lexemes that act as philonyms – love names in lover's communication. The creating of new philonyms for a partner is based on semantic derivation, namely on associative connection between color, form, taste and has the widest range of pragmatic possibilities. The most philonymic metaphors are the zoometaphors, but they are also names of sweets, of erotically attractive body parts, of mythological heroes etc. Some of them are universal for lovers from different cultures, but others are very special German because of the word-formation possibilities of German.

Key words: *pet names; philonyms; metaphor; zoometaphor; love discourse; lover's communication; diminutives.*

Интимное общение партнеров основано на их близких отношениях, выражении трепетных чувств друг к другу, имеющих высокую степень синтонности и эмоциональности, достижение которой предполагает использование интимизированных вербальных знаков, которые Р. Барт гениально назвал «словами вместо пальцев» [1, с. 200]: они столь же ощутимо «прикасаются» к партнеру, передавая ему тепло и ласку.

Одним из наиболее важных признаков интимного общения является признание необыкновенной ценности объекта любви, его аксиологической ядерности. Она приводит к необходимости подбора уникальных номинаций партнера, подчеркивающих его выделенность, выражающих ласку и сексуальную притягательность. Вслед за М. Эпштейном [2], мы называем такие номинации филонимами (*греч. philia* 'любовь' + *onima* 'имя'), в любовном дискурсе они функционируют как речевые афродизиаки: влюбленные наркотизируют себя, повторяя их как мантру любви, как заклинание.

Филонимы представляют собой лексические единицы, выражающие в своей семантике положительное оценочное отношение к партнеру, которому приписывают определенные добродетели, внешние и внутренние, их примерами могут служить слова *Schatz* / *Schätzchen*, *Liebling*, *Herz* 'сокровище, любимый / любимая, сердце', используемые в ситуации интимного общения. Такое индивидуальное название любимого человека имеет древнюю традицию и подчеркивает особенности адресата, его непохожесть на всех остальных, выражает ласку, степень доверия к адресату. Э. Лайзи связывает значение специфического названия партнера при близких отношениях с традиционными представлениями о «магии имен», в соответствии с которой «человеческое имя стоит в центре круга магических представлений» и составляет существенную и необходимую часть человеческой личности [3, S. 27]. Выражая свои нежные чувства, коммуниканты при создании новых филонимов проявляют блестящие

творческие способности; используя метафору Э. Лайзи, можно утверждать, что речь влюбленных просто «кишит» метафорами, уменьшительно-ласкательными словами и формами: *Ach du, mein kleines unschuldiges Lämmchen!* 'Ах, ты мой маленький невинный ягненок!'. В риторике влюбленных эти слова звучат как музыка сфер. М. Шнайдер называет их афродизиаками: влюбленные все время повторяют подобные слова, наслаждаясь их звучанием, они наркотизируют себя таким образом [4, S. 140]. Взаимное «переименование» всегда индивидуально, филоним не имеет порой общепринятого лексического значения, но это не мешает ему выполнять свою главную функцию – поднять близкого человека над повседневностью. Важность этой группы лексических единиц обусловила актуальность настоящей статьи, имеющей целью обратить лингвистический взгляд на уникальную семантику филонимов, а именно: определить деривационные (семантические и словообразовательные) потенции ласкательных семем, используемых носителями немецкого языка, обосновать ценностные предпочтения социума в интимной сфере общения.

Семантическая деривация. Разнообразные лексико-семантические варианты филонимов связаны между собой отношениями семантической деривации, к которой принято относить довольно широкий круг преобразований, самым частым и традиционным из которых является перенос наименования – метафора и метонимия. На основе такого переноса рождаются корневые филонимы, которые по своей семантике могут быть разделены на следующие группы обозначений:

1) слова-фаунонимы, представляющие собой зоосемантические метафоры, в которых подчеркивается устанавливаемая эмпирическим путем общность поведения, внешних признаков, ощущений от восприятия двух объектов. Так, для метафоры *Maus* 'мышь', употребленной по отношению к женщине, аспектом сравнения являются внешние качества: ей приписывают признак небольшого размера, проворности. Тем самым одновременно познается сущность человека, создается его образ и порождается новый смысл: филоним *Maus* приобретает формальное значение 'маленькое безобидное существо, нуждающееся в защите и заботе'. Метафорический филоним *Hase* 'заяц' основывается на признаке 'мягкий, пушистый', возможно, не последнюю роль играет признак 'половоактивный'. *Tertium comparationis* при ласкательном употреблении слова *Tiger* 'тигр' является сила и дикий нрав, слова *Biene* 'пчела' – трудолюбие, слова *Katze* 'кошка' – изящность;

2) имена, в основе которых находится метонимический перенос названия эротически привлекательных частей тела, как *Muschel* 'ракушка', часто скрывающихся за диминутивными эвфемизмами: *Öffchen* 'печка', *Luftballonli* 'воздушный шарик', *Pfläumchen* 'сливка'. Эротика, являющаяся вершиной в отношениях пары, обладает огромной продуктивностью при создании специфических терминов соблазна, поэтому эротический лексикон влюбленной пары может быть очень богат;

3) слова-названия сладостей: *Honig* ‘мед’ и др. Причина появления таких «сладких» филонимов очевидна: сладкое – источник гормона счастья, влюбленные рассматривают друг друга как сладкий десерт и вербализуют в ласкательных именах надежду на обоюдное удовольствие. Кондитерские пристрастия не всегда уточняются, все многообразие возможного «сладенького» обобщается в филонимах *Süße / Süßer* ‘сладкая / сладкий’ или просто *Leckerchen* ‘вкуснятинка’;

4) слова-имена мифологических героев, библейских и сказочных существ (*Aphrodite* ‘Афродита’, *Amor* ‘Амур’, *Venus* ‘Венера’; *Engel* ‘ангел’, *Fee* ‘фея’ и др.). Филонимы этой группы обозначают вымышленных героев, которые наделяются определенными качествами. Так, имя *Aphrodite* ассоциируется у каждого с представлением о необыкновенной красоте, *Amazonen* ‘Амазонка’ – с представлением о независимости и т. д. Естественно, что для филонимических номинаций выбираются герои, которые ассоциируются с однозначно положительной оценкой в сознании носителей языка. Налицо наделение друг друга сверхчеловеческими качествами, способностью сделать жизнь светлее, внести в нее элемент мечты, сказочности;

5) слова-названия небесных светил: *Stern* ‘звезда’, *Sonne* ‘солнце’. Возлюбленный / возлюбленная рассматривается как центр Вселенной, как путеводная звезда, освещающая путь;

6) слова-названия драгоценных камней и металлов, обозначения сокровища в целом: *Schatz* ‘сокровище’, *Juwel* ‘драгоценность’. Называние любимого человека сокровищем поднимает его на невидимый пьедестал, бессознательно превращает его в объект слепого поклонения. В использовании этой метафоры, особенно в сочетании с притяжательным местоимением, проявляется стремление владеть любимым человеком, как владеют сокровищами. Неудивительно, что филоним *Schatz* является самым распространенным среди возможных в языке немецкоговорящих влюбленных;

7) слова-названия растений. Цветочная метафора в качестве филонима (от гиперонима *Blume* ‘цветок’ до самых разнообразных гипонимов: *Kirschblüte* ‘вишневый цвет’, *Maiglöckchen* ‘ландыш’, *Kaktusblümchen* ‘цветок кактуса’, *Rose* ‘роза’) адресована, безусловно, женщине: цветы являются олицетворением радости, нежности, изящества.

Названные и некоторые другие группы филонимических метафор являются культурно универсальными и встречаются в том или ином виде во всех европейских культурах, национальные картины мира которых в целом совпадают. В следующей части статьи речь пойдет о культурной специфике филонимов, связанной, в первую очередь, с большими словообразовательными потенциями немецкого языка.

Словообразование. Перенос наименования с предмета или животного на обозначения человека является, безусловно, эффективным способом характеристики последнего, но часто оказывается недостаточным для выражения интимного положительного отношения к субъекту оценки. В таких случаях эмоциональное воздействие метафоры усиливается посред-

ством прибавления к ней еще одной положительно заряженной семы, создающей новый филоним (*Herzschnuppe* ‘сердце + комета’, *Mondscheinengel* ‘лунный свет + ангел’ и т. п.), и уменьшительно-ласкательных суффиксов *-chen*, *-lein*, *-i*, *-le* / *-li*, *-che* / *chi*, *-erl*, вносящих в семантическую структуру слова эмоциональную оценку положительного свойства: *Mausi* ‘мышка’, *Tigerchen* ‘тигренок’, *Katerle* ‘котенок’, *Hasilein* ‘зайчик’. Важно подчеркнуть, что наличие диминутивного суффикса не ограничивает семантику филонима «уменьшением» размера партнера, эта функция нейтрализуется при использовании зоометафор от наименований животных, имеющих априори небольшой размер (*Mausi*, *Hasilein*). Диминутивные суффиксы в таких словах реализуют, скорее, свое второе, ласкательное, значение, выражают симпатию. Очевидна специфическая прагматичность филонимов с диминутивными суффиксами, включение адресата в личную сферу говорящего [5, с. 146].

Необыкновенно разнообразны словообразовательные модели сложных филонимов, которые, как правило, являются определительными композициями. Каждая из вышеназванных семантических групп филонимов имеет специфический перечень детерминирующих компонентов. Например, для зоометафор характерны в качестве определяющих **отглагольные** морфемы *Bumse-* ‘заниматься любовью’, *Schmuse-* ‘ласкаться’, *Knutsch-* ‘обниматься’, отсылающих наше восприятие к действиям влюбленных в ситуациях интимного общения: *Schmusekater* ‘кот-ласкун’, *Knutschibär* ‘медведь, который любит обниматься’. Часто подобные элементы становятся частью зооморфизмов, обозначающих крупных животных, и адресуются мужчине, за ними, как правило, скрывается глубинное семантическое согласование характеристики человека и определенных особенностей животного: большой и сильный. Но в интимном общении это согласование трансформируется под воздействием «оптического и хроматического сдвига» в мировосприятии [6, с. 51]: словообразовательная операция одномоментно меняет характер референта, превращает мужчину, большого и сильного во внешнем мире (*Bär* ‘медведь’, *Tiger* ‘тигр’), способного постоять за себя в жизни, в плюшевую игрушку, абсолютно укрощенного, усмиренного любимой женщиной «ласкового и нежного зверя» (*Kosebärchen* ‘мишка-ласкуша’).

Отыменные морфемы выполняют функцию индивидуальной характеристики партнера: *Chaosbär* ‘беспорядочный мишка’, *Bussibärchen* ‘ласковый мишка, любящий поцелуи’, *Flauschbärchi* ‘мягкий мишка’ и др. При назывании партнера именем небольших малопрятных животных или насекомых детерминирующим элементом часто становится «приятный» отыменной компонент *Zucker-* ‘сахар’, *Gold-* ‘счастье’, «улучшающий» общее значение слова до наивысшей степени: *Goldkäferchen* ‘золотой жучок’, *Honiglaus* ‘медовая вошь’, *Honigmaus* ‘медовая мышь’ и др.

Среди фаунонимов-комполит встречаются специфические филонимы, в основе которых лежит метонимический перенос *pars pro toto*, – лексемы, называющие часть животного – его лапку, хвост, ухо или даже зуб:

Hasenpfötchen ‘заячья лапка’, *Hasenöhrchen* ‘заячье ушко’, *Hasen-/Mausezähnen* ‘заячий / мышиный зубик’ и др. Трудно найти рациональное объяснение такому необычному выбору лексемы для называния любимого человека (как правило, женщины). Такого типа милые филонимы не имеют ничего общего со страстным эросом, в них проявляется исполненная нежности филия в сочетании с любовью-игрой людусом [7, р. 393]. Влюбленный мужчина рассматривает свою избранницу как объект защиты и заботы, маленькое беспомощное существо, вызывающее бесконечное умиление, при обращении к которому требуется крайняя диминутивность.

Наблюдения показывают, что при создании сложных филонимов проявляется весь творческий потенциал пользователей языка. Все вышеназванные семантические группы корневых филонимов легко «скрещиваются» между собой, образуя новые лексические единицы индивидуального использования, своего рода авторские неологизмы. Наиболее популярными определяющими компонентами в таких новообразованиях являются лексемы *Glücks-* ‘счастье’, *Herz-* ‘сердце / сердечный’, *Engels-* ‘ангел / ангельский’, *Gold-* ‘золото / золотой’, *Honig-* ‘мед / медовый’, *Liebes-* ‘любимый’. Они сочетаются с элементами из разных семантических групп, называющих части тела (*Engelshaar* ‘ангельский волос’, *Engelsauge* ‘ангельский глаз’, *Honigmäulchen* ‘медовый ротик’), обыденные предметы объективной реальности (*Goldstück* ‘золотой слиток’, *Goldfederchen* ‘золотое перышко’), названия кондитерских изделий (*Glückskeksen* ‘счастливая печенка’, *Honigkuchen* ‘медовый пирог’), названия животных (*Goldspatz* ‘золотой воробей’, *Engelmaus* ‘ангельская мышь’) и др. «Эмоциональный паводок», захлестывающий влюбленных, приводит к значительному увеличению эмоционально-оценочной «плотности» филонимов [8, с. 150]. Речь идет о некой конвергенции эмоционально-оценочных элементов в рамках одной лексической единицы, дублирующих друг друга, интенсифицирующих содержание филонима (*Herzgoldkirsche* ‘сердце + золото + вишня’, *Goldplätzelperlchen* ‘золото + печенка + жемчужинка’, что говорит о недостаточной «заряженности» любого элемента для адекватного выражения сиюминутной эмоции.

Отдельно следует сказать несколько слов о непостижимой для восприятия внешнего наблюдателя группе филонимов на основе слова, использующегося в «нормальной» жизни для стилистически маркированного (грубого) обозначения громких выделений газа кишечника: *Pup(s)* ‘пук’ с вариациями *Pupsi*, *Püpschen*, *Hasenpfurz* / *-pups* ‘заячий пук’. Первоначально эта лексема использовалась как филоним только по отношению к грудным детям, неспособным сознательно регулировать собственную физиологию. Далее произошел, очевидно, метонимический перенос – с действия, непроизвольно совершаемого младенцем, на самого младенца. На основе этого переноса возникла прочная когнитивная связь между словом и образом крепкого, пухлого розовощекого малыша (в этом значении слово было заимствовано русским языком, ср.: *пупс* (*пупсик*, *пупсенок*) – кукла в виде

маленького голого ребенка). Далее уже на основе этого нового значения происходит следующий этап в развитии семантики филонима *Pups* – метафорическое название любимого человека, представляемого существом, нуждающимся в заботе. В использовании такого странного варианта ласкательного имени в очередной раз проявляется факт «слепоты» любви: мозг влюбленного человека теряет способность к критическому анализу окружающей действительности. Он буквально все видит «через розовые очки» и очень эмоционально реагирует на все, что ему нравится, не замечая того, что в других ситуациях вызывает у него неприязнь или даже отвращение. Естественно, наиболее интенсивно это проявляется в том случае, если рядом с ним оказывается объект его обожания. Поэтому следует просто акцептировать наличие таких филонимов и удивиться фантазии и силе воображения влюбленных, для которых даже физиологические подробности деятельности организма получают определения с наивысшей степенью положительной оценки: *Honigpupserchen* ‘милый медовый пук’, *Schatzipupsi* ‘драгоценный пук’. Ведь важно, что такие слова выполняют свою главную – эмотивную – функцию и выражают ласку, нежность, симпатию по отношению к именуемому, а их внутренняя форма становится практически невостребованной (как и в филонимах, акцентирующих отрицательно оцениваемые «нормальными» людьми особенности внешности и характера: *Dickerchen* ‘толстячок’, *Flusspferd* ‘бегемот’).

В заключение следует сказать о группе филонимов, не поддающейся классификации, словах с индивидуальной историей. Степень оригинальности при придумывании индивидуальных филонимов различна и зависит от словотворческих способностей и умений именующего. Здесь встречаются как непроизводные слова, так и слова, образованные при помощи суффиксов или словосложения: *Schadibu*, *Schmüderli*, *Fui*, *Pip*, *Bobole*, *Nanu*, *Ladli*, *Mimeli*, *Sputz*, *Glogu*, *Knutschiwutschi*, *Knuddelmuddel* / *-wuddel*, *Knuffelpuffel*, *Utzibutzi* и т. п. Расшифровать эти слова невозможно, они бессмысленны. Данные лексические единицы возникают *ex nihilo* и являются, возможно, результатом сильного эмоционального возбуждения именующего, который не удовлетворяется сравнением любимого человека с милым животным, ангелом или золотым слитком. Вербальная любовь облекается в этом случае в форму некоторого ряда звуков, которое нам напоминает общение с детьми («сюсюканье»). Либо новое имя дается ситуативно с опорой на какой-то известный только влюбленным факт, остающийся тайной для окружающих. Примером такого тайного филонима могут служить: *Taf-Taf* – акроним восторженного *die tollste aller Frauen* ‘самая великолепная женщина’ или *LoWu* – аббревиатура филонима *Lockenwürmchen* ‘червячок с кудрями’.

Вышеизложенное показывает, что филонимы представляют собой специфический элемент частного языкового кода влюбленных, они являются символами любви и интимности. Основанием для их появления являются эротические переживания, связанные с сексуальным влечением, благожелательность и забота по отношению к партнеру, нежная романтичность и благоговение, восхищение и самозабвенное любование партнером. Являясь

своего рода золотыми ключами к миру, где существуют только двое и где все пропитано неповторимой атмосферой и уникальными ритуалами, филонимы облекаются в необыкновенно трогательные формы, понятные и приятные близкому человеку, но не имеющие ничего общего с логикой: любое слово, даже с самой негативной семантикой, сказанное с нежностью и придыханием, способно трансформировать свое значение в его полную противоположность: из оскорбления в ласкательное имя (ср. *Schwein* ‘свинья’ и *Schweinchen* ‘свинка’), «обескураживая» классическую теорию метафоры своей незакономерностью. При их создании используется все богатство словотворческого потенциала языка, приводятся в действие механизмы создания метафорических и метонимических образов, которые «украшаются» специфическими словообразовательными элементами и соединяются в многочисленные композиты для повышения степени эмоционального воздействия на адресата. Так, незелегантный на первый взгляд элемент словаря влюбленных («телячьи» нежности) в определенных коммуникативных условиях становится очаровательным, игривым и оригинальным.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Барт, Р.* Фрагменты речи влюбленного / Р. Барт. — М. : Ad Marginem, 1999. — 215 с.
2. *Эпштейн, М.* Любовные имена. Введение в эротонику / М. Эпштейн // Октябрь. — № 7. — 2006. — С. 153–173.
3. *Leisi, E.* Paarsprache. Linguistische Aspekte der Zweierbeziehung / A. Leisi. — Heidelberg : Quelle und Meyer, 1978. — 167 S.
4. *Schneider, M.* Liebe und Betrug : Die Sprachen des Verlangens / M. Schneider. — München/Wien : Carl Hansen, 1992. — 500 S.
5. *Апресян, Ю. Д.* Избранные труды / Ю. Д. Апресян. — М. : Языки слав. культуры, 1995. — Т. 2 : Интегральное описание языка и системная лексикография. — 767 с.
6. *Воркачев, С. Г.* Любовь как лингвокультурный концепт / С. Г. Воркачев. — М. : Гнозис, 2007. — 284 с.
7. *Hedrick, C.* A Theory and Method of Love / C. Hedrick, S. Hendrick // Journal of personality and social psychology. — 1986. — Vol. 30. — Nr. 2. — P. 392–402.
8. *Шаховский, В. И.* Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка / В. И. Шаховский. — Воронеж : ВГУ, 1987. — 192 с.

Нэлла Аркадьевна Трофимова

доктор филологических наук, доцент,
доцент кафедры немецкого языка
Санкт-Петербургского государственного университета;
профессор департамента иностранных языков
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»

Nella A. Trofimova

PhD, Associate Professor,
Associate Professor of the German Language;
at St. Petersburg State University; Professor of Foreign Language
Department at the National Research University
“Higher School of Economics”

Л. Г. Щербакова, Е. В. Ваценко
Минск, Беларусь

СПЕЦИФИКА ФРАЗОВЫХ УДАРЕНИЙ В РЕЧИ НА ИЗУЧАЕМОМ ВТОРОМ ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКЕ

Статья посвящена проблеме языковых контактов, двуязычия и многоязычия. В статье описываются и сопоставляются функции фразовых ударений, факторы, влияющие на степень выделенности ударных слогов во фразе, акустические признаки и воспринимаемые свойства выделенности в немецком и английском языках. Выявлены некоторые общие характеристики и различительные свойства фразовых ударений в данных языках для определения потенциальных областей интерференции в речи неносителей иностранных языков.

К л ю ч е в ы е с л о в а: языковые контакты; многоязычие; просодия; фразовые ударения; функции; факторы; акустические признаки; интерференция.

L. G. Stscherbakova, E. V. Vatsenko
Minsk, Republic of Belarus

THE SPECIFICS OF UTTERANCE STRESS IN THE SPEECH IN THE SECOND FOREIGN LANGUAGE UNDER STUDY

The article is concerned with the issues of the problem of language contacts, bilingualism and multilingualism. The article describes and compares the functions of utterance stresses, factors affecting the degree of emphasis of stressed syllables in an utterance, acoustic signs and perceived properties of emphasis in German and English. Some general characteristics and distinctive properties of utterance stresses in these languages are identified to study the potential areas of interference in the speech of non-native speakers of foreign languages

К e y w o r d s: language contacts; multilingualism; prosody; phrasal stresses; functions; factors; acoustic signs; interference.

Каждый язык по-своему уникален и имеет свои специфические особенности. В нем, как в зеркале, отражаются состояния и изменения современного общества. Научные исследования по вопросам языковых контактов в последние годы чрезвычайно актуальны. В связи с этим первостепенное значение приобретает изучение ситуации двуязычия. Исследованием этой проблемы занимались многие выдающиеся ученые: Л. В. Щерба, А. А. Реформатский, Н. С. Трубецкой, В. А. Виноградов, Л. Р. Зиндер, Л. В. Бондарко и др. Знание только родного языка или только одного иностранного языка несколько не обеспечивает решение задач, выдвигаемых интеграционными процессами современного мира.

Ситуация языковых контактов приводит к возникновению двуязычия (многоязычия), т. е. к владению двумя или более языками и их попеременному использованию в зависимости от условий речевого общения. Соответственно лица, постоянно пользующиеся двумя языками, считаются носителями двуязычия, двуязычными индивидами, или билингвами. При

этом двуязычие, или билингвизм рассматривается в литературе как феномен, простирающийся от элементарного знания контактного языка до полного и свободного владения им.

Понятия *двуязычие* и *многоязычие* определяются многими авторами как синонимичные. Однако в ряде лингвистических трудов отмечается, что понятие *многоязычие* шире по своей семантике и предполагает владение двумя и более языками. У. Вайнрайх утверждал, что настоящее многоязычие начинается только при изучении третьего современного языка, т. е. при изучении второго иностранного [1, с. 89–90].

В зависимости от степени владения изучаемым вторым иностранным языком различают минимальную и максимальную формы многоязычия. При минимальной форме многоязычия индивиды обладают фрагментарными языковыми знаниями (зачастую в виде определенных клише, устойчивых выражений, форм приветствия и т. д.). При максимальной форме многоязычия индивиды владеют одним или несколькими иностранными языками как родным языком.

При определении степени владения каждым изучаемым иностранным языком К.-Р. Бауш различает равномерную, или симметричную, доминантную, или асимметричную и семилингвальную формы многоязычия [2, S. 82–83]. При равномерной, или симметричной форме многоязычия индивиды владеют двумя языками в равной степени относительно всех коммуникативных аспектов. При доминантном, или асимметричном многоязычии владение одним языком доминирует над уровнем владения другим языком. Семилингвальная форма многоязычия характеризует индивидов, имеющих определенный дефицит языковых средств в качественном и количественном отношениях. Индивид обладает минимальным запасом знаний, необходимых для осуществления коммуникации в повседневной жизни на двух иностранных языках.

Изучение иностранных языков приобретает все более широкое распространение на современном этапе развития общества. Билингвизм, или двуязычие и многоязычие, как следует из буквального значения этих терминов, представляют собой особую форму языковых контактов, наличие и функционирование в пределах одного общества двух или нескольких языков, которые признаются на государственном уровне. Во многих странах мира два и даже три языка провозглашены государственными или национальными языками (например, Беларусь – белорусский и русский, Канада – французский и английский, Швейцария – немецкий, французский, итальянский и др.).

Исследование проблемы языковых контактов и двуязычия предполагает также изучение процесса интерференции, сущность которого лингвистически определяется взаимным приспособлением языковых систем обоих контактирующих языков. При изучении иностранных языков в сознании субъекта происходят изменения языковой картины мира, обусловленные взаимо-

влиянием языковых картин двух иностранных языков. Если в процессе обучения иностранным языкам не обращать специального внимания на различия в способах выражения мыслей, то иноязычный материал будет интерпретироваться с точки зрения языковой системы уже изученных языков.

Рассматривая научную литературу, нам удалось установить, что проявление межъязыковой интерференции в результате взаимодействия родного и иностранного языка исследовано в достаточной степени на материале различных национальных языков. Влиянием родного (белорусского) языка на изучаемый иностранный язык занимались на фонетическом уровне в Минском государственном лингвистическом университете А. А. Метлюк, Е. Б. Карневская, Т. В. Поплавская (английский язык), А. С. Селях, Н. С. Евчик (французский язык), Е. Т. Петрушенко, Л. Г. Щербакова, А. В. Сытько (немецкий язык).

Предметом нашего исследования является межъязыковая фонетическая интерференция при изучении двух иностранных языков (немецкого и английского), один из которых изучается как первый иностранный язык в рамках специального вузовского образования, а другой – как второй иностранный язык на факультетах немецкого и английского языков МГЛУ. Производство и восприятие речи на неродном языке «оказываются несогласованными по коду с системой данного языка. Речь, порождаемая на неродном языке даже при достаточно высоком уровне владения им, обычно не бывает фонетически строго выдержанной в соответствии с требованиями системы и нормы данного языка» [3, с. 15].

Несмотря на то, что немецкий и английский языки представляют одну группу языков и в обоих языках много общего, студентам достаточно сложно проводить аналогии и осознанно сопоставлять фонетические системы в связи с недостаточной иноязычной компетенцией. Фонетические системы иностранных языков могут успешно усваиваться при условии их обязательного сопоставления, выявления тождественных, сходных и различительных признаков как на сегментном, так и на просодическом уровнях языков.

В научных исследованиях, ставящих своей задачей изучение просодической интерференции, имеет место употребление понятий *ошибка* и *акцент*. Оба понятия обозначают неправильную реализацию просодических характеристик фразы (движения тона, ударения, паузации), которая может быть обусловлена при многоязычии как влиянием родного, так и первого иностранного языка. Ошибка носит неустойчивый характер и имеет место, как правило, на начальном этапе изучения иностранных языков. Ошибки, продиктованные различиями в просодических системах изучаемых языков, которые могут иметь место даже на заключительном этапе обучения в учреждении высшего образования при хорошем владении иностранным языком, определяются как проявление иноязычного акцента.

Проблема иноязычного акцента не случайно привлекает большое внимание со стороны лингвистов. Путь к преодолению иноязычного акцента

лежит через основательное изучение соответствий и расхождений в языковых системах, через анализ ошибок при производстве иноязычной речи, что и является на сегодня одной из главных целей при обучении иностранному языку.

Точка зрения отдельных авторов относительно того, что овладеть навыками правильной интонации можно только на практике, постоянно слушая и пытаясь точно воспроизводить иностранную речь носителей языка, является спорной. Теоретические знания о просодических особенностях иноязычной речи являются обязательным условием изучения иностранных языков. Необходимо начинать обучение иностранному языку с сопоставления особенностей просодических систем родного и изучаемого иностранного языка, а при изучении второго иностранного языка следует начинать с сопоставления просодических систем двух иностранных языков.

Сопоставительное изучение фразовых ударений в немецком и английском языках призвано, во-первых, выявить изоморфизм фразовой акцентуации в сравниваемых языках, т. е. совокупность одинаковых или схожих свойств, присущих фразовой акцентуации в каждом из данных языков, и, во-вторых, четко обозначить алломорфизм фразовой акцентуации в исследуемых языках, т. е. свойства, присущие каждому из языков в отдельности.

Изоморфизм немецкого и английского языков в отношении дистрибуции фразовых ударений проявляется при сопоставлении точек зрения авторов на функции фразовых ударений, факторы распределения фразовых акцентов, акустические признаки ударных слогов и их значений в зависимости от позиции во фразе.

Исследователи фразового ударения в немецком языке основными функциями называют: конститутивную (организующую), централизующую (главное ударение создает иерархию выделенных слогов во фразе) и сегментирующую (членение речи на более мелкие фонетические единицы) (С. М. Гайдучик); конститутивную (организующую) и коммуникативную (Е. В. Зарецкая). Организующая и централизующая функции фразового ударения заключаются в объединении компонентов фразы в единое целое, коммуникативная функция – в дифференциации слов в зависимости от их коммуникативной значимости во фразе, а сегментирующая функция выполняет задачу членения фразы на просодические единицы, входящие в ее состав.

Ученые, исследующие фразовое ударение в английском языке, определяют как основные функции также организующую (конститутивную) и прагматическую (коммуникационную). Другими функциями, представленными в работе исследователей фразовых ударений в английском языке, являются синтаксическая (определяет синтаксическую форму слова) и экспрессивная (эмоциональная) (Т. Н. Шевченко), а также ритмообразующая функция (Е. А. Буря).

Представляется, что некоторые различия при определении функций фразовых ударений обусловлены факторами, влияющими на распределение ударных слогов в данных языках. Большинство лингвистов, выявляя причины выделения слов во фразе, выдвигают семантический фактор на первое место. Двумя другими факторами, определяющими фразовые ударения, являются грамматическая структура предложения и его ритмическая организация. Если говорить о грамматическом факторе, то подчеркивается: грамматическая структура предложения в значительной степени зависит от его содержания, это свидетельствует о том, что семантический фактор является ведущим фактором, обуславливающим распределение фразовых ударений. Однако анализ акцентной структуры фразы показывает, что слово, входящее в состав фразы, может быть выделено ударением не столько в зависимости от его семантики, сколько от его коммуникативного значения в данной фразе.

Сопоставительное изучение распределения фразовых ударений в немецком и английском языках показывает, что фразовая акцентуация в данных языках определяется идентичными факторами: семантическим (локализация ядерного акцента), грамматическим (слабая выделенность служебных частей речи) и ритмическим. При этом действие грамматического фактора нейтрализуется под влиянием ритмической организации речи, т. к. носителями фразового ударения могут стать семантически незначимые слова, а полноточные слова – полностью безударными, если они не являются коммуникативно значимыми.

Исследователи фразовых ударений ставили своей задачей также определить участие просодических средств языка в выделенности слогов, воспринимаемых как ударные. При определении характера фразовых ударений обычно исходят из сложившегося в лингвистике представления о том, что фразовое ударение представляет собой относительно абстрактное свойство звуковой структуры, фонетический коррелят которой состоит из комплексного взаимодействия таких акустических параметров, как частота основного фона, амплитуда интенсивности и длительность. На перцептивном уровне этим параметрам соответствуют воспринимаемые свойства выделенных слогов: перепад тона, громкость и длительность. Некоторые фонетисты называют также признаком ударного слога изменения в формантной структуре звуков или тщательность артикуляции.

Основываясь на результатах последних экспериментально-фонетических исследований выделенности слогов в высказывании, можно утверждать, что выделенность может осуществляться одним, двумя или тремя акустическими параметрами в их различном сочетании, причем один из них определяется, как правило, главным акустическим признаком ударного слова как для его реализации, так и для восприятия в конкретном языке. Таким признаком для немецкого и английского языков является частота основного тона. При этом

необходимо подчеркнуть, что для восприятия выделенного слога как ударного важны не абсолютные, а относительные величины акустических параметров в выделенных слогах, т. к. эффект выделенности слога достигается не столько увеличением, сколько изменением воспринимаемых признаков по отношению к безударным слогам.

Наряду с главным акустическим признаком фразовых ударений – частотой основного тона – исследователи также называют и в немецком, и в английском языках интенсивность, длительность и тембр (Т. Фонадь, С. М. Гайдучик, О. Т. Козьмин, Е. А. Бурая, А. А. Метлюк, Т. А. Шевченко), причем отмечается, что высота голосового тона и длительность являются наиболее важными параметрами восприятия ударного слога в данных языках.

Значения акустических признаков различаются в зависимости от типов ударения и его локализации во фразе. Для начала фразы и в немецком, и в английском языках характерными являются тональный максимум и максимум интенсивности. Конец фразы отмечен тональным минимумом и минимумом интенсивности. Во фразах с постепенно нисходящей шкалой каждый ударный слог несколько ниже по сравнению с предыдущим, а безударные слоги (в идеале) находятся на одном уровне с ударными или немного ниже. Восприятие главноударного слога (ядерного ударения) объясняется позиционными факторами, т. к. эффект главного ударения создает резкое падение частоты основного тона в самом важном слове фразы. Нисходящий тон в данных языках более крутой и достигает самого низкого мелодического уровня, особенно по сравнению с родными языками обучающихся.

Таким образом, изоморфизм немецкого и английского языков в отношении дистрибуции фразовых ударений проявляется в следующем:

- основными функциями фразовых ударений являются организующая (конститутивная) и прагматическая (коммуникативная);
- фразовая акцентуация в данных языках определяется главным образом семантическим и ритмическим факторами;
- просодической единицей, состоящей из ударного слога и примыкающих к нему нескольких безударных слогов, является ритмический такт (ритмическая группа);
- главным акустическим признаком ударного слога выступает частота основного тона;
- начало фразы маркируется максимальными значениями частоты основного тона и интенсивности, конец фразы – минимальными.

Различительными свойствами акцентной структуры фразы в немецком и английском языках являются:

- 1) типы фразовых ударений: в немецком языке – ритмическое, синтагматическое и главное (в соответствии с позицией в просодических единицах), в английском – ядерное, полное и частичное (по смысловой значимости слов во фразе);

2) слоговой состав ритмических тактов (ритмических групп): в немецком языке наиболее частотными являются трех- и четырехслоговые ритмические такты, в английском языке – двухслоговые ритмические группы с ударением на втором слоге.

Как немецкие, так и английские ритмогруппы состоят из одного-четырех слогов, причем трех-четырёхсложные структуры являются типичными для немецкого языка, в английском языке встречаются реже остальных. Двусложные и односложные ритмические группы одинаково частотны в английском языке [4, с. 20]. Характеристикой акцентно-ритмической структуры английского языка являются, по мнению автора, двусложные структуры с ударением на втором слоге (например, односложные существительные с артиклем). Английская фраза характеризуется большой частотностью коротких ритмических групп и повторяемостью однотипных структур в пределах фразы. Так, в английском языке на каждые 100 слогов приходится 40 ударных.

При сопоставлении структуры фразовых ударений в американском и британском вариантах английского языка не было обнаружено существенных различий в функционировании основных типов фразовых ударений с точки зрения принципов локализации ядерных и неядерных ударений [5, с. 11]. Автор указывает на большое количество неядерных (частичных) ударений, следствием которого является большая плотность ударений в тексте. Одно ударение приходится на 1,3 безударных слогов, что обусловлено, по мнению автора, акцентуацией служебных слов.

К сожалению, в работах, посвященных исследованию акцентно-ритмической структуры немецкой фразы, нам не удалось найти конкретных данных о количественном соотношении ударных и безударных слогов во фразе. В результате проведенных нами аудитивных анализов немецкой речи было установлено, что количество ударных слогов на 100 слогов текста составляет примерно от 25 до 30 слогов.

Следовательно, можно предположить, что число ударных слогов в английских текстах может значительно превышать их количество в немецких текстах, реализованных носителями иностранных языков. Особенности акцентной структуры фразы в немецком и английском языках образуют сферу потенциальной просодической интерференции в условиях многоязычия при изучении второго иностранного языка, т. к. именно различия между системами создают области наиболее сильных интерферентных воздействий. Одной из задач нашего исследования является определение степени влияния первого иностранного языка на реализацию текстов на изучаемом втором иностранном языке в зависимости от ступени обучения в учреждении высшего образования и степени владения иностранными языками.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вайнрайх, У. Одноязычие и многоязычие / У. Вайнрайх // Новое в лингвистике. – Вып. 6. Языковые контакты. – М., 1972. – 89–93 с.

2. Bausch, K. R. Zwei- und Mehrsprachigkeit: Überblick / K. R. Bausch // Handbuch Fremdsprachenunterricht / S. Beyer // Fremdsprachen lehren und lernen. – Tübingen und Basel, 2003. – 585 S.
3. Любимова, Л. А. Фонетический аспект общения на неродном языке / Л. А. Любимова. – М., 1994. – 12–15 с.
4. Метлюк, А. А. Просодическая интерференция в иноязычной речи / А. А. Метлюк. – Минск, 1985. – 94 с.
5. Артемов, В. И. Структуры фразового ударения в американском и британском вариантах английского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / В. И. Артемов. – Минск, 1988. – 20 с.

Лариса Григорьевна Щербакова

кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры
фонетики и грамматики
Минского государственного лингвистического университета

Larissa G. Stscherbakova

PhD, Associate Professor, Associate Professor
of the Phonetic and Grammar of the German Language
at Minsk State Linguistic University

Екатерина Викторовна Ваценко

старший преподаватель кафедры международного бизнеса
Института бизнеса
Белорусского государственного университета

Ekaterina V. Vatsenko

Senior Lekturer of International Business at School of Business
of Belarusian State University

И. С. Юхнова

Нижний Новгород, Россия

ЛЕРМОНТОВСКИЙ «ПАРУС» В РУССКОМ КУЛЬТУРНОМ СОЗНАНИИ

Стихотворение Лермонтова «Парус» относится к эмблематическим текстам русской культуры и отличается высокой опознаваемостью. Образ, созданный в нем Лермонтовым, всегда воспринимался как емкий символ, а его интерпретации были обусловлены «духом» исторической эпохи. Первая строчка стихотворения – цитата из поэмы Бестужева. Именно по этой причине в стихотворении прочитывался декабристский пафос. В эпоху революционных преобразований «парус» ассоциировался с бунтарем-революционером, который идет против обстоятельств, стремится изменить мир. Во времена безвременья или застоя актуализируются мотив одиночества и пространственная неопределенность паруса. В настоящее время намечается новое понимание образа – парус как символ постоянного движения вперед, развития. Именно этот смысл считывают иностранцы. Характерно выразил доминанту данного образа китайский президент Си Цзиньпин: Лермонтов «повествует о твердой воле и упорной борьбе». Такое понимание больше отражает суть китайского национального характера, чем смысл стихотворения. Но этот пример – яркая иллюстрация того, что знаковый образ русской культуры актуален и для иной национальной традиции.

Ключевые слова: М. Ю. Лермонтов; «Парус»; «Белеет парус одинокий»; русская культура; бытование произведения.

LERMONTOV'S "SAIL" IN THE RUSSIAN CULTURAL CONSCIOUSNESS

Lermontov's poem "Sail" refers to the emblematic texts of Russian culture and is highly recognizable. The image created by Lermontov was always perceived as a capacious symbol, and its interpretations were determined by the "spirit" of the historical era. The first line of the poem is a quote from Bestuzhev's poem. It is for this reason that the Decembrist pathos could be read in the poem. In the era of revolutionary changes "sail" was associated with a revolutionary rebel who seeks to change the world. In times of timelessness or stagnation, the motive of loneliness and the spatial uncertainty of the sail are actualized. Currently, there is a new understanding of the image-the sail as a symbol of the unstoppable movement forward, development. This is the meaning read by foreigners. According to Xi Jinping, Lermontov "tells the story of strong will and persistent struggle". This example is a vivid illustration of the fact that the iconic image of Russian culture is also relevant for the foreign national tradition.

Key words: M. Yu. Lermontov; "Sail"; "White sail lonely"; Russian culture; existence of the work.

Стихотворение Лермонтова «Парус» – одно из самых известных его творений – относится к эмблематическим текстам русской культуры, т. е. к таким произведениям, которые через некий образ или словесную формулу выразили важные для русского национального сознания смыслы, аксиологически значимую идею.

Вместе с тем история этого стихотворения свидетельствует, что Лермонтов не придавал ему такого значения, которое оно получило у читателя в процессе бытования. Более того, он даже не включил его в единственный прижизненный сборник своих стихотворений, который вышел в октябре 1840 года. Как известно, поэт крайне тщательно отбирал для него свои произведения и включил в издание только 26 стихотворений и 2 поэмы; из ранней лирики туда попала одна «Русалка». Таким образом, сам поэт по каким-то причинам не счел возможным опубликовать «Парус» в итоговом издании. Возможно, для Лермонтова он был всего лишь юношеской пробой пера, «стихотворением на случай», которое родилось во время кардинальных перемен в его судьбе.

Впервые стихотворение появляется в письме к М. А. Лопухиной от 2 сентября 1832 г.: «Я поставил себе целью засыпать вас своими письмами и стихами; это не очень по-дружески и даже не человеколюбиво, но каждый должен следовать своему предназначению. Вот еще стихи, которые я сочинил на берегу моря...» [1, с. 372]. Далее следовал текст нового стихотворения. Таким образом, обстоятельства его появления, наличие адресата М. А. Лопухиной, которой оно «доверено», свидетельствуют о том, что стихотворение фиксирует ощущение внутренней неопределенности, которая возникает на жизненном перепутье поэта. Его судьба резко меняется: теперь не Москва и университет, а Петербург и школа гвардейских подпрапор-

щиков; не лекции профессоров, а команды офицеров; не жизнь в доме на Молчановке с любимой бабушкой, а казарма. Вот эта неизвестность и выражается в той пространственной неопределенности, которая появляется в стихотворении. Белеющий вдали парус – это проекция на свое внутреннее состояние, а вопросы – попытка словесно оформить то, что тревожит и мучает поэта.

Стихотворение возникло, по свидетельству самого Лермонтова, «на берегу моря», во время его первых учений, которые проходили в Царском Селе. Есть даже более точная локация – у дворца Монплеизр. Там действительно открываются невероятные морские просторы. Это состояние собственной замкнутости на фоне морской беспредельности как раз и рождает внутренний порыв к движению, действию.

Необходимо обратить внимание на еще один момент – в этом стихотворении, хоть и на периферии, осязимо пророчески-провидческое понимание своей будущей судьбы как судьбы скитальца. Этот мотив не нов у Лермонтова. Например, в стихотворении «1831 июня 11 дня» есть предвидение, которое поражает всех читателей этого юношеского текста: «Я предузнал мой жребий, мой конец, // И грусти ранняя на мне печать; // И как я мучусь, знает лишь творец; // Но равнодушный мир не должен знать. // И не забыт умру я. Смерть моя // Ужасна будет; чуждые края // Ей удивятся, а в родной стране // Все проклянут и память обо мне».

Таким образом, стихотворение «Белеет парус одинокий» имело глубоко личный подтекст и выразило то настроение, в котором Лермонтов пребывал в первые месяцы своей петербургской жизни. Оно передало и его первые впечатления от встречи с морем. Может, в силу этой биографичности поэт не осознавал того смыслового потенциала, который заключался в стихотворении.

Широкая публика смогла впервые прочитать «Парус» в томе XVIII (№ 10) журнала «Отечественные записки» за 1841 год; затем это произведение было включено во второе издание стихотворений Лермонтова, которое вышло в свет в 1842 году, его отметил В. Г. Белинский, причем в характерном контексте. Критик оценивал издание стихотворений поэта, трагически покинувшего мир, потому поставил вопрос о необходимости целостного восприятия творчества Лермонтова. Он так и написал: «...неожиданная и преждевременная смерть поэта дала совсем другой оборот делу, и издатели его стихотворений не должны были, скажем более, не имели права не собрать и не сделать известным публике всего написанного Лермонтовым, всего, что только могли они отыскать. Они заслуживают благодарность со стороны публики, что поместили в изданное ими собрание стихотворений Лермонтова и такие пьесы, как: *Хаджи Абрек*, *Казначейша*, *Сосна*, *Парус*, *Желание*, *Графине Расстончиной*, *Ангел*, *М. П. Соломирской*, *В альбом автору «Курдюковой»*, *Два Великана*, *Ты помнишь ли, как мы с тобою*, и драму *Маскарад*; **сам поэт никогда бы не напечатал их** [выделено нами. – И. Ю.],

но они, тем не менее, драгоценны для почитателей его таланта, ибо он и на них не мог не наложить печати своего духа, и в них нельзя не увидеть его мощного, крепкого таланта: так везде видны следы льва, где бы ни прошел он» [2, с. 212]. Как следует из этого высказывания, Белинский не увидел в «Парусе» ничего самобытного и уникального. В его восприятии это типичное юношеское произведение, не выбивающееся из ряда ученических сочинений.

Однако после этих публикаций «Парус» почти сразу же вошел в программы гимназий, учебные хрестоматии (в частности, произведение было включено в хрестоматию Галахова, самую издаваемую и распространенную в России). Данное стихотворение стало одним из любимых. Известно признание Н. А. Некрасова о том, что в юности «Белеет парус одинокий...» было его любимым стихотворением (он писал об этом в своем дневнике 16 июня 1877 года). Как замечает И. А. Битюгова, Некрасова «...особенно привлекали мятежность, неуспокоенность в сочетании с идеалом высокой “гармонии”, “грация скорби”» [3, с. 338–339].

Сохранилось воспоминание студентов Московского университета о том, что «Парус» был «любимым стихотворением из всей мировой литературы» их любимого профессора – философа Г. Г. Шпета. Примечательно, что признание Г. Г. Шпета поразило студентов, т. к. «Парус», включенный в программу младших классов гимназий, они воспринимали как «детское» стихотворение. В связи с этим уместно вспомнить, что герой повести В. Катаева «Белеет парус одинокий» Петя Бачей читает это стихотворение на вступительных испытаниях в гимназию, а строчки лермонтовского произведения не раз возникают в его сознании, когда он видит море.

Таким образом, в массовом восприятии «Парус» однозначно является одним из шедевров лермонтовской лирики, художественная ценность которого не требует доказательств. Подтверждением тому является, например, следующее мнение Г. А. Мейера в статье «Фаталист. К 150-летию со дня рождения М. Ю. Лермонтова»: «И скоро минет сто лет, как недобросовестные и невежественные люди, пользуясь расточительностью поэта, помещают рядом с “Ангелом” и “Парусом” его беспомощные ученические опыты...» [4, с. 885]. То есть «Парус» для Н. А. Мейера – это эталонный лермонтовский текст. Само же правило издавать в том числе юношеские стихотворения Лермонтова наряду с его шедеврами он воспринимает как глубоко неверное, порочное. Г. А. Мейер сетует, что «с Лермонтова, или точнее – с посмертных изданий его сочинений, начался у нас резкий упадок стихотворной культуры» [4, с. 886], потому что последующая русская лирика выросла на образцах незрелых лермонтовских стихотворений, т. к. «стихи Лермонтова, по преимуществу самые слабые, приобрели всероссийскую популярность» [Там же]. Таким образом, Г. А. Мейер опосредованно вступает в полемику с В. Г. Белинским о том, стоит ли делать достоянием широкой публики незрелые опыты поэтов (см. приведенное ранее мнение критика).

Какие особенности «Паруса» повлияли на то, что он так прочно вошел в разряд самых известных и любимых произведений русской культуры?

Прежде всего простота, лаконичность, яркость образа. Даже если человек ни разу не видел моря, его образ мгновенно возникает в воображении именно в лермонтовском варианте, при реальной встрече с морем каждый его беспредельность ассоциирует с парусом. Оказывает влияние и тот факт, что в стихотворении возникает не просто картинка (план изображения), но и рефлексия, которая обнаруживает сложность как внутреннего мира того, кто слился с беспредельностью морской стихии, так и отношений человека с бытием в целом (медитативный план). К тому времени, когда появилось лермонтовское стихотворение, в русской литературе сформировалось восприятие моря как емкого образа жизненной стихии. В этот общекультурный контекст сразу же и оказался включенным «Парус».

Кроме того, это стихотворение, так скажем, стало рубежным и с точки зрения поиска Лермонтовым новых художественных форм. По сути, оно показывало, по какому пути пойдет эволюция Лермонтова-лирика. Как заметил В. Э. Вацуро, «1832–1834 годы проводит в стенах Школы гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров. Малопродуктивные в творческом отношении, эти годы были важны, однако, для внутренней эволюции Лермонтова; уже к 1832 г. “лирическое неистовство” двух предшествующих лет идет на спад и начинается постепенное возвращение к лиро-эпическим формам, но уже на новой основе. Стихи 1832 г. – уже не лирический дневник; объективное начало в них опосредованно, а круг жизненных впечатлений и образных средств шире. “Парус” написан именно в 1832 г...» [5, с. 363]. А. И. Журавлева указывает еще на одно важное художественное открытие Лермонтова в этом стихотворении – аллегоричность в нем «преображена в символику» [6, с. 38]. Строение этого образа-символа раскрывали не раз, мы сошлемся на разъяснение Э. Э. Найдича: «Сравнение превратилось в символ, отражающий духовный мир. И этот символ стал не просто знаком, не просто удачным выражением какого-то качества или свойства личности, настроения, а образом разворачивающимся, вобравшим само движение мысли, “диалектику души”» [7, с. 129].

Характерно, как менялась трактовка этого образа-символа.

Прежде всего в нем находили выражение свободолюбивые революционные настроения, при этом акцент делался на образе бури, которая воспринималась как бунт, протест против тирании и несвободы, а «парус» ассоциировался с бунтарем-революционером, который идет против обстоятельств, стремится изменить мир. В этом отношении стихотворение воспринималось как текст-предшественник «Песни о буревестнике» М. Горького [8].

Прочитывался в стихотворении и декабристский пафос, т. к. его первая строка «совпадает со стихом 19 строфы XV главы I поэмы А. А. Бестужева-Марлинского “Андрей, князь Переяславский”. Первая глава этой поэмы вышла отдельным изданием (анонимно) в Москве в 1828 году, а в 1832 году стало известно имя автора» [9, с. 323–324]. Именно поэтому В. М. Маркович воспринял стихотворение как политический выпад, ведь цитата словно ука-

зывала на поэта-декабриста, тем самым напоминала о восстании 1825 года [10]. Однако сам Лермонтов воспринимал эту строку как свою, и родилась она у него не сразу (первоначально она звучала как «Белеет парус одиночный»).

Во времена безвременья или застоя в трактовке стихотворения актуализировались мотив одиночества и пространственная неопределенность паруса. Показательной в этом отношении является вариация лермонтовского «Паруса», осуществленная К. Фофановым в стихотворении «Я сказки медленней пишу...». Подробный анализ этого стихотворения принадлежит Т. В. Ковалевой и М. Ю. Мишиной, которые пришли к такому выводу: «Если мятежность у Лермонтова имеет целью обретение внутренней свободы, жажду активной, деятельной жизни, то основные характеристики героя К. М. Фофанова разочарованность, усталость, подавленность. Его страдания носят ярко выраженный личностный характер: сосредоточенность на себе полностью исключает интерес к миру» [11, с. 189].

Появляется в русской лирике и образ «порванного» паруса, т. е. уже пережившего бури, но не сдавшегося под натиском стихии (см., например, «стихотворение-беспокойство» В. Высоцкого «Парус»).

В настоящее время намечается новое понимание лермонтовского образа – его включают в контекст христианской традиции. Такое прочтение осуществила И. А. Киселева. Она указала, что стихотворение «обладает “характерной для романтизма религиозно-мистической аурой”» [12, с. 40] и рассмотрела его ключевые образы в аспекте христианской символики (в частности образ церкви-корабля, что позволило воспринять плавание на корабле как «метафору богопознания» [Там же, с. 41]). Подобный ракурс восприятия «Паруса» сделал закономерным следующий вывод: «...М. Ю. Лермонтов интуитивно подошёл к идее о том, что свобода и покой – неразрывные сочетания. Буря – это тоже вариант проявления свободы, так как она есть образ свободы в этом мире, а в духовном опыте религиозной культуры символизирует пограничную черту, соединяющую мир земной и мир небесный. <...> Пейзажное стихотворение М. Ю. Лермонтова «Парус» и являет собой свидетельство реальности духовного мира, и открывает вдумчивому читателю живую жизнь бессмертной человеческой души» [13, с. 123–124].

Лермонтовский «Парус» стал символом непрерывного движения вперед, развития. Именно этот смысл воспринимают иностранцы. Доминанту данного образа выразил китайский президент Си Цзиньпин: Лермонтов «повествует о твердой воле и упорной борьбе». Безусловно, такое понимание в большей степени отражает суть китайского национального характера, чем смысл стихотворения. Но этот пример – яркое свидетельство того, что знаковый образ русской культуры актуален и для иной национальной традиции.

Таким образом, каждая эпоха по-своему интерпретирует лермонтовское стихотворение, которое оказывается созвучным революционно-мятежным

настроениям, во времена застоя и безвременья напоминает о «буре» и внутренней потребности действия и движения. Образ-символ, созданный на контрастах и антиномиях, позволяет выявлять в нем новые смыслы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Лермонтов, М. Ю.* Письмо Лопухиной М. А. «2 сентября 1832 г. Из Петербурга в Москву» / М. Ю. Лермонтов // Собр. соч. : в 4 т. – Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1981. – Т. 4. – С. 370–373.
2. *Белинский, В. Г.* Стихотворения М. Лермонтова / В. Г. Белинский. // М. Ю. Лермонтов: Статьи и рецензии. – Л. : ОГИЗ : Гос. изд-во худ. лит., 1941. – С. 211–214.
3. *Битюгова, И. А.* Некрасов / И. А. Битюгова // Лермонтовская энцикл. – М. : Сов. энцикл., 1981. – С. 338–339.
4. *Мейер, Г. А.* Фаталист (К 150-летию со дня рождения М. Ю. Лермонтова) / Г. А. Мейер // М. Ю. Лермонтов : pro et contra. – СПб. : Изд-во Рус. христиан. гуманитар. ин-та, 2002. – С. 884–899.
5. *Вацуро, В. Э.* Лермонтов / В. Э. Вацуро // История всемирной литературы : в 9 т. – М. : Наука, 1989. – Т. 6. – С. 360–369.
6. *Журавлева, А. И.* Творчество М. Ю. Лермонтова / А. И. Журавлева, В. Н. Турбин. – М. : Изд-во МГУ им. М. В. Ломоносова, 1967. – 44 с.
7. *Найдич, Э. Э.* М. Лермонтов. Парус / Э. Э. Найдич // Поэтический строй русской лирики. – М. : Наука, 1973. – С. 122–34.
8. *Михайлова, Е. Н.* Идея личности у Лермонтова и особенности ее художественного воплощения / Е. Н. Мизайлова // Жизнь и творчество М. Ю. Лермонтова: Исследования и материалы : сб. первый. – М. : ОГИЗ ; Гос. изд-во худ. лит., 1941. – С. 125–162.
9. *Голованова, Т. П.* Примечания / Т. Н. Голованова, Г. А. Лапкина, А. Н. Михайлова // М. Ю. Лермонтов // Соч. : в 6 т. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1954. – Т. 1. – С. 323–324.
10. *Маркович, В. М.* Стихотворение М. Ю. Лермонтова «Парус» / В. М. Маркович // Анализ одного стихотворения. – Л. : ЛГУ, 1985. – С. 122–132.
11. *Ковалева, Т. В.* Стихотворение М. Ю. Лермонтова «Парус» и интерпретация его мотивов в лирике К. М. Фофанова / В. М. Маркович, М. Ю. Мишина // Учен. зап. Орлов. гос. ун-та. Сер. Гуманит. и социал. науки. – 2012. – № 4 (48). – С. 184–191.
12. *Киселева, И. А.* Стихотворение М. Ю. Лермонтова «Парус» : поэзия духовной перспективы / И. А. Киселева // Литературовед. журн. – 2005. – № 20. – С. 40–48.
13. *Киселева, И. А.* Принцип и смысл обратной перспективы в стихотворении М. Ю. Лермонтова «Парус» (1832) / И. А. Киселева // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Сер. Рус. филология. – 2016. – № 4. – С. 120–126.

Ирина Сергеевна Юхнова

доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры
русской литературы Национального исследовательского
Нижегородского государственного университета
им. Н. И. Лобачевского

Irina S. Yukhnova

Doctor of Philology, Professor of the Russian Literature
at Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	3
<i>Абдулганеева И. И.</i> Межъязыковая словообразовательная лакунарность (на материале русского и немецкого языков)	4
<i>Aleksieva O. M.</i> Peculiarities of Modern English Realia Translation (a Study Based on TV Series “Sherlock” by BBC)	10
<i>Балабан Е. А.</i> Универсальные процессы изменений в лексическом значении слов	19
<i>Барашева Д. Е.</i> Общие и специальные принципы когнитивно-дискурсивной регуляции межкультурной научной коммуникации	26
<i>Бижкенова А. Е.</i> Жизнь и культура народа Великой степи в книге Макса Кучинского «Степь и человек»	34
<i>Биюмена А. А.</i> Искусство как сфера-источник прецедентного знания в массовой культуре	41
<i>Бузинова Л. М.</i> Особенности национальной идентичности: русскость и немецкость	48
<i>Бурдыка М. Я.</i> Специфіка перекладу статутних документаў	55
<i>Быкова О. И.</i> Идиотичность многозначных художественных онимов.....	59
<i>Вайнорене И. П.</i> Каузальная доминанта «эффект» в украинской языковой картине мира	65
<i>Гапанович Е. А.</i> Референциальные возможности номинаций коллективного субъекта в белорусском и французском языках	71
<i>Григорьев Е. И.</i> Просодия и концепт речевого акта	78
<i>Дардыкова Н. В.</i> Грамматикализованность фазовых глагольных конструкций в русском, английском и турецком языках	86
<i>Дмитриева И. В.</i> Когнитивная функция английского артикля	95
<i>Добрик Зденко.</i> Языковая картина переименования улицы в честь Макса Брöße в городе Приевидза в словацких СМИ.....	101
<i>Зелезинская Н. С.</i> Шекспировская картина мира сквозь призму мотива самоубийства.....	108
<i>Зуева Н. М.</i> Мастацкае асэнсаванне нацыянальнага менталітэту ў «Творах з-за крат» Лукаша Калюгі	114
<i>Зуевская Е. В.</i> Специфика выражения предположения в русском и немецком языке и возникающие сложности при переводе	120
<i>Каравай Л. Ф.</i> Структурно-языковая сложность коммуникации политических деятелей	127
<i>Кондракова С. В.</i> Специфика функциональной реализации причастных универбов (на материале современного немецкого языка).....	134
<i>Кохнович Т. К.</i> Функционирование молчания в речевом общении (в произведениях Э. Кестнера).....	142
<i>Крот Л. Г.</i> Категория мотивированности сквозь призму универсального и национального	148

<i>Лобанова Т. Н.</i> Языковая картина мира в китайских медиа (на примере анализа выпусков канала «CCTV中文国际» по внешнеполитической проблематике 2018–2019 гг.)	155
<i>Миронова М. Ю., Киселёва С. В.</i> Семантическая дифференциация инвестиционных терминов английского языка.....	164
<i>Наседкина Н. И.</i> Не при детях будет сказано: коммуникативные табу в диалогах участников интернет-сообществ	171
<i>Неборская Л. Н.</i> Структурно-функциональные и языковые особенности гороскопа как типа текста (на материале гороскопов XV и XVII вв.)	177
<i>Панова И. И.</i> Степень маркированности национальных вариантов английского языка в просодии разных стилей речи	184
<i>Петухова Т. И.</i> Картина мира художника и язык эмоций в романе Луизы Пенни «The Long Way Home».....	191
<i>Рымкевич О. Е.</i> Семантика модального смыслового компонента в публицистическом тексте современного немецкого языка	197
<i>Савельева И. В.</i> Кузбасский горнолыжный курорт Шерегеш: образ туристического объекта в русской и английской лингвокультурах....	204
<i>Сивова Т. В.</i> Немецкий культурный код в языковой картине мира К. Г. Паустовского.....	213
<i>Солонович Л. В.</i> Структурно-семантические характеристики префиксальных глагольных дериватов (на материале базовых глаголов зрительного восприятия)	220
<i>Сытько А. В.</i> Корреляции модального источника с я- и мы-агентом при передаче необходимости в политической речи (на материале немецкого и русского языков).....	227
<i>Трофимова Н. А.</i> Немецкие филонимы: универсальное и культурно-специфичное	233
<i>Щербакова Л. Г., Ваценко Е. В.</i> Специфика фразовых ударений в речи на изучаемом втором иностранном языке	241
<i>Юхнова И. С.</i> Лермонтовский «Парус» в русском культурном сознании	248

Научное издание

**УНИВЕРСАЛЬНОЕ И НАЦИОНАЛЬНОЕ
В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА**

Сборник научных статей
по итогам IV Международной научной конференции

Минск, 24–26 октября 2019 г.

В двух томах

Том 2

Ответственный за выпуск *Р. Ф. Сахарова*

Редактор *Е. И. Ковалёва*
Компьютерная верстка *Т. С. Соловьевой*